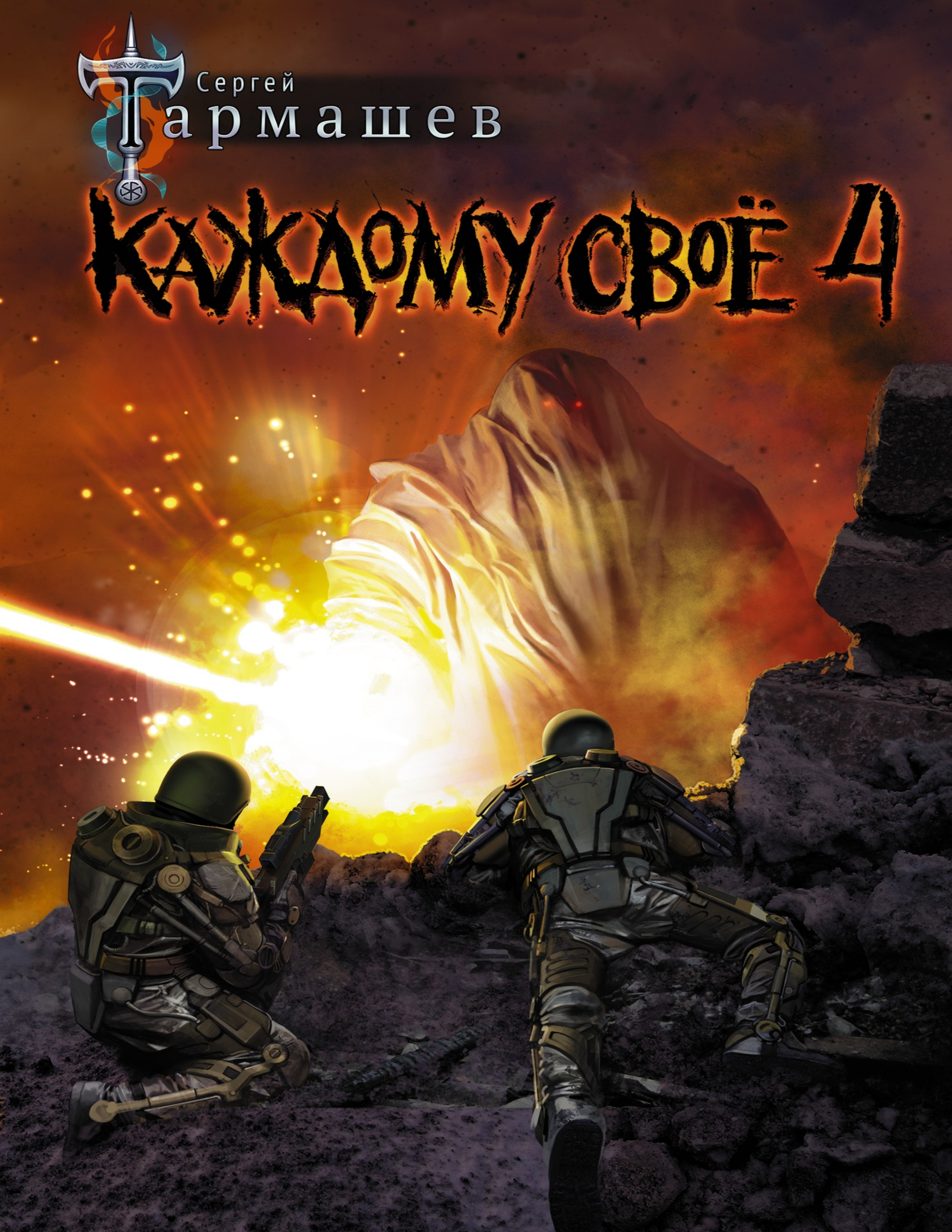

Сергей
Тармашев
Каждому своё 4

Сергей
Тармашев
Каждому своё 4

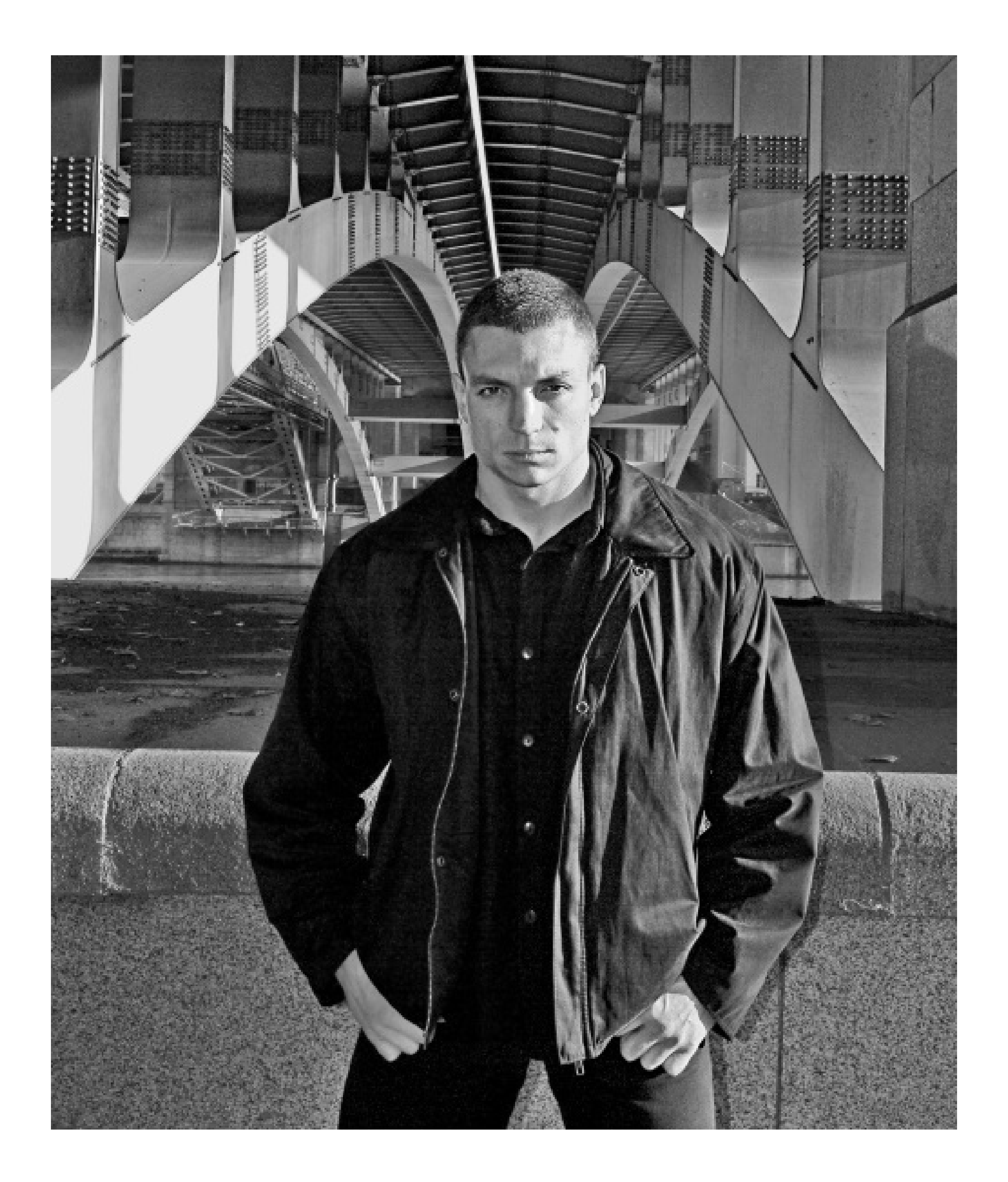

Сергей Тармашев

Каждому своё 4

Фотография автора – *Татьяна Либерман*
Художник – *Николай Ковалёв*

Сто десятый день после всемирной катастрофы, радиоактивные пустоши, 500 километров от «Подземстроя-1», 01.50, время московское.

Повисший за иллюминатором пылевой мрак был практически непроницаем, и Антон едва улавливал где-то впереди слабый мутный отсвет ходовых прожекторов. Колонна больше часа ползает кругами по бесконечной пустоши из черного снега в поисках входа в бункер, из которого в свое время выползла военная хунта Брилёва. До стандартного начала интоксикации оставалось сорок минут, и с каждым

пройденным километром тревога в душе Овечкина становилась все сильнее. Радиоактивная свалка, погребенная под метровым слоем зольного снега, четыре месяца назад являлась окраинами Звездного Городка, по которому было нанесено несколько мощных ядерных ударов. Здесь каждый сантиметр пространства пронизан смертельной радиацией в прямом смысле этого понятия, и с каждой неделей ее уровень растет, потому что ураганы приносят еще больше радиоактивной пыли из того, что раньше было Москвой.

Встроенный в ставший ненавистным устаревший скафандр МЧС счетчик Гейгера показывал уровень радиации в восемьсот рентген в час, и это внутри вездехода, имеющего антирадиационную защиту! Что творится за бортом, Антон мог только гадать, потому что едва колонна останавливалась для проверки местности и военные выходили наружу, фон мгновенно зашкаливал, и показания дозиметра застывали на леденящей душу отметке в девятьсот девяносто девять рентген в час. Овечкин не винил того, кто проектировал скафандр, за трехзначность дисплея счетчика Гейгера. Тот человек явно не был военным и потому даже представить не мог, что кто-то может оказаться в условиях зашкаливающей радиации в столь слабой защите, совершенно не предназначенной для этого. Но самому Антону от этого не легче. Пока люк вездехода открыт, ему приходится облучаться, и пропавшее после лечения першение в легких вновь дало о себе знать. Сухой полусудорожный кашель вернулся, и, хотя нападал он пока еще редко, Овечкин вновь испытывал вполне обоснованный страх за собственное здоровье.

А тут еще эти идиотские поиски уничтоженного бункера! За прошедший час колонна останавливалась трижды, каждый раз Порфирьев вместе с солдатами выходил наружу, и они несколько минут копались в черном снегу, исчезая в нем по пояс и на каждом шагу спотыкаясь в погребенных под ним обугленных обломках. Обнаружить вход в бункер не удавалось, и колонна двигалась дальше, до следующей остановки. Не приходилось сомневаться, что поиски военными ведутся по большей части наугад. Но это их совершенно не смущает. Антирадиационная защита у военных гораздо лучше, но в таких реалиях

это все равно не спасет, и безмозглое пренебрежение вояками собственной безопасностью лишний раз доказывает правоту Антона: все военные полностью деревянные. Особенно мозг. Он не спорит – солярка «Центру» нужна, ее наличие серьезно облегчит решение вопросов наземного строительства, но не любой же ценой! Мертвым не нужны ни внешние ангары, ни внутренние биофермы!

Колонна вновь остановилась, и в заполненном помехами эфире зашипел капитанский рык:

– Десанту к машине! Моя подгруппа ищет левее десять! Хам, ты работаешь правее пять! Ищем десять минут и по машинам!

Облаченные в экзокорсеты военные распахнули люк и полезли наружу, неуклюже переступая через лежащего на полу пленного. Тот до сих пор не пришел в сознание, и Антон серьезно опасался, что пленный сделает это после того, как всех скрутит интоксикацией. Если все произойдет именно так, то враг может воспользоваться беспомощностью страдающих людей и убить кого-нибудь или даже всех, если ему удастся развязаться. Спрашивается, чем думал Порфирьев, когда вкалывал пленному столь сильный транквилизатор, даже не поинтересовавшись наличием антидота от оного? Ответ прост: ничем! Нацик-мизантроп не обременял себя столь далеко идущими перспективами. Зачем? Главное, что он может использовать свое физическое превосходство над кем-то прямо здесь и сейчас, а остальное неважно. Наверняка и поиски уничтоженного бункера буратины в погонах ведут по точно такому же принципу: они могут копошиться в радиоактивной грязи прямо сейчас, так почему бы нет? А что будет потом – потом и будем разбираться.

Особенно раздражало то, что эта безмозглая решимость оказалась заразной. Грузчики-добровольцы, являющиеся гражданскими людьми, должны, по идее, иметь больше мозгов по определению. Но и они верили в абсолютную непогрешимость парочки Порфирьев – Снегирёва, пребывая в полнейшей убежденности, что если Варяг решил копаться в ледяной радиоактивной грязи, значит, это априори безошибочно, а от остального их излечит Снежная Королева. Они оба-де знают, что делают, и с ними не пропадешь. Овечкин тяжело вздохнул. Если одна интоксикация, проведенная в мучениях посреди заблеванной

спецпалатки, ничему людей не научила, то это их проблемы. Но это не значит, что он, инженер-механик, редчайший специалист, должен страдать вместе со всем безмозглым стадом! Он должен любой ценой перестать ходить в экспедиции, пока все не завершилось гибелью! Но из-за этих идиотских ФСБ-шников, захвативших склады, все усложнилось еще сильней!

А тут еще эта дурацкая солярка! Если вход в уничтоженный бункер удастся найти, можно лишь гадать, чем все это обернется. Воякам наверняка захочется послать внутрь Овечкина, и он запросто может не вернуться оттуда живым! Кто знает, что творится внутри брилёвского логова сейчас? В любом случае ничего хорошего. Бункер был уничтожен ядерным ударом, глупо ожидать, что условия в том, что от него осталось, будут выгодно отличаться от условий в любом другом эпицентре термоядерного взрыва. Остается надеяться, что Порфирьев не сможет отыскать вход, раз не нашел его сразу. Мегамозги Миронова утверждали, что фиксировали маршрут от КП-дублера до «Подземстроя-1», но, судя по текущим реалиям, какие-то ошибки ими все-таки были допущены, раз асоциальный брутал до сих пор не смог разыскать бункер.

Это радовало Антона вдвойне: во-первых, не придется лезть в очаг смертельной опасности. Во-вторых, супер-пупер-вундеркинды Миронова все-таки облажались. Они, конечно, будут это отрицать, приведут надуманные, зато эффектные отговорки, но он-то знает, как все обстоит на самом деле! Овечкин скосил глаза на хронометр. Сорок минут до интоксикации. Это последняя попытка поиска. Еще пара минут, и военные вернутся ни с чем. После этого времени останется лишь на то, чтобы найти место для базы подальше отсюда и развернуть спецпалатку.

– Хам, что у тебя? – рычание Порфирьева было едва слышно в густых помехах, видимо, асоциальный капитан увлекся поисками и отошел довольно далеко от вездехода.

– Ничего! – Ответ лейтенанта прозвучал столь же невнятно, и Антон понял, что проблема не в расстоянии, а в увеличившимся уровне и без того запредельной радиации. Слишком высокая ионизация местности затрудняет радиосвязь.

– Сворачиваемся! – приказал Порфирьев. – Пора искать место для базы. Всем к машине!

Лейтенант подтвердил прием, и Антон невольно расслабился. Хотя бы с этим повезло.

– Опять не нашли, – негромко произнес кто-то из грузчиков опечаленным тоном. – Хреново. Нам нужна эта солярка, особенно сейчас, когда вероятный противник занял склады с продовольствием.

– Какая между этим связь? – Овечкин с трудом скрыл иронию.

– Имея солярку, мы могли бы реанимировать БМП, которые стоят возле Центра, и выбить ФСБ-шников из Росрезерва, – объяснил тот. – Я слышал, как военные обсуждали это между собой.

– Вы уверены? – Антон опешил. – Насколько я знаю, у тех боевых машин нет снарядов. Они бесполезны. Тем более что противник имеет Лазерную Самоходную Установку. Это очень мощное оружие, если они используют ее против БМП, у последних нет шансов!

– Знаю, – подтвердил грузчик. – Но, насколько я понял, военные не собирались вступать в бой без снарядов. Они планируют выманить ЛСУ в пустоши, противник ведь не в курсе, что нашим БМП нечем стрелять. Пока ЛСУ будет преследовать БМП, мы сможем напасть на склады и отбить их.

– Хорошая идея, – одобрил кто-то еще. – Контролируя запасы продовольствия, мы можем диктовать условия. А ЛСУ можно заманить в волчью яму, например. Когда она будет возвращаться! Радиосвязь у них пропадет быстро, они даже не узнают, что мы захватили склады!

Добровольцы принялись обсуждать план военных, и похолодевший Овечкин с трудом перевел дух. Так вот оно что! Вояки собираются использовать БМП! Значит, от поисков уничтоженного бункера с соляркой они не откажутся в любом случае, и экспедиция в эпицентр подземного ядерного взрыва неминуема. И пошлют туда конечно же его, Антона Овечкина! От осознания нависшей смертельной угрозы невольно сперло дыхание, это немедленно отозвалось приступом першения в легких, и Антон закашлялся. Неужели Порфирьев вместе с остальными вояками планирует искать уничтоженный бункер на следующем цикле антирада, вместо того чтобы возвращаться в Центр? Наверняка так и

есть! Смысл возвращаться туда с пустыми руками! Теперь, когда Росрезерв захвачен ФСБ-шниками, с точки зрения вояк, иного способа разрешить конфликт, кроме кровопролития, не осталось! И он, Овечкин, рискует погибнуть в поисках этой идиотской солярки!

Громкий крик в ближнем эфире прорвался через пелену помех, заставляя вздрогнуть всех сидящих внутри вездехода. В эфире зазвучали плохо различимые голоса военных, и грузчики испуганно приникли к иллюминаторам.

– Что случилось? – Антон едва сдерживал охватывающую его панику. – Что вы видите? Там роботы?

Он в ужасе понял, что в случае нападения роботов-убийц он, сидя в своем углу, сможет выбраться из вездехода только самым последним, и рванулся к выходу:

– Нужно покинуть вездеход, они будут осматривать технику в поисках людей!

– Команды покидать машину не было… – неуверенно заявил ближайший к нему доброволец, не двигаясь с места и тем самым не позволяя пройти дальше. – Мы должны ждать указаний от Варяга или Хама…

– А если они уже мертвы?! – воскликнул Овечкин, но рычание Порфирьева в эфире заставило его умолкнуть.

– Роботы просили передать, что убьют Овечкина в другой раз! – злобно протрещал помехами капитан. – Кто там ближе к Овену, сообщите ему и проследите, чтобы не ломился наружу. Потому что искать его у нас не будет времени, тридцать пять минут до интоксикации!

– Мы слышали крик! – поспешил оправдаться Антон, недовольно скользя взглядом по ухмыляющимся грузчикам. – Это мог быть сигнал об опасности!

– Это был сигнал о том, что Хам нашел вход в КП-дублер, – прорычал Порфирьев. – Хам, ты там как, живой?

В ответ раздалось шипение помех, в котором Овечкин не смог разобрать ни слова. Но, похоже, Порфирьев находился гораздо ближе к лейтенанту и слышал его достаточно хорошо, потому что в эфире

начался интенсивный радиообмен между военными. Из которого Антон понял, что Хам провалился в какой-то заснеженный пролом, который и оказался входом в искомый бункер. Благодаря штурмовому комплекту лейтенант не пострадал, отделавшись легким испугом, и теперь военные не то пытаются вытащить его оттуда, не то собрались спускаться к нему сами. Вскоре в иллюминаторах появились световые пятна приближающихся из пыльной тьмы фонарей, и водительская дверь вездехода неожиданно распахнулась.

– Внимание водителям! – расплывающийся в полумраке здоровенный силуэт капитана плюхнулся на сиденье. – Колонне начать движение малым ходом! Делай, как я! Сближаемся с проломом и заякориваем технику рядом! Базу будем разбивать внутри!

– Здесь же запредельный радиационный фон! – опешил Овечкин.

– Под землей он ниже, – прорычал Варяг. – И ураганов нет. Овен, на тебе заякоривание! Бери грузчиков и занимайся! И чтобы не так, как в прошлый раз! Если растяжку опять сорвет, сам побежишь спасать технику!

Чтобы не оказаться каким-нибудь очистителем биотуалета, Антон предпочел стерпеть оскорбление молча. Можно подумать, он специально закрепил якорь так, чтобы его вырвало ураганом! Откуда ему знать, насколько прочен тот или иной засыпанный радиоактивным мусором обломок в сравнении с силой стихии?! Тот якорь вообще не он закреплял! А у базы, если что, тоже растяжку оборвало! Базу вообще-то военные ставили! Они тоже облажались, но об этом асоциальный брутал предпочел не вспоминать!

Колонна проползла с десяток метров, и все полезли наружу. Радиационный фон вновь зашкалил, и Антон невольно сжался. Привычные три девятки дозиметра сейчас горели воистину зловеще. Сколько здесь на самом деле? Две тысячи? Три? Четыре? Нет, так много быть не может, Порфирьев бы уже умер, его спецназовский фотохромный комбинезон такую радиацию не удержит. Но в любом случае его снаряжение надежнее старого скафандра МЧС, поэтому капитан-мизантроп может спокойно разгуливать там, где Антон будет подвергаться смертельной опасности!

– Пролом освещен ходовым прожектором вездехода! – сообщил в эфире Порфирьев. – Всем быть внимательными, в световое пятно без команды не заходить! Там высоко, без экзокорсета падать будет больно!

Двое солдат схватили ящик с базой и потащили его к зияющему в свете прожектора свежему провалу в черном снегу, вокруг которого возились остальные военные. Вездеход уже сдул воздушную подушку и улегся на снег, и они крепили к нему трос, видимо, по нему планировалось спускаться в разлом. Антон, бережно прижимая к груди руку с поломанными пальцами, поспешил руководить закреплением техники. Чем быстрее он сделает это, тем быстрее спустится вниз. Раз там меньше радиации, то он не против такого решения. Лишь бы ничего не обрушилось им на головы, когда все будут там, под землей.

Передвигаться по окружающей пролом местности оказалось еще тяжелее, чем обычно. Обломки размозженного ядерной мясорубкой леса залегали под снежной толщей беспорядочным месивом, и если бы не черная землисто-зольная смесь, по привычке именуемая снегом, ходить здесь было бы вообще невозможно. Снег забил пустоты, которых в свалке обломков было полно, и глубоких провалов удалось избежать. Но под метровым слоем снега ничего не увидишь, и ноги постоянно запинались обо что-то, застревали между обломков или соскальзывали с неровной поверхности заледеневшего обугленного хлама. Люди медленно брели по пояс в черной снежной толще, с трудом пробивая дорогу, и часто падали, исчезая из вида в кромешной тьме.

Через двадцать минут была закреплена только половина растяжек, и Антон едва переставлял ноги от усталости. Сломанные пальцы сильно замерзли и невыносимо ныли, отдаваясь болью на каждое движение, а тут еще один из грузчиков в момент очередного падения вывихнул ногу и едва не потерялся в темноте, утонув в черном снегу лицом вниз. Порфирьев отыскал его по сигналу аварийного маячка, оттащил к пролому и спустил вниз, привязав к тросу, словно мешок с тряпьем. После этого капитан-мизантроп также унизительно спустил вниз Овечкина, пожаловавшегося на переохлаждение и боль в сломанных пальцах.

Внизу Антона подхватили солдаты, освободили от троса и отправили в только что установленную спецпалатку. Сами они полезли наверх, помогать заякоривать технику, и Овечкин поковылял к базе, освещая царящий вокруг кромешный мрак нашлемным фонарем. Больше всего окружающее пространство походило на подземный паркинг, только пустой и небольшой. Помещение было бетонным, с несколькими опорными колоннами, сильно засыпанное снегом и густо покрытое трещинами зловещих размеров. Пролом оказался в самом центре помещения, но как оно не сложилось целиком, для Антона было загадкой.

Судя по тому, что он видит, для полного обрушения не хватило нагрузки в какую-нибудь пару-другую тонн. Не приходилось сомневаться, что до сих пор потолок не рухнул исключительно благодаря образовавшейся на поверхности свалке. Обломки настолько плотно сцепились друг с другом, что не просто лежат на потрескавшейся крыше, но еще и частично удерживают друг друга. Не будь этого, тут все давно уже рухнуло бы под тяжестью снега и всего, что под ним находится. Хорошо хоть Порфирьеву хватило ума остановить колонну рядом с проломом так, что техника не оказалась стоящей на крыше. Лишь бы очередной буран не засыпал открывшийся пролом снегом целиком, похоронив здесь всех заживо.

А это не исключено, потому что черного снега вокруг полно. Значит, поначалу его сюда задувало, потом давлением ветра пролом заткнуло какими-то обломками, поверх которых насыпало снега, и образовалась естественная пробка. Когда на нее наступил лейтенант в штурмовом комплекте, она не выдержала его веса и рухнула вниз. Без помощи извне человеку отсюда, скорее всего, не выбраться, даже несмотря на довольно большую гору битого бетона, громоздящуюся под проломом. Ее высота метра два, а потолки пятиметровые. Можно попытаться допрыгнуть, но удастся ли ухватиться за что-то надежное, чтобы выбраться? Порфирьев, похоже, планировал выбираться по тросу, который привязан к стоящему на поверхности вездеходу. Это вариант. Если, конечно, технику наверху не сорвет бураном. Впрочем, если

сорвет, то без техники экспедицию ждет неминуемая смерть хоть здесь, хоть на поверхности.

Оглядевшись, Антон обнаружил штатный выход на поверхность. Массивные ворота были распахнуты, видимо, через них и выбиралась наверх хунта Брилёва. В настоящее время вход был забит обломками, обильно пересыпанными черным снегом, и без тяжелой техники использовать его невозможно. Зато непосредственно вход в уничтоженный бункер на вид не пострадал. С первого взгляда Антон принял его за тупик в конце помещения, но при более тщательном осмотре это оказалось объемной лифтовой платформой, лишенной стен и потолка. Двери, которые должны были закрывать лифт, оказались взломаны, распахнуты и застопорены, наверняка это результаты деятельности спасавшейся военной хунты. Заходить внутрь, на лифтовую платформу, Антон не собирался, не хватало еще рухнуть вместе с ней с высоты в полтора километра. С минуту он осматривал лифт с безопасного расстояния, после чего поспешил внутрь базы.

Спецпалатка была развернута посредине между лифтом и проломом, и несколько удерживающих базу растяжек были забиты прямо в нагромождение рухнувших сверху обломков. Остальные растяжки были наспех закреплены за что попало и не вызывали никакого доверия, но ураганов тут не будет, так что надежность установки базы Антон счел достаточной. Внутри спецпалатки обнаружился лейтенант, запускающий фильтровентиляционную установку, и пленный, неподвижно лежащий в углу без сознания. Овечкин поспешил к только что включенной печке и поинтересовался, опасливо кивая Хаму на захваченного ФСБ-шника:

– Этот человек не нападет на нас во время интоксикации? Кто-нибудь знает, когда он очнется?

– Спецукол для взятия «языка» вырубает часа на три-четыре вроде… – лейтенант покосился на пленного. – Я не разведчик, тонкостей не помню. По идее, он должен очнуться до того, как Варяга скрючит. Но это неважно. Привяжем его к экзокорсету, даже пошевелиться не сможет. А там Варяг оклемается и разберется по ситуации.

– В связанном состоянии он не погибнет во время интоксикации? – усомнился Антон. – Он может, например, захлебнуться рвотными

массами!

– Положим на бок, – отмахнулся лейтенант, не отвлекаясь от возни с фильтровентиляционной установкой. – Шлем с него снимем… Черт! Корпус блока фильтров повело от удара! По нему прилетело бортом грузовика на прошлой стоянке, когда он чуть палатку не снес! Надо выпрямить, а то не запустится! Антон, подержи, а я надавлю!

Лейтенант извлек бобину фильтрационного блока и уложил на пол. Пока Овечкин удерживал неудобную искривленную конструкцию в лежачем положении, Хам при помощи усилителей конечностей наскоро выровнял замятые направляющие и вновь попытался вставить блок на место. Раздался характерный щелчок, и лейтенант довольным тоном констатировал:

– Во! Другое дело! Сейчас заработает! Врубаю!

Фильтровентиляционная установка запустилась, и Антон вслушался в знакомый гул. На слух все работает как положено, даже воет не так сильно, потому что фильтр вычистили перед экспедицией, и забиться радиоактивной пылью он еще не успел. На следующей стоянке к фильтровентиляционной установке уже будет лучше близко не подходить. Блок фильтров закрыт усиленной антирадиационной защитой, но все равно фонит, когда сильно забит.

За гулом системы фильтрации Овечкин не сразу услышал посторонний шум, и резкое движение лейтенанта, развернувшегося в сторону входа, заставило его испуганно отпрянуть. Хам рванулся к пленному, на ходу выхватывая пистолет, и Антон бросился за контейнер из-под спецпалатки.

– Лежать! – Лейтенант сходу сшиб вскакивающего на ноги пленного.

Облаченный в противорадиационный скафандр человек не смог удержать таран закованного в штурмовой комплект бойца и отлетел в сторону, врезаясь в освинцованную резину палаточного борта. Двухсоткилограммовая палатка слабо дрогнула, но скафандр уберег пленного от получения существенного урона, и он немедленно попытался вскочить вновь.

– Лежать, я сказал! – Хам ударом ноги опрокинул его навзничь.

Пленный пытался сопротивляться даже лежа на полу, и насколько Антон мог понять, делал это довольно профессионально, но противостоять лейтенанту не сумел. Хам, судя по действиям, был обучен не хуже, что неудивительно, раз он из охраны секретного правительственного города. Но главное его преимущество было в наличии усилителей конечностей, это Овечкин понял сразу, и никакие рукопашные изыски тут не помогут. Дайте Антону штурмовой комплект, и при наличии минимальной практики его использования он тоже без проблем обуздает любого буйного индивида. Но пленный, как и положено военному, задумываться над очевидным не планировал, и продолжал тщетное сопротивление. И успокоился лишь после того, как Хам очередным приемом обездвижил его и вдавил ему в бедро пистолетный ствол.

– Еще раз дернешься – прострелю ногу! – Лейтенант щелкнул то ли курком, то ли предохранителем, этого Антон не понял, да и не важно. – Лицом вниз! Руки за голову! А теперь замер и лежишь!

Пленный подчинился, и Хам отшагнул от него, держа на прицеле.

– Варяг – Хаму! – вышел в эфир лейтенант. – Пленный очнулся! Пытался сбежать!

– Сбежать? – ответ Порфирьева прозвучал без помех, и спустя секунду входной полог распахнулся, впуская внутрь спецпалатки здоровенный расплывчатый силуэт. – Когда у тебя начинается интоксикация, боец?

– Через двадцать минут, – хрипло буркнул пленный.

– И куда же ты собрался? – лениво удивился Порфирьев, проходя мимо.

– Это ты меня принял? – вместо ответа поинтересовался тот, поворачивая голову в сторону капитана и пытаясь нащупать взглядом сливающийся с полумраком фотохромный комбинезон.

– Я, – безразлично подтвердил асоциальный брутал. – Нечего спать на посту.

Пленник промолчал, и Порфирьев принялся открывать баллон с питьевой водой. В палатку один за другим входили измученные

грузчики, следом появились солдаты в штурмовых комплектах, и Хам убрал пистолет.

– Как ты развязался? – Лейтенант направился к пленному, по пути подбирая валяющиеся на полу путы. – Веревка разрезана!

– У него режущая кромка нанесена на запястье скафандра, – Порфирьев распахнул лицевой щиток боевого шлема и принялся пить.

– Черт! – ругнулся Хам, склоняясь над пленным. – И точно! ФСБ-шная модификация! Это я облажался, не заметил! Надо было стальным тросиком связывать! – Он обернулся к капитану: – Стальные тросы остались в машинах... Может, локти ему связать?

Амбал, не отрываясь от баллона с водой и не глядя на пленного, лишь коротко кивнул, и лейтенант принялся связывать пленного заново.

– Можете не связывать, – угрюмо заявил пленный. – Не убегу! Я не знаю, где мы, и меня через двадцать минут скрутит!

– Остальных скрутит через пять, – мстительно парировал Хам, орудуя грязной разлохмаченной веревкой. – Что же тогда дергался с самого начала?! Лежал бы тихо! Нам сюрпризы не нужны!

Но пленный не обратил на его слова внимания. Он вновь повернул голову, всматриваясь в закупоривающего баллон Порфирьева, и спросил:

– Ты Порфирьев Олег Олегович? Радиопозывной «Варяг»?

– Нет, – невозмутимо ответил капитан-мизантроп. – Понятия не имею, кто это.

– Я смотрел, как ты стал чемпионом в две тысячи сто восьмом, – пленный прокашлялся, избавляясь от хрипоты. – У меня там друг соревновался, привозил записи поглядеть. Сам он вылетел в одной восьмой, не прошел Абрека. Зато ты круто его в финале сделал. У него не было шансов.

– Шансы есть всегда, – Порфирьев флегматично пожал плечами и еще раз кивнул вопросительно глядящему на него лейтенанту: – Связывай! Потом развяжу, когда его интоксикацией скрючит.

Пленный умолк, и Антон поспешил к санузлу, чтобы успеть прежде, чем образуется очередь, но опоздал. Возле ширмы уже стояли двое солдат и не приходилось сомневаться, что все остальные влезут в очередь вперед Овечкина. Потому что у него интоксикация начинается

позже. Пришлось терпеть и сначала пропустить вперед всех представителей военной хунты, а потом еще и половину грузчиков, потому что им до интоксикации оставалось еще меньше. От боли в мочевом пузыре Овечкин с трудом сдерживал негодование. Вот только грузчиков ему не хватало! Осталось пропустить вперед себя пленного, он ведь тоже силовик, хоть и не военный! Спасибо, что у пленного интоксикация начинается позже всех, не то именно так бы и было!

Тем более что он оказался знаком с Порфирьевым. По крайней мере, в одностороннем порядке. Это что, некая ирония судьбы?! Все выжившие силовики должны обязательно знать, кто такой Порфирьев? Он что, такая выдающаяся личность в среде дуболомов? Видимо, так и есть, потому что в интеллектуальной среде все хэдлайнеры были Антону хорошо известны, и никто из нынешней грязи, пролезшей в князи на волне насилия и кровавого беззакония, к ним никогда не относился!

Наконец очередь в санузел все-таки дошла до Овечкина, и ему стало легче. Раздражение начало стихать, потом интоксикация начала косить людей одного за другим, и стало не до того. Порфирьев, как обычно, таскал его за собой от одного корчащегося в рвотных судорогах человека к другому, и пока амбал оттаскивал бьющихся в конвульсиях людей друг от друга и снимал гермошлемы с тех, кто не успел этого сделать, Антон собирал разбросанное по палатке снаряжение. Потом его самого скрутило приступом острой тошнотной рези, и мир в очередной раз утонул в пучине бесконечной мучительной боли.

Очнулся он от ощущения нестерпимой жажды в полной уверенности, что адаптация к антираду покинула его, и на этот раз жесточайшие мучения терзали его часов двенадцать. Как он не сошел с ума от боли, понять было невозможно, не иначе еще одна злая ирония судьбы… Но хронометр скафандра показывал шесть утра сто одиннадцатых суток, и это означало, что адаптация действовала, и страдал он три с половиной часа, как и должно быть. Антон пошевелился, пытаясь подняться, и к жжению жажды присоединилась боль в поломанных пальцах. Он слабо вскрикнул, запоздало переставая налегать на травмированную руку, и понял, что гермошлем уже надет на голову. Судя по неприятному ощущению в шее, Порфирьев ставил ему укрепляющую капельницу от

Снегирёвой. Но от першения в легких она не спасала, и Овечкин сухо закашлялся.

– Оклемался? – рычание амбала раздалось откуда-то из противоположного угла, и Антон заметил расплывчатый силуэт возле корчащегося в муках пленного. – Аккуратнее с рукой, надо переналожить шину, ты сильно бился в конвульсиях, даже перчатку сбросил. Пришлось наспех натягивать. Засыпь химию для обеззараживания в четыре баллона, я потом сам их встряхну.

– Почему так больно... – Антон, стеная, побрел к приготовленным баллонам с водой. – У меня же адаптация... должно быть легче...

– Тебе и легче, – прорычал Порфирьев. – Раньше тебя ломало гораздо сильнее.

– Ощущения такие, словно наоборот, – пожаловался Овечкин, пытаясь одной рукой отвинтить крышку у баллона с водой. – Пить хочется ужасно... есть готовая вода?

– Только во флягах, – капитан указал на сложенную возле печки стопку армейских фляг. – Старайся экономить, воды мало, мы рассчитывали, что в обратный путь возьмем воду в Росрезерве, поэтому остался только НЗ.

– Разве нам не хватит? – насторожился Антон, подозревая недоброе. – Мы ведь возвращаемся в Центр, да? Росрезерв захвачен врагами, бункер Брилёва мы нашли, нужно возвращаться назад!

– Посмотрим, – Порфирьев принялся протирать мокрой тряпицей лицо судорожно дышащего пленного. – Будет зависеть от того, что он расскажет.

– Но что это может изменить? – тяжелые предчувствия охватывали Овечкина еще сильнее. Порфирьев же не собирается начать войну или спускаться в уничтоженный бункер, ведь так? – Нас мало, воды не хватает, а их много и у них Лазерная Установка! Мы сделали все, что в наших силах, Олег! Надо возвращаться в Центр и там принимать взвешенное решение в спокойной обстановке!

– Посмотрим, – уклончиво повторил асоциальный брутал, и это испугало Антона не на шутку. – До следующего цикла антирада почти двадцать часов, времени хватает.

Больше Порфирьев ничего не говорил, лишь молча возился со страдающими людьми. Вызывать его на разговор Овечкин не стал, боль в поломанных пальцах и нарастающее першение в легких пугали и утомляли одновременно. Он засыпал в баллоны с водой химические препараты и поковылял в свой угол. Потом Порфирьев начал менять ему повязку и перенакладывать шину, это оказалось больно настолько, что Антон едва не выл от мучений, упрашивая его вколоть какое-нибудь обезболивающее. Но капитан-мизантроп лишь заявлял, что сразу после интоксикации лучше обойтись без фармакологических препаратов, потому что биохимия организма и так нарушена, плюс вода с химическими реагентами, как бы не стало хуже, поэтому придется потерпеть.

Скорее всего, асоциальному бруталу просто доставляло удовольствие мучить Антона, но выхода не было и приходилось страдать и терпеть. Потом, когда экспедиция вернется в Центр, он обязательно выяснит этот вопрос у Снегирёвой. И попросит ее освободить его от экспедиций хотя бы на время лечения руки. Сильно это его не спасет, биорегенерация полностью излечивает мелкие переломы за несколько сеансов, через две недели он будет здоров, но хотя бы так! Если военная хунта бросится воевать с ФСБ-шниками немедленно, у него есть шанс не попасть в эту мясорубку по состоянию здоровья!

К тому времени, когда Порфирьев закончил с повязкой, Антон взмок от перенапряжения и воспринял окончание перевязки как благодать божию. Едва капитан-мизантроп оставил его в покое, изможденная психика Овечкина мгновенно провалилась в сон.

* * *

Проснулся Антон от запаха разогретых мясных консервов и вызванного им голода. Оказалось, что он проспал больше двенадцати часов, за это время интоксикация закончилась у всех, включая пленного, люди проснулись, и Порфирьев приказал провести прием пищи.

– Антон, держи! – Хам по традиции протянул Овечкину обеденную порцию самому первому. – Ты как себя чувствуешь? Сегодня ты спал очень долго.

– В легких першит все сильнее, – пожаловался Антон, – и поломанные пальцы ноют.

Для большей наглядности он забрал протянутую пищу одной рукой подчеркнуто неуклюже. Пусть все видят, что здоровью Инженера угрожает опасность. Может, хоть тогда у кого-нибудь из вооруженных буратин в деревянной голове возникнет мысль, что пора бы прекратить рисковать уникальным специалистом.

– Ничего, вернемся домой, док поставит тебя на ноги, – успокоил его лейтенант.

Иного от вояки Антон услышать и не ожидал, поэтому лишь кивнул в ответ и принялся за еду. Остальные последовали его примеру, и Хам выдал пищу пленному. Тот сидел отдельно от всех на видном месте, там же, куда Порфирьев оттащил его во время интоксикации, и выглядел совсем не бодро. Было нетрудно заметить, что интоксикация дается ему тяжело, значит, никакой адаптации к антираду у него нет. Более того, если не принимать во внимание армейский противорадиационный скафандр, вид у пленного был удручающий: рыжая неуклюже подстриженная всклокоченная борода и такая же шевелюра отдавали сальным блеском давно немытых волос, на лице размазанные пятна грязи, карие глаза смотрели замученно-угрюмым взглядом, из-за чего казались почти черными. Пленный тихо пробурчал «спасибо», взял консервы и принялся есть.

– Что мы планируем делать теперь? – кто-то из грузчиков задал интересующий всех вопрос. – Командный Пункт Брилёва найден, на склады не попасть…

Все вопросительно посмотрели на Порфирьева, и тот, покосившись на пленного, флегматично прорычал:

– По поводу складов мы после обеда побеседуем с нашим гостем. А насчет КП… по уму стоило бы спуститься внутрь, раз уж мы здесь, и посмотреть, может, там уцелело что-нибудь полезное.

– Это опасно! – немедленно заявил Антон, заранее готовившийся к подобному повороту событий. – Лифтовая шахта наверняка повреждена постоянными землетрясениями! Она может рухнуть вместе с нами с высоты в полтора километра!

Все мгновенно насторожились, даже военные, и вновь перевели взгляды на амбала. Но тот лишь безразлично пожал плечищами:

– Для начала запустим лифт вхолостую. Затащим на платформу несколько обломков потяжелее, пусть спустится и поднимется без нас, а мы посмотрим. Если ничего не рухнет, то следующим рейсом спустим вниз досмотровую подгруппу.

– Там, внизу, эпицентр термоядерного взрыва! – не сдавался Антон. – Там смертельно опасно! У нас даже нет необходимой защиты! Мы в скафандрах МЧС, они не рассчитаны на такое! И твое снаряжение, Олег, тоже не предназначено для противодействия радиации такой силы, ты же знаешь! Недаром команда Брилёва поспешила убраться оттуда как можно скорее!

– Если бы эпицентр был прямо там, никто из отряда Брилёва бы не выжил, – лениво парировал Порфирьев. – Возвращаться сюда все равно придется. Нужно хотя бы выяснить, с чем придется столкнуться. Даже просто замерить радиационный фон и степень химического отравления уже будет огромным подспорьем. Будем знать, к чему готовить следующую экспедицию. Проведем короткую разведку силами тех, кто в нормальных скафандрах, это не займет много времени.

– А если что-то пойдет не так и они застрянут на глубине в полтора километра? – уточнил Антон. – Я осмотрел помещение, в котором мы находимся, здесь нет никаких механизмов, только пульт управления лифтом. Вся механика находится внизу, так что если лифт сломается или застрянет, мы ничем не сможем им помочь!

– Значит, Инженер и техники будут в составе досмотровой группы, – Порфирьеву было плевать на разумные доводы. – Они не полезут в КП и останутся возле лифта заниматься подъемными механизмами.

– Но лифт может застрять вместе со всеми где-нибудь посредине шахты! – Слова капитана привели Антона в ужас. – Что тогда?!

– Тогда ты спрыгнешь вниз и все починишь, – асоциальный брутал не скрывал иронии. – А мы потом за тобой спустимся. Заканчивай ныть раньше времени. Тебя послушать, так проще сразу умереть, сложа лапки на груди. Ты у нас Инженер, вот и думай, как сделать! А как не сделать – тут генераторов идей и без тебя хватает. Весь Центр забит бесполезными дармоедами. Поэтому они там, а мы здесь. – К иронии в его голосе добавилась насмешка: – Ты выживать планируешь или как?

Естественно, все вокруг уставились на Антона укоризненными взглядами, еще бы! Порфирьев же сказал, что все будет хорошо, значит, вопрос решен! Он же у нас супермен и запросто способен заставить двигаться застрявший лифт силой собственного самомнения!

– Я лишь описываю варианты! – Антон поспешил оправдаться в глазах безмозглой общественности. – Мы должны четко понимать, на что идем! Если с нами что-нибудь случится, то из Центра нам на помощь никто не придет! Они даже не смогут нас найти, раз дали неточные координаты входа в собственный бункер! Мы искали его больше часа!

– Координаты они дали точные, – невозмутимо возразил Порфирьев. – Это у меня карта привязана к местности с погрешностью. Я при тебе ее привязывал, на глаз, по трем точкам: метро «Смоленская», Национальный Центр Управления Обороной и бомбоубежище, в котором все прикинулись вакуумом. В первом случае контрольная точка была стопроцентно верной, в третьем погрешность составляла несколько метров, а во втором – несколько десятков метров. До Росрезерва мы дошли уверенно, там было недалеко, а вот на удалении в пятьсот километров от Москвы до «Подземстроя» эта погрешность дала немаленькое отклонение. У группы Миронова карта была привязана точнее, они с самого начала имели идеальные координаты двух точек и очень точные координаты третьей. Поэтому моя карта совпадает с их картой не полностью.

– Так почему же мы тогда не используем их карту? – Антон задал более чем резонный вопрос. – Если она точнее?

– Почему же, – Порфирьев был по-прежнему невозмутим, – все пользуются их картой, включая фиксирующие путь системы нашего

транспорта. Моя карта есть только у меня, и я иду по ней, когда веду вездеход.

– Но к чему такие сложности? – не отступал Антон. Раз мегамозги Миронова вновь оказались непогрешимыми, то он хотя бы развенчает миф о непогрешимости Порфирьева. – Почему ты используешь неточную карту?

– Мне так удобнее, – без обиняков заявил капитан-мизантроп. – Потому что у меня маршрут от Росрезерва до Центра был проложен еще до того, как мы его нашли. И, если ты помнишь, после того он был дважды уточнен еще до того, как нас туда впустили. И после этого, в последующих экспедициях, обычно я вел головную машину. Чем больше скорость, тем меньше времени на поверхности и больше шансов выжить. Но при этом больше шансов врезаться во что-нибудь в этой пыли и темноте. Поэтому я иду по своему курсу, который уже много раз уточнен и проложен в обход пробок, а также торчащих в черной ночи из-под черного снега черных препятствий.

– Но ты мог бы переложить его на общую карту! – Антон демонстративно непонимающе нахмурил брови. – Для Инженеров это не сложно! Дай им данные! Они совместят твою карту с правильной!

– Зачем? – Порфирьев передразнил Овечкина, копируя демонстративно непонимающее нахмуривание бровей. – К чему такие сложности, если во всех наших машинах загружена их карта и гирокомпас фиксирует маршрут в реальном времени? Я иду по своему курсу по своей карте, она выведена у меня на лицевой щиток, так удобнее действовать в экстренной ситуации, и менять что-либо смысла нет, только зря увеличивать риск. А бортовое оборудование записывает маршрут на правильные карты. Весь маршрут этой экспедиции уже зафиксирован во всех трех машинах. Любой, кто умеет водить без автопилота, сможет добраться до Центра. Разве что не так быстро, как я, но это дело опыта. Так что все карты уже уточнены, и не надо вскрывать сложное и дорогостоящее спецоборудование.

Он красноречиво постучал пальцем себе по шлему, и все засмеялись, понимая намек. Пришлось смеяться вместе со всеми, чтобы не оказаться всеобщим врагом еще и для грузчиков. Пусть этот фан-клуб Порфирьева

делает, что хочет, лишь бы не угробили его, Овечкина, прежде, чем он найдет способ навсегда отделаться от этих суицидальных экспедиций! Но раз уж всего одна интоксикация ничему не научила этих болванов, то Антон считает своим долгом обратить их внимание на лежащий на поверхности факт.

– Все, что ты сказал, вполне логично, не спорю, – на всякий случай подстраховался Овечкин. – Но я имел в виду другое: из-за несоответствия карт вам пришлось несколько раз выходить из машин и искать вход в условиях смертельно опасной радиации. Если бы ты вел нас по правильной карте, этого можно было бы избежать, разве нет?

– Искать все равно бы пришлось, – покачал головой амбал. – Карта Миронова не идеальна, она точнее моей, но погрешность у нее есть. Без единой системы геопозиционирования и без компасов это неизбежно. Мы добрались сюда по их координатам, я тут никогда не был. Но засыпанную битым лесом и снегом дыру в земле просто так глазами не увидишь. Мы час кружили по узкому пятачку и копошились в снегу в поисках выхода, а в результате нашли не то место, где они выбрались, а дыру в потолке, потому что в нее провалился Хам. Но если ты считаешь, что справишься с поисками лучше, то я не против: в следующий раз поисками будешь заниматься сам.

– Я такого не говорил! – поспешил заявить Овечкин, мгновенно приходя в ужас. Мизантроп в погонах хочет расквитаться с ним за конструктивную критику путем отправки Антона на смерть! Если кроме Овечкина демократия здесь никому не нужна, то к дьяволу ее! Умирать за свободу слова Антон не собирается. Он вообще не собирается умирать, он должен выжить, он не для того вынес столько страданий, чтобы погибнуть уже после того, как появились все шансы жить! – Просто выразил мнение, и все! Я услышал твою позицию и нахожу ее логичной! Делай так, как считаешь нужным, у меня нет опыта работ в условиях ядерной зимы, я Инженер, а не спасатель!

– У спасателей такого опыта тоже нет, – хмыкнул пожарный Александр, не скрывая ухмылки. – Ядерной зимы раньше не было. Так что, если подумать, у тебя в этом опыта больше, чем у любого довоенного спасателя.

– Не спорю! – Антон изо всех сил подавил панику. Они все заодно, стоило бы учесть это, прежде чем ввязываться в дискуссию! Обычно в таких случаях порфирьевские безропотные блондины молчали, но сейчас каждый понимает, что сюда придется возвращаться, и потому ищет способы избежать направления на работы в эпицентре ядерного взрыва! А лучший способ сделать это – отправить вместо себя кого-нибудь другого! Например, того, кто только что оспорил компетентность их незабвенного лидера!

– В общем, все поняли, что я хотел сказать. – Овечкин поспешил перевести разговор в другое русло. – Лучше Олега никто не может делать это! Он имеет командную подготовку! У Инженера другие задачи! Мое дело – высокотехнологичная техника!

– Значит, с лифтом ты точно справишься, – невозмутимо заявил Порфирьев. – Ничего высокотехнологичного в нем нет. Раз люди Миронова справились, то и ты сможешь. Ты ведь сам говорил, что ничем не хуже?

– Я имел в виду оборудование связи! – Овечкин внутренне ужаснулся. Они уже все решили! Его неминуемо отправят вниз, в эпицентр! – Да, устройство лифта гораздо проще, но с одной рукой я мало что могу!

– Не переживай, тебе помогут гайки крутить. Твоя задача показывать, какие именно! – Порфирьев всем своим видом продемонстрировал, что разговор окончен, и продолжил ковырять ложкой в консервной банке.

– Я могу помочь с лифтом, – неожиданно подал голос пленный. – Я инженер-механик. Имею опыт работы с подъемными механизмами.

Все, не сговариваясь, обернулись в его сторону, и Порфирьев скептически заявил:

– И что ты делал в окопе, инженер-механик?

– Охранял вход, – потупился тот.

– Ах ты еще и вход охранял! – восхитился асоциальный брутал. – Сидя в углу спиной к направлению вероятного появления противника? Если ты инженеришь так же, как охраняешь, то мы точно разобьемся на хрен!

– Я не полевой боец, – хмуро заявил пленный, – я вообще гражданский ВУЗ заканчивал… После универа долго работу не мог

найти. Я миксфайтом увлекался, юниорские чемпионаты выигрывал… После одной победы знакомые предложили в ФСБ послужить, за контору на соревнованиях выступать. Я согласился. Позже меня перевели по специальности, инженером в эвакуационный бункер. Я в мастерских обычно работаю или с механикой вожусь.

– Зачем тогда тебя на ворота поставили? – продолжал издеваться мизантроп.

– У нас одна база на всех, – голос пленного стал еще более унылым. – Поэтому все распределены по сменам, которые несут круглосуточное дежурство. Чтобы места в палатке было больше, когда у очередной смены интоксикация начинается. Иначе давка такая, что людей прямо друг на друге приступом ломает. Штурмовые комплекты заранее снимаем, чтобы не поубивать друг друга. У нас так семь человек погибло в самый первый переход.

– Одна база на целый бункер? – удивился Порфирьев. – В ФСБ такие нормы?

– По нормам было три, – пленный скривился. – Две сгорели во время пожара.

– По вам ударили противобункерным? – предположил Хам.

– Били вроде не по нам, – пленный неопределенно поморщился. – А может, просто не попали. Но трясло сильно. Бункер старый, еще в двадцатом веке строился, глубина всего шестьдесят метров. Поначалу он предназначался для высшего командного состава КГБ, потом ФСБ. Но лет сто назад устарел окончательно, и его переделали в эвакуационное убежище для офицеров ФСБ и их семей. Секретное оборудование вывезли, отремонтировали гидроизоляцию, заменили старые узлы вроде гермодверей и переборок, закрывавшихся вручную, установили новые системы жизнеобеспечения. С тех пор иногда проводили мелкий ремонт и меняли морально устаревающую технику. Ничего суперсекретного у нас не было, и задачи самые простые: в случае войны разместить тех, кто к нам приписан, то есть слушателей и персонал нового сателлита академии ФСБ. По поверхности она от нас далеко, но мы соединены с ней веткой спецметро, состав идет по ней напрямик всего три минуты.

Пленный на секунду умолк, вспоминая минувшие события, и его взгляд стал вялым и удрученным, словно он смотрел куда-то в пустоту, в которой не рассчитывал увидеть ничего хорошего.

– Когда террористы на Шельфе взорвали ядерный фугас, – продолжил он, – бункер перевели на военное положение. Всех вызвали на службу, начались усиленные круглосуточные дежурства и до особого указания покидать бункер было запрещено. Никто тогда не верил в то, что ядерная война возможна, все были недовольны тем, что уик-энд безнадежно испорчен, а те, кого отозвали из отпуска, вообще тихо матерились. У моего начальника из-за этого даже семейный конфликт случился, первое сентября на носу, дочка в первый класс идет, а отец на службу уехал непонятно на сколько, да еще будучи в отпуске. Он говорил, что жена ему не поверила и подозревает, что он укатил с любовницей на море.

Рассказчик тяжело вздохнул и совсем тихо произнес:

– Кто же знал, что мир сгорит через пару суток… – Его голос зазвучал громче, но взгляд так и остался смотреть в пустоту: – В первый день мы, как обычно в таких случаях, проверяли системы жизнеобеспечения, инспектировали хранилища, отправляли начальству ворох всевозможных отчетов. А оно, в свою очередь, составляло из них кучу разных докладов и отправляло дальше наверх. Потом, тоже как обычно, все отчитались, и все успокоилось. Личный состав сидел в бункере с кислыми лицами и ждал, когда политическая возня с Шельфом утихнет и нам дадут отбой. Некоторым самым хитрым даже удалось по-тихому договориться с начальством и негласно свалить со службы, чтобы на выходных позаниматься сбором детей в школу. Мой начальник тоже свалил в субботу утром, оставив меня за старшего в инженерном отделе. Я тогда ему позавидовал…

Он вяло усмехнулся, и усмешка медленно сползла с его лица, глядящего в никуда:

– Даже когда пришло сообщение об обмене ядерными ударами между флотами на Шельфе, никто не ожидал апокалипсиса. Комендант бункера бросился обзванивать всех, кто отпросился, опасаясь, что нагрянет проверка. Старожилы говорили, что, когда произошел ядерный конфликт

между Индией и Пакистаном, бункер месяц держали на военном положении и проверяющие появлялись через день…

Кто-то даже успел вернуться на службу, но не все. Начальнику моему не повезло. Через несколько минут выяснилось, что ядерными ударами накрыло Пекин и почти все столицы союзников, и они ответили. Почти сразу натовцы произвели массированные пуски, союзники ударили всем, что есть, потом подключились мы… По крайней мере, потом так говорили. Как было на самом деле, у нас вряд ли кто-то знает наверняка. Командование объявило эвакуацию, и эвакуационные команды помчались по адресам. Где-то там почти все они и остались, в пробках и давках. Вовремя эвакуировали только приписанный к нам сателлит академии ФСБ. Но все произошло двадцать девятого августа, занятий в это время еще не проводилось, к тому же была суббота, в академии было минимум народа. Нам привезли около сотни курсантов вместе с дежурными офицерами и часть батальона обеспечения, всего человек двести. Потом пришла первая волна ракет.

Пленный болезненно поморщился, распахнул лицевой щиток и потер глаза. Его чумазая рука осторожно касалась закрытых век, и стали заметны следы от ожога. Ожог не был свежим, но явно произошел не так давно, потому что сгоревшая часть бровей только начала отрастать и сильно уступала в размерах непострадавшей.

– Я сидел за рабочим пультом главного инженера и видел, как все начиналось. У нас было видео с нескольких десятков камер, расположенных в окрестных кварталах, и доступ к камерам на нескольких высотках. Некоторые из них были последнего поколения и перегорели не сразу. Было видно, что ПВО перехватило первую волну почти полностью. Небо на подступах к Москве сверкало, словно во время далекого салюта, я даже видел несколько перехватчиков…

На моих глазах по городу ударило дважды, оба раза далеко от нас. Из установленных на высотках камер световую вспышку пережила примерно половина, а вот взрывную волну только две. И они показывали, как воздушный таран разносит город вдребезги… Разрешение там хорошее, было видно, как текущий по улицам людской поток сметает с земли вместе с застывшими в бесконечной пробке

машинами, и все это вбивает в стены разлетающихся домов… Потом все захлестнуло пылью, а когда она осела, камер на высотках уже не существовало. Две уцелевшие размещались на стенах домов, выходящих в переулки, и показывали картину сильного разрушения. Где-то разгорался пожар, всюду обломки всего подряд, искореженные перевернутые машины… и трупы. Много трупов. Я не сразу понял, что это. Тела были сильно испачканы и поломаны, многие обожжены до состояния головешек, почти у всех не хватало рук или ног… Но вскоре выяснилось, что погибли не все. Кто-то выползал из разбитых домов, видимо, плохо соображали от облучения, другие, наоборот, появлялись откуда-то с улицы и стремились укрыться в полуразрушенных зданиях. Наверное, люди надеялись, что на этом все закончится…

Почти все эвакуационные команды не отвечали на вызовы, и стало ясно, что они не вернутся. Спастись успели только три группы, им повезло спуститься в спецметро до ударов. Мы доложили командованию о потере связи с эвакуационными командами и о том, что бункер заполнен на пятьдесят процентов. К нам начали эвакуировать персонал спецметро и всех подряд, кого еще было можно. Потом пришла вторая волна ракет, и я видел, как на горизонте десятки ослепительных вспышек сменяются ядерными грибами. В какой-то момент взорвалось прямо над камерами, экраны засветило и изображение пропало. Больше я ничего не видел.

Бункер принимал людей еще минут двадцать, потом сообщили, что метро частично обрушилось, и все, кто мог до нас добраться, уже здесь. Телеметрия, расположенная у входа на поверхности, частично не отвечала на запросы, частично сообщала об обрушении и завале. Мы закрыли подземный вход, но продолжали следить за тоннелем спецметро, вдруг кто-нибудь появится… Больше никто не пришел. Зато пришла третья волна, и я думал, что нам конец. Бункер трясло постоянно, системы каждые пять минут переходили в аварийный режим, автоматика фиксировала смещение почвы, врубала сигналы тревоги и выключала оборудование, основное освещение вырубилось и включилось аварийное, тоннель спецметро сложился, словно бумажный, выходящую в него стальную стену с входным люком повело, сам люк

деформировало и заклинило намертво. Впрочем, это уже ничего не значило, тоннель завалило, выходить некуда.

Сутки мы жили, как на иголках, потом оказалось, что это была ерунда. Может, ПВО перестало существовать где-то в это время, а может, просто противник перенес огонь на наш район, точно уже никто не скажет… Но трясти стало так, словно мы не под землей на глубине шестьдесят метров, а на верхнем этаже небоскреба высотой шестьдесят метров, и у нас землетрясение в десять баллов, или сколько там максимум… Там, где стены и потолок были бетонными, трехметровой толщины бетонные блоки лопались с жутким хрустом, исходя здоровенными трещинами, а там, где обделка была из освинцованного чугуна, металлические чушки выбивало так, будто выстреливало. Многих зашибло насмерть или покалечило. Артезианская скважина сложилась, в лифтовой шахте рухнул противовес и разнес лифтовую кабину вместе с дверями в шлюз лифтовой площадки, автоматика сообщала об угрозе обрушения по всему бункеру и рекомендовала срочную эвакуацию…

Пленный криво усмехнулся:

– Эвакуация для эвакуаторов, или «спасатели спасут вас, как только кто-нибудь спасет спасателей». Мы ждали обрушения каждую секунду и жили от сотрясения до сотрясения. Свободного места в бункере хватало, и комендант приказал разместить личный состав в наименее опасных секторах. Мы с техником, нас всего двое осталось, обошли бункер, пока делали это, пару раз чуть не обделались от ужаса, потому что трясти начинало жутко, и из потолочных трещин грунт на голову сыпался килограммами. Хуже всего обстановка была на складе продовольствия, там потолок частично обрушился и раздавил половину контейнеров с продуктами.

Короче, наименее опасных секторов найти не удалось, все разделилось на «очень опасные» и «рухнут в любую минуту». Поэтому людей разместили в первых. Курсантов и солдат собрали в жилом крыле, там ситуация была опаснее, но они прибыли к нам в скафандрах и штурмовых комплектах, так что шансов выжить при частичном обрушении у них было больше. Женщин и детей разместили в лазарете, он на тот момент пострадал меньше всех, трещина на потолке была

всего одна. Остальных поселили в прилегающем секторе, там располагались хозяйственно-бытовые помещения, они пострадали сильней, но все равно выглядели лучше, чем жилые сектора.

Рассказчик бессильно потупился и бесцветным голосом продолжил:

– За ночь нас жестоко трясло трижды, и на последнем разе все то крыло сложилось. Расплющило все: людей, лазарет, бытовки… ничего не осталось, сплошная стена обломков и грунта. К вечеру третьих суток из нее стала поступать вода, и мы, как могли, отрезали погибший отсек от остального бункера. После этого нас трясло еще дважды, но больше обрушений не было. С тех пор сильных сотрясений не происходило, но мелкие случались регулярно, по два-три раза в сутки, видимо, грунты после войны оседают…

К исходу четвертых суток аварийное питание стало умирать, энергии осталось на несколько часов. Сейсмодатчики не фиксировали ядерных ударов часов двадцать, и мы начали борьбу за выживание. Систему основного питания удалось починить, ее частично деформировало в результате смещений грунтов, цистерна с соляркой дала трещину, с полтонны вылилось и половину сектора залило, но остальное уцелело, и мы смогли запустить дизель-генераторы. С нормальным освещением стало значительно легче, и мы принялись за укрепление стен и потолков. Вытащили из жилых секторов двухъярусные кровати, собрали из них опоры и подперли самые опасные места. Опасность обрушения существенно снизилась, и у нас появились шансы.

Связи ни с кем не было, в эфире сплошные помехи, связисты сказали, что, пока ионизация не спадет, рассчитывать докричаться до кого-либо бессмысленно. А когда она спадет – хрен его знает. Вроде дней через пять должно уже быть нормально. Только их надо еще прожить. Половина запаса продуктов уничтожена, но нас уцелело мало, так что продовольствия хватит надолго. А вот артезианская скважина перестала существовать. Водный НЗ хранился в бочках, которых хватит на неделю или даже на две, учитывая, что нас осталось чуть больше сотни. Если за это время нас найдут, то хорошо. А если нет, то вода закончится. Решили не рисковать и сразу заняться водоснабжением. В обрушившуюся затопленную часть бункера провели трубу, воду брали оттуда,

фильтровали и кипятили. Текло оттуда сильно, так что воды хватало. Я боялся, что из-за многочисленных пробоев в защите от обводнения нас начнет топить, но поначалу этого не случилось.

С воздухом дело обстояло хуже. Вентиляционные шахты засыпало, пользоваться можно было только аварийной системой замкнутой регенерации воздуха, но запас химпластин к ней всего на две недели, а дальше смерть. Найдут нас за эти дни или нет, неизвестно. Что происходит на поверхности – неизвестно тем более. А тут еще связисты провели тесты своего оборудования и оказалось, что у нас не только больше нет внешних антенн, но еще отказала система, которая связывала с ними наш передатчик. Ее усилители смонтированы наверху, перед входом в лифтовую шахту сразу за противовзрывной плитой с внутренней стороны. Без связи в случае проведения спасательных работ нас могут посчитать погибшими и в первую очередь заняться кем-нибудь другим. В идеале нужно бы выставить переносную антенну на поверхность или хотя бы добраться до расположенных наверху внутренних усилителей. Если удастся сделать это, то можно будет приоткрыть входной люк, переделать систему фильтрации и использовать шахту лифта в качестве воздуховода. Генералы поставили мне задачу заниматься шахтой и разрешили использовать для этого все имеющиеся ресурсы.

– Генералы? – переспросил Овечкин. – У вас их было много?

– Пятеро, – подтвердил пленный. – Я знал только одного, другие прибыли во время эвакуации, но все наши, из ФСБ. Того, который был из академии, сильно поломало во время обрушений, и его поместили в лазарет. Говорят, он как раз в биорегенераторе лежал, когда лазарет расплющило. Второй сгорел во время пожара полтора месяца назад, остальные живы. Они единственные, кто из базы наружу не выходит.

Полученная информация окончательно утвердила Антона в мысли, что ни на какие здравомыслящие действия диктатор Брилёв не пойдет. Он же полковник, то есть генералы его главнее и выше по статусу, значит, как только они попадут в «Подземстрой», власть он потеряет автоматически. А как известно, любой диктатор ради сохранения власти

готов пожертвовать всем, а людьми – тем более! Тем временем пленный продолжил:

– С шахтой мы возились десять суток. В системе химической регенерации воздуха химпластин осталось на два дня, все были на нервах, но у нас все-таки получилось. Среди личного состава нашлись люди с альпинистской подготовкой, они поднялись по лифтовой шахте наверх и закрепили там канаты и подняли меня с моим техником. Подвесное оборудование лифта оказалось деформировано и частично сломано, требовался демонтаж и ремонт с использованием станков, слава богу, мастерские не расплющило, только засыпало сильно…

Альпинисты кое-как понаделали мостков, чтобы не рухнуть с шестидесятиметровой высоты прямо в шахту, и мы приступили к работам. Вручную демонтаж шел долго и тяжело. Мы собрали лебедку, чтобы поднимать наверх необходимые грузы, сняли с пары штурмовых комплектов защиту и вообще все, чтобы оставить только каркас с усилителями конечностей, потому что одними руками было справиться нереально. Пока мы занимались демонтажем, курсанты расчистили мастерские. Но с запуском станков возникли проблемы, с этим провозились сутки, потом долго правили деформированные детали, опыта ведь не было… Запасных лифтовых тросов не имелось, поэтому сращивали оборванные и молились, чтобы все выдержало… С прочими механизмами проблем тоже хватало, а направляющие в лифтовой шахте в нескольких местах вообще пришлось кувалдой править, этим альпинисты занимались прямо на весу.

В итоге лифт мы все-таки починили. Прицепили противовес, провели пробные пуски, и он даже не оборвался. Подняли наверх команду для выхода наружу и попытались открыть входные люки. Я в это вообще не верил, но люки открылись. Выход из бункера располагался на территории небольшого сквера, точнее, прямо под ним. Так специально было сделано, чтобы в случае войны его не погребло под обломками какого-нибудь небоскреба. В сквере был фонтан, под ним бетонная подушка в два метра толщиной и метровой толщины стальные ворота. Сразу за ними ангар с боевой и спасательной техникой,

непосредственно выход из лифта выводил туда, планировалось, что на поверхность личный состав будет выезжать уже внутри техники.

Но ангар оказался разрушен и почти полностью завален. Уцелела от него едва четверть, но нам повезло. В незасыпанной части размещался гусеничный бульдозер с отвалом и телескопическим ковшом, и такой же гусеничный вездеход. Техника была современная, на электрической тяге, оставалось только расконсервировать, но радиационный фон за воротами не позволял находиться там без антирада даже в скафандрах, и пришлось срочно возвращаться. Лазарет расплющило вместе с дальним крылом бункера, там погибли не только гражданские и раненые, но и все, что имело отношение к медицине, включая врача и медсестер. Единственные оставшиеся медикаменты – это то, что имелось в носимом запасе скафандров и штурмовых комплектов. Поначалу ими лечили раненых, пострадавших от обрушений, но к исходу недели все тяжелые умерли, а легкие более-менее оклемались, и проблема медпомощи отошла на второй план. Теперь она снова встала. Потому что после антирада человеку требуется биорегенератор, а мы остались без медиков и лазарета.

Поначалу решили принять антирад и попытаться справиться с последствиями интоксикации своими силами, согласно имеющимся на этот случай инструкциям. Собрали ремонтную команду, экипировались по полной, приняли антирад и принялись выкапываться на поверхность. Запускали технику, прокапывали выход, готовили внешнюю антенну… Через шесть часов мы все-таки выехали наружу. Там все и офигели. Вокруг ночь, сплошная стена пыли, сквозь которую падает черный снег, минус двадцать пять… И бесконечная свалка из обломков. Ни домов, ни остовов зданий, даже отдельных стен нет. Ничего. Только месиво из размолотого бетона, дерева и железа. Компас не работает, электроника сразу же сгорела вся, кроме экранированной, а экранированная почти бесполезна из-за сильных помех, спутников нет, навигации не существует, связь цепляет метров на двадцать, видимость вдвое ниже и радиационный фон под три тысячи рентген… Даже в скафандре под антирадом лошадиную дозу получишь гарантированно.

Пока все были в шоке, налетел ураган, и нас чуть не поубивало камнями. Мы забились под технику и пролежали там полчаса, потом ветер резко стих. Я даже не сразу понял, что уже штиль. Стало ясно, что внешняя антенна в таких условиях больше часа не проживет, поэтому ее установили в ангаре как можно ближе к поверхности и вернулись в бункер, пока целы. Потом началась интоксикация, и я думал, что умираю в мучениях. До этого мне никогда не бывало так больно, хоть на соревнованиях случалось получать переломы и продолжать драться прямо с ними. Но по сравнению с интоксикацией это оказалось несерьезно. Позже выяснилось, что из ремонтной команды с жизнью попрощался каждый, а те, кто видели наши мучения со стороны, были уверены, что никто из нас не выживет. Кто-то из солдат-ремонтников действительно умер, наверное, у него была непереносимость каких-то компонентов антирада, в инструкции есть предупреждение об этом…

Короче, мучились мы часов восемь, потом еще десять часов спали, словно трупы, а после отпивались водой, как верблюды. После такого никто уже на поверхность выбираться не хотел. Генералы решили, что нужно дождаться, когда осядет пыль и восстановится связь со спутниками, потому что без связи не ясно, где расположены безопасные территории, а без навигации невозможно определить, куда идти. Мы снова закупорились и стали ждать, изредка проверяя обстановку наверху. Но чем больше проходило времени, тем хуже становилось. Температура упала за минус сорок, все засыпало черным снегом, уровень радиации вырос еще сильнее, ураганы стали еще опасней. На наши вызовы никто не отвечал, и с каждой неделей становилось все более очевидно, что никто уже не ответит.

Тогда генералы решили, что надо жить в бункере столько, сколько возможно. Бункер был рассчитан на полгода автономного существования при заполненности в пятьсот человек, но нас осталось вчетверо меньше, поэтому запасов должно было хватить вдвое дольше даже с учетом того, что половина продовольствия погибла. Если проживем год, до следующего лета, то наверняка сможем выбраться за пределы Москвы и найти безопасное место. Потому что за год и пыль осядет, и тепло

вернется, и связь со спутниками восстановится, если из них что-нибудь уцелело. Все согласились.

Месяц прожили более-менее спокойно, если не считать постоянных вибраций из-за оседания грунтов. В такие моменты из трещин в потолках сыпалось земляное крошево, и это вызывало у некоторых панику. Несколько раз у кого-то не выдерживали нервы, люди срывались и начинали психовать. Обычно это заканчивалось дракой, потом зачинщиков утихомиривали, связывали и запирали отдельно от всех, пока не успокоятся. Чтобы у людей не съезжала крыша, генералы приказали офицерам организовать занятия по методам выживания. Все, кто что-то знал и умел, пытались обучить остальных. Я тоже собрал команду из наиболее толковых солдат и курсантов, учил их обслуживанию систем обеспечения бункера. Думал, выживем, шансы есть.

Пленный умолк и снова потянулся рукой к ожогу на веках.

– Но в какой-то момент землетрясения заметно усилились. Трясти чаще не стало, но сами вибрации стали опаснее. Полтора месяца назад нас затрясло так, что сместились работающие дизель-генераторы. Наверное, что-то лопнуло в топливной системе, потому что пожар вспыхнул мгновенно. Система пожаротушения сработала, но это оказалось бесполезно, потому что она была порошковая, а порошок высыпался из полопавшихся емкостей еще во время бомбардировки. Мы пытались использовать огнетушители, но все произошло слишком быстро. Цистерна с дизтопливом дала трещину еще в первый день, вытекшее из нее топливо залило половину сектора, все пропиталось соляркой и теперь вспыхнуло, словно бумага.

Все бросились тушить огонь всем, чем только можно, но тут горящие генераторы вырубились, и основное питание пропало. Пока запускали аварийное, взорвалась цистерна с дизтопливом, и пожар охватил половину бункера. Пламя быстро распространялось, остановить его было нечем, температура подпрыгнула до шестидесяти, много людей сгорело, все получили ожоги. Всех, кто успел надеть скафандры, пламя выдавливало к шлюзу, и я понял, что воздух для горения поступает именно оттуда, через нашу новую систему вентиляции. Через нее же

распространяется пожар. Мы вырубили вентиляцию и закупорились там, где еще было можно. Это помогло. Кислород быстро выгорел, и пожар погас. Пока ждали, потратили много кислорода из аварийного запаса скафандров, но зато выжили. Потом запустили вентиляцию и принялись разбираться, в каком мы положении.

Рассказчик потрогал свои ожоги, болезненно скривился скорее по привычке, чем от реальной боли, и продолжил с нездоровой ухмылкой:

– Оказалось, что оно еще дерьмовее, чем казалось. Два десятка человек погибли, основной системы электропитания больше не существует, склады выгорели, матценности большей частью уничтожены, основной запас продовольствия потерян. Аварийные аккумуляторные емкости повреждены, энергии хватит на день или два, и есть она не везде, потому что шинопроводы выгорели, а беспроводная электрическая сеть покрывает только часть бункера, потому что она дорогая, и устанавливать ее в устаревшем убежище везде было слишком затратно. Не пострадала только труба, по которой мы получали воду из затопленных помещений, и оружейный склад.

Короче, через пару суток мы останемся без энергии, а значит, без света, воздуха, отопления и систем очистки воды. Выжившие только что закончили оказывать друг другу первую помощь, отсутствие медиков сильно сказывалось на настрое, люди были подавлены, и эта информация вызвала у многих тихую панику. И тогда наш генерал заявил, что выход есть, если повезет. Оказывается, наверху, в засыпанном ангаре для техники, в отдельном боксе стоит Лазерная Самоходная Установка. Это оружие считается секретным, потому что работает на компактном ядерном реакторе, и все места дислокации ЛСУ всегда засекречены. Одна такая есть у нас наверху, и если мы сумеем ее откопать, то сможем использовать ее ядерный реактор для получения энергии. Опять же, если сумеем.

Пленный грустно улыбнулся, продолжая глядеть в пустоту:

– Пожалуй, это был единственный раз, когда нам повезло. Бокс с ЛСУ мы нашли сразу. В смысле, мы пять часов прокапывались к ней в ангаре, в скафандрах и под антирадом, используя бульдозер с ковшом. Но за это время ничего не рухнуло нам на головы, и самоходка оказалась в

первом же боксе, на который мы наткнулись. Ее тоже засыпало обрушением, но не повредило, и нам удалось попасть внутрь нее. Среди офицеров оказалось целых три человека, которые в разное время проходили обучение управлению ЛСУ, правда, никто из них не имел практического опыта, но этого хватило. Реактор активировали, самоходку запустили, и она вышла из-под завала своим ходом, спровоцировав еще большее обрушение позади себя, которое распространилось на остальной ангар. Из-за этого нас всех чуть было не завалило, один человек погиб, остальные успели попрятаться под техникой. Слава богу, полного обрушения не произошло, разве что выносную антенну расплющило, но на это было уже наплевать, главное, почти все выжили.

ЛСУ подвели вплотную к лифту, и все, кто хоть что-то знал в этой области, принялись ломать голову, как запитать бункер от ее реактора. В результате мы пришли к выводу, что нам требуется изготовить для ЛСУ специальный коммутирующий узел, от которого можно будет пробросить электрический кабель. Сделать это времени уже не хватило, все вернулись в бункер и приготовились страдать от интоксикации. Для меня это была вторая интоксикация, но мучения показались мне еще более жестокими, чем в первый раз.

Он замученно скривился, словно вспоминая череду тяжелых страданий:

– Я так и не смог привыкнуть к интоксикациям. Сколько уже их было, и каждый раз боль такая, как будто на куски режут. Всегда кажется, что эту интоксикацию мне не пережить. – Его взгляд сфокусировался, и он посмотрел на Порфирьева: – Варяг, как тебе удается переносить это так просто? Когда меня скрючило, ты был еще в норме, а когда я очухался, ты снова был в порядке…

– Адаптация, – коротко прорычал Порфирьев. – Меня отпускает быстрее. Так что с вашей ЛСУ? Я так понял, вы с тех пор от нее запитываетесь?

– От нее, – подтвердил пленный. – Коммутирующий узел мы собрали, детали для него искали по всем выгоревшим складам, но в конце концов все заработало. Даже бухту силового кабеля повезло найти. Сама

бобина, на которую он был намотан, расплавилась, несколько верхних витков тоже, но внутри бухты кабель оказался целым, и его хватило. Мы пробросили его от ЛСУ до штатной шины питания, и проблема с электричеством была решена на ближайшие года три, так сказал генерал.

Мы восстановили бункер, как смогли, и продолжили жить. Через полмесяца стало ясно, что продовольствие заканчивается даже быстрее, чем мы ожидали при нашей экономии. Генералы ужесточили нормы, но было понятно, что это мало что изменит: вместо двух недель голод наступит через три. И тогда кто-то из них сообщил, что в девяноста километрах от нас есть склады Росрезерва. Оказалось, что об этом знали не только генералы, но не понятно, как туда добраться. Транспорта нет, навигации тоже, пешком такое расстояние за один цикл антирада не пройти, тем более что ориентироваться на поверхности невозможно.

Кто-то из офицеров оказался бывшим спецназовцем, он сказал, что карту можно попытаться привязать к местности вручную и идти по ней без навигации, используя гирокомпас. Для пережидания интоксикации и минимального интервала между циклами антирада нужно использовать спецпалатки «База-2М», если они у нас есть. Базы у нас на складе были, но после пожара уцелела всего одна. Сотня человек в нее не вместится, она на взвод рассчитана, а это три десятка бойцов.

Один из генералов заявил, что, типа, жить захочешь, еще не там поместишься, но, если спецназовец сумеет организовать безошибочное ориентирование на местности, то набиваться в базу, как сельдь в банку, не придется. У нас есть ЛСУ, бульдозер и вездеход, можно разместить всех на броне и внутри, тогда доедем до Росрезерва за один цикл антирада. Сами склады под землей, и там наверняка радиации нет. Даже если склады повреждены ядерными ударами, то полностью они погибнуть не должны, потому что занимают под землей большую площадь. Нам главное прокопаться к ангарам со спасательной техникой, они расположены непосредственно у входа, используя бульдозер, мы сможем сделать это.

Получив технику, мы запасемся продуктами и отправимся к «Подземстрою-1», он наверняка уцелел и места там на сотню человек в

любом случае хватит. А если вдруг в «Подземстрое» кто-нибудь будет иметь что-то против, то мы войдем туда силовым путем, арестуем преступников и восстановим закон и порядок. Для этого нужно вооружиться по максимуму. Тем более что после обмена ударами прошло два месяца, и если Росрезерв выжил, то неизвестно как поведут себя его сотрудники при нашем появлении. Нельзя исключать наличие у них злого умысла. Вдруг на почве психологической травмы кто-то из них двинулся крышей и решил, что склады теперь являются его собственностью, а сам он волен решать, кому выдавать продукты, а кого обрекать на голодную смерть. А если склады захвачены мародерами, то ситуация и вовсе однозначна.

В итоге было принято решение готовиться к переходу в Росрезерв. Спецназовец надел штурмовой комплект и что-то долго вымерял сначала в самых дальних частях бункера, потом сравнивал свою карту с планом внутренних помещений, делал какие-то расчеты. В конце концов заявил, что при ориентировании на поверхности погрешностей не избежать, но до Росрезерва мы дойти должны, а там он сможет уточнить карту. Неделю мы готовились к маршу и даже поднялись наверх, в ангар, и попытались откопать еще что-нибудь из техники. Нашли три грузовика, два уничтожило обрушением, третий сильно покорежило, но его удалось завести и поставить на ход.

Идти решили сразу всем личным составом, потому что оставлять тут часть людей невыгодно. Во-первых, без ЛСУ у них будет электропитания всего на двое суток, это все, на что хватало уцелевших аварийных емкостей при полной зарядке, и если вдруг основной отряд задержится по каким-либо причинам, эти люди серьезно рискуют. Во-вторых, в случае успеха основному отряду придется возвращаться в бункер за оставшимися, это значит антирад, облучение, интоксикация, потеря здоровья, времени и ресурса питающих технику аккумуляторов. В-третьих, если за Росрезерв придется вести бой, то чем больше личного состава, тем лучше.

Короче, пошли все, тем более что оставаться никто не хотел. Скафандров и штурмовых комплектов хватало на всех, но большую часть оружия и боеприпасов пришлось оставить в бункере, потому что грузить

было некуда. В установленный день все экипировались в полную боевую выкладку, приняли антирад и поднялись на поверхность. Там сразу же начались проблемы. Видимость метров десять, мороз уже за сорок, все забито черным снегом и постоянно налетают бураны. Грузовик был колесным и мог идти только за бульдозером, по колее метровой глубины, но даже так он еле полз. Поэтому его поставили вторым, ЛСУ шла следом, чтобы в случае чего подтолкнуть, и подталкивать приходилось постоянно.

Внутри техники не уместилось и половины личного состава, основная масса людей сидела на броне, и приходилось прятаться под машины, как только начинался буран. Самый первый застал нас врасплох, людей сорвало с брони и разбросало по сторонам. Спасло то, что все были в штурмовых комплектах, никто не поломался и не улетел за пределы видимости и досягаемости раций. После урагана все добрались до техники, разместились и поехали дальше. Двигаться удавалось не быстрее десяти километров в час, увеличить скорость не получалось, кругом горы заснеженных обломков, зато ямы и впадины засыпаны черным снегом и вообще не видны. В одну такую бульдозер чуть не рухнул, чудом не упал, на самом краю замер, накренившись так, что десант с брони посыпался. Кто-то провалился под снег и упал в какую-то пустоту. Его крик в эфире сменился хрипом и бульканьем, потом все утонуло в помехах. Пока бульдозер на прицепе оттаскивали от ямы, пропавшего пытались искать, но не нашли, и генералы приказали продолжить движение.

Еще через час под снег провалился грузовик. Видимо, внизу раньше было метро или подземный переход, а может, еще что, кто его знает… После взрывов там все обрушилось, образовался глубокий провал, потом провал сверху занесло обломками и снегом. Бульдозер успел пройти по этому месту за секунду до обрушения и чудом не провалился. Колесный грузовик шел следом и начал оседать прямо с куском окружающего пространства. Находящиеся в кузове почувствовали это и бросились врассыпную, но спастись успели только те, кто ехал ближе всего к выходу. Остальным не хватило времени выбраться, и они рухнули вместе с грузовиком. В кромешной пыли даже не было видно, где у пролома

дно, значит, там глубже, чем десять метров. Вместе с грузовиком туда рухнула тонна обломков, и над провалом несколько секунд бурлило облако черного снега. В эфире звенели вопли гибнущих людей и хруст. Может, это хрустел ломающийся бетон или корпус грузовика, но ощущение было такое, словно хрустят человеческие кости. Хруст бы таким громким, что его было отчетливо слышно даже через шипение помех. Он потом сутки стоял у меня в ушах…

Пленный поежился, и по его чумазому лицу скользнула болезненная гримаса.

– Крики в эфире быстро утонули в помехах, и кроме шипения в головных телефонах ничего не было слышно. Я ехал на броне ЛСУ, мы еле успели остановиться возле самого края обрыва и стали подбирать тех, кому повезло спастись. Попутно орали в эфире бульдозеру, чтобы остановился. Бульдозер нас не слышал, связь цепляла едва-едва, и расстояние было слишком большим, но те, кто сидел у него на броне, слышали звук обрушения и заметили, что фары идущего позади грузовика больше не горят. Бульдозер вернулся задним ходом и остановился недалеко от обрыва, но их было еле слышно в эфире. Между нами находился провал, и было непонятно, где его можно безопасно объехать. Вдруг это метро, и оно тянется на десятки километров. Начнешь объезжать хоть справа, хоть слева, но все равно провалишься.

Умирать никто не хотел, особенно те, кто чудом успел выскочить из падающего грузовика и остался жив. Уцелело всего с десяток человек, так что им еще повезло… Короче, оставаться на месте или поворачивать назад не было смысла, решили проехать вдоль предполагаемой границы провала сто метров и двигаться прежним курсом. Вперед пустили вездеход, чтобы не рисковать ЛСУ как единственным источником энергии, самоходка пошла следом. По другую сторону провала параллельно с нами двигался бульдозер, чтобы не потеряться. В кромешной пылевой тьме никто бы дорогу друг к другу не нашел, это понимали все…

К счастью, больше мы никуда не проваливались. Объехали опасное место, как смогли, соединили колонну и двинулись дальше. После такого

никто уже не пытался увеличить скорость, мы ползли десять километров в час, и мне казалось, что колонна двигается слишком быстро, если впереди окажется провал или воронка, в сплошной пыли рискуем заметить это слишком поздно или вообще не заметить…

Часто налетали бураны, колонна останавливалась, и люди прятались за техникой, чтобы не побило потоками камней и заледеневших комков радиоактивной грязи. Двигаться без остановок было невозможно, и за цикл антирада удалось пройти километров пятьдесят с чем-то. Когда до стандартной интоксикации оставалось полчаса, генералы остановили колонну и приказали разворачивать базу. Полчаса на установку спецпалатки – это больше стандартного норматива, но мы все равно не успели. Потому что никто из нас никогда ее не устанавливал по нормальному, большинство вообще видело спецпалатку впервые. Спасло то, что несколько курсантов год или два назад присутствовали на занятиях по развертыванию базы. Мы ФСБ, война в условиях ядерной войны не наша специализация, поэтому занятия подобного рода были обзорными, и все на них забивали. Курсанты рванули разворачивать базу по принципу «кто что помнил», получалось это не сразу и не у всех.

Когда спецпалатку все-таки установили, интоксикация уже срубила нескольких человек. Они бились в конвульсиях, утопая в черном снегу, их лиц даже не было видно из-за заляпавшей лицевые щитки рвоты. Никто не понимал, чем им помочь, кто-то пытался колоть транквилизаторы, кто-то заявлял, что этого делать ни в коем случае нельзя. Один из тех, кого корчило, как-то сумел вколоть себе противошоковое сам. Через полминуты его выгнуло в дугу, и он умер. Еще один захлебнулся собственными рвотными массами, остальные дожили до того, как база была развернута, и их втащили внутрь. Как потом оказалось – зря, потому что все равно никто не выжил, только место заняли.

Нас к тому времени осталось человек восемьдесят, и места не хватало от слова «совсем». Лежать было негде, все распределились по спецпалатке сидя, и генералы приказали зафиксировать экзокорсеты в сидячем положении. Поначалу это помогало, а потом начался ад. Людей скрутило судорогами, все бились в конвульсиях прямо друг на друге,

заблевывая себя и окружающих, в ушах сквозь жестокую резь боли гремела адская какофония из хрипов, криков, бульканья и стука соударяющегося металла. Наверное, это была самая жуткая интоксикация из всех, не знаю…

Пленный скривился и в очередной раз потер обожженные веки.

– Для меня все интоксикации жуткие. Но после этой из базы вынесли еще семь трупов, все погибли от непреднамеренных ударов усилителями конечностей. Сутки мы просидели впритирку друг к другу, очень хотелось пить, и к началу следующего цикла мы выпили половину взятого с собой запаса. Генералы приказали экономить, потому что никто уже не понимал, дойдем ли до Росрезерва за один переход.

Первый час пути колонна едва плелась, потом захламленность вокруг заметно уменьшилась. Многометровая свалка превратилась в невысокую, и бульдозер пошел увереннее. Скорость немного выросла, и оставшееся расстояние мы прошли за четыре часа. В эфире объявили, что мы достигли места расположения Росрезерва, и теперь предстоит обнаружить и раскопать вход. На рацию никто не отвечает, вокруг нет ничего, кроме черной зольной тундры, значит, склады погребены под землей и необитаемы. Это даже хорошо, потому что все, что там есть, нетронуто и достанется нам.

Слова генерала всех взбодрили, но длилось это недолго. У генералов был план Росрезерва, и колонна начала двигаться по местности в поисках входа. Почти сразу радиационный фон начал расти, и мы наткнулись на кратер, уходящий глубоко под землю. Через пятнадцать минут бульдозер чуть не упал во второй такой же пролом. Потом снова налетел буран, двадцать минут мы лежали под машинами, ожидая, когда он закончится, потом еще пять выкапывались из-под заносов черного снега и забирались на броню. Генералы развернули колонну в другую сторону, и поиски продолжились подальше от кратеров. Через двадцать минут мы натолкнулись на ваш ров. ЛСУ зацепила его откос гусеницей и чуть не сползла туда боком. Оказалось, что в пыльной темноте черный снег окружающей пустоши сливается с чернотой рва, и его ни фига не видно даже в пяти метрах. Мы дошли до начала рва, заехали в него и добрались до ворот в Росрезерв.

Стало ясно, что кто-то его откопал до нас, но на рацию никто не отвечал, и ворота были подперты обломком бетонного блока снаружи. Значит, сейчас там никого. Мы заехали внутрь, надеясь, что там безопасно, но оказалось, что склады наполовину уничтожены, от былой герметичности ничего не осталось, и радиационный фон там практически такой же, как на улице. Без антирада не выжить даже в скафандрах. А еще имеются хорошо заметные следы чьей-то активности. Тот, кто здесь побывал до нас, забрал всю полезную технику, очистил хранилище противорадиационного снаряжения и вывозит из Росрезерва продовольствие.

Генералы собрали офицерский совет, который пришел к выводу, что продукты вывозит «Подземстрой-1». Они гражданский бункер, по ним не стреляли, поэтому они не пострадали. Из всех противоатомных убежищ, личный состав которых, теоретически, мог добраться до Росрезерва в текущих реалиях, только у «Подземстроя» имеется серьезный автопарк. У остальных такого нет. Тем более что остальные объекты имели военное назначение, по ним стопроцентно наносились удары, и никакая техника уцелеть не могла – все видели, что случилось с нашим ангаром, а ведь мы всего лишь эвакуационное убежище ФСБ, а не стратегический командный пункт. Но следы, которые мы нашли внутри складов, принадлежат не гражданским скафандрам. Это отпечатки стандартной защиты ног, которая применяется в штурмовых комплектах. Такого снаряжения в «Подземстрое» быть не могло, значит, он захвачен какими-то военными.

Сначала все решили, что кому-то из гарнизона какого-нибудь стратегического бункера удалось выжить, но сам бункер получил сильные повреждения и утратил автономность. Уцелевшие смогли добраться до «Подземстроя» и влились в его административные органы. Только непонятно, зачем они вывозят продукты, ведь у них полностью автономное продовольственное обеспечение, и без серьезной причины добираться досюда за пятьсот километров, рискуя погибнуть каждую минуту, смысла нет. Может, у них проблемы с биофермами из-за постоянных землетрясений, если только так…

Но потом наш бывший спецназовец нашел на складе материальных ценностей сразу в нескольких местах отпечатки подошв фотохромных комбинезонов, и генералы объявили боевую готовность. Потому что фотохромный комбинезон – это уже спецназ. А в стратегическом бункере спецназа нет, там воевать не с кем, он под землей находится, в нем высший комсостав осуществляет управление ходом боевых действий. Если только это не секретный бункер ГРУ, эти отморозки любят кичиться своим спецназом и засовывать его во все дыры, где надо и где нет. И вести грязные игры как за рубежом, так и внутри страны. Всем хорошо известно, что у нашей конторы с ГРУ постоянные терки, конкуренция и очень натянутые отношения. Мы самостоятельное ведомство, стоящее на страже законной власти и безопасности страны, а они – придаток к Министерству Обороны. Решить что-либо официально они не могут, полномочий не хватает, поэтому любят использовать всевозможные методики тайных манипуляций, зачастую слабо совместимых с законом.

Эти запросто могли захватить «Подземстрой-1» еще до начала обмена ударами. Один из генералов заявил, что это наверняка именно так и было. Маловероятно, что у ГРУ был бункер рядом с «Подземстроем», о котором ФСБ не знало. Мы – часть правительства, из наших рядов выходят Президенты, мы знаем обо всем. Более вероятно, что ГРУ заранее планировало операцию по захвату «Подземстроя-1» в первые минуты ядерного конфликта на случай, если ядерная война все-таки произойдет. Их высшему руководству хотелось получить безопасное убежище, по которому не станут наносить удары, то есть «Подземстрой-1» идеальный вариант.

И никто не удивится, если окажется, что подобный план ГРУ разработало еще на стадии строительства «Подземстроя-1». Как только из-за ситуации на Шельфе ООН все силовые структуры были приведены в боевую готовность, ГРУ могло скрытно выдвинуть спецназ в район «Подземстроя». Едва стало известно о начале ядерной войны, спецназ захватил гражданский бункер и обеспечил прибытие туда своего высшего руководства. Особых трудностей в этом не было, потому что шла эвакуация, бункер был открыт и принимал людей. А в том, что это

был именно незаконный захват, сомневаться не приходится. Шрецкий давно метил в президенты и хорошо знал политическую конъюнктуру. Поэтому держал армейцев на вытянутой руке и тесно взаимодействовал с ФСБ. Личная охрана у него была только из наших, и вообще, Служба Безопасности его бизнес-империи редко брала в свои ряды кого-то из армейских. Поэтому работать с ГРУ он бы не стал.

При этих словах Порфирьев мрачно нахмурился, видимо, вспоминая, как его завернули кадровики Шрецкого при попытке устроиться в охрану «Подземстроя-1».

– Короче, – продолжал рассказ пленный, – разрешение на подобное использование своего «Подземстроя» Шрецкий армейцам никогда бы не дал, тем более ГРУ.

Поэтому генералы решили, что с высокой долей вероятности «Подземстрой-1» захвачен ГРУ и кишит спецназом. Это объясняет отпечатки их подошв. Военных было больше, чем гражданских, то есть это грузчики и солдаты, одновременно исполняющие функции конвоя, потому что гражданские захвачены силой. Тем более что фотохромный комбинезон сильно уступает по радиационной защите скафандру, и никто не будет передвигаться в нем по поверхности в таких условиях. Спецназ везут сюда внутри специализированного транспорта в безопасности, здесь он зачищает объект, дальше в дело вступают хорошо защищенные от радиации бойцы. Росрезерв однозначно зачистили, потому что следов взлома нет, ворота открывались изнутри, а на склонах проломов мы видели несколько тросов, сброшенных вниз. Сейчас добраться до них невозможно, но тогда, когда их крепили, снега еще не было, и проблем не имелось. А внутри складов мы обнаружили несколько трупов людей в снаряжении охранников с огнестрельными ранениями. Это спецназ ГРУ проник через проломы внутрь складов, уничтожил охрану и открыл ворота изнутри.

Транспорта в «Подземстрое» достаточно, отсюда тоже вывезли всю спасательную технику и вездеход на воздушной подушке, а он тут был, информация о нем есть в генеральских файлах. И следы спецназа замечены в единственном складе материальных ценностей, наполовину разрушенном. Явно видно, что оттуда вывезено какое-то оборудование,

в том числе спутниковый ретранслятор. Продуктовые склады были почти не тронуты, оттуда забрали количество продуктов, мизерное для двухтысячного населения, на которое рассчитан «Подземстрой-1». Скорее всего, оно требовалось для нужд тех, кто приехал сюда за ретранслятором. А вот их потребность в ретрансляторе как раз многое объясняет. Например, то, что во время штурма «Подземстроя-1» спецназ ГРУ уничтожил внешние системы связи, чтобы администрация не смогла подать сигнал бедствия и сообщить о нападении правоохранительным органам или напрямую Шрецкому. А после окончания обмена ударами им потребовалась связь, как и нам. Все сходится...

– Они нашли трупы тех мужчин, с которыми пришел туда покойный Иван Вахидович, – понял Овечкин. – Они же были охранниками стрелкового тира! Это недоразумение! Они погибли из-за междоусобицы!

– Не мешай, – недовольно оборвал его Порфирьев и вновь посмотрел на пленного: – Зачем вы склады-то заминировали? Если видели, что мы оттуда взяли всего ничего!

– Это было предупреждение, – пленный пожал плечами. – Генералы сказали, что если «Подземстрой-1» захвачен ГРУ, то просто так нас они туда не пустят, потому что ГРУшное начальство не захочет, чтобы о захвате кто-нибудь узнал, там ведь без крови не обошлось, это сто процентов, достаточно посмотреть на трупы здесь. Мы же ФСБ, они наложат в штаны, как только услышат. Скорее всего, от нас попытаются избавиться. Штурмовать «Подземстрой» мы не можем. Непонятно, какие силы там сосредоточены, да и добраться до него вряд ли получится. А если и получится, то мы ограничены циклами антирада. Нас могут голыми руками взять, пока мы будем в спецпалатке от интоксикации корчиться.

Единственный выход – это захватить Росрезерв. Если мы возьмем склады под свой контроль, то «Подземстрою» придется с этим считаться. Видно же, что они приезжали сюда больше, чем один раз, значит, им здесь что-нибудь нужно, и они могут вернуться еще. Тут у нас тактическое и огневое преимущество, вряд ли у них есть что противопоставить Лазерной Самоходной Установке в узком

пространстве входного рва. Поэтому мы должны организовать засаду и нейтрализовать их команду, которая сюда приедет. Захватить транспорт и пленных, допросить злоумышленников и получить информацию. В нашем бункере без продуктов нам конец. Все равно придется регулярно ездить в Росрезерв за продовольствием, а так и самим в засаду попасть недолго.

Но здесь мы оставаться не можем, радиация и интоксикации нас быстро убьют. Поэтому мы грузим продовольствие, сколько сможем, и возвращаемся к себе. Там собираем все, что у нас есть, и думаем, как установить контроль над Росрезервом. Находим способ и реализуем его. Энергии у нас в избытке, продовольствия в Росрезерве полно, это дает возможность выжить и заняться разработкой вариантов, которые дадут нам возможность попасть в «Подземстрой-1». Но скрыть следы своего появления здесь мы не сможем, поэтому надо принять меры для того, чтобы усложнить противнику организацию засады на нас. Надо заминировать продовольственные склады и вход в Росрезерв. Если нам противостоит спецназ ГРУ, то мины они, скорее всего, обезвредят, но это послужит им красноречивым предупреждением, что мы не гражданские мальчики для битья и с нами придется считаться. А если на наших минах кто-то из них подорвется, то это сократит численность противника, что еще больший плюс.

Пленный умолк, исподлобья скользя взглядом по всем присутствующим, словно подозревал их в чем-то. Не дождавшись реакции, он продолжил:

– Мы развернули базу, сняли штурмовые комплекты и набились внутрь переживать интоксикацию. К тому моменту нас было больше шестидесяти, давка была ужасной, боль еще хуже, и я снова думал, что не выживу… Но на этот раз никто не умер. Все были вымазаны в рвотных массах, многие в крови, но интоксикацию мы пережили и кое-как оклемались. Потом начался следующий цикл антирада, мы забили продовольствием все внутреннее пространство техники, заминировали склады и вход и двинулись в обратный путь. Места на броне всем не хватило, но в транспортном ангаре мы обнаружили разобранные грузовики, из частей одного из них наспех собрали волокушу и

прицепили ее к бульдозеру. Все, кто остался без транспорта, должны были ехать в ней. Это их и спасло.

Он вновь покосился на молчаливо слушающих людей и заговорил:

– Из складов мы выезжали в обратном порядке: первым шел вездеход, потом ЛСУ, замыкал бульдозер. Из рва выходили пешком, планировали сесть в волокушу после того, как колонна встанет на колею. Но оказалось, что за сутки от нашей колеи не осталось даже следа и надо пробивать новую. Пока выгоняли вперед бульдозер, кто-то заметил в пылевом мраке две красные точки. Тепловизоры не давали никаких отметок, генералы объявили боевую тревогу, и все попадали в снег, изготавливаясь к бою. ЛСУ развернулась в сторону противника, но точки уплыли куда-то во мрак и исчезли. Мы решили, что это спецназ из «Подземстроя-1» в фотохромных комбинезонах пытался обстрелять нас из оружия с лазерными прицелами, но объявление тревоги их спугнуло.

Минут десять мы ждали нападения, потом начался буран, и еще двадцать минут все ждали, когда он закончится. Термометр показывал под минус сорок, обогрев скафандров жрал аккумуляторы вдвое быстрее, но температура внутри все равно не поднималась выше пятнадцати градусов, пока не заканчивался ветер. Генерал сказал, что в фотохромном комбинезоне, слабо защищенном от радиации, не настолько тепло и безопасно, чтобы поджидать нас до сих пор, и как только буран стих, колонна продолжила движение. Мы отошли от Росрезерва километров на десять, когда красные точки появились слева от вездехода. Горели они метрах в трех над землей, и генерал выкрикнул, что там, в пылевом мраке, какое-то возвышение, с верхушки которого спецназ готовится атаковать колонну. Поступил приказ открыть огонь, и мы ударили из всех стволов.

В тот миг никто не понял, что произошло, все случилось слишком быстро. По вездеходу ударили чем-то тяжелым, и его разнесло в клочья, словно он был не из стали, а из динамита сделан. Ударило так, что в ушах звенело даже через гермошлем. Взрывной волной всех вдавило в снежную толщу, люди потерялись в черном месиве, техника заглохла, волокушу перевернуло вверх дном, и она накрыла собой десант. В следующую секунду начался буран, наверное, потому мы и выжили.

Когда ветер стих, противника уже не было. По крайней мере, отсветов лазерных прицелов нигде не наблюдалось. Один из генералов сказал, что спецназ из «Подземстроя-1» заложил на пути нашего следования фугас и подорвал его под вездеходом. Но по правилам организации засады уничтожать надо первую и последнюю машины в колонне, а наш бульдозер не подорвался, поэтому нужно быть готовыми к тому, что где-то здесь есть второй фугас. Просто бульдозер случайно проехал мимо него. Все сильно напряглись, но бывший спецназовец сказал, что такого быть не может, потому что он реально не понимает, как противник мог установить фугасы на нашем пути заранее, если даже мы сами не знали, как будет пролегать новый маршрут.

На это генерал ответил, что у «Подземстроя» имеются вездеходы на воздушной подушке, как минимум один точно есть, тот, который числился на складах Росрезерва. На воздушной подушке они двигаются быстрее нас, поэтому могли обогнать и заложить фугасы приблизительно, из расчета, что мы идем по прямой. Их расчет оказался не совсем точным, один фугас мы миновали, а вот со вторым не повезло. Спецназовец не стал спорить с генералом, хотя позже, в палатке, сказал, что все равно не думает, что это возможно. Он оказался прав, но тогда никто об этом не знал.

Пленный в третий раз бросил на всех подозревающий взгляд, но, видимо, не дождался той реакции, на которую рассчитывал, и продолжил:

– Короче, технику удалось завести, началась перекличка и поиски тех, кто не отвечал. От вездехода не осталось ничего, что было бы крупнее пивной кеги, погиб экипаж, продукты, восемь человек десанта и почти весь запас воды. Двоих курсантов из числа тех, кто ехал на броне ЛСУ сзади, взрывной волной вышвырнуло куда-то в пустошь. Система биомониторинга личного состава, имевшаяся у их взводного, в момент взрыва зафиксировала смерть подчиненных, и искать их не стали. Других потерь не было. Бойцы перецепили волокушу, которая их спасла, к бульдозеру, и мы двинулись дальше. В целях безопасности мы развернулись под углом девяносто градусов по отношению к прежнему

курсу, прошли так сотню метров и продолжили двигаться к своему бункеру.

Больше нападений не было, но обратный путь оказался еще дольше, чем путь сюда. Волокуша шла по черному снегу фигово, ее постоянно шкивало, и она билась о края колеи. Трос, которым она была привязана, постоянно рвался, приходилось останавливаться и сваривать его заново. Мороз за минус сорок, ветер, грязный снег клубами – короче, не видно ни фига, и резак плавит еле-еле, расплав замерзает еще до того, как оборванные концы срастутся… Из скафандров сильным ветром выдувает тепло, под бураном температура внутри падает до плюс десяти, холодно, аж зубы стучат. Как только начинался буран, мы останавливались и прятались, кто где успел: за техникой, под техникой – пофиг, лишь бы не остаться на прямом ветру. За цикл антирада прошли половину расстояния, развернули базу, сняли штурмовые комплекты, сложили их между ЛСУ и бульдозером и накрыли сверху волокушей, чтобы ураганом не унесло.

Нас тогда оставалось пятьдесят три, но давка внутри базы все равно была жуткая. От интоксикации потерь не было, только грязища, разбитые лица и ощущение, что в следующий раз точно подохнешь. Жажда давила так, что остатки воды выпили почти сразу. Ее мало было, основной запас внутри вездехода лежал и вместе с ним взорвался. Сутки прошли жестоко, пить хотелось больше, чем жить. Потом начался цикл антирада, мы выбрались наружу и час откапывали технику. Волокушу вообще занесло целиком, ее не сразу нашли. Но штурмовые комплекты уцелели, хорошо, что аккумуляторные батареи мы заранее с собой в спецпалатку унесли, не зря бились об них головами…

До бункера успели дойти минута в минуту. Дорога была тяжелая, бураны, адский холод, постоянные обрывы троса, несколько раз волокуша наскакивала на отвал колеи и переворачивалась… слава богу, хоть провалов в земле нам больше не попадалось. К входу в бункер вышли немного с другой стороны и в этой гребаной ночной пыли проехали мимо. Поняли метров через триста, пока развернулись, пока нашли вход – стандартные семь тридцать цикла антирада истекли. Внутрь спускались в истерике, все орали друг на друга, подгоняя, но

раскопанный въезд занесло снегом, и его пришлось откапывать, да и лифт от матов быстрее ехать не стал…

Короче, у двоих интоксикация началась еще в ангаре, пришлось тащить волоком за руки, к ногам было не подойти, судороги в штурмовом комплекте – это реальная пальцедробилка, со стороны ног лучше не соваться. Еще одного сломало прямо в лифте, он распинал всех, но его придавили толпой и отключили аккумулятор. Остальные успели добраться до бункера. Подключать реактор ЛСУ к внутреннему питанию времени не было, поэтому я врубил аварийное, и все попадали, кто где, прямо в коридоре за шлюзом. Я снова думал, что не выживу, но выжил…

А вот один из тех, кого скорчило в ангаре, умер. Он вроде из интоксикации вышел живым и уснул, но потом его скрючило с жуткими конвульсиями, изо рта пена хлынула ручьем, и все. Никто даже подойти к нему не успел, всем было хреново, люди едва шевелились. Пока аварийное питание еще было, все бросились, точнее, поползли, запускать систему фильтрации воды. Я в жизни так не радовался обычной воде! Не отрываясь, выпил столько, что стошнило водой, и сразу после выпил, наверное, еще столько же…

Мы еще толком не успели восстановиться, все разбрелись по койкам и отсыпались, как вдруг аварийное питание вырубилось. Я спал и не сразу понял, что питания нет, меня разбудили и сообщили. Аварийного должно было хватить еще на сутки, я подумал, что что-то сломалось, оделся при свете дисплея наручного коммуникатора и пошел в аккумуляторную. Пока ковырялся там в темноте, ни фига не понял: аккумуляторные сборки вроде рабочие, но почему питание не подается, черт его знает… И тут со стороны жилых секторов ударил взрыв и началась стрельба. Я без оружия, без штурмового комплекта, даже без скафандра, в одном комке, куда бежать?! Там взрывы долбят один за другим! Схватил динамометрический ключ потяжелее и спрятался за аккумуляторами, что еще было делать…

Минут через десять все стихло, и аварийное врубилось само. Я посидел минут пять для надежности и полез смотреть, что случилось. В коридоре меня свои же чуть не завалили, еле успел за угол отпрыгнуть,

пули перед самой башкой в стену били. Я кричу, типа, это я, я Шарафутдинов, я свой, а они долбят один фиг. Пока магазины не расстреляли, не успокоились. Я слышу, как они перезаряжаются, и давай орать матом во все горло. Только тогда они поняли, что это я. Говорят, какие-то огромные роботы ходят по бункеру и убивают всех, кого видят. Никто не видел, как они проникли в бункер, потому что все отсыпались после интоксикации, некому было нести службу, да и за входным шлюзом давно уже не следили, мир сгорел в ядерном аду, не от кого запираться.

Поэтому роботы застали нас врасплох. Наверняка это они вырубили аварийное питание каким-нибудь электромагнитным ударом и под покровом темноты атаковали спящих людей. Они убили бы всех, но кто-то наткнулся на них случайно в центральном коридоре и поднял тревогу. Те, кто успел вооружиться первыми, пока остальные вскакивали и одевались, выскочили в коридоры и открыли огонь по роботам. Но роботы оказались тяжело вооружены, и атакующих разнесло на кровавые ошметки. Погибло в общей сложности шесть человек, все, кто столкнулся с роботами лицом к лицу.

Остальной личный состав вооружился и вступил в бой, но роботов в темноте не было видно, и огонь пришлось вести наугад, из-за чего центральный коридор и несколько боковых частично разрушены. Потом врубилось освещение, и, похоже, это заставило роботов отступить. Наверное, они ушли, потому что заложенная в них программа оценила, что в узких коридорах при хорошем освещении мы их уничтожим. Короче, мы перегруппировались, вооружились до зубов и начали зачистку бункера, но роботов уже не было. Мы проверили все, вплоть до лифтовой шахты, везде пусто, и лифт стоит внизу, на нашем уровне, а не вверху, как если бы на нем кто-то недавно поднимался.

Один из генералов даже предположил, что никаких роботов не было, и те, кто погиб, стали жертвами галлюцинаций, вызванных побочными эффектами антирада. Они приняли друг друга за каких-то роботов и забросали сами себя гранатами. Тем более что человекообразных боевых роботов не существует ни у нас, ни у НАТО. Гуманоидная форма

сама по себе слабофункциональна, стоящие на вооружении боевые роботы и наземные дроны либо колесные, либо четвероногие.

Но сразу выяснилось, что как минимум три человека видели роботов издалека при вспышках взрывов. Это были массивные трехметровые человекообразные фигуры не меньше полутонны весом, целиком замотанные во что-то типа белой мешковины, через которую в районе головной надстройки просвечивали лазерные элементы системы наведения. И это никак не мог быть спецназ в фотохромных комбинезонах, потому что трехметровых людей не существует. Так что это по-любому роботы, других вариантов быть не может.

Генералы поверили не сразу и долго выясняли подробности, которых фактически не было. Короче, они пришли к выводу, что роботы действительно существуют. Это секретная военная разработка, потянуть которую в тайне от ФСБ могло только Министерство Обороны, а внутри него обеспечить такой режим секретности возможность имелась только у ГРУ. Отсюда вывод: эти роботы стоят на вооружении спецназа, захватившего «Подземстрой-1». В условиях запредельной радиации и ионизации дистанционное управление невозможно, значит, роботы автономные и действуют по заложенной программе. Захватившие «Подземстрой» головорезы запустили их по нашим следам после того, как не сумели уничтожить нас на марше возле Росрезерва. Судя по рассказам очевидцев, роботов было двое, а нас осталось сорок пять, так что в открытом бою мы их уничтожим запросто. Поэтому они и отступили.

А лифт внизу потому, что роботы, поднявшись, отправили его вниз. Чтобы мы в горячке боя, увидев лифт, рванули наверх преследовать их. Там они нас и перебьют, на выходе. Ударят термобарическими по лифтовой кабине, как только откроются двери. И тот факт, что это роботы, а не живые спецназовцы, подтверждается тем, что роботы, отступая, не тронули нашу самодельную систему вентиляции, установленную возле лифтовой шахты. У них в программе попросту нет такого объекта, как самодельная вентиляция, и роботы ее проигнорировали. Живой спецназ мимо бы не прошел и обязательно

уничтожил бы вентиляционное оборудование, чтобы оставить нас без воздуха.

Значит, роботы устроили засаду наверху, в ангаре. Необходимо выбить их оттуда, а еще лучше – уничтожить, потому что здесь мы в ловушке. Если их электронные мозги придут к выводу, что надо взорвать лифтовую шахту, то нас тут похоронит. Аварийное сдохнет через сутки, ЛСУ наверху, и продовольствие, которое мы привезли из Росрезерва, тоже наверху, внутри уцелевшей техники. Так что выбора у нас нет, нужно прорываться наверх.

Бывший спецназовец предложил изготовить ложные цели и отправить их туда на лифте. Если роботы ударят по ним, то сочтут нас уничтоженными. Если после этого они спустятся сюда, мы их перебьем. Если нет, то мы поднимемся наверх при помощи альпинистов и атакуем их внезапно. План был так себе, но выбирать не приходилось. Скоро аварийное иссякнет, и тогда все станет еще тяжелее. Ложные цели наскоро собрали из чего придется, затащили в лифт и отправили наверх. Но ничего с ними не произошло. Лифт простоял там больше часа, потом мы спустили его, загнали туда радиоуправляемый дрон с камерой и снова отправили наверх. Дрон вышел из лифта, канал связи тут же стало забивать помехами, и через минуту он сгорел. Но за это время никаких роботов мы не увидели, и было решено рискнуть.

Спецназовец собрал штурмовую команду, они устроили в лифте баррикаду, чтобы не попасть под прямой удар, и поднялись наверх. Роботов в ангаре не было, только сгоревший дрон и следы здоровенных ног. Я сам видел, когда подключал реактор ЛСУ к внутренней энергосети, отпечаток в полметра длиной…

Пленный опять замолчал, косясь на всех подозревающим взглядом, особенно на Порфирьева. И Овечкин понял, что он ждет, когда кто-нибудь из нас подтвердит уверенность выходцев из бункера ФСБ в том, что роботы-убийцы принадлежат нам.

– Мы не имеем никакого отношения к роботам-убийцам! – заявил Антон, спеша внести ясность. – Мы сами подвергаемся угрозе их атак!

– Помолчи, потом изольешь душу! – снова оборвал его капитан-мизантроп и прорычал пленному: – Роботы не наши. Не знаю чьи. Есть

мнение, что натовцы сбросили их во время обмена ударами. Когда вы планируете возвращаться?

– Куда? – не понял пленный.

– К себе в бункер.

– Никогда, – пленный скривился, похоже, пережидая приступ боли. – Нам не на чем сделать это. Транспорта не осталось, а пешком не дойти. Да и жить там невозможно, в бункере нет ни электричества, ни продовольствия.

– Что ж вы не стали вывозить отсюда продукты? – рык Порфирьева был почти не кровожадным. – Собрали бы пару прицепов, нагрузились и дотащили. Девяносто километров – это не пятьсот.

– Мы хотели, – подтвердил пленный. – Но роботы помешали. Мы, когда выбрались в ангар и их там не нашли, подключились к реактору ЛСУ и перетащили продукты в бункер. Но продуктов оказалось мало, основной запас был в вездеходе, внутри самоходки и бульдозера много не уместишь. Стало ясно, что через неделю снова останемся без продовольствия. А тут еще эти роботы… Непонятно, что они будут делать дальше. Может, ушли в «Подземстрой», чтобы позже вернуться с подкреплением, им ведь теперь известны наши координаты. Если нас заблокируют в каменном мешке без еды и энергии, то даже убивать не придется.

Короче, генералы решили, что нужно организовать еще один конвой в Росрезерв, за продуктами. Отправлять не всех, а половину, чтобы в спецпалатке нормально умещались. Пусть едут на бульдозере с волокушей, туда продукты и погрузят. Мы даже покрывало для нее сделали из остатков двух сгоревших баз, чтобы продовольствие меньше облучалось. Пока конвой будет заниматься продуктами, остальные будут охранять бункер и заодно подготовят все вооружение, которое у нас есть. Как только бульдозер вернется, выроем инженерные укрепления вокруг входа, наделаем ловушек и все заминируем. Если противник начнет штурм или попытается тайно проникнуть в бункер еще раз, то мы будем готовы.

Попасть в состав конвоя никто не хотел, с этим начались проблемы, чуть не вспыхнула драка, и генералы даже хотели расстрелять пару

самых буйных. Но потом заявили, что сейчас каждый человек на счету, поэтому бывший спецназовец назначается командиром конвоя, ибо больше некому, а остальным разрешается бросить жребий. В итоге в конвой набрали двадцать человек, потому что больше на броне у бульдозера не поместится, ведь на обратном пути волокуша будет занята продовольствием. Без усилителей конечностей такой толпе на броне не удержаться, поэтому весь расчет на штурмовые комплекты.

Пленный криво улыбнулся:

– Мне повезло остаться в бункере, и я был на седьмом небе от счастья. Те, кому не повезло, через два дня отправились в Росрезерв. Вернулись они через четверо суток за пару часов до интоксикации, злые, замученные и без продуктов. Рассказали, что до Росрезерва добирались тяжело, на поверхности уже под минус пятьдесят, снега все больше, бульдозер идет медленно, за один цикл антирада добраться до Росрезерва невозможно. Но это еще не все.

Когда они добрались, оказалось, что въездные ворота взломаны, и запереться изнутри теперь невозможно. Внутри полно следов от роботов, и вряд ли их только двое, скорее, четверо, и это минимум. Наши мины, которые мы ставили у входа, перетащили на середину рва вместе с бетонными обломками, под которыми они были установлены. Сто процентов, это сделал спецназ «Подземстроя», чтобы мы на них же и подорвались. Но к моменту нашего прибытия мины уже сдетонировали, скорее всего из-за сильного холода и под давлением очередного бурана.

Мины внутри, на складских воротах продуктовых хранилищ, почти все оказались нетронуты. Сняты всего три мины: две с продовольственных хранилищ, откуда исчезло не меньше двадцати тонн продуктов и стеллажи, на которых они были размещены. Третью мину сняли с входа в полуразрушенное хранилище матценностей, откуда тоже исчезла часть стеллажей. Еще одна установленная на воротах мина сработала. Возле нее обнаружен труп гражданского в старом скафандре МЧС. Кругом следы роботов, отпечатки подошв штурмовых комплектов и фотохромных комбинезонов. Наиболее вероятно, что гражданский либо подорвался случайно, либо он, будучи пленником, был специально отправлен в качестве одноразового разминирователя, потому что

конвойным не хотелось рисковать собственными жизнями и снимать мину самостоятельно.

А еще нам оставили записку. Нацарапали прямо на воротине вскрытого продовольственного хранилища. Там сказано, что они нам не враги, их всего одиннадцать человек, из них только у половины есть оружие, и вообще, они не опасны и не питают к нам агрессии, поэтому мы не должны минировать склады. В «Подземстрое» сильное перенаселение, всего пятьдесят плохо вооруженных военных, остальные – гражданские люди, большинство из них – это женщины с детьми. В продовольствии нуждаются все, поэтому нельзя подвергать хранилища опасности. Мы цивилизованные люди, поэтому можем договориться мирно, и от нас ждут ответа прямо под этим постом.

При этих словах Порфирьев молча обернулся к Овечкину и устремил на него внимательный взгляд, предвещающий очередные проблемы и попутно сообщающий, что асоциальный любитель убивать без суда и следствия подозревает Антона чуть ли не в измене Родине.

– Я должен был предпринять попытку цивилизованного общения! – с достоинством заявил Антон. – Как видишь, не зря! Потому что нас приняли за неадекватных головорезов!

– Ну и как? – издевательски прорычал Порфирьев, поворачиваясь к пленному: – Цивилизованное общение вам помогло?

– Ваша уловка сработала, – усмехнулся тот. – Наши не стали ничего минировать. Они загрузились, переждали интоксикацию и отправились в обратный путь. А на выезде из Росрезерва их поджидали роботы. Они напали на конвой в километре. Спасло то, что волокуша была набита продуктами, и люди сидели на броне, облепив ее как мухи кусок навоза. Роботов заметили первыми, спешились и открыли огонь. Те ударили в ответ, и волокушу разнесло в огненный пар. По счастливой случайности снова начался буран, и бой захлебнулся. Роботы были вынуждены отступить, наши дождались окончания бурана и оказалось, что потерь нет. Но продовольствие погибло, новое грузить некуда, да и роботы ушли в сторону Росрезерва, поэтому ничего не оставалось, как возвращаться в бункер.

– Это не наши роботы! – запротестовал Антон. – Мы же объяснили! Мы сами неоднократно чуть не погибли, сталкиваясь с ними!

– Может, и не ваши, – пожал плечами пленный, явно не доверяя словам Овечкина ни на грош. – Но нам об этом неизвестно. И в записке о роботах ничего сказано не было.

– Я просто не думал, что об этом нужно упоминать! – поспешил объясниться Антон. – У меня было мало времени…

– Брось, это твоя вечная беда, – зло прорычал Порфирьев. – Ты всегда не думаешь. Или думаешь не то, что стоило бы. А теперь заткнись и дай ему закончить.

Возражать взбешенному головорезу Антон не рискнул, тем более что все вокруг тоже смотрели на Овечкина как на предателя, даже грузчики. К столь дремучей безмозглости окружающих Порфирьева фанатов Антон уже привык, и сюрпризом их реакция для него не стала. Поэтому в целях собственной безопасности лучше стерпеть оскорбления дуболома в погонах. Позже Овечкин найдет нужные аргументы и докажет грузчикам правоту своей позиции. Доказывать что-либо воякам он даже не станет пытаться, потому что это заведомо бессмысленно.

– Короче, продовольствия конвой не привез, – продолжил пленный. – А наших запасов осталось на трое суток. Генералы объявили всеобщий совет, все равно нас осталось едва полроты, все кто откуда…

Обрисовали ситуацию: продовольствия при самом жестком режиме экономии – на неделю. ЛСУ внутрь бункера не спустить, снять с нее реактор тоже не в наших силах. Если противник вернется и атакует, в ограниченном подземном пространстве ЛСУ уязвима. Потеряем ее – останемся без энергии. Как ни крути, в бункере у нас одна перспектива: смерть.

Поэтому есть предложение перебраться в Росрезерв, укрепиться там и дать бой «Подземстрою». Раз они написали нам слащавое послание, а как только мы расслабились, атаковали роботами, то уже ясно, что они – преступники, а преступники будут воевать с ФСБ до конца. Поэтому ничего хорошего ждать от них не приходится. Зато раз у них перенаселение и не хватает продовольствия, мы сможем диктовать им условия, если склады будут нашими. Организуем оборону, выкопаем там

рвы и окопы, как планировали сделать здесь, и посмотрим, кто кого. Нам терять нечего. Если захватим их конвой, то сможем под видом их головорезов вернуться к «Подземстрою» и проникнуть внутрь. На нашей стороне будет элемент внезапности, так что шансы есть.

Кто-то из курсантов спросил, сможем ли мы выжить на складах, ведь там радиационный фон как на улице. Без антирада можно выжить только внутри базы. Но в итоге все решили, что можно жить и внутри базы, если других вариантов найти не удастся. Это все равно лучше, чем неминуемая смерть, которая нас здесь ждет. Потому что просто возить оттуда сюда продукты «Подземстрой» нам не даст. Это вообще было везение, что их роботы взорвали волокушу с продуктами, а не бульдозер. Иначе бы конвой погиб в полном составе, а у нас шансов стало бы еще меньше. В итоге все приняли решение бороться до последнего, и мы начали подготовку к переселению.

Собрали все оружие, которое только было, облазили выгоревшие помещения, короче, забрали из бункера все, что смогли. Из раздавленной техники в ангаре сделали две крытые волокуши, получилось кое-как, но лучше, чем просто неуклюжее корыто, забивающееся снегом. Через двое суток зарядили под завязку все аккумуляторы, приняли антирад, поставили пару мин на входе в бункер и двинулись в путь. В одну волокушу нагрузили имущество и вооружение, в другую набились курсанты, человек двадцать. Все остальные разместились на броне, внутри техники поместились только водители и генералы. Так и поехали.

За один цикл антирада прошли меньше половины расстояния. С волокушами постоянно возникали проблемы, они плохо шли по колее и часто утыкались в ее стены. Из-за этого рвались тросы, приходилось останавливаться и заваривать. Бураны били каждые полчаса минут по двадцать, поэтому стояли на месте почти столько же, сколько двигались. Все измотались до предела, а тут еще интоксикация…

Пленный угрюмо покачал головой:

– Как только никто не погиб, не понимаю. Снова давка, мучения, судороги, рвота, вонь и жажда… Слава богу, пока всех корчило интоксикацией, база прогрелась, и заледеневшая вода оттаяла.

Обеззараживать ее было уже нечем, поэтому выпили так, от нее вроде не сильно фонило. Пока дожидались следующего цикла антирада, налетел такой ураган, что у палатки посрывало растяжки. Базу шкивало туда-сюда, словно неваляшку, но нами там был забит каждый миллиметр, поэтому перевернуть не смогло, только потолком накрыло. Когда буран стих, поправили кое-как, так и просидели до следующего цикла.

Со второй частью пути повезло. После урагана буранов не было довольно долго, тросы рвались реже, и мы успели доползти до Росрезерва за шесть часов. Отправили разведчиков, но оказалось, что там с тех пор никого не было. Загнали технику, закрыли ворота, подогнали к ним бульдозер изнутри и привязали к нему тросами, чтобы снаружи было не открыть. Начали разворачивать базу и отправили людей за водой и продуктами. Выяснилось, что мины на воротах в хранилища перемерзли, и никто не решается их снимать. Пришлось расстреливать издалека, повезло, что никто не пострадал. От взрывов несколько ворот покосило, а в одном хранилище ворота устояли. Оказалось, что они заперты с самого начала войны, видимо, автоматика их тогда заблокировала, позже никто туда не лазал, а от взрывов они не пострадали. Решили их пока не трогать и вскрыть через сутки, когда времени будет больше. Потом началась интоксикация, и всех снова ломало друг на друге внутри базы.

Когда оклемались, чуть не умерли от страха: снаружи раздался грохот ворот. Кто-то сказал, что это противник пытается проникнуть на склады и открывает ворота, но мы их подперли бульдозером, и створы бьются о его борт. До следующего цикла оставалось полсуток, принимать антирад нельзя, это гарантированная смерть, что делать, никто не знал. Все похватали оружие и залегли, беря вход на прицел. Каждый понимал, что положение смертельное, мы сидим в палатке друг на друге, ничего не видим, даже штурмовые комплекты снаружи сложены. Палатку просто расстреляют вместе со всеми в два счета, роботам это легко. Минут десять пролежали, прощаясь с жизнью, потом стало понятно, что никто в Росрезерв не ломится. На поверхности ураган, запорные устройства ворот «Подземстрой» выломал, поэтому зафиксировать их невозможно, вот и остался свободный ход. Сейчас воротины давлением шевелит, и

они бьются о бульдозер. Все выдохнули, но грохало еще полчаса, и каждый удар по нервам, как ножом…

На следующем цикле антирада приступили к тщательному осмотру хранилищ. То, которое удержало мину, долго не получалось вскрыть, а когда вскрыли, оказалось, что там всего одна трещина в потолке, нет снега, почти нет радиации, а тамошние продукты вообще не фонят. Расчеты показали, что там можно жить без антирада, достаточно не снимать скафандр. Генералы заявили, что теперь мы точно выживем, главное сохранить герметичность хранилища. Ворота вновь заперли и наглухо заварили, в воротине прорезали узкую дверь, вокруг нее соорудили тамбур. Усилили его, как только смогли, и начали там жить. В хранилище, если к стенам и воротам не подходить ближе трех метров, действительно было безопасно, пока ты в скафандре. И фильтр не забивался, и обогрев нормально справлялся. Позже мы с техником пробросили туда силовой кабель от ЛСУ и организовали электропитание. Даже внутреннее освещение частично запустили.

– Ты же сказал, что вы все в одной базе живете, – зарычал Порфирьев. – И вам места не хватает.

– Теперь так и есть, – хмуро подтвердил пленный. – Мы соорудили самодельные запоры на въездные ворота в Росрезерв и заперли их на точечную сварку. Так просто не взломаешь. Для надежности установили несколько мин, я для них специально термокожухи собирал, на аккумуляторах. Поставили ЛСУ на прямую наводку, если кто-то начнет взламывать ворота, мы успеем занять позиции и ударим из всех стволов, пока противник будет пытаться пройти узкий вход. У нас даже боевые дроны были, автономные, на колесах, три штуки. Хотели их на круглосуточную охрану ворот поставить, но из-за радиации двое из них сгорели через сутки, а третьего мы отмыли и загнали в безопасное хранилище. Он там изнутри вход охранял, в качестве последней линии обороны.

Он сделал паузу, хмуро поглядел на всех, но уже не столько с подозрением, сколько со смесью неуверенности и беспомощности.

– Через две недели нас атаковали роботы. Как они прошли въездные ворота – неизвестно. Стальные запоры, засов из швеллера, сварка – они

все это прошли бесшумно. Все оказалось выломано с мясом, мины раздавлены в лепешку, ни одна не сработала. Все произошло ночью, часовые не спали, но ничего не услышали. Роботов засек дрон, когда они были уже внутри нашего хранилища. Дрон ударил по ним из всех стволов, и роботы ответили. Дрона разнесло на куски, вместе с ним вынесло половину стены, взрывом опрокинуло стеллажи с продуктами и выдавило ворота, потолок в двух местах частично обрушился. Всех контузило, меня ударило падающим стеллажом, и я потерял сознание. Когда очнулся, роботов не было, дозиметр орет сигналом тревоги, на лицевом щитке мигает предупреждение «Опасный уровень радиации! Срочно принять антирад!».

Потом выяснилось, что никто не погиб, дрон спугнул роботов, и они не успели никого убить. Зато они убили единственное безопасное место внутри Росрезерва. С тех пор мы живем внутри спецпалатки. Весь личный состав разбит на четыре смены и несет круглосуточное дежурство. Одна смена под антирадом осуществляет охрану и оборону входа в Росрезерв, вторую ломает интоксикация, третья и четвертая сидят на базе и ждут своей очереди.

С роботами противника надо было срочно что-то делать, пока они нас не перебили, и мы разработали план обороны. Ваш ров, который вы выкопали к входу в Росрезерв, мы зарыли наполовину. Чтобы роботам пришлось искать другой путь. На подходах к Росрезерву мы нарыли окопов, разместили в них огневые точки и выкопали волчью яму. Ее накрыли маскировочной сетью и поставили под удар ЛСУ прямой наводкой. Чтобы ЛСУ не попала под огонь противника, мы загородили ее бульдозером. Он тяжелее, чем она, восемьдесят тонн, полторы тысячи лошадей, должен был запросто ее защитить…

Пленный усмехнулся:

– Так планировалось. Короче, мы двое суток готовили оборону и еле успели. Роботы появились через два часа после того, как мы закончили. Как раз буран начался, под его прикрытием они и атаковали. По ходу дела, видят в этой пылище они не очень хорошо, потому что мы засекли их первыми. Только ветер стих, как часовые орут в эфире, что

наблюдают свечение лазерных систем. Все, кто мог, сожрали антирад и бросились в окопы. А дальше все очень быстро произошло.

Роботов оказалось то ли четыре, то ли пять, светящиеся пары лазерных элементов то растворялись в пыли, то появлялись в другом месте, и точно определить не удалось. Сначала они двигались поверху, видимо, искали пропавший ров. Потом один из них спрыгнул в волчью яму. Именно спрыгнул, а не упал. В эфире раздался приказ открыть огонь, и ЛСУ вдарила по нему одновременно лазерным лучом и электромагнитной пушкой. Робота осветило вспышкой, и я хорошо его разглядел.

Рассказчика нервно передернуло, и в его голосе мелькнул суеверный страх:

– В тот миг я подумал, что он живой! Здоровенный трехметровый мужик полтонны весом, в маскировочном костюме из белой мешковины! Даже кроваво-красный отблеск глаз был словно живой! Он смотрел прямо на меня, клянусь! Словно насквозь меня видел, я четко ощутил исходящую от него брезгливость. Как будто я кусок дерьма, а он вынужден на меня наступить, хоть ему и не хочется!

Пленный потряс головой, словно отгоняя наваждение, и поежился:

– Через секунду он уже на меня не смотрел, и глюки пропали. Позже выяснилось, что каждый чувствовал на себе его враждебный взгляд. Ощущения немного отличались, кто-то ощутил ненависть, кто-то брезгливость, кто-то равнодушие. Но все видели, что он их видит! Генералы сказали, что это была атака инфразвуком. Технология еще сырая, только обкатывается, поэтому функционального эффекта не имеет, но боевой дух пошатнуть может.

Короче, робот после попадания исчез в пыли. Может, его испарило лазером, самоходка же тяжелый танк запросто поджигает, как спичечный коробок. Но никаких остатков от него мы не нашли, хотя потом пытались искать. Но в ту минуту всем стало не до него, потому что остальные роботы засекли выстрел и попрыгали в ров. Ближайший из них ударил по нашим позициям чем-то непонятным, и восьмидесятитонный бульдозер разнесло вдребезги, как цветочную вазу. ЛСУ успела выстрелить еще раз, потом ее поразило прямым попаданием, и она

вырубилась. Почти сразу наши позиции накрыло то ли серией взрывов, то ли одним большим, я понять не смог. Меня вбило в окоп с такой силой, что без штурмового комплекта точно бы переломало все кости. Мозги внутри черепа так встряхнуло, словно голову раскаленным мечом пробило, и я потерялся, как после нокаута.

Оклемался минут через пять, голова гудит, кругом сплошная стена пыли, темно, эфир орет в уши помехами, ни фига не понятно. Выглянул из окопа, красных точек не видно, зато в тылу, во въездных воротах, здоровенная дыра и лучи фонарей. Выполз и поковылял туда. Оказалось, что роботы отступили, видимо, из-за потерь. Генералы сказали, что мы уничтожили от двух до трех роботов. Правда, обломков от них никто не нашел, но, может, их просто смешало с обломками бульдозера, и мы не смогли отличить одно от другого. У нас уничтожено четыре огневые точки, людей порвало вместе с окопами, откуда они вели огонь. Остались только застывшие кровавые брызги, горелые ошметки скафандров и оплавленные обломки экзокорсетов вперемешку с обугленным грунтом.

По самоходке, предположительно, ударили кумулятивным, потому что экипаж выжгло до состояния трухи, но пробоина почему-то оказалась размером с баскетбольный мяч. Непонятно, почему броня не выдержала, но в этом заключалось наше везение. Через дыру раскаленные газы, испепелившие экипаж, выплеснулись наружу и температура внутри самоходки упала быстро. Реактор не пострадал, но системы управления вооружением уничтожены. Электромагнитная пушка умерла, из лазерного орудия теоретически еще можно выстрелить, но только на глаз, потому что аппаратура наведения и прицеливания выгорела. Ходовая часть получила необратимые повреждения, починить ее можно только в заводских условиях. Я видел на складах контейнеры с автоматическим токарно-фрезерным комплексом. Наверное, его можно попробовать развернуть и запустить, но это ничего не даст, у нас никто никогда не строил лазерные установки, это секретное изделие. И чтобы организовать ремонт, необходимо загнать ЛСУ в ангар. Темнота, холод, пыль, бураны – снаружи мы не сможем использовать оборудование. Даже развернуть не сможем. Но внутрь самоходку не затащить, она

шестьдесят тонн весит, а техники у нас больше нет. Так что деваться из Росрезерва нам некуда.

Пленный криво усмехнулся:

– Генералы заявили, что победа осталась за нами, потому что «Подземстрой» не знает, что ЛСУ почти что сдохла, и там поняли, что взять нас штурмом не смогут. Но у них еще осталось два или три робота, поэтому нельзя исключать, что они могут повторить попытку. Поэтому мы должны быть готовы отбить следующую атаку. Мы вручную развернули орудие точно по оси рва, чтобы уничтожить любую цель, которая попытается приблизиться к въездным воротам, и генералы назначили на самоходку новый экипаж. Мужики, которые получили назначение, аж офигели. Многообещающая перспектива, учитывая, что предыдущий экипаж погиб, успев сделать ровно два выстрела. Но кроме них больше никого не осталось, кто мог управлять ЛСУ, так что выбора у мужиков не было…

Он вновь скривился:

– Его сейчас ни у кого нет. Мы вручную насыпали вокруг самоходки защитный вал из грунта, чтобы экипажу стало хоть немного спокойней, и с тех пор несем в окопах круглосуточное дежурство. Генералы старые, им всем за шестьдесят, от антирада они еле дышат, поэтому в состав смен не входят. Остальные разбиты на три смены по девять человек, в четвертой восемь. Сперва в ней было десять человек, она была самая большая, но позавчера один умер во время интоксикации, а вчера умер еще один. Теперь она самая маленькая. А если меня вычесть, то даже еще меньше. Наверное, туда переведут кого-нибудь…

Пленный на секунду умолк, посмотрел на всех со смесью угрюмости и беспомощности, и закончил:

– В день начала войны в бункере было триста семьдесят семь человек. На сегодня осталось тридцать восемь. Сколько еще мы проживем, постоянно сидя на антираде, никто не знает. Всеобщим собранием было решено, что безропотно умирать мы не собираемся. Если «Подземстрой» атакует опять – будем драться. А если они надеются взять нас измором, то рано радуются. Мы заминировали потолки всех хранилищ, изготовили из боеприпасов горючие средства и подготовили все к поджогу. Если нас

перебьют в ходе штурма или подохнем от антирада, последние, кто будет оставаться в живых, активируют мины и зажигалки. Все, что не сгорит, завалит обрушением. Противник не получит ничего. Поэтому мы держим оборону и живем, пока можем. Если вдруг «Подземстрой» выйдет на связь, то условие у нас одно: преступники складывают оружие и сдаются представителям законной власти. «Подземстрой» переходит под управление ФСБ. Не устраивает – подохнем все. Нам терять нечего. Нас убьет антирад, их – голод. Все поняли, что инфа про перенаселение и истощение биоферм не была дезой. Иначе бы «Подземстрой» не рвался бы в Росрезерв любой ценой.

– Это чудовищное недоразумение… – начал было Овечкин, но Порфирьев обжог его злобным взглядом. Пришлось замолчать, чтобы не накликать на себя проблем.

– Где находятся средства инициации подрыва? – спросил Варяг.

– В пяти разных местах, взорвать можно из любого. И еще три кнопки, по одной у каждого из генералов, – пленный болезненно сглотнул и потянулся к фляге с водой.

Он сделал несколько глотков и с опаской посмотрел на молчащего Порфирьева, разглядывающего его задумчивым взглядом:

– Я все рассказал. Если есть вопросы – готов ответить. Нарисую план расположения мин и точек инициации взрыва. Покажу, где установлены ловушки и огневые точки. В обмен на сотрудничество прошу забрать меня с собой в «Подземстрой». Я инженер-механик, могу быть полезен. Готов помочь с лифтом и с любым другим оборудованием, с которым сумею справиться. У меня есть опыт…

– А как же «драться до последнего»? А как же твои боевые товарищи? – зловеще перебил его амбал-мизантроп. – Ты так просто бросишь их на произвол судьбы?

– Они мне не товарищи, – сумрачно возразил пленный. – Они все профессиональные ФСБ-шники, оперативные и руководящие работники, а я – «пиджак», вечный старлей на должности инженера. Я ФСБ-шник сугубо по названию. До войны мне постоянно ставили это в упрек, хотя один на один я из них любого порву! Война сделала их моими товарищами по несчастью автоматически, моего мнения никто не

спрашивал. Я не хочу воевать! Ни с вами, ни с вашими роботами, вообще ни с кем! Я просто хочу выжить и готов платить за это своими способностями, не собираюсь быть нахлебником. Если ваш лифт можно починить в принципе, я сделаю это!

– Роботы не наши, – злобно напомнил ему Порфирьев. – Тебе контузия дала осложнение на слух? А выжить сейчас все хотят, не ты один.

В этот момент Антон отчетливо понял, что этот пленник есть его шанс. Шанс избавиться от экспедиций! Он ведь ради спасения готов на любые условия! Сам рвется! И он инженер-механик, да еще с опытом работы не с системами связи, которые совсем не близки всевозможным лифтам-погрузчикам, а непосредственно с подобными механизмами! Его профиль идеально подходит в качестве Инженера, входящего в состав экспедиции! И он не просто не станет отказываться, а еще будет умолять взять его на место Овечкина! Эту карту необходимо разыграть! Жизненно необходимо! Другого шанса может не представиться никогда!

– Олег! – Антон придал своему голосу максимум тактичности и убедительности. – Это интересное предложение. Нам пригодится квалифицированная помощь, если с лифтом возникнут проблемы. Ради общего выживания я готов работать с любым оборудованием, но ты же знаешь, я специалист по системам связи. Всего на свете могу не знать. Мы могли бы использовать навыки этого человека, раз это его специализация.

– Если будет себя хорошо вести, то обязательно! – издевательски заявил Порфирьев. – Вот доживем до следующего цикла антирада и посмотрим, чего он стоит. А пока всем отдыхать! Хам! Свяжи-ка его еще раз. Несильно. Для поддержания дисциплины, чтобы не вытворил чего лишнего. А то он «пиджак», а мы профессиональные военные, вдруг нас он тоже невзлюбил, как своих сослуживцев.

Лейтенант, ухмыляясь, принялся стреноживать по рукам и ногам понурившегося пленного, все остальные разошлись по своим местам. До окончания перерыва между циклами антирада Порфирьев дважды подходил к пленному и что-то тихо выяснял у него на тему подробностей устроенной ФСБ-шниками обороны. Тот охотно отвечал, но сам капитан-

мизантроп ничего конкретного не сказал. Солдаты тоже помалкивали, но по их косым взглядам Овечкин понял, что они осуждают поступок пленного и не питают к нему ни малейшего снисхождения. Впрочем, чего еще ожидать от военных дуболомов. Логику и здравый смысл им заменяют приказы начальства и мантры круговой поруки. Любой, кто не вписывается в рамки их безмозглой серой массы, без вариантов становится изгоем. Очень знакомая ситуация! Антон реально сочувствует этому бедолаге, потому что на себе испытал все прелести круговой поруки военной хунты. Его, высококлассного уникального специалиста, инженера-механика, затирают локтями только потому, что он не один из них.

На всякий случай Антон отозвал Порфирьева в угол базы и тихо попытался изложить массу аргументов на тему полезности пленного, но амбал не стал его слушать. Прорычал, мол, посмотрим. И велел Овечкину отдыхать перед предстоящим циклом, потому что он будет не из легких. К своей лежанке Антон возвращался в смешанных чувствах. С одной стороны, Порфирьев решил лезть в уничтоженный бункер, и это чревато всеобщей гибелью. С другой – чтобы пленный доказал свою состоятельность, без спуска в бункер не обойтись. То есть это в интересах Овечкина. Но ведь капитан-мизантроп не согласится взять с собой вниз только пленного, оставив Антона здесь. Он потащит с собой обоих, а у Антона дурацкий скафандр МЧС, который не спасет его от запредельной радиации! Он рискует погибнуть! Пленный экипирован гораздо лучше, ему проще! Как бы так убедить мизантропа, чтобы он не тащил вниз Овечкина?!

* * *

– Антирад принять! – прорычал Порфирьев, и Антон принялся жевать противную горечь армейской химии, спасающую весь организм ценой убийства его половины.

Привыкнуть к отвратному вкусу антирада для человека с тонкой душевной организацией было нереально, зато установка таймера

обратного отсчета времени, оставшегося до интоксикации, давно уже вошла в привычку. Антон запустил таймер практически машинально и поправил висящую на грязной перевязи многострадальную руку. После очередной перевязки, проведенной амбалом-мизантропом, пальцы слабо ныли тупой болью, но теперь хоть перчатка была полноценно застегнута. Порфирьев подогнал удерживающие пальцы шины под размер пальцев перчатки и надел ее Антону на больную руку. Для надежности прямо на перчатку была наложена внешняя шина, и получившаяся в результате замотанная донельзя замызганным бинтом культя выбивала Овечкина из колеи своим жутким видом. Приходилось успокаивать себя, что с рукой все будет хорошо, как только он вернется в «Подземстрой», то получит всю необходимую медицинскую помощь как с рукой, так и с легкими, першение в которых усилилось.

– Саня, бери грузчиков и сворачивай базу, – Порфирьев стоял возле выхода и разговаривал с пожарным. – Если мы здесь задержимся, то займись тренировками: сверните и разверните базу раза три-четыре, пусть люди отрабатывают навык.

Он перевел взгляд на молодого техника и сделал жест лейтенанту:

– Володя! Возьмешь двоих бойцов и наверх, проверь транспорт. Хам, охраняешь пленного. Ноги ему развяжи, руки свяжи спереди. Если разрежет веревку без разрешения, можешь сломать ему ногу или шею, как захочешь. Но только аккуратно, его скафандр нам еще пригодится.

– Я не буду создавать проблемы, я готов сотрудничать, – хмуро пробурчал пленный, но асоциальный брутал не обратил на него никакого внимания.

– Остальные – за мной! – приказал амбал. – Идем к лифту! Овен! Действуй!

Антон с трудом спрятал тоскливый вздох и побрел к выходу, косясь на пленного. У него скафандр лучше и руки целы…

Снаружи базы стояла кромешная темнота, и луч нашлемного фонаря освещал свежие сугробы из черного снега. За ночь помещение покрылось снежным слоем, уровень радиации увеличился, и Антон поискал встревоженным взглядом стальные тросы, по которым все спускались в пролом с поверхности. К счастью, тросы все так же свисали

сверху. Наверху они были привязаны к технике, значит, транспорт по крайней мере не унесло буранами, и Антон не останется здесь навсегда. Если не застрянет навеки в уничтоженном бункере!

Добравшись до панели управления лифтом, Овечкин несколько секунд светил на толстые экранированные кнопки, разбираясь в их назначении. Порфирьев с остальными стоял позади и молча ждал результатов. Антон опасливо потрогал ногой пол лифтовой кабины, убеждаясь, что она не рухнет, если на нее встать, и зашел внутрь. Кабины, как таковой, не было, стены и потолок отсутствовали, имелась только обширная лифтовая платформа с невысокими ограждениями решетчатого типа. Судя по размерам, на ней перемещали достаточно тяжелую технику: грузовики или автобусы, может быть, даже тракторы. От веса нескольких человек она упасть не должна, но кто знает, что произошло с ней под воздействием многочисленных сотрясений почвы.

Убедившись, что успевает выскочить, Овечкин вдавил кнопку движения вниз и опрометью вылетел из лифта, едва не поскользнувшись на припорошенной грязным снегом поверхности. Ничего не произошло, и в эфире зазвучал подчеркнуто задумчивый рык Порфирьева:

– Это и есть инженерный подход к делу? Надо будет оформить себе вторую ставку. Буду Инженером.

– Я должен был проверить! – заявил Антон, осторожно возвращаясь обратно в лифт.

Несколько минут он тщетно терзал кнопки на внутренней панели управления, потом отыскал внешнюю и попытался запустить лифт с нее. Все попытки оказались безрезультатными, и Овечкин принялся изучать окружающее пространство в поисках какой-нибудь двери, за которой могли бы находиться лифтовые механизмы. Ничего обнаружить не удавалось, потом подал голос пленный:

– Основная лифтовая механика расположена внизу. Это военный объект глубокого заложения, в случае войны по нему будут наноситься удары, поэтому на поверхности не монтируется ничего важного. Все рассчитано для того, чтобы можно было выбраться снизу наверх, а не наоборот. Если лифт не запускается, значит, сдохло питание. Там были автономные генераторы или аккумуляторная сборка?

– Генераторы, – ответил Порфирьев. – Безмасляные, на дизельном топливе. Мозг рассказывал, что они заправили их соляркой с запасом. Система должна была вырубиться автоматически, если лифт долго стоит без движения. Все топливо выработаться не могло. Может, солярка замерзла?

– Если там полтора километра, – возразил пленный, – то температура должна быть градусов шесть-семь выше ноля. Это в нормальных условиях. Сейчас на поверхности градусов на тридцать ниже нормы. Даже если внизу зависимость такая же, то там сейчас где-то минус двадцать. Топливо для стратегических объектов готовили с учетом возникновения экстремальных обстоятельств, замерзнуть оно при таких температурах не должно.

– Там зимняя солярка, меня предупреждали, – подтвердил Порфирьев.

– Думаю, разрядились пусковые аккумуляторы, – заявил Овечкин. – Поэтому нет сигнала на запуск генераторов, на стартерные узлы не подается питание. Нужно найти шину токопровода, врезаться в нее и подать питание извне. По идее, должно хватить аккумулятора от наших машин, но я не знаю, каково сопротивление самой шины на такой глубине.

– Шины нет, – произнес пленный. – Подключиться к питанию можно только снизу.

– Как это нет? – Антон выразил удивление. – Пульты управления есть, а шины нет? Как же тогда конструкторы планировали запустить лифт с поверхности в экстренных обстоятельствах?

– Никак, – пленный принялся объяснять: – Если это стратегический бункер, то служба в нем несется круглосуточно. Все, кому положено в нем находиться, к моменту возникновения экстренных обстоятельств будут внутри в любом случае. Если им потребуется подняться наверх, они сделают это снизу. С поверхности лифт активировать некому, только диверсионным подразделениям противника.

– А как же спасательная операция? – возразил Овечкин. – Если людей придется извлекать с полуторакилометровой глубины, а лифт запустить невозможно?

– Если шахта лифта не повреждена, а в бункере уцелел хоть кто-то, то лифт активируют снизу, – ответил пленный. – Есть боевые транквилизаторы, автономные дроны, системы дистанционного управления – короче, запустить лифт снизу способов хватает. Лишь бы он был в рабочем состоянии. А если лифт поврежден или шахту засыпало, то можно запустить его с поверхности или нет – какая разница? Спасателям все равно придется прокапываться вниз через завалы и обрушения. Тогда уж проще подойти к объекту по спецметро. Оно сейчас к каждому бункеру подведено, кроме тех, которые рассекречены или сняты с вооружения. Даже если оно где-то обрушилось, все равно прокапываться горизонтально легче, чем вертикально...

– То есть отсюда мы лифт не запустим, так? – оборвал его Порфирьев.

– Так! – ответил Антон одновременно с пленным. В свете выяснившихся обстоятельств Овечкин поспешил поддержать его, чтобы безмозглый истукан в капитанских погонах оставил уже наконец свою навязчивую идею умереть в мучениях в уничтоженном бункере, по совместительству являющемся эпицентром термоядерного взрыва.

– Что нужно сделать, чтобы лифт заработал? – спросил амбал. Антон сразу даже затруднился определить, с чем у Порфирьева хуже: с мозгами или со слухом.

– Спуститься вниз и запустить его оттуда, нет? – Овечкин не смог отказать себе в иронии.

– Тех! – Асоциальный брутал вызвал в эфире молодого техника. – Я Варяг, прием!

– Тех на связи! – сквозь сильное шипение помех откликнулся Владимир. – Олег, с транспортом все нормально, был сильный ураган, одну растяжку оборвало, в смысле, якорь выкорчевало, но остальные удержались! Мы уже прокопали проход к аккумуляторным отсекам, аккумуляторы сразу устанавливать?

– Нам надо спустить Овечкина на дно лифтовой шахты, – прорычал Порфирьев. – Сколько у нас есть тросов и веревок? Всего в длину, если связать воедино?

При этих словах Антон похолодел от страха.

– Не знаю… – Владимир на мгновение задумался. – Метров триста, наверное… это если с лебедкой считать. А сколько нужно?

– Этого хватит, – угрожающе изрек мизантроп-маньяк. – Спустим, насколько можно, дальше спрыгнет. Неси все сюда!

– Олег! – Антон панически попятился. – Ты чего?! Там полтора километра! Это же шутка, да?! Ты ведь несерьезно?! – Он заозирался, пытаясь понять, куда бежать.

– Наверх! – издевательски-маниакальным тоном подсказал Порфирьев: – И подальше в пустошь! Там мы тебя не найдем! Только там ты будешь в безопасности!

– Я… – Овечкин поперхнулся. – Я все понял! Беру свои слова обратно! Признаю, моя ирония была излишней! – Он в ужасе отступал от надвигающегося на него расплывчатого силуэта: – Необходимо изготовить подвесную систему на двух-трех человек, их можно спустить вниз на лебедке! Можно использовать для этого лебедку нашего вездехода, нужно только проверить ее тщательным образом, чтобы не отказала посреди спуска! Но нам нужен надежный трос длиной в глубину шахты плюс метров двадцать-тридцать запаса! Его можно изготовить в Центре, если найдем материалы!

– Я вас услышал! – рык Порфирьева передразнил любимую фразу Брилёва.

– Варяг – Теху! – эфир вновь зашипел. – Так собирать тросы или нет?

– Пока отбой! – язвительно прорычал мизантроп, и Антон понял, что Порфирьев находится уже где-то не рядом. Луч нашлемного фонаря вместо расплывчатого здоровенного бугая упирался в пыльную темноту, бросая мутные отсветы на покрытые глубокими трещинами грязные бетонные стены. От схлынувшего нервного напряжения в легких опять запершило, и Овечкин закашлялся.

Дальше гнобить Антона Порфирьев не стал, и экспедиция принялась грузиться на транспорт. Подниматься по тросу с одной рукой Овечкин не мог, и его вытянули через пролом на грузовой подвеске от контейнера со спецпалаткой. На поверхности Антона подхватили солдаты в экзокорсетах и аккуратно поставили на ноги. Действовали они осторожно, но от Антона не укрылись их насмешливые взгляды. Не

приходилось сомневаться, что младшим дуболомам понравилось, как старший дуболом унизил гражданского.

Издеваться над Инженером солдаты не решились, но, видимо, им очень хотелось продемонстрировать свою значимость хотя бы кому-нибудь, и они отыгрались на пленном. Бедолагу поднимали из пролома последним и подвесную систему для него готовили демонстративно долго. Не приходилось сомневаться, что несчастный изрядно перенервничал, оставаясь один, под землей, в кромешной тьме и со связанными руками. Итогом всего этого театра абсурда стало то, что колонна начала движение спустя сорок минут после начала цикла антирада, хотя обычно на это уходило двадцать. Едва отошли от места стоянки на пару километров, начался сильный буран. Пришлось еще двадцать минут медленно ползти против ветра в обратную сторону. За иллюминаторами царило сплошное месиво из бурлящей черной снежной грязи, видимость ограничивалась ровно самим иллюминатором, и Антон искренне надеялся, что колонна не окажется над входом в уничтоженный бункер и не рухнет под землю.

Когда буран внезапно прекратился, и колонна продолжила движение, было уже три тридцать ночи сто одиннадцатых суток после катастрофы и до следующей интоксикации оставалось шесть с половиной часов. Если бы не кашель, то Антон счел бы ситуацию достаточно удачной: ему не пришлось рисковать жизнью ни спускаясь в уничтоженный бункер, ни занимаясь погрузкой в Росрезерве, в который в любую минуту могли ворваться роботы или конкуренты. Да, продовольствие оказалось в чужих руках, но теперь это не его проблема. Пусть силовики договариваются друг с другом сами, тем более что сделать это несложно, учитывая, что конфронтация началась из-за роботов. Как в этой ситуации поведет себя Брилёв, конечно, большой вопрос, но больше Антона заботило главное: в лице пленного у него появился шанс избавиться от экспедиций.

Он даже хотел поговорить с пленником и подробно все ему объяснить, но лейтенант не позволил Овечкину сделать это. Пленного посадили в вездеход, чем усилили и без того жуткую давку, и Хам бдительно следил, чтобы несчастный ни с кем не общался и ничего не слышал. Ему даже

рацию переключили только на аварийную частоту и запретили касаться настроек. Бедняга всю дорогу сидел в неудобной позе, стиснутый с двух сторон солдатами в экзокорсетах, и прислушивался к скудным разговорам, иногда возникающим среди грузчиков. От монотонной езды Антона начало клонить в сон, и неожиданная остановка застала его врасплох.

– Что случилось? – он бросил взгляд на хронометр. Они ехали всего час. Может, Порфирьев опять налетел на какое-нибудь препятствие… – Почему мы остановились?

– Всем соблюдать радиомолчание! – вместо ответа зарычал капитан сквозь треск помех. – Мы в полукилометре от противника! Гражданским в эфир без команды не выходить! Военным переключиться на защищенный канал!

В первую секунду Антон сильно испугался, решив, что где-то поблизости находятся роботы-убийцы. Но Порфирьев вылез из кабины, втиснулся в забитый людьми пассажирский отсек, и ситуация прояснилась.

– Хам, распредели людей и смотрите в оба! – Капитан разговаривал с лейтенантом напрямую, без радиосвязи, и Антону приходилось напрягать слух, чтобы ничего не пропустить из своего угла. – Я схожу, осмотрюсь. Надо проверить показания пленного, пока есть возможность. Все освещение вырубить и до моего возвращения не включать. Я выйду в эфир, когда буду недалеко.

– Может, возьмешь с собой кого-нибудь для страховки? – переспросил лейтенант. – Прикроем огнем, если что-то пойдет не так! Их там десяток только в окопах! И еще человек двадцать выбежит, если начнется стрельба! Там снега по пояс, быстро не пройти, а они по твоим следам побегут, можешь не уйти!

– Одному сподручнее, – Порфирьев покачал головой. – Тут главное скрытность, без фотохромного комбинезона будет только хуже. Дождусь ветра и пройду везде незамеченным. Если не вернусь через четыре часа, уезжайте.

В этот момент Антон понял, что колонна остановилась неподалеку от Росрезерва, и капитан собрался на разведку.

– Олег! – Овечкин повысил голос, чтобы не нарушать приказ о радиомолчании. – Ты же уже был там! Зачем рисковать? Мы могли бы вернуться в Центр и подготовить полноценную экспедицию с официальными полномочиями, которая проведет переговоры!

– Могу выдать тебе все официальные полномочия прямо сейчас, – устало прорычал Порфирьев. – Будешь нашим переговорщиком. Сходишь, поговоришь с ними, объяснишь, что роботы не наши и, вообще, мы друг другу не враги. Продолжишь диалог, начатый виртуально.

– Лучше не надо, – мрачно произнес пленный, переводя взгляд с Варяга на Овечкина: – По нему начнут стрелять, как только увидят! Все ждут вашей следующей атаки. Переговоры лучше начинать по радиосвязи…

– Тем более! – авторитетно заявил Порфирьев. – Овечкин у нас профессионал в области радиосвязи! Подойдет, на сколько потребуется, выйдет в эфир и все объяснит!

– Я не это имел в виду! – поспешно воскликнул Антон. Попасть в руки отчаявшихся вояк, вооруженных до зубов и приготовившихся стрелять в каждого, он совершенно не собирался. Рация цепляет метров на двадцать, его сразу же найдут! Они могут убить его или использовать в качестве заложника, что одно и то же, потому что для военной хунты его жизнь ничего не значит! – Просто переживаю за твою безопасность! Это лишнее облучение, и в любой момент могут появиться роботы!

– Саныч с Техом доведут колонну до Центра в случае чего, – вяло отмахнулся Порфирьев. – Можешь перестать бояться, отсюда они дорогу знают. А теперь не мешай мне работать.

Капитан потерял интерес к Овечкину, обернулся к лейтенанту и кивнул на мрачно насупившегося пленного:

– Если он не врет, то из рва они не выходят. А если врет, и они проводят патрулирование, то ближе подходить нельзя, могут заметить. Видимость там никакая, но кто знает, как далеко патрули отходят от ворот. Учитывая, в каком они состоянии, скорее всего, откроют огонь без предупреждения. Поэтому, если буран придет со стороны Росрезерва, и вам придется смещаться ему навстречу, то у вас есть запас метров в

триста-четыреста. В любом случае после бурана вернитесь на это место, я буду искать вас здесь. Все, ставь таймер на четыре часа, я пошел.

Расплывчатый силуэт капитана вылез из вездехода и растворился в пылевом мраке, пронизанном жестоким холодом и смертельной радиацией. Лейтенант распределил людей по иллюминаторам, организовав круговое наблюдение, и приказал экипажам грузовиков сделать то же самое. Кто-то из военных сменил за рулем грузовика молодого техника, и тот занял водительское кресло вместо Порфирьева. На этом приготовления закончились, и внутри набитого битком вездехода повисло напряженное молчание. Минут двадцать Овечкин всматривался то в один, то в другой иллюминатор, ожидая появления за бортом либо зловещих красных отсветов лазерных систем наведения роботов-убийц, либо каких-нибудь силуэтов вооруженных солдат в штурмовых комплектах. Но пылевой мрак радиоактивной ночи был непроницаем, и не приходилось сомневаться, что заметить приближение убийц можно только тогда, когда будет уже поздно.

Удар внезапно начавшегося бурана застал Антона врасплох, и он чуть не заорал от страха, решив, что роботы уничтожают вездеход. Овечкин подскочил и дернулся к выходу, но протиснуться через плотную толпу людей было невозможно, и он был вынужден остановиться.

– Антон? – сидящий перед ним грузчик от неожиданности привстал. – Что с тобой? Тебе плохо? Снова кашель? Дать воды?

Он завозился, пытаясь в тесноте извлечь из экранированного подсумка флягу.

– Нет, спасибо! – Овечкин понял, что опасности нет, это всего лишь буран бьет в борт потоками снежной грязи, заледеневшего крошева и мелких камней. – Я в порядке, уже прошло! Нас сносит бураном, придется двигаться!

Он еще не успел договорить, как холостой вой вездехода сменился на натужный, и машина принялась разворачиваться на месте мордой к бурану. Вездеход немного накренило передней частью к земле, видимо, сработало фронтальное антикрыло, которое команда умников Миронова смонтировала над передним бампером у каждой из машин. В походном положении антикрыло было подпружинено и откинуто на корпус, чтобы не выпирать за габариты бампера и не сломаться в случае столкновения с препятствием, которых в обугленной ночной пыли полно. Как только машина оказывалась мордой к бурану, срабатывал механический датчик давления, изготовленный мегамозгами вручную, и под действием мощного ветра антикрыло разворачивало само себя в рабочее положение, заставляя воздушные массы прижимать технику к земле, а не наоборот. Эта модернизация сильно упростила борьбу за выживание во время буранов, увеличив устойчивость. Без нее вездеход часто сносило, и нередко это заканчивалось либо с окончанием бурана, либо когда машина упиралась в какое-нибудь невидимое препятствие, рискуя порвать кожух воздушной подушки.

Полезность нововведения отрицать не приходилось, но сам факт того, что оно было введено командой Миронова, сильно раздражал. Потому что это Антон первым предложил идею с саморазворачивающимся антикрылом, после того как Порфирьев потребовал повысить устойчивость машины во время буранов. Овечкин предложил вариант спойлера на задней части кузова по аналогии с гоночными болидами и указал на свое оригинальное инженерное решение, примененное в кожухе для ретранслятора, который закрывал сам себя под давлением мощного ветра. Идею у Антона, как всегда, украли и присвоили себе.

Мегамозги произвели расчеты и предложили другой вариант антикрыла и иное место его крепления. Да, они переработали систему саморазвертывания, но сам ее принцип остался тот же! Антон его первым предложил! И даже воплотил в кожухе для ретранслятора! Но все лавры достались команде Миронова. Конечно, а как же еще! Они же военные, а Овечкин – гражданский!

Антон закашлялся и с сожалением посмотрел на угрюмо потупившегося пленного. У этого человека знакомые проблемы. Но нет худа без добра, для Овечкина это шанс.

– Овен! – Лейтенант окликнул Антона напрямую, без эфира, повысив голос. – У тебя проблемы? Нужны медикаменты?

– Пока не надо, – прокашлялся Овечкин. – Хотел спросить: зачем Варяг пошел на разведку? Он же там уже был, и пленный нам все рассказал, его слова подтвердили то, что рассказывал сам Олег!

– Надо проверить его показания, – Хам повторил слова Порфирьева. – Они по любому подняли тревогу, когда у них человек пропал. Могли изменить оборону или еще что. Варяг свое дело знает лучше всех, раз пошел, значит, так надо!

От подобного ответа Овечкин мысленно закрыл лицо рукой. Офигеть! Дуболом-лейтенант сам толком не понимает, зачем и для чего ушел дуболом-капитан, и просто повторяет за ним слово в слово, даже не пытаясь использовать мозг! Антон сделал голос громче, чтобы все гарантированно услышали:

– Но что от этого изменится? Даже если они переделали свою оборону, какая разница?! Напряженность между нами возникла в результате чудовищного недоразумения, виной которому явились роботы-убийцы! Мы тут ни при чем! Нам нужно как можно скорее вернуться в Центр, выработать конструктивную позицию и отправить к сотрудникам ФСБ переговорщиков! Нам есть что предложить друг другу! Наверняка в Центре найдется место для сорока человек, даже в коридоре жить лучше, чем медленная смерть от антирада! С продуктами из Росрезерва мы выживем все! И у них есть Лазерная Самоходная Установка, мы можем использовать ее ядерный реактор для своих нужд,

и не придется рисковать жизнями, спускаясь в эпицентр термоядерного взрыва, в котором находятся остатки бункера Брилёва.

– ЛСУ не может двигаться, – хмуро напомнил пленный. – Ей ходовую часть разнесло ударом роботов. Без завода и специалистов это не починить.

– Не согласен! – возразил Овечкин. – Не исключаю, что починить ее мы не сможем. Но мы можем снять с нее ядерный реактор и увезти в «Подземстрой»! Уверен, его можно демонтировать! Если потребуется, мы можем просто вырезать его оттуда!

– Он двадцать тонн весит, – пленный неуверенно посмотрел на Антона. – У вас есть чем его поднять и погрузить?

Такой информации Овечкин не ожидал. В ядерных реакторах он не разбирался, тем более в секретных военных. Наверняка мегамозги Миронова знают больше, потому что они уверенно и бодро занимаются реактором «Подземстроя», но возможности имеющейся у Центра техники Антон, как Инженер ЭК, знал хорошо. Подобной грузоподъемности у нас не имелось, но все уже смотрели на Овечкина с заинтересованностью, и пришлось срочно искать аргументы.

– Такой грузоподъемности нет, – заявил он, – но я вижу варианты, которые могут способствовать решению этой проблемы! Например, мы можем попытаться модернизировать путепрокладчик! Это не точно, нужно провести серьезные расчеты, но шансы есть!

– Путепрокладчик дизельный, – Хам поморщился. – А солярка закончилась. То есть в КП Брилёва лезть все равно придется. Мы не можем отказаться от реактора ЛСУ и шестидесяти тонн топлива хоть вместе, хоть по отдельности. Это даст нам мощные возможности для выживания. Разве нет?

Все с хмурыми лицами поддержали лейтенанта, и спорить стало контрпродуктивно. Если безмозглому фан-клубу асоциального брутала хочется лезть в эпицентр ядерного взрыва, то Антон уже устал доказывать очевидное. Он не будет им мешать, пусть делают, что хотят, главное, чтобы не тащили с собой на смерть его! Овечкин поспешил аккуратно перевести разговор в другое русло, но лейтенант заявил, что разговоры необходимо прекратить и продолжать наблюдение. За кем он

собрался наблюдать во время бурана, когда ничего не видно дальше иллюминатора, Хам не сказал. Антон хотел было задать этот вопрос погромче, но не стал настраивать против себя вояк. Пусть играют в свой театр абсурда, лишь бы оставили в покое. Овечкин, как мог, размял затекшую спину, кое-как принял на неудобном сиденье новую позу и попытался заснуть.

Но уснуть в скрюченном положении, когда у тебя все кости ломит, а шея буквально отваливается, не так просто. Пока он стоически терпел страдания, буран прекратился, как всегда, внезапно, и вездеход начал осторожно разворачиваться. Грузовиков в иллюминаторах видно не было, и кто-то из грузчиков предположил, что во время бурана техника могла разъехаться в разные стороны и потеряться. Потому что ходовые огни были выключены, и водители не видели друг друга. Но лейтенант заявил, что сейчас каждая машина вернется на свое место в точку, в которой Варяг оставил колонну, и мы вновь соберемся вместе. Потому что теперь пройденный курс фиксируется при помощи гирокомпаса, и водителям нужно лишь проехать обратно по своим следам.

Закончилось это тем, что в кромешной ночной пыли два грузовика столкнулись друг с другом прямо на той самой точке. К счастью, скорость была маленькой, и никаких поломок не произошло. Военные вышли наружу, осмотрели машины и сообщили, что все ограничилось парой несерьезных вмятин. Звуки далекой стрельбы, доносящейся со стороны Росрезерва, все услышали прямо в тот момент, когда солдаты залезали внутрь вездехода.

– Слышите?! – Антон напрягся, прислушиваясь. – Там стреляют! Что-то случилось! Это роботы?!

– Роботы бьют чем-то тяжелым, это не они… – лейтенант замер прямо в дверях. – Гражданским занять свои места! Соблюдать радиомолчание! Следите за пленным! Десанту – к машине! Радиообмен на третьем канале!

Солдаты выскочили обратно наружу, и люк захлопнулся. Овечкин лихорадочно заозирался, бросая испуганные взгляды в разные иллюминаторы, но без освещения в пыльном мраке не было видно ничего. Несколько грузчиков, находящихся ближе всех к пленному,

сильно напряглись, похватали какой придется инструмент, лишь бы потяжелее, и принялись буравить его враждебными взорами. Пленный набычился еще сильнее и предпочел не делать резких движений. Несколько минут все напряженно ждали развития событий, и Антон с ужасом понял, что звуки стрельбы стали звучать ближе.

Внезапно распахнувшийся люк заставил его подпрыгнуть от неожиданности. В вездеход запрыгнула пара солдат в штурмовых комплектах, и от перенапряжения Овечкин не сразу определил, свои это или чужие. От внезапного выброса адреналина у него похолодело внутри, но солдаты бросились занимать свои сиденья, и он судорожно выдохнул, нервно содрогаясь. Следом за солдатами появился Хам, прямо за ним в вездеход ввалился здоровенный расплывчатый силуэт, и Антон услышал голос Порфирьева.

– Мы внутри! – похоже, капитан говорил на армейской частоте. – Включай габариты и вперед на среднем ходу! – Порфирьев переключился на гражданскую частоту, и его рычание заглушило шипение помех: – Саныч! Мы начали движение! Держитесь за нами, прожекторы не включать, только габариты! Отойдем на километр, там стоп, я пересяду за руль!

Вездеход тронулся с места, набирая скорость, и Антон попытался заметить погоню в иллюминаторах. Разглядеть что-либо было невозможно, не было видно даже огней идущих позади грузовиков, и оставалось надеяться, что водители из кабин видят лучше, и машины не потеряются в пыльном радиоактивном мраке.

– Варяг, ты в порядке? – Лейтенант пытался осмотреть поверхность капитанского снаряжения на предмет повреждений, но фотохромный комбинезон пытался слиться с сиденьем, и ему пришлось включить фонарик. – Тебя не зацепило?

– Порядок, – зарычал в ответ Порфирьев. – Они наугад долбили. Заметили обезвреженного часового в углу ангара, когда свет починили, нашли следы возле ворот и рванули за мной по колее. Мы вовремя ушли, еще минута, и могли попасть под шальные пули.

– Ты что, заходил внутрь? – изумился лейтенант. – Как они тебя не засекли?!

– Я во время бурана заходил, – объяснил капитан. – Пришлось ползти на карачках, ветер сильный, на поверхности бы унесло на хрен, но внутри рва не так давит, двигаться можно, если осторожно. Потому что не видно ни хрена. Они поняли, что их инженера мы выкрали. Поставили охрану сразу за воротами, а перед ними снаружи понатыкали сигналок. Но во время бурана все это не помогает. Пару растяжек я зацепил, остальные уже были оборваны, ураганом сорвало.

– Как только не подорвался! – Лейтенант покачал головой, глядя на Порфирьева то ли как на великого, то ли как на ненормального. Скорее, и то и другое.

– Сигнальные мины срабатывали, но вспышек в сплошном черном месиве почти не видно, – лениво отмахнулся Варяг. – Боевых они ставить не рискнули, я сразу был в этом уверен. За бортом минус пятьдесят два, под бураном до минус пятидесяти шести, и давление в несколько раз больше, чем человек наступит. Все взрывается самопроизвольно, так недолго самих себя убить.

– Все мины были использованы в хранилищах, – буркнул пленный. – Я не врал!

– Насчет хранилищ подтвердилось, – согласился капитан. – Там все заминировано в два слоя.

– Как ты сумел попасть внутрь? – продолжал удивляться лейтенант.

– Добрался до ЛСУ по памяти, – капитан поморщился, явно вспоминая процесс, давшийся ему с большим трудом. – Перебил силовой кабель, по которому они подают внутрь питание. Они остались без освещения, приоткрыли ворота, и кто-то попытался добраться до самоходки по кабелю, потому что из окопов ее просто не видно. Во время бурана вообще толком ничего не видно, и помехи в эфире до небес. В окопах так и не поняли, что свет вырубило, они из-за помех не принимали эфир. В общем, пока ворота были приоткрыты, я пролез внутрь. Чуть не попался, вышел прямо на мужика с фонарем, который ремонтника страховал. Пришлось нейтрализовать и оттащить в темноту. Он не ожидал, не успел понять, что произошло.

– Он не поднял тревогу? – лейтенант удивленно выпучил глаза. – Даже в эфире?

– Говорю же – не успел, – терпеливо вздохнул Порфирьев. – Им там всем нехорошо. Думаю, от антирада плющит. Это же дрянь конченая, а они на нем сколько сидят.

Хам понимающе переглянулся со своими солдатами, и те, ухмыляясь, мол, способности Варяга всем хорошо известны, многозначительно посмотрели на пленного. Типа, тот тоже не успел. Пленный насупился еще сильнее и пробурчал:

– Я не знал, что движением со скоростью удара можно попасть иглой в стык пластин штурмового комплекта! В темноте и пыли! И на морозе в перчатках!

– Он тоже чего-то не знал, – философски заключил лейтенант, перевел взгляд на Варяга и поинтересовался: – Боец тот, с фонарем, отбегался?

– Отнесут внутрь базы, полежит часок и оклемается, – безразлично ответил тот. – Я не стал никого убивать. Если придется договариваться, то это было бы плохим началом. Но времени на реакцию было в обрез, так что миндальничать с ним я тоже не мог. Надо было успеть провести разведку, пока буран не закончился, а кто знает точное время? Он же не предупреждает, когда прекратится. Пришлось пошевеливаться.

– Варяг! – в эфире зашипел голос Теха, занявшего место за рулем вездехода вместо Порфирьева. – Километр пройден! Я останавливаюсь?

– Да, – капитан скользнул к выходу, его силуэт вновь размазался. – Пересаживаемся!

Порфирьев занял место за рулем, и колонна пошла быстрее. Минут сорок удавалось двигаться со скоростью шестьдесят километров в час, потом опять начался буран, и пришлось останавливаться. На этот раз с буранами не повезло, они налетали еще трижды, и к моменту окончания цикла антирада пройти удалось всего сто пятьдесят километров. До «Подземстроя» оставалось еще триста двадцать, и Антон уныло отметил, что из-за этой по-военному тупой и бессмысленной выходки Порфирьева у них есть все шансы не добраться до Центра еще за один переход. К постоянно ноющим сломанным пальцам и провоцирующему кашель першению в легких добавится еще один прием антирада, и Антон

всеми фибрами души ощущает, что его многострадальное здоровье находится на грани.

Словно в подтверждение его мыслей, эта интоксикация далась Антону очень тяжело. Мучения были реально неописуемые, и, если бы не адаптация, он наверняка умер бы просто от боли, настолько она была жестока. К счастью, на этот раз хотя бы обошлось без роботов. Сутки прошли относительно спокойно, хотя поначалу ему пришлось сильно понервничать. Потому что у пленного сперва долго не заканчивалась интоксикация, а потом он еще дольше не просыпался. И Антон всерьез переживал, что из-за чрезмерного употребления антирада пленный умрет, не проснувшись, как умер генерал, который хотел убить Давида. Без пленного шансы Овечкина избавиться от участия в экспедициях мало чем отличались от ноля, и Антон даже попросил Порфирьева, чтобы тот поставил пленному капельницу от Снегирёвой, которая предназначалась для Овечкина.

К сожалению, оказалось, что капельниц больше нет, их количество было строго рассчитано, и все они уже опустошены. Пришлось надеяться на лучшее. Хотя все оценили столь благородный жест Антона, и даже Порфирьев посмотрел на него в тот момент не то чтобы с уважением, этого от асоциального мизантропа не дождешься, но с одобрением уж точно. В итоге фортуна оказалась на его стороне, и пленный выжил. Он долго приходил в себя, жалуясь на тошноту и сильное головокружение, но Антон отпоил его водой и сообщил, что в «Подземстрое» всех ждет квалифицированная медицинская помощь. И хотя имеющийся в нашем распоряжении врач не настолько опытен, как бы хотелось, но с интоксикацией и ее последствиями она справляется профессионально.

В десять утра сто двенадцатых суток все приняли антирад, свернули базу и продолжили путь. Потом начались странности. Порфирьев гнал через непроницаемую пылевую ночь на огромной скорости, иногда чуть ли не под восемьдесят, и все реально сидели, съежившись в ожидании столкновения. Потому что черных обломков, торчащих из-под черного снега было полно, все прекрасно помнили первые поездки, когда вездеход налетал на препятствия постоянно. Но тогда скорость в самые лучшие моменты едва превышала тридцать километров в час, а сейчас за

семьдесят, и столкновение обещает быть катастрофическим, даже несмотря на высочайшие стандарты безопасности современной техники.

Даже лейтенант, являющийся ярым фанатом Порфирьева, явственно ощутил звонок инстинкта самосохранения и задал мизантропу вопрос, не рискуем ли мы разбиться. Потому что на такой скорости при видимости в двадцать метров Порфирьев едет почти вслепую, потому что семьдесят два километра в час это уже двадцать метров в секунду. На что капитан ответил, что разгоняется только на тех участках местности, в которых уверен, на остальных отрезках держит скорость менее двадцати метров в секунду, чтобы успеть среагировать. И вообще, пока штиль, он тестирует возможность движения на высоких скоростях вслепую. Потому что в идеале экспедиция должна проходить расстояние от Центра до Росрезерва за один цикл антирада, чтобы минимально подвергать облучению себя и продукты. Но это путь в четыреста семьдесят километров, и чтобы пройти его за семь часов, нужно двигаться со скоростью минимум семьдесят километров в час. А лучше еще быстрее, потому что будут задержки из-за буранов.

От этого объяснения Антон пришел в ужас. А потом пришел в ужас второй раз, когда понял, что всех данное объяснение устроило. Никто не сомневался в непогрешимости Порфирьева, а лейтенант даже заявил, что раз Варяг так поступает, значит, уверен в себе и в маршруте. Ведь Порфирьев проходил его много раз и знает безопасный путь наизусть.

То, что они ни во что не врезались, иначе чем чудом назвать было нельзя. Долго так продолжаться не могло, и всех спасло то, что Тех с Санычем не смогли долго удерживать такую скорость в условиях фактически отсутствия видимости. Они начинали отставать, и Порфирьев был вынужден прекращать гонки со смертью. Антон даже во всеуслышание заявил, что длительное движение в таком ключе невозможно, потому что у остальных водителей недостаточно опыта, плюс в полной загрузке транспорт либо не сможет развить столь высокую скорость, либо будет иметь слишком большую инерцию. В случае столкновения все может закончиться гибелью груза, транспорта или даже людей.

Точку в этой истории поставил буран. Ураганный ветер заставил колонну прекратить движение, а после его окончания Порфирьев не ускорялся свыше шестидесяти километров в час. Следующие четыре часа ветра не было вообще, и Антон уже начал надеяться, что вернется в «Подземстрой» раньше срока впервые за все время существования экспедиций. Настроение заметно поднялось, он принялся обдумывать аргументы, которыми будет оперировать, как только появится возможность поговорить с Порфирьевым на тему пленного.

Они не доехали до «Подземстроя» каких-то двадцати километров. Удар урагана был внезапным и настолько мощным, что вездеход не удержался на курсе, его сорвало воздушным тараном, закрутило и чуть не опрокинуло. Порфирьев проорал в нещадно гремящий помехами эфир, чтобы грузовики останавливались, кто где находится, и сдували воздушную подушку. Сам он вырубил подушку прямо в момент неконтролируемого осевого вращения, вездеход рухнул на снег и зарылся в черную толщу и с жутким скрежетом пропахал колею в десяток метров. Всех тряхнуло так, что Антон снова прикусил в кровь язык и чуть не получил сотрясение мозга. Вездеход замер в накрененном состоянии, наполовину зарывшись в черный зольный снег, и угрожающе вздрагивал под особенно мощными порывами урагана. Связи с остальными грузовиками не было, и Овечкин отчаянно надеялся, что зловещий скрежет не означал необратимую поломку вездехода. Умереть в двадцати километрах от убежища было бы в высшей степени несправедливо, особенно по отношению к нему, человеку, заботящемуся о семье и потому выстрадавшему больше других.

Ураган не заканчивался катастрофически долго, вездеход занесло черным снегом целиком, и понять, что происходит, стало невозможно. За час до интоксикации рев разъяренных воздушных масс стал тише, и Порфирьев попытался выбраться из кабины наружу, чтобы оценить обстановку. Но открыть дверь ему не удалось, и он отправил на разведку солдат в штурмовых комплектах. Те использовали усилители конечностей и вдвоем сумели распахнуть задний люк, выдавливая его створкой несколько центнеров снега, под которым был погребен вездеход. Наружу солдатам пришлось прокапываться, и достичь

поверхности им удалось не сразу. Выяснилось, что ветер еще бушует, но сам ураган уменьшился до бурана средней силы.

Двигаться в таких условиях было можно, но сразу возникли две проблемы: система нагнетания воздушной подушки не запускалась и не было связи с грузовиками. Понять, где они и что с ними, оказалось невозможно.

– Если буран не закончится через полчаса, – Порфирьев так и не смог выбраться из кабины и потому говорил в ближнем эфире. Из-за этого его рычание было едва слышно в диком треске помех. – То придется идти на передозировку.

– Но у нас еще останется немного времени… – убито промямлил Антон, удрученный перспективой травить антирадом и без того еле живой организм. – Тридцать минут плюс индивидуальное время каждого до собственной интоксикации… Мы можем успеть добраться до Центра…

– Воздушная подушка не работает, ее придется ремонтировать. – В голосе Порфирьева звучали нотки досады. – Наверное, повредили винты нагнетателей… Хрен его знает, сколько времени на это уйдет. Мы даже не знаем точно, что чинить.

От осознания трагичности ситуации Антон подавленно молчал, не находя слов, но тут подал голос пленный:

– Можно прокопаться под днище и посмотреть, что там. Это сэкономит время.

Предложение показалось Овечкину абсурдным, и он возразил:

– Если вездеход осядет, то людей, которые будут находиться под днищем, придавит.

– Мы сейчас накренены, – не отступал пленный. – Значит, добраться до днища будет легче. Нужно установить опору под приподнятый борт, чтобы машина не осела в случае чего. Мы можем использовать контейнер с базой. Я готов заняться ремонтом! Тем более что у вашего инженера сломана рука.

– Валяй, – разрешил Порфирьев. – Хам, подстрахуйте его, чтобы не убился. И выкопайте меня, если сможете.

Пленный задвигал предплечьями, и Антон увидел, как интегрированная во внутреннюю сторону рукава скафандра

малозаметная режущая кромка разрезает грязную веревку пут. Пленный избавился от оков, всем своим видом демонстрируя, что мог сделать это в любую минуту, но не сделал, потому он не враг. Солдаты один за другим выбрались из полумрака вездехода во мрак черного снега, пленный полез следом, и люк закрылся. Минут двадцать они копались в снежной грязи, обмениваясь фразами в эфире, но понять смысл разговоров из-за сильных помех было сложно. Кто-то из солдат прокопался к водительской двери, помог освободиться Порфирьеву и бойцу, сидящему на месте штурмана. В итоге копошащихся под вездеходом людей стало шестеро, и работы пошли быстрее. Еще через пятнадцать минут военные выволокли из вездехода контейнер с базой и утащили в черноту снежного плена.

Антон, конечно же, оказался прав. Как только подкоп под днищем вездехода оказался достаточно широким, машина осела. Это вызвало обрушение норы, которую выкопали ремонтники, а сами они оказались погребены под вездеходом. Спасло то, что ящик с базой к тому моменту уже был установлен под борт машины, и их не раздавило, а только накрыло вездеходом. Порфирьев велел кому-то выкапываться, остальные продолжили углублять яму под днищем.

Потом истекли все сроки, и пришлось пойти на передозировку. Антон жевал капсулу с антирадом, словно ампулу с цианистым калием, и от нервного перенапряжения его опять начал душить сухой кашель. Так продолжалось больше часа, потом переговоры ремонтников стало слышно лучше. Порфирьев заявил, что, раз эфир очистился, значит, буран закончился.

– Овен! – рычал капитан. – Бери грузчиков и выкапывайтесь на поверхность! Выходить осторожно, без резких движений! Не хватало еще одного оседания. Как окажешься наверху, начинай вызывать Теха с Санычем. Если они ответят, а я не услышу, зайди за мной!

Выкапываться на поверхность оказалось неожиданно долго. Вездеход зарылся в снег более чем на метр, и еще столько же, если не больше, составляла толщина снежного холма, образовавшегося над вездеходом. Рыть снежную золу приходилось руками, все лопаты забрали ремонтники, и Антон велел грузчикам использовать ножи. На

поверхность удалось выбраться только минут через двадцать, и в пыльном ночном океане Овечкин не сразу понял, что прорытая грузчиками нора осталась позади, и снега вокруг всего по пояс. Под снегом оказалось теплее, чем на поверхности, обогрев скафандра стал проседать, и Антона охватил озноб. Стуча зубами, он отправил грузчиков откапывать вездеход снаружи, и повысил голос:

– Тех, Саныч, ответьте Овену! Тех, Саныч – Овену!

Овечкин тщательно вслушивался в шипение помех, но ему никто не отвечал. Он потратил на это минут двадцать, после чего голоса ремонтников зазвучали громче, и Антон прислушался к ожившемуся радиообмену.

– Нашел! – сообщал пленный. – Вот здесь винт вырвало! Похоже, обломок уперся в лопасти, и их выдрало на фиг с мясом! Тут надо все разбирать, чтобы починить! Но если есть инструмент и есть чем заменить лопнувшую втулку, то можно попробовать!

– Нет у нас втулок, – хмуро произнес капитан. – Эту заварить можно?

– Она лопнула, от нее кусок отлетел... – пленный бессильно вздохнул: – Где его взять... если только повезет найти... в этом снегу...

– Ищи, – велел Порфирьев. – Хам, дай ему людей, пусть попробуют поискать. Вариантов у нас не много, вдруг повезет. Потом бери остальных и ко мне, я буду возле лебедки. Овен! Что в эфире?

– Сильные помехи, – ответил Антон, холодея от осознания надвигающихся катастрофических перспектив. – Ответа нет... Двадцать минут кричу... бесполезно...

– Доставай тросы, которыми технику заякориваем, и неси все к лебедке, – рык Порфирьева зазвучал отчетливее, видимо, амбал приближался. – И вообще неси все тросы и канаты, которые есть.

В свете нашлемного фонаря мелькнуло расплывчатое пятно, и едва заметный силуэт капитана вновь растворился в ледяном пыльном тумане. Овечкин, спотыкаясь на скрытых под глубоким снегом обломках, побрел обратно к заднему люку вездехода. За прошедшее время грузчики более-менее откопали машину, но двигаться все равно было тяжело, несколько раз Антон запнулся и упал. Поломанной рукой во время падения себе ничем не поможешь, да и подниматься сложнее, но

на этот раз он не обратил на это внимания. Вездеход сломан! Ехать невозможно! До Центра двадцать километров, за шесть часов их не пройти пешком, по пояс в снегу и под буранами! Люди еле продираются через черную толщу! Два, максимум три километра в час, это если без буранов, а так не будет! В самом лучшем случае они пройдут километров пятнадцать-восемнадцать, не больше! Можно использовать базу, но все равно их ждет сильное облучение и интоксикация с передозировкой! Он попросту может умереть от этого! В паре километров от спасения!

Пока Антон копался в инструментарии, грузчики более-менее откопали вездеход по периметру, и двигаться вокруг машины стало легче. Тащить четыре мотка стального троса одной рукой было нереально, и Антон попросил кого-то из них о помощи. Грузчик откликнулся на его просьбу с неподдельным энтузиазмом, было нетрудно заметить, что смертельную угрозу, нависшую над экспедицией, осознают даже новички. Овечкин лишь вздохнул. Вы даже не представляете себе, что такое передозировка… А мы, вместо того чтобы начать движение к Центру как можно скорее, убийственно тратим время на поиски обломка втулки. Вездеход пропахал борозду в десяток метров, которую засыпало ураганом бесследно! Какие поиски?!!

Першение в легких вновь заставило Антона зайтись в сухом дерущем горло кашле, и он, давясь и кривясь, ткнул грузчику рукой в сторону кабины. Тот понял и потащил тросы в указанном направлении. Порфирьев вместе с четверкой военных в штурмовых комплектах был уже там, и в свете ходовых прожекторов его силуэт был виден достаточно хорошо.

– Привязываемся! – коротко приказал он, забирая у грузчика мотки с тросами. – Один конец к себе, другой к вездеходу. Овен! Будешь следить за тросами, чтобы никто случайно не отвязал и не запутался!

– Что ты хочешь сделать? – не понял Антон.

– Привяжемся к вездеходу и разойдемся в пяти направлениях на длину тросов, – Порфирьев принялся пристегиваться к лебедке вездехода. – Отойдем на максимум и будем кричать в эфире, может, грузовики услышат… Если недалеко. Без троса можно заблудиться, если буран начнется. Если кто упадет и получит травму, пройдем по тросу и

найдем! Все, вперед! Расходимся каждый в свою сторону, как запланировано. Через полчаса встречаемся здесь. Овечкин, глаз с тросов не спускать! Все остальные пусть перешагивают их внимательно и продолжают откапывать машину!

Его расплывчатый силуэт исчез во мраке, и привязанные военные принялись расходиться в разные стороны. Поначалу в шипящем эфире было слышно, как они вызывают Теха и Саныча, потом голоса утонули в помехах, и в эфире остался лишь радиообмен поисковой команды пленного. Минут через десять мотки тросов полностью размотались и привязи натянулись. Значит, военные отошли на максимум и продолжают работу в эфире, стоя на месте. Запас троса в лебедке был значительно длиннее, и продолжал разматываться. Видимо, Порфирьев стремился уйти как можно дальше, чтобы повысить шансы. Вскоре тросы солдат ослабли, из чего Антон заключил, что военные начали возвращаться, и только лебедка продолжала отдавать трос. К этому времени вездеход был откопан, насколько это было возможно, и Антон отправил грузчиков помогать пленному в поисках обломка лопнувшей втулки.

В ледяном пылевом мраке появились тусклые пятна армейских фонарей, но дойти до вездехода военные не успели. Как всегда внезапно начался буран, и все попадали, кто где смог. Под сильным ветром температура внутри скафандра упала до плюс двенадцати, и забившегося в черный сугроб Антона сотрясало дрожью. Он попытался было доползти до вездехода, чтобы укрыться внутри, но не смог этого сделать с одной рукой. Буран сбивал с ног и очень быстро заносил людей снежно-зольным крошевом, сопротивляться давлению ветра Овечкину не удавалось. Закончилось все, как обычно, резко и неожиданно. Ветер мгновенно сменился штилем, и люди принялись выкапываться. За двадцать минут бурана откопанный вездеход занесло заново, хорошо хоть не так сильно, и пришлось вновь вести серьезные раскопки.

– Вы нашли их? – Овечкин встретил вопросом выбирающегося из темноты Хама.

– Никто не отвечает! – с досадой ответил лейтенант, пробираясь через образовавшуюся на месте пробитой ранее колеи грязную снежную

целину по пояс глубиной. – Я отходил, пока трос не натянулся, и потом еще как маятник туда-суда смещался. Кричал в эфир, не переставая! Ни хрена, только помехи…

Вскоре вернулись остальные трое солдат с тем же результатом. Порфирьева все еще не было, и Антон поспешил откопать занесенную снегом лебедку. Оказалось, что она все еще отдает трос, и все собрались возле нее.

– Зачем он делает это? – натянутые нервы били Овечкина нервной дрожью, накладывающейся на дрожь от озноба. – Мы теряем драгоценное время! Мы могли бы использовать его, чтобы добраться до «Подземстроя»! Если успеем пройти шестнадцать километров, достигнем зоны приема радиоузла Центра! Они смогут нас услышать и выслать помощь! Мы их слышать не будем, мощности не хватит, но они нас услышат, я гарантирую!

– Не успеем до интоксикации, – Хам мрачно покачал головой. – Столько не пройдем, даже если не станем базу разворачивать, а будем идти до упора. Снег слишком глубокий, под ним бурелом, а еще ураганы… Да и не смогут они помощь выслать вовремя. Пока поймут, что у нас случилось, пока подготовят транспорт, пока спасательную команду соберут, пока искать будут… там ведь никого не осталось, кто сможет нас быстро найти. По любому придется базу разворачивать, иначе выхватим передоз прямо в пустоши. Варяг правильно делает, лишь бы направление угадал… хрен его знает, куда грузовики унесло…

– Трос перестал разматываться! – кто-то из грузчиков указал на замершую бухту лебедки. – Он остановился! Ему ответили! Он их нашел!

– С чего ты взял? – стоящий рядом солдат снял этот вопрос у Овечкина с языка.

– Потому что трос не натянулся! – возбужденно объяснил грузчик. – Значит, Варяг не размотал его полностью! Он бы не остановился на полпути, шел бы до конца! Раз остановился, значит, ему ответили!

– Или он упал и повредил ногу, – предположил Антон.

– Кто?! Варяг?! – Грузчик насмешливо воззрился на Овечкина. – Меня как-то бураном в пустошь унесло, когда ангар копали. Я страховочный трос не закрепил на держателе. Точнее, я думал, что закрепил, но не

заметил, что карабин не защелкнулся. Начал отходить, карабин соскользнул, но я не увидел. Буран был сильный, меня сшибло с ног, прокатило через весь наш каньон и унесло на полсотни метров! Хвала Аллаху, я брыкался, как мог, и меня быстро зарыло в снег! Так Варяг меня нашел по сигналу аварийного маячка! Он вот так же, пристегнутый, шел и нашел! Два раза неправильно ходил, только на третий на меня наткнулся! У меня нога вывихнута была, так он меня на себе вытащил и не упал. Без меня, думаю, тем более не упадет!

Отвечать на эту бредовую чушь Антон не стал, переубедить фанатиков невозможно, поэтому лишь отвернулся, чтобы не видеть насмешливую физиономию и не сорваться. Несколько минут все смотрели на замершую лебедку, даже пленный, потом лейтенант напрягся и уставился в темноту.

– Тепловизор дает картинку! – Он умолк и тут же заявил: – Это ходовые огни! Грузовики едут! Он их реально нашел!

Вскоре в мутной пылевой толще забрезжили слабые пятна света, и Антон услышал вой двигателей. Первый грузовик выскочил из темноты, остановился в пяти метрах от вездехода и начал осторожно подползать как можно ближе.

– Уходим, быстро! – От его кузова отлепился расплывчатый силуэт, и Порфирьев оказался возле кабины вездехода. – Сюда идут роботы! Грузим все и уходим! Овечкин! Сматывай лебедку и отключай аккумулятор! Хам, помоги ему!

Все бросились разгружать вездеход, как ошпаренные, и Антон орудовал одной рукой лучше, чем обычно делал это двумя. Каждую секунду он бросал взгляд в пыльную тьму, откуда появились грузовики, и ожидал увидеть зловещее кроваво-красное свечение.

– Варяг! – возбужденный голос лейтенанта перекрыл шипение помех, заставляя Антона дернуться от страха. Они уже здесь! Мы не успели!!! – Вездеход бортом стоит на ящике с базой! Ее так быстро не вытащить!

– Тех, сколько у нас есть времени? – расплывчатый силуэт амбала вынырнул из-за вездехода с ходовым аккумулятором в руках.

– Не знаю! – нервно ответил молодой техник. – Они сразу после бурана появились, с трех сторон! Мы чудом ноги унесли, я заметил их

глаза прежде, чем они нас! Еле-еле вырвались из их кольца, думал, второй грузовик не успеет! Но Саныч успел! Мы уходили от них по прямой, пока не услышали тебя в эфире! Если они скорость не увеличили, то у нас еще минуты две-три, никак не больше!

– Хрен с ней, с базой! – фотохромный комбинезон растворился в темноте. – Потом заберем, когда за вездеходом вернемся! Заканчивай погрузку и валим отсюда, пока не поздно!

Этот приказ, пожалуй, был единственным разумным решением амбала за всю его жизнь, и Антон ринулся к ближайшему грузовику, спотыкаясь в глубоком снегу, взбитом десятками ног. Через минуту все были уже в кузове и ждали Порфирьева. Тот проверил, что лишенный питания вездеход надежно заперт, хотя кто должен несанкционированно проникнуть в машину, для Овечкина было загадкой, и тоже влез в кузов. Грузовики тронулись, набирая скорость, но быстрее тридцати километров в час не пошли. С какой скоростью перемещаются роботы, никто не знал, и все сидящие в кузове напряженно вглядывались в остающуюся позади грузовиков пыльную ночную бесконечность.

– Может, увеличим скорость? – Антон вышел в затихший эфир. – Нас не догонят?

– Фиг знает! – напряженно огрызнулся молодой техник. – Я быстрее не могу! И так еле успеваю понять, что именно выскакивает навстречу из этой пылевой черноты! Варяг, может, ты поведешь? Вдруг так не оторвемся! Сейчас главное скорость!

– Останавливайся, – Порфирьев внял голосу здравого смысла, и через минуту колонна из двух грузовиков рванула вдвое быстрее.

Всем сразу стало спокойнее, особенно пленному, это было видно невооруженным глазом. Похоже, теперь он точно поверил в то, что роботы не наши, а враги всем.

– Тех, как вы на них наткнулись? – зашипел в эфире голос лейтенанта.

– Это они на нас наткнулись! – ответил тот. – Точнее, чуть не наткнулись! Нас ураганом сильно отнесло от маршрута, я вас потерял. Решил возвращаться на прежнее место по гирокомпасу, как Олег учил. Пока возвращался, пару раз ошибся, потом нашел точку, где нас ураганом ударило. А там уже Саныч стоит, он быстрее доехал. Мы ждали

вас, в эфире кричали, кругами ездили, пытались найти. Потом начался буран, пришлось пойти на передозировку, после него снова вас искали. Правда, теперь выходит, что искали совсем не там, вас в другую сторону унесло! Затем пришел еще один буран, недолгий, а после него сразу они! Они со стороны ветра появились, может, их бураном на нас выдавило!

– Повезло, что не заметили, – лейтенант хмуро вздохнул. – Как бы не допрыгаться… везение вечным не бывает!

С этим Антон был всецело согласен, и охватившее его нервное напряжение отпустило только тогда, когда в ответ на вызовы Порфирьева эфире зазвучал передатчик Центра.

* * *

– Товарищ полковник, экспедиция в эфире! – Доклад помощника отвлек Брилёва от тяжелых мыслей. – С узла связи докладывают, что Варяг сообщает об угрозе нападения! Требует немедленно прекратить все работы на поверхности!

– Что?! – Брилёв невольно вскочил с кресла, в первую секунду не понимая, куда бежать и что делать: кто это? Роботы? ФСБ-шники? Еще какое-нибудь дерьмо на его голову?! – Они же сейчас должны пережидать интоксикацию! У них передозировка?!

– Так точно! – замерший в дверях помощник заметно нервничал. – У них вездеход вышел из строя, пришлось бросить, чтобы уйти от погони, на них вышли роботы!

– Да ну на хрен! – Брилёв выругался, чтобы скрыть панику, и с трудом заставил собственный голос звучать спокойно: – Выведите меня в эфир!

Помощник скрылся за дверью, и полковник в сердцах пнул упирающееся в ноги кресло. Ну почему все так хреново?!! Только-только он с огромным трудом навел порядок в бункере, впервые за четыре месяца его власти ничего не угрожает, и можно начать жить более-менее спокойно. Но не тут-то было! Двойное перенаселение проедает биофермы со смертельной скоростью, и все со дня на день покатится в

ад! Вторые сутки с третьего уровня приходят панические доклады. Куры перестали нестись, производство яиц упало втрое, потому что из-за нехватки продовольствия курам пришлось вдвое урезать кормежку еще месяц назад. Четыре недели все было вроде нормально, а вот теперь птица стала откладывать меньше яиц.

В аквазонах вообще не осталось взрослой рыбы, вылов прекращен полностью, но зоотехники заявляют, что из-за пониженных сверх всяких границ норм подкормки мальки дохнут катастрофическими темпами, и если не начать их полноценно кормить прямо сейчас, через неделю мы останемся без акваферм навсегда.

Биофермы требуют немедленного усиленного откорма, но откуда его взять?! Гидропоника, где выращивают злаковые, истощена до предела! Урожая нет, остался только семенной фонд, и если его бросить на откорм биоферм, то рискуем лишиться всего! Остальное пищевое производство находится почти в таком же состоянии, все даже не на грани гибели, все уже гибнет! Единственное, что еще приносит приплод и позволяет кое-как прокормить бесполезное стадо, слоняющееся по второму уровню в поисках лишнего тампона, это грибница и свиноферма. И то, это исключительно благодаря его политической жесткости и дальновидности!

Свинофермы кормились исключительно пищевыми отходами, которые в изобилии оставались в процессе приготовления пищи на четыре тысячи рыл, благо свиньи всеядны и не выпендриваются на тему «это я ем, а это – нет». В отличие от своих двуногих собратьев! Восемьдесят процентов населения Центра являлись мусульманами, что само по себе естественно, мы же живем в России двадцать второго века. Точнее, жили. Толпа вечно ныла, что не желает есть свинину, и каждый, у кого была хоть малейшая возможность, старался отвертеться от подобных блюд. Результатом стала еще большая скорость разрушения биоферм!

Пришлось принять меры. Он выпустил приказ, в котором четко и доходчиво объяснил, что баранины, говядины и прочего на биофермах нет и не было изначально. Потому что в условиях подземного бункера, даже очень большого, такой скот не прокормить. Концепция продовольственного обеспечения подземных объектов глубокого

заложения и многолетней автономности использует свиней именно потому, что они неприхотливы к условиям содержания и всеядны. Это позволяет одновременно кормить скотину и реализовывать безотходные технологии. Поэтому все должны пересмотреть свои вкусовые предпочтения, если хотят выжить. Потому что другой пищи не осталось. Так что тот, кто станет отказываться от блюд на основе свинины, может катиться к дьяволу, или шайтану – на свой выбор, и умирать там от голода, ибо больше накормить его нечем. В итоге двуногое стадо жрет свинину как миленькое!

Но это не спасло биофермы, а лишь отсрочило их гибель. Свиноводческое хозяйство не вытянет обеспечение вдвое перенаселенного бункера ни в одиночку, ни вкупе с грибницей. Грибница тоже еще жила, и тоже благодаря отходам стада, только не пищевым, а физиологическим. Современные системы обработки отходов жизнедеятельности сводят таковые к минимуму, и все, что остается на выходе, идет на удобрение грибницы и овощного хозяйства. Последнее истощено до предела и даст следующий урожай не раньше чем через три месяца, если раньше его не придется пустить на корм живности, а вот грибница еще держится. Только благодаря этому и удается все еще кормить эту огромную толпу. Свинина с грибами – единственное блюдо во всех ресторанах бункера на текущий момент.

Но свиньи не плодятся ежедневно, их поголовье уменьшается с каждым днем, и сегодня с биоферм прислали очередную паническую сводку о нарастающем истощении. Которое уже становится критическим. Если в течение месяца не будет найден способ оставить биофермы в покое, об их восстановлении можно забыть. Все, что останется, будет годно лишь на то, чтобы это проесть и после умереть от голода. Единственная надежда на склады Росрезерва, но там ошиваются конкуренты и вражеские роботы! Брилёв бессильно откинулся на спинку кресла. Какого черта?! Мир сгорел в ядерном огне, все умерли, откуда в радиоактивном аду столько действующих лиц?!!

– Первый, вы в эфире! – вставленная в ухо микрогарнитура зашептала голосом дежурного по узлу связи. – На поверхности буран, слышимость ухудшилась!

Привычная чистота звука сменилась густым шипением, и Брилёв повысил голос:

– Варяг – Первому! Варяг – Первому! Доложи обстановку!

Несколько секунд в эфире стоял сплошной треск, потом зазвучал знакомый рык:

– Из-за поломки пришлось бросить вездеход. На нас вышли роботы, мы успели уйти, есть погоня или нет – непонятно. Идем на передозировке, пять часов до интоксикации. Росрезерв захвачен вероятным противником. Возвращаемся без продуктов. Удалось взять пленного. Необходимо прекратить все работы на поверхности и срочно отвести людей в бункер. На поверхности буран, видимость ноль, будем заходить в ангар на ощупь. Можем раздавить кого-нибудь.

– Работы на поверхности не ведутся, там нет людей! – нервно выдохнул Брилёв. – Когда будете у ворот?

– Ищем вход в каньон, – напряженно ответил Порфирьев. – Не видно ни хрена. Как зайдем в каньон, сообщу.

Брилёв переключился на внутреннюю связь, объявил тревогу и принялся ждать прибытия своих офицеров, нервно шагая по кабинету.

Черт! Черт!! Черт!!! Твою мать!!! Как так?!! Почему ему так не везет после всего того, что он сумел преодолеть?! Росрезерв захвачен какими-то ублюдками, это сейчас, когда все на грани! Если этот идиот Порфирьев притащил сюда на хвосте роботов, это может закончиться катастрофой! Может, не пускать их внутрь?! Пусть роботы уничтожат их и успокоятся? Только кто сказал, что они успокоятся?!

В дверь коротко стукнули, и в кабинет торопливо вошли Абрек с Мироновым.

– Есть смысл организовать оборону на поверхности? – Брилёв встретил спецназовца вопросом прежде, чем тот остановился, и его расплывчатый силуэт принял четкие очертания. – Экспедиция приведет роботов прямо в бункер!

– Сейчас это бесполезно, – Абрек прислушался к радиоэфиру, что-то коротко ответил на отдельной частоте спецназа и объяснил: – Пока буран не закончится, мы сможем увидеть противника только вплотную. Если они вооружены чем-то тяжелым, то это гарантированная смерть. Да

и после бурана нам нечем их сдержать, у нас тяжелого вооружения нет. Можно попытаться засыпать каньон, чтобы отгородиться от роботов. Но это все равно надо ждать, когда буран закончится, и готовить технику. Можем не успеть. Есть вариант взорвать стены каньона, чтобы его засыпало. Но если у роботов есть оборудование для самовыкапывания, то они могут прокопаться через завал. Надо дождаться Варяга, он спец по ловушкам, может предложить что-нибудь более эффективное.

Экспедиция добралась до ворот только через полчаса, и все это время Брилёв сидел как на иголках, ожидая нападения роботов. Нападения не последовало, потом люди Порфирьева спустились в бункер, и полковник собрал срочное совещание, едва Варяг вышел из дверей входного блока.

– Держать оборону наверху бесполезно, – сразу же заявил Порфирьев. – Там буран, не видно ни хрена. Я еле нашел вход в каньон. Мы оставили грузовики внутри каньона, поставили так, чтобы путь перегородить. Вряд ли это остановит роботов, они во время буранов передвигаются свободно. Запросто могут обойти поверху. Зарывать каньон бессмысленно, если роботы досюда дойдут, то начнут бродить тут везде и прочесывать местность. Они так всегда делали. Как только заберутся на склон горы, найдут крышу и проникнут через нее ко входу в бункер.

– Давай заминируем каньон и взорвем вместе с ними! – предложил Абрек.

– Всех не взорвем, – покачал головой Варяг. – Их много, не меньше десятка, судя по тому, что рассказывают Хам с пленным, и по следам, на которые я натыкался. Сколько их точно – не ясно. Но всей толпой они в каньон не полезут, ФСБ-шники уже с этим сталкивались. Мы сможем взорвать одного, максимум двух. И потратим на это всю взрывчатку, у нас ее мало. А еще есть риск, что на морозе что-нибудь не сработает как положено. Там уже минус пятьдесят два.

– Что ты предлагаешь? – вмешался Брилёв. Безвыходная ситуация сильно выбивала его из колеи как тогда, сразу после гибели КП-дублера. Чтобы уверенно и эффективно руководить, он должен увидеть выход, и чем скорее, тем лучше. – Ничего не делать?!

– Ничего, – подтвердил Порфирьев. – По крайней мере, пока они на поверхности. Технику они обычно не трогают, людей там нет. Походят-побродят вокруг, как обычно, и уйдут. А если не уйдут и начнут взламывать противовзрывную плиту, то опустим лифты и обесточим их. Пусть прыгают к нам с высоты полутора километров. Или спускаются, как смогут.

– А если они смогут? – возразил Абрек. – По стене лифтовой шахты спустятся, например, по направляющим лифта?!

– Тогда встретим их здесь, в замкнутом пространстве, – Порфирьева, похоже, угроза атаки роботов совершенно не волновала. – Попробуем заманить их в тупиковые подуровни и там взорвать. Не уничтожим, так завалим обрушением. Это лучше, чем рисковать входом в бункер или лифтовой шахтой. Случись что – и останемся под землей навсегда. Но я думаю, они к нам не полезут. Хотели бы – давно полезли. Вон, к ФСБ-шникам они сразу вломились, как только обнаружили, а наши координаты никогда секретом не являлись. Если они по нашим следам пошли и не потеряли их, то дойдут до ангара, побродят вокруг пустой техники, не найдут людей и уйдут обратно. Они так всегда делают.

– Окей, – согласился Брилёв. Объяснения Порфирьева его не успокоили, но нервный мандраж удалось победить. Раз прямой угрозы нет, то есть шанс, что все обойдется. – Подождем десять дней. Это максимум, что мы можем себе позволить. Но потом проблему с Росрезервом надо как-то решать. Еще месяц, и восстановить биофермы будет уже невозможно.

– Нет у нас десяти дней, – неожиданно изрек Варяг. – Проблему с Росрезервом надо решать, чем быстрее, тем лучше. – Он перевел взгляд на Абрека: – Давай сюда пленного. Пусть расскажет, что знает, потом будем думать.

Допрос пленного занял более двух часов, и за это время дважды с Брилёвым связывалась Снегирёва. Блондинку интересовало, когда Порфирьев явится в медотсек, потому что ему требуется немедленная детоксикация и антирадиационная терапия. Пришлось пообещать, что максимум через час Варяг будет у нее.

– То есть их там всего тридцать семь, – подытожил Брилёв, дождавшись, пока охрана уведет пленного. – Не так много, как мы ожидали. Но они каждые сутки жрут антирад, и надолго их не хватит. Они реально могут взорвать склады?

– Могут, – подтвердил Варяг. – Я там огляделся, насколько получилось. Мин у них хватало, я даже удивился, откуда в эвакуационном бункере ФСБ столько всего. В общем, они все пустили в ход. Не очень профессионально – ФСБ-шники же, что с них взять – зато массово. Трещин в потолках там стало еще больше, я не берусь сказать, выдержат они или нет. Скорее всего, вряд ли. Но даже если где-то потолок и не рухнет, пожар все сожрет. Они зажигалок понаделали в каждом хранилище.

– Сколько дней они продержатся? – Брилёв вопросительно посмотрел на Варяга.

– Кто их знает, – тот неопределенно пожал плечищами. – Я не врач. Тут от организма многое зависит. Кто-то десяток циклов выдержит, а у кого-то и на пять здоровья не хватит. Я заглядывал в их палатку, пока они в темноте в нее входили-выходили. Смотрел, правда, издали, но и так было видно, что им всем хреново…

Он неожиданно замолчал, кривясь от боли, и Брилёв задал главный вопрос:

– Мы можем провести штурм? Если тебе удалось проникнуть внутрь, может, вы сможете сделать это впятером? При поддержке ВБР? Подключим Службу Безопасности, если надо, у нас же больше людей, чем у них! – Полковник скользил взглядом по молчащим спецназовцам: – Нам нужно это продовольствие, иначе через год начнем жрать человечину!

– Штурм провести можно, – Порфирьев с кривой гримасой сглотнул и коротко потряс головой, отгоняя приступ боли. – Только зачем? Проще договориться, они там все обречены и прекрасно это понимают. Как только до них дойдет, что роботы не наши, они бегом бросятся с нами дружить, да еще и мины сами снимут. Надо только быстрее их оттуда вытаскивать, пока их не добил антирад или роботы. А то еще точно рванут там все перед смертью.

– Согласен, – присоединился к Порфирьеву Абрек. – Можно сблизиться с ними на дистанцию уверенной радиосвязи и объяснить насчет роботов. В качестве доказательства отправим к ним пленного. Пусть убедятся, что с ним все окей! Как увидят, что его подлечили и отмыли, сразу встанут на нашу сторону.

– Какова вероятность того, что они сумеют перебить всех роботов, если те повторят атаку? – Брилёв перевел разговор в другое русло. Раз Порфирьев настроен так миролюбиво, то развивать эту тему сейчас нельзя. – Если их ЛСУ сожгла двоих?

– А она их сожгла? – в рычании Варяга звучало сомнение. – Я обломков не видел, они тоже. Можно, конечно, предположить, что роботы унесли обломки с собой, но это вряд ли. Я не артиллерист, но сомневаюсь, что лазерный луч превратил в пар робота в полтонны весом.

– Мозг? – полковник вопросительно посмотрел на капитана Миронова.

– Ну… – инженер немного замялся. – Мы не знаем наверняка, из чего сделаны роботы… Но предположить вполне реально. Лазерный луч, конечно, отдает цели огромное количество энергии, но он рассчитан не испепелять ее, а выводить из строя. Обломки должны были остаться. Обломки ног точно должны быть. Целиком робот исчезнуть не мог. Хотя я не понимаю, какая там должна стоять защита, чтобы после прямого попадания лазерной пушки чуть ли не в упор он смог уйти оттуда своими ногами! Только если удар пришелся вскользь, сжег роботу часть электроники, и тот вышел из боя, потому что потерял возможность продолжать атаку.

– Я бы на это не рассчитывал, – флегматично изрек Порфирьев. – Нам бы вообще забрать самоходку себе, пока они ее окончательно не добили. Там автономный ядерный реактор, который проработает еще три года. Нам бы пригодилось.

– Шестьдесят тонн мы с места не сдвинем никак, – возразил Миронов. – Даже на метр. Если только пригнать туда путепрокладчик вместе с трактором и тягачом и попробовать затащить ЛСУ внутрь Росрезерва, в ангар. Тогда можно попытаться провести ремонт, если

развернуть токарно-фрезерный комплекс, который лежит где-то там на складах. Только не факт, что ремонт будет успешным. Чертежей ЛСУ у нас нет, в ее бортовом компьютере их тоже нет, это сто процентов, потому что техника секретная. Может не хватить информации или запчастей. Остается только один вариант: вырезать реактор и попытаться увезти его отдельно. Но это двадцать тонн, их надо еще как-то погрузить и довезти.

– А вы сделайте для нее платформу на воздушной подушке, – заявил Варяг. – Пусть сама себя везет.

– Использовать реактор в качестве источника питания? – оживился Миронов. – А что, это мысль! Можно попытаться собрать из нее передвижную электростанцию! – Его энтузиазм сник, и инженер с досадой поморщился: – Только у нас не из чего собирать еще одну платформу на воздушной подушке. Больше ресурсов нет. Если только разобрать один из грузовиков, но это можно сделать не раньше чем вывезем продукты из Росрезерва. Биофермы дохнут, нужно что-то делать прямо сейчас! Тут не до реакторов. И потом, даже если реактор мы вырежем и платформу смонтируем, то его все равно надо как-то на нее поместить! У нас нет стрелы грузоподъемностью в двадцать тонн. Можно попробовать поколдовать над путепрокладчиком, но на это опять же нет ресурсов. И топлива тоже нет, у нас солярки осталось двадцать литров, ровно на то, чтобы перегнать его с места на место, если ангар сумеем расширить.

– Вход в ваш КП мы нашли. – Порфирьева, похоже, отпустило, и болезненная гримаса на его лице расслабилась. – Лифт не запускается. Пиджак уверен, что его можно запустить, если спуститься вниз, к двигателям и механизмам. Но веревки длиной в полтора километра у нас не было.

– Пиджак! – хохотнул Абрек. – А ведь точно! Он же конкретный «пиджак», самый настоящий! Все, позывной готов! Занесу в реестр сразу после совещания! – Он стал серьезным: – Полтора километра спускаться на тросе – это минут двадцать. Если лебедка нормальная и трос надежный – вполне реально.

– Лебедку можно доработать, – согласился Миронов. – Троса такой длины у нас нет, но можно собрать из кусков. Этим надо заниматься, я не помню, есть у нас столько кусков или нет.

– Сейчас не до этого! – Брилёв посчитал, что разговор ушел достаточно далеко от нужной темы, и Порфирьев ничего не заподозрит. – Сейчас главный приоритет – спасение биоферм! Поэтому начинаем готовить спасательную экспедицию в Росрезерв, надо вытаскивать оттуда этих горе-ФСБшников, пока они еще живы!

– Сначала надо вездеход починить, – прорычал Варяг. – Пока ураганами не разбило.

– Вы же его бросили? – не понял Брилёв. – Ты сказал, его невозможно починить!

– Я сказал, что его было невозможно починить на месте, своими силами, – возразил Варяг. – Один из винтов выдрало, и на нем втулка лопнула, на куски разлетелась. Если инженерный отдел изготовит втулку, то починим. Возьмем все необходимое, найдем вездеход и проведем ремонт прямо там. Пиджак клялся, что это возможно. А еще там база осталась, вездеход на ней одним боком стоит.

– Если роботы его не уничтожили, – уточнил полковник.

– Не тронут они его, – вяло отмахнулся Порфирьев. – Он им на хрен не нужен. Меня это постоянно удивляет. Они уже столько раз его видели в разных местах, и до сих пор у них не возникло желания его уничтожить. Как будто они не понимают, что это один и тот же вездеход. Даже если людей поблизости обнаружить не удается, почему они не проявляют к нему вообще никакого интереса?

– Их Искусственный Интеллект может считать, что вездеход управляется автопилотом, – предположил Миронов. – Что машина просто блуждает по пустошам бесцельно. Они не учитывают, что автопилоты в условиях запредельной ионизации не работают. Сложная электроника сгорает максимум за сутки эксплуатации, а чаще быстрее. Без мощного экранирования никак. Но у них самих экранирование соответствующее, и они могут считать, что на данном вездеходе такое же. Иными словами, они убеждены, что людей в вездеходе нет. Уверен, именно поэтому вам так везет. Роботы просто не ищут вас. Они видят

вездеход, который признан ими автопилотируемым, делают вывод, что людей здесь нет, и уходят.

– Угу, – кивнул Варяг. – А всегда находящаяся рядом с вездеходом база тоже путешествует вместе с ним на автопилоте прямо так, в развернутом виде?

– Кто сказал, что это одна и та же база? – парировал Миронов. – Вездеход вполне может перемещаться между разными базами. Люди там давно погибли, но комп гоняет машину по заданному маршруту, потому что питание еще есть. Сам паркуется возле той или иной базы, сам отстреливает якорные растяжки, сам отмеряет время стоянки и так далее – действует по заданной когда-то программе. В памяти роботов наверняка отсутствует информация по емкости аккумуляторов старого вездехода, давно снятого с производства. Они узкоспециализированные диверсанты, поэтому захламлять их носители ненужной информацией никто не стал.

– Может, и так… – судя по тону, Порфирьев в правоте Миронова уверен не был.

– Итак, ситуация ясна! – подытожил Брилёв. – Ждем, пока роботы покинут наш район и готовим ремонтную команду за вездеходом. Параллельно прорабатываем спасательную экспедицию! – Полковник вперил в Варяга многозначительный взгляд: – Мы займемся подготовкой, а ты отправляйся в медотсек, пока Снежная Королева не заморозила меня своим ледяным взором! Она уже шлет Карену жуткие угрозы!

Все довольно осклабились, провожая Порфирьева двусмысленными советами на тему, как именно Снегирёва может ему пригодиться. Кривящийся от боли Варяг покинул кабинет, и улыбка сползла с лица полковника.

– Дальнейшее совещание объявляется совершенно секретным, – Брилёв активировал постановщик помех. – Шутки закончились. У нас серьезная проблема, и мы должны решить ее без ошибок.

– Можно датчики в наружу вынести, – предложил Мангуст, – дистанционные, установить их у входа в каньон. Они сгорят часов через десять, но если роботы появятся раньше, мы узнаем об этом заранее…

– С роботами пусть разбирается Порфирьев, – полковник жестом оборвал спецназовца. – Раз так уверен в своих силах. Наша задача – разобраться с проблемой, заняться которой он не захотел.

– ФСБ-шники? – уточнил Миронов. – Думаете, они станут проблемой?

– Уверен! – убежденно заявил Брилёв. – Вспомни наше цветущее государство до его смерти и наше незабвенное ФСБ в частности. Еще вопросы есть?

– Там сразу три генерала, – до Абрека дошел смысл слов полковника, и спецназовец брезгливо скривился: – Попадут в бункер и будут тянуть одеяло на себя!

– Ни секунды не сомневаюсь! – подтвердил Брилёв. – Как только освоятся здесь, захотят подмять все под свои зажравшиеся зады! Людей у них хватает, и это не старые тупые шалавы с истерикой вместо реальных умений, а обученные специалисты. Заметьте: привыкшие пользоваться властью фактически без ограничений и использующие для этого закон! В смысле, его трактовку в нужную сторону.

– Они постараются выставить нас в глазах толпы преступниками. – Миронов насупился. – Убийцами, экстремистами или еще какими-нибудь террористами. Найдутся те, кто им поверит.

– Если пообещают бабам с три короба, то все поверят! – В глазах Абрека вспыхнула злоба. – Это же бабы, они тупорылые! Им лишь бы было, кого обвинять, в себя они никогда не плюнут, мозги слишком куцые, понимание собственной реальной стоимости туда не вмещается! – Он скорчил жеманную рожу и фальшиво передразнил женский голос: – «Я всего добилась сама! Мужики тут ни при чем, они всего лишь дали денег и со всеми договорились!»

– Мы только-только навели здесь порядок. – Брилёв обвел всех тяжелым взглядом. – Избавились от гнили и наладили нормальную жизнь. У нас не самые идеальные порядки, но они позволяют людям выживать. Всем без исключения, даже недовольным. Если пустим ФСБ в бункер, рано или поздно снова получим то, от чего избавились. Только на этот раз противник будет гораздо опаснее.

– Генералов надо валить! – зло заявил Терек, и полковник внутренне облегченно выдохнул. Его люди на его стороне, это главное. С остальным

он справится.

– Да и не генералов тоже! – с недовольным оскалом поправил его Перс. – Там похрен, генерал-майор или просто майор! Это ФСБ, они там все мрази! Я как-то пытался к ним перейти на контракт, полгода мозги полоскали. Взять – не взяли, зато столько чванства я вытерпел за это время – спаси, Аллах! У них там каждый – непризнанный президент!

– Согласен! – веско подтвердил Брилёв. – Это не с людьми Менделеева вопросы решать: избавился от одной мрази – и проблеме конец! Тут не определишь, кто из них будет лояльным, а кто будет делать вид, что лоялен!

– Валить надо всех, – мрачно подытожил Абрек. – Чтобы наверняка!

– Пленный сказал, что среди них есть курсанты второго и третьего курса, – встрял Мангуст. – Они молодые, таких можно перевоспитать. Отдать их Порфирьеву, пусть роются в радиоактивной грязи, пока не передохнут. Своих людей сбережем!

– У нас этих людей девать некуда! – напомнил ему Брилёв. – Три тысячи бесполезных ртов на втором уровне сидят! И это пока! До тех пор, пока удается избегать повальных родов! Мы даже не в состоянии их нормально разместить, половина живет в хозяйственных помещениях и коридорах, кое-как переделанных под хостелы. Нам нужны стройматериалы, а не мудачье из ФСБ!

– Со штурмом могут быть проблемы, – мрачно изрек Абрек. – Место там узкое, если у них ЛСУ прямой наводкой вдоль рва бьет, то атаковать придется сверху, со склонов. То есть бой будет идти на пятачке возле самых ворот. Если они успеют занять позиции внутри, то будут выкашивать огнем все, что появляется на входе. Можем не успеть завалить всех быстро, и кто-нибудь подорвет заряды. Над планом операции надо думать, их нужно перебить так, чтобы никто не успел нажать на кнопку.

– Хреново, что Варяг не с нами, это по его части, – Мангуст перевел взгляд с Абрека на Брилёва: – Может, убедим его как-нибудь? Если рогами не упрется!

– А если упрется? – возразил Абрек. – Это лишняя утечка! Кто знает, что у него на уме, и кому он решит слить инфу через год-другой?

– Утечки нам не нужны, – заявил Брилёв. – И потери тоже. Нужно проделать все тонко. В идеале противник должен поверить, что мы забираем их в Центр, и добровольно пойти на сотрудничество. Как сказал Порфирьев, пусть сами снимут свои мины. А уже после того, как складам ничто не будет угрожать, их надо уничтожить. Это реально?

– Надо подумать, – Абрек нахмурил черные кустистые брови. – Как их перевалить так, чтобы с минимальными потерями. Огонь придется открывать в упор, рассчитывая на внезапность. Но их много, придется брать туда всех наших. А когда такая толпа долбит друг в друга с короткой дистанции, потерь не избежать. Нужно разработать план операции и несколько раз отработать взаимодействие.

– Слишком сложно, – покачал головой Брилёв. – Высокий риск и очень много людей будет задействовано. Желательно сделать это так, чтобы в курсе было как можно меньше народа. А вы не можете уничтожить этих гадов на марше?

– Как? – переспросил Абрек. – Погрузить всех в одну машину и взорвать? Их почти сорок человек в штурмовых комплектах, все в один грузовик не влезут. А если уплотнять, могут заподозрить. Тогда придется взрывать два.

– Вы что, собрались взорвать грузовики?! – опешил Миронов. – С ума сошли?! Это немыслимое сокровище, мы их собирали из всего, что только можно! Других не будет!

– Тогда этот вариант отпадает, – мрачно оценил Абрек.

– Мозг, а вы можете сделать так, чтобы кузов отцеплялся? – поинтересовался Перс. – Ну, типа, прожал рычаг, он и отвалился вместе со всеми, кто там сидел?

– Вариант! – обрадованно подхватил Мангуст. – Сбросим кузова с ФСБ-шниками и подорвем их! Грузовики не пострадают! Людям скажем, типа, бураном сорвало! Перегруз был большой, крепления не выдержали! Ветер покатил их кубарем, и у кого-то граната сдетонировала! Там, на поверхности, такой ад, что все поверят! Я сам бы поверил, если б мне такое рассказали!

– Есть проблема! – капитан Миронов предостерегающе поднял руку. – Отцепляющийся кузов сделать можно. Можем даже сделать систему

автоматической, без электроники. К примеру, работа механического узла будет основываться на избытке давления воздушного потока. Как только ударит сильный ветер, автоматика отключит крепления, и кузов по направляющим сойдет с грузовика на землю. Через полминуты подрыв. Но учтите, металла у нас больше нет! Второй кузов будет сделать не из чего! В чем продукты возить будем?!

– Разве нельзя забрать металл из бункера? – нахмурился Мангуст. – Из номеров или служебных помещений?

– Тут везде пластик и прочая неметаллическая фигня! – Миронов недовольно поморщился. – И ее тоже, кстати, больше нет. Мы все, что было, пустили на расширение биоферм и строительство этих самых грузовиков! Что-то, наверное, можно будет придумать, но это долго, потому что сначала придется собирать отовсюду по крупицам, а потом еще изготавливать новый кузов. Сразу предупреждаю: нам очень повезет, если получится насобирать материалов хотя бы на один! Поэтому как хотите, но больше одного кузова уничтожить не дам!

– Тогда нужно придумать, как этих уродов уплотнить всех в одном кузове, чтобы не заподозрили, – Абрек задумчиво потер пальцами горбинку на носу. – Почти сорок рыл в штурмовых комплектах… Нужно взять наш грузовик и посмотреть, сколько людей туда реально влезет.

– Думаю, так сильно заморачиваться не нужно! – произнес Брилёв. – Мангуст прав, всех уничтожать не обязательно. Молодежь заберем, без командиров они не опасны. Может, пригодятся. Это даже облегчит вам сортировку: сделаем один кузов полностью пустым, объявим, что там должны ехать те, у кого состояние получше. Второй будет крытым, поставим там несколько кресел и лавки. Скажете, это для тех, кому совсем плохо. Генералы и прочие важные птицы сами туда полезут!

– Это точно! – злорадно ухмыльнулся Абрек. – Хорошая идея, Дмитрий Адамович!

– Доработайте и действуйте! – Брилёв посмотрел на хронометр: – Мне через полчаса нужно быть в медотсеке, проходить плановое лечение. Снегирёва уже просила изменить график из-за внепланового возвращения экспедиции, схожу, разберусь, что там. Заодно выясню,

когда Варягу и его людям можно будет выйти на поверхность. Если вопросов нет, то все свободны!

Кабинет опустел, и полковник устало растянулся на разложенном в массажное положение кресле. Сегодня был очень нервный день, и он еще не закончился. С утра бункер дважды трясло, вроде и не сильно, вибрации ощущались только на третьем уровне, но этого хватило, чтобы намертво схлопнулись все водные скважины. Пришлось ждать, пока вибрации стихнут, и бурить новые. По рекомендации инженерной команды, на время отсутствия водных скважин в системе водоснабжения бункера понижалось давление, чтобы вода текла хуже. Такая небольшая уловка, чтобы каждый раз не вводить аварийное положение и не урезать нормы обеспечения водой, но при этом организовать экономный расход аварийных резервуаров.

Хитрость была шита белыми нитками, весь Центр давно в курсе, но в целом народ воспринимает это спокойно. Главное, не держать низкое давление долго. Но сегодня, едва пробурили пару новых скважин, затрясло второй раз, и только что созданные шахты снова сплющило. Пришлось снова ждать, когда колебания затихнут, и начинать бурение заново. Из-за плохой подачи воды на биофермах подняли панику, что-то там отказало в гидропонике на соевой ферме, и устранить поломку удалось только через полдня. К тому моменту Брилёву прислали отчет по состоянию дел на биофермах в целом, который правильнее назвать дорожной картой надвигающейся катастрофы, и он ломал голову над тем, что можно сделать. А тут еще экспедиция не возвращалась вовремя. Это еще не означало, что все пропало, лишь говорило о том, что у них что-то случилось в пути, а случалось у них что-нибудь постоянно. Но на фоне стремительно нарастающего истощения биоферм опоздание экспедиции заставило Брилёва нервничать значительно сильнее. Известия о приближении роботов окончательно добили суточный запас его нервов, и ему требовался срочный прилив позитива.

Полковник включил массаж на максимум и принялся выискивать в сложившейся ситуации положительные моменты. У него появился еще один инженер-механик, более чем зависимый от его доброй воли и заранее лояльный, лишь бы выжить. С одной стороны, это, конечно,

шкура вроде Овечкина, с другой – ни новичку, ни Овечкину больше переметнуться не к кому, так что ничто не мешает ему использовать их в составе ЭК. Несомненный плюс. Но прямо сейчас это мало успокаивает.

Что еще? Шансы выжить однозначно выросли, потому что вероятный противник оказался не мини-армией ФСБ-шников из некоего стратегического бункера, хорошо защищенного и обеспеченного всем необходимым, кроме продовольствия, а толпой умирающих от антирада полукабинетных спецслужбистов. Противостояние с мощной хорошо подготовленной командой, оккупировавшей Росрезерв, вряд ли бы удалось выиграть. С этими же он справится. Если не подведут исполнители. Но у него толковые подчиненные, так что вроде бы не должны. Это тоже плюс, но в силу неопределенности особо спокойствия не дает.

Может, вызвать к себе любовницу или двух? Развеяться нужно обязательно, это беспомощное ожидание появления роботов угнетает его донельзя. Уверенность Порфирьева в том, что роботы не станут атаковать Центр, передалась всем его людям, это было видно, и полковник не понимал почему. Сам он не видел никаких аргументов в пользу этой уверенности, что еще больше давило на психику. Но запираться сейчас в своем суперлюксе нельзя, если роботы действительно нападут, он рискует оказаться отрезанным от основных своих сил с кучкой телохранителей. А тащить любовниц в рабочий кабинет очень неграмотно. Ему не нужны слухи, умаляющие репутацию. Пожалуй, он вызовет сюда Соколянскую. В отличие от недалеких куриц она будет держать подробности визита в тайне. Этим, а именно своим безупречным позиционированием, вышколенная ГРУшными кукловодами агентесса выгодно отличалась от серой массы баб.

В последнее время Соколянская стала притягивать его к себе все сильнее. Близость позволила ей раскрыть перед ним не только постельные способности. Особенно подкупала ее манера общения. Элитная агентесса не следовала стандартным и примитивным женским шаблонам, она не спешила расслабляться и уверовать, что раз ее пустили в постель, то цель достигнута, отношения начались, и можно потихоньку начинать расслабляться. Она продолжала вести себя так,

словно все еще добивается Брилёва, и это привлекало. Брилёв не сомневался, что Соколянская начала главную фазу своей операции: незаметное опутывание целевого объекта своими чарами, которое столь же незаметно приведет его к полной зависимости от агентессы. Ей нужен полный контроль над ним, чтобы либо понукать, как султанша визирем, либо занять его трон, как королева в результате дворцового заговора против короля-слабака.

Брилёв видит ее мотивацию насквозь, опыт карьерного роста, помноженный на опыт бесконечно долгой и бесконечно пыточной семейной жизни, научил его всему. Но именно сейчас, в начале своих манипуляций, агент влияния максимально комфортен и нереально идеален. До тех пор пока Соколянская не озвучила первое требование, завуалированно подразумевающее приказ или шантаж, нужно пользоваться представившимися возможностями. Их встреча назначена на завтра, но ждать Брилёв не станет. Это его Центр, и он в нем хозяин! Полковник вздохнул, окидывая взглядом кабинет. По меркам административного подуровня он роскошен, но в сравнении даже с обычным люксом здесь очень даже простенько. Интересно, где Соколянская захочет сделать это? На столе? Или попросит разложить кресло? Эти варианты забавны раз-другой, но в целом все отдает менеджерской бомжеватостью. Надо переводить управление в свой суперлюкс, аскетичность ему поперек горла, но ресурсов катастрофически не хватает.

Ресурсы… ресурсы… ресурсы… Брилёв снова вздохнул. Где их взять?! Особенно стройматериалы! Их просто нет! Пока единственный выход – это вывезти из Росрезерва все, включая стеллажи и упаковку, в которой хранятся материальные ценности. Но полностью проблему стройматериалов это не решит. Стены делать не из чего, как выстроить на втором уровне дополнительные номера? После объявления сбора информации о местах потенциального нахождения материальных ценностей администрацию завалили сообщениями. Все наперебой предлагают вести раскопки в двух или трех сотнях мест, но ни одно из них не впечатлило ни Порфирьева, ни инженерную команду Миронова. Одни лишь торговые центры в населенных пунктах современной

застройки. То есть выстроенные больше из стекла, чем из бетона. Всевозможные «сити», «моллы» и тому подобное. Все это размозжило ядерной дробилкой в мелкий мусор, насыпанный большими горами. Копать которые с вероятностью в девяносто пять процентов бесполезно, потому что пожарами и давлением их превратило в плотно спрессованное мусорное месиво от верхнего этажа до подвального.

Условный стук в дверь заставил Брилёва вздрогнуть. Это помощник, ему приказано лично сообщать обо всех серьезных вещах, чтобы даже упоминание о них не уходило в эфир. Мало ли, кто может услышать случайно или специально. Частоты и каналы его команды закрыты и надежно зашифрованы, но непреодолимых шифров не бывает. Тем более после уничтожения террористов в его команде прибыло, и доверять каждому он не может. Особенно учитывая факты предательства, из-за которого террористический мятеж чуть не привел к катастрофическим последствиям. Поэтому все самые важные разговоры полковник и его самые доверенные люди проводили лично. Если Карен хочет войти, значит, что-то случилось. Неужели роботы все-таки нашли Центр?! Брилёв ткнул пальцем в сенсор коммуникатора, открывая помощнику дверь, и тот заглянул внутрь:

– Товарищ полковник, у нас все готово! Можно выдвигаться в медотсек!

– Буду через минуту! – Брилёв мысленно выдохнул. Напугал, твою мать! В размышлениях полчаса прошли незаметно, он не ожидал, что уже пора выходить.

Полковник подошел к зеркалу и поправил форму. Убедившись, что ничто не умаляет внешний вид Начальника Центра, он вышел из кабинета, и вокруг него немедленно сомкнулось кольцо охраны. До лифтового подуровня дошли спокойно, служащие Центра, попадающиеся на пути, здоровались и бросали на него исключительно благодарные взгляды. Это логично, учитывая, что жизнь подавляющего большинства из них после переселения на первый уровень стала гораздо комфортней.

Возле лифтов обстановка стала интереснее. Помимо служащих, тут всегда находилось какое-то количество женщин, посещающих первый уровень по гостевым приглашениям. Этих Служба Безопасности без

лишних церемоний развела по сторонам, и Брилёв исподлобья изучал их реакцию на свое появление. Какого-то явного негатива не видно, это хороший знак. Девушки помоложе украдкой бросают на него любопытные взгляды, это нормально. Девушки постарше стараются смотреть максимально нейтрально, чтобы не вызвать недовольство своих мужчин, хоть тех и нет рядом, но при этом не забывают делать вежливые улыбки. Поначалу в таких ситуациях многие смотрели в пол, но это вызывало у СБ подозрения. Набычившаяся обитательница второго уровня очень походила на террористку либо пособницу террористов, которой удалось избежать справедливого возмездия. В итоге опускать глаза быстро стало немодно, и Брилёв находил это хорошим результатом. Взгляд может выдать нелояльных, затаивших злобу или дурной умысел, поэтому пусть лучше смотрят, чем тупятся.

– Товарищ полковник! – Арарат дождался, когда створы лифта закроются, и кабина придет в движение. – Разрешите обратиться!

– Обращайся! – позволил Брилёв. Судя по взгляду, Арарата волновал вопрос, который заботил всех его людей, но ответа на него ему никто давать не стал.

– Это правда, что Росрезерв захвачен ФСБ-шниками, а нас заблокировали роботы?

– Роботы нас не блокировали, – полковник понял, что никто из информированных лиц не рискнул без особого разрешения выдавать информацию о деталях неудачной экспедиции, а Варягу, как обычно, было на всех плевать. Значит, второй уровень сейчас будоражит всевозможными слухами. На этом стоит сыграть. – Они даже не вышли в наш район. Предположительно, они могут это сделать, поэтому мы ожидаем их появления. Но Варяг считает, что роботы уйдут, как только не обнаружат наверху живых целей. Так что опасности нет. В Росрезерве действительно укрепились сотрудники ФСБ, бункер которых истратил все ресурсы, но они нам не враги. Их загнали туда роботы, у них не было выбора. Решением этой проблемы мы уже начали заниматься.

Лифт достиг второго уровня, и телохранители вывели Брилёва в центральный коридор. Здесь было многолюдней, чем обычно, и он понял, что не ошибся. СБ увеличило количество охраны,

обеспечивающей проход Начальника Центра к медотсеку, но скопившихся в коридоре женщин было все равно много. Каждый раз, проходя здесь, Брилёв испытывал смешанные чувства. С одной стороны, множество женщин, все молодые, много привлекательных – есть, чему порадоваться, и есть, чем воспользоваться. С другой стороны, рано или поздно они начнут плодиться, и это будет смертельная катастрофа, которой он пытается избежать всеми силами…

Выкрикивать вопросы Брилёву никто не решился, СБ за такое угощала шокерами и подвергала штрафу, но не составляло труда увидеть, что все ждут информации. Второй уровень прекрасно понимал, что в случае усугубления проблем с питанием очередное урезание рационов в первую очередь коснется их, и женщины были заметно взволнованы. Тут взглядов тоже никто не прятал, но все они отличались от тех, что можно было наблюдать на первом уровне. Здесь кто-то смотрел хмуро, кто-то заинтересованно, кто-то даже призывно, но большинство смотрело встревоженно и с ожиданием. Зато явно враждебных взглядов он не видел. Либо на данный момент в бункере еще не успела сформироваться новая оппозиция, либо ее участницы не выходят в центральный коридор во время его визитов.

В подуровне медотсека людей было еще больше, перед входным люком, как всегда, стояла большая очередь. После отправления экспедиции медотсек закрылся на сутки на профилактику оборудования, две трети которых Снегирёва проспала, после чего начала прием жителей второго уровня. Принять всех желающих за эти дни она была не в состоянии, но женщины в очереди выглядели достаточно свежими. Значит, очередь двигалась. Это хорошо, в целом момент удачный. Брилёв остановился возле входа, оттуда к нему немедленно устремилась старшая смены «снежинок», и один из телохранителей шагнул ей навстречу.

– Пропустить! – негромко приказал полковник. Он принял доклад от старшей смены и повысил голос, чтобы прижавшаяся к стенам толпа гарантированно услышала его слова: – Почему здесь очередь? Разве медотсек не занимается сейчас оказанием экстренной помощи

вернувшейся с поверхности экспедиции? У них передозировка, эти люди рисковали своими жизнями ради всеобщего выживания!

– Так точно, товарищ полковник! – отчеканила обесцвеченная блондинка. – Экспедиция получает медицинскую помощь в экстренном порядке! Но доктор Снегирёва распорядилась не распускать очередь, она принимает пациентов в промежутках между основной работой, пока биорегенераторы заняты! Ей помогает медработник Яковлева, сейчас ее смена!

– Хорошо! – оценил Брилёв. – Позаботьтесь о том, чтобы очередь двигалась без лишнего промедления! Необходимо, чтобы в ближайшие трое суток медицинскую помощь получали только те, кто действительно в ней нуждается! Наша экспедиция обнаружила в Росрезерве выживших сотрудников ФСБ из ведомственного бункера. Их убежище вышло из строя и утратило безопасность. Те из них, кому удалось выжить, сумели переместиться в Росрезерв! Но там смертельная радиация, а их средства выживания крайне ограничены! Всем им грозит медленная смерть от антирада и облучения, они измождены и борются за жизнь из последних сил! Наш долг спасти этих людей от неминуемой гибели, мы не можем бросить их на произвол судьбы! Поэтому в сжатые сроки готовим спасательную экспедицию! Как только она вернется, наши врачи будут оказывать им медицинскую помощь! Мы ожидаем принять тридцать семь человек, поэтому медотсек будет полностью загружен работой на длительный срок, в течение которого прием жителей будет сильно ограничен! Учитывайте это, офицер! Вопросы?

– Никак нет! – отрапортовала старшая «снежинка». – Порядок будет соблюдаться неукоснительно! Разрешите продолжить исполнение своих обязанностей?

– Продолжайте! – Брилёв в окружении телохранителей вошел в медотсек.

Приемный покой был заранее очищен от посетителей, и кроме «снежинок» и солдат Арарата вокруг никого не наблюдалось. На всякий случай отсюда выгнали даже практиканток, сейчас на их месте сидела Яковлева. Безопасность чрезмерной не бывает, это правильное решение. Позже, когда лояльность практиканток будет подтверждена длительным

наблюдением и докладами тайных осведомителей, он позволит им оставаться на своих местах во время своих визитов. Пока же торопиться не стоит. К тому же чем больше работы будет у Яковлевой, тем быстрее от нее появится хоть какой-то толк. Карен уже получил подробные указания по манипуляциям со слухами о своих любовницах, чтобы мотивировать эту безмозглую пустышку на ускоренное изучение профессии. Пока что это срабатывает.

Брилёв, не останавливаясь, прошел в диагностический кабинет и остановился, пропуская вперед Арарата.

– Дмитрий Адамович, рады видеть вас в медотсеке! – Соколянская, одетая в наглухо застегнутый медицинский халат, встречала его у диагностического кресла.

Ее лицо несло подчеркнуто официальное выражение, при этом взгляд каштановых глаз пылал страстью, а слегка выпирающие через ткань подогнанного по фигуре халата соски свидетельствовали об отсутствии на ее теле как минимум верхней половины нижнего белья.

– Доктор Снегирёва хотела просить вас отложить ваш сеанс лечения, – по-деловому сухо сообщила Соколянская, всем своим видом выражая свое несогласие с позицией коллеги. – Но я уверена, она найдет возможность принять вас согласно заранее согласованному графику!

– Очень на это рассчитываю, – еще более официальным тоном произнес Брилёв. – Потому что очень скоро этот график станет гораздо плотнее. Вскоре мы проведем спасательную операцию, и в Центр прибудет несколько десятков изможденных людей, нуждающихся в квалифицированной медицинской помощи. – Он коротким, но выразительным взглядом скользнул по ее выпирающим соскам и сухо закончил: – Сразу после сеанса моего лечения зайдите ко мне в кабинет для получения подробных указаний!

С этими словами он отвернулся от Соколянской и вопросительно посмотрел на появляющегося в дверях операционной Арарата.

– Все готово, товарищ полковник! – тот кивнул, подразумевая, что Снегирёва разоружена, а все входы в операционную перекрыты.

Брилёв, не глядя на Соколянскую, прошел мимо нее в операционную и остановился, скользя взглядом по биорегенераторам. Все три были заняты, и он вопросительно посмотрел на Снегирёву, колдующую над панелью управления ближайшим из них:

– Здравствуйте, док! Что-то пошло не так с согласованным графиком?

– Биорегенератор освободится через три минуты, – ответила та, продолжая нажимать на сенсоры. Блондинка закончила ввод команды и обернулась в его сторону: – Здравствуйте, Дмитрий Адамович! – Ее лицо как всегда было хмурым. – Мы сможем начать сеанс вашего лечения через шесть минут. Но я хотела бы попросить вас отложить терапию. Экспедиция вернулась с передозировкой, мне пришлось госпитализировать всех, им требуется серьезное лечение, особенно спасенному человеку и капитану Порфирьеву! Стандартной процедурой детоксикации тут не обойтись, и экспедиция проводилась в расширенном составе, у меня вдвое больше пациентов, чем обычно! Чтобы провести детоксикацию всем, требуется еще три часа, а до начала интоксикации осталось два! Придется проводить ускоренную процедуру как минимум трем пациентам. И если сейчас мы с вами займем один биорегенератор на два часа, ускоренную процедуру придется проводить еще двоим. И всем им потом потребуется основная терапия. Придется делать двойную работу, а это двойной расход ресурсов.

Брилёв мысленно скривился. Ты хочешь сэкономить на Начальнике Центра? Реально? Ты правда считаешь, что я тот, на ком можно экономить в угоду благополучию каких-то бомжей, которых полно? Да уж, блондинки не зря считаются тупыми, воистину это так, и количество каких-нибудь научных знаний на это абсолютно не влияет. Нет уж, больше на себе он экономить не станет. Он сильно устал от всего этого аскетизма, тем более сейчас, когда все может рухнуть. И вообще, в его планы не входит умереть от болезней, бесконечно отодвигая заботу о собственной жизни ради тех, кто и «спасибо»-то не скажет, потому что воспринимает все, как должное. Зато недовольство стадо выразить никогда не забудет. Потому что стадо всегда стадо, оно реагирует только на негатив, позитив они считают условием по умолчанию. Вот и пусть молчат! Брилёв невольно улыбнулся забавности получившегося

каламбура. Позитив по умолчанию? Окей! У нас этого есть! Заткнитесь – и будет вам позитив! Иначе последует перекрытие кислорода в буквальном смысле слова!

– Боюсь, дальше ситуация будет становиться еще более напряженной, – Брилёв печально покачал головой и бросил на Снегирёву невеселый взгляд. – Из-за поломки экспедиция была вынуждена бросить на поверхности вездеход, там каждый час бушуют бураны, несколько раз в сутки превращающиеся в мощные ураганы, если не принять срочные меры, техника погибнет. Понятие «транспорт» для нас сейчас означает «жизнь» в буквальном смысле. На нем перевозятся продукты из Росрезерва. Мы не можем потерять вездеход. Ремонтная экспедиция будет организована в кратчайшие сроки. Сразу после нее мы обязаны спасти людей, обнаруженных в Росрезерве. Это потребует срочной спасательной экспедиции. Все это требуется готовить, не говоря уже о текущих проблемах Центра, которыми мне приходится заниматься ежеминутно. Я не могу позволить себе нарушать график. Тем более что после возвращения спасательной экспедиции нуждающихся в экстренной медицинской помощи будет столько, что график моего лечения поневоле придется корректировать.

– Я поняла, – Снегирёва с грустью вздохнула. – Вы можете дать мне три часа? Всего три! Это позволит мне избежать лишних процедур ускоренной детоксикации. Ровно через три часа я займусь вашим лечением.

Несколько секунд Брилёв обдумывал ее слова. Три часа он подождет, это положительно скажется на имидже. Час он позанимается Соколянской, точнее, позволит ей позаниматься им, остальное время уйдет на продумывание дальнейших действий. Для тех, кого его люди все-таки привезут из Росрезерва, требуется составить линию поведения. Сейчас никто не скажет, как они себя покажут, когда оклемаются. Хорошо хоть, что там только мужики и обошлось без баб. Легче будет всучить их Порфирьеву.

– Готов потерпеть, если это облегчит людям страдания! – заявил он. – Занимайтесь больными, док, вернусь через три часа!

Полковник покинул операционную и в окружении телохранителей вышел из медотсека, скользнув по Соколянской многозначительным взглядом.

* * *

Искусственный Интеллект сообщил об окончании процедуры, и туба биорегенератора распахнулась, выпуская ложе с перевитым мощными мышцами пациентом, покрытым глубокими шрамами. Порфирьев, потирая сонные глаза, поднялся и молча пошлепал за ширму.

– Ваше лечение не окончено, товарищ капитан! – решительно заявила Ингеборга, глядя в широкую спину. – Вы опять облучались больше всех остальных как минимум втрое! Я вынуждена вас госпитализировать!

– Потом госпитализируешь, – равнодушно ответил здоровяк, скрываясь за ширмой. – Сначала нужно вездеход из пустошей забрать. Сделай что-нибудь, чтобы я мог выйти на поверхность на следующем цикле антирада. Я возьму с собой всех, кто был, и Пиджака вместо Овечкина.

– Я вас никуда не пущу! – Ингеборга сделала суровый голос. – Пусть вместо вас едет кто-нибудь другой! Вам показана интенсивная терапия в течение трех суток!

– За трое суток вездеход раздолбит ураганами, мы его бросили посреди пустоши, стоящим одним бортом на ящике с базой. Если его перевернет ветром, то по оборудованию нагнетания воздушной подушки будет бить поток мелких камней. Что от него останется через три дня – хрен его знает. Машина может попросту умереть.

– А то, что можете умереть вы, вас не волнует? – воскликнула блондинка.

– Ни хрена со мной не будет, – возвышающаяся над ширмой капитанская физиономия лениво скривилась. – Прямо сейчас я умирать не собираюсь, мне еще в Росрезерв за людьми ехать.

– На чем основана ваша уверенность? – не сдавалась девушка. – На самомнении? Моя основывается на профессиональном образовании!

На мгновение капитан замер и вперил в нее недобрый взгляд:

– Ты как со мной разговариваешь, сопля? Ощутила равенство в полной мере? Постучать тебя башкой о биорегенератор? Вдруг поможет?

– Не надо, – Ингеборга невольно съежилась. Блин, злить его она точно не хотела! – Извините… я не специально… Но вам действительно нельзя выходить на поверхность! Вы можете умереть! У вас даже кости излучают! Я не могу с этим справиться!

– Значит, ты хреновый доктор, – тон Порфирьева стал флегматичным. – Но это ничего не меняет. Без одного человека бункер не вымрет. А без одного вездехода может. Техники не хватает, не на чем возить людей и продовольствие одновременно.

– Я делаю, что в моих силах, – из глаз предательски покатились слезинки, и ей с трудом удалось удержать ровный голос: – До полноценного доктора я не доучилась, и полноценной практики у меня не было, но я очень стараюсь вам помочь…

– Я тоже стараюсь тебе помочь, – все так же флегматично подхватил Варяг. – Пытаюсь сделать так, чтобы продовольствие из Росрезерва оказалось здесь и ты не умерла через год от голода или каннибализма.

Он вышел из-за ширмы облаченным в свой давно не стиранный камуфляж и направился к выходу.

– Что значит «пиджак вместо Овечкина»? – торопливо окликнула его блондинка.

– Пиджак – это пленный, – не оборачиваясь, ответил капитан. – Или кто он теперь, гость бункера! Он хоть живой?

– Живой. Но ему тоже нельзя выходить на поверхность… – дверь за капитаном закрылась, и Ингеборга умолкла.

Второй биорегенератор подал сигнал о завершении программы лечения, пришлось вытереть слезы и заняться пациентами. Следующие три часа она безостановочно работала сразу везде: управляла биорегенераторами, проводила менее сложные процедуры в заполненном людьми стационаре и помогала Светлане, осуществляющей прием жителей второго уровня. Работать с ними Светлане не нравилось, она стремилась назло своему Карену стать незаменимым врачом и считала, что ее незаменимость будет видна только тогда, когда она будет

лечить администрацию Центра. Но лезть туда, толком ничего не умея, чревато необратимыми последствиями, и потому Светлана упорно терпела жительниц, так как они позволяли ей набить руку. Чтобы это набивание руки не принесло больше бед, чем пользы, Ингеборге приходилось отвлекаться на ее вопросы, а вопросы у подруги возникали постоянно.

– Инга, зая, подойди сюда, плиз! – В седьмой раз за час заглянула в операционную Светлана. – Я не понимаю, что у нее! Диагност показывает какую-то сложную фигню, мы такое не проходили... – Она спохватилась, увидев печальное лицо Ингеборги: – Зая, что с тобой?! Тебя опять обидел этот деспот?

Светлана поспешила к Ингеборге и взяла ее за руки, участливо вздыхая:

– Как я тебя понимаю! Они пинают нас, словно мячик! Зачем ты это терпишь? Пожалуйся Брилёву! Пусть заставит его проявлять уважение и соблюдать равенство!

– И у него появится официальный повод вообще не разговаривать со мной и держаться от меня подальше, – Ингеборга невольно улыбнулась. – Блестящая мысль, Светик, это однозначно поможет моим попыткам сближения.

– Да они ему на фиг не нужны, эти твои попытки! – воскликнула Светлана. – Кристина права, он просто издевается над тобой, потому что тащится от этого! Он извращенец, он над всеми издевается, особенно над женщинами! Все знают, что он сексист и шовинист!

– Хочу сексиста и шовиниста, – блондинка тихонько хихикнула. – Пусть спасает мир от гибели, меня от мира, а я буду спасать его от радиации и прятаться от всех в его могучих объятиях! Обожаю романтику апокалипсиса!

– Ты тоже больная! – Светлана в притворном ужасе выпучила глаза. – Вы нашли друг друга! – Она стала серьезной: – Только проблема в том, что ты его нашла, а он тебя нет! Ему все это не надо! Я думаю, что он асексуал! Иначе он давно бы завел себе девушек, даже если ты его чем-то не устраиваешь. Кроме него во всем бункере нет ни одного мужика, у которого нет любовниц. У каждого хотя бы три! Кроме Овечкина и

Карена. – Светлана насупилась: – Но Карен уже завел себе вторую девушку! Пока не официально, но все уже в курсе! – Она принялась рыдать, торопливо смахивая слезинки до того, как они повредят макияж. – Он хочет от меня избавиться! А Овечкин бомж и у него семья! Весь бункер завидует Диларе, хотя она просто наглая толстая хабалка! Почему мне так не везет?!

– Светик, милая, не плачь, – Ингеборга ласково погладила подругу по голове. – А то мейк потечет, он сейчас, наверное, дорогой.

– Дороже, чем ты думаешь! – Светлана, всхлипывая, достала шелковый платок и принялась вытирать слезы. – Мое счастье, что ты взяла тогда наши чемоданы! Когда мы спустились к тебе в бункер, я сумочку в чемодан положила… Если бы не ты, то обе косметички там бы и остались! И я вообще была бы бомжихой… а так все эти шлюхи смотрят на меня, истекая желчью!

– Скажи за это «спасибо» деспотичному сексисту, – Ингеборга скрыла улыбку. – Это он велел мне собрать вещи. Я тогда была в панике и плохо соображала, лишь бы спастись, о вещах даже не помнила!

– Хочешь, я дам тебе тушь на пару дней? – Светлана сосредоточенно сушила платком ресницы. – Сделаешь себе нормальный мейк, оттенишь цвет глаз, а то ходишь вся белесая… Это невыразительно и не харизматично. Могу помочь! Вдруг он обратит на тебя внимание?

– Спасибо, Светик! – Ингеборга покачала головой. Если Светлана предлагает ей поделиться таким сокровищем, значит, трагедия в ее голове разрослась до глобальных размеров. – Но не надо. Мне нравится быть не такой, как все. Думаю, моя беда не в этом. Буду искать другой способ подобраться к своему рыцарю в радиоактивных доспехах. Что-то мне подсказывает, что он есть…

Блондинка сверилась с наручным коммуникатором, на экранчике которого отражалось время до окончания очередных сеансов биорегенерации, и подытожила:

– Пойдем посмотрим, что с твоей пациенткой! У меня есть десять минут, потом придет Брилёв. Кристина уже здесь? Она должна была получить от него какие-то указания на тему спасательной операции.

– Не видела, – Светлана решительно направилась к двери и потянула ее за собой: – Пойдем! Ты права! Меня ждут пациенты! Я ему покажу! Он еще пожалеет, что так со мной обращался! Я ему не какая-то там бомжиха со второго уровня!

Ожидающая в медицинском кресле диагностического кабинета молодая упитанная рыжеволосая женщина лет двадцати восьми опасливо косилась на стоящую в углу возле кабины солярия «снежинку». Обесцвеченная охранница буравила ее суровым взглядом, словно подозревая как минимум в злом умысле, и пациентка чувствовала себя неловко. Едва в кабинете появилась Ингеборга, «снежинка» демонстративно положила руки на висящие на поясе дубинку и дистанционный шокер. Пациентка испугалась еще сильнее, но, поняв, что ей повезло получить консультацию настоящего врача, удовлетворенно расслабилась.

– На что жалуетесь? – Ингеборга взяла в руки диагност и вгляделась в полученные Светланой данные. – Расскажите о своих субъективных ощущениях.

Пациентка принялась жаловаться на все подряд, от дискомфорта при мочеиспускании и тяжести в почках до лишнего веса, аллергии на электрический свет и ночных кошмаров. Несколько минут ушло на то, чтобы провести диагностику заново, после чего Ингеборга указала подруге на экран диагноста:

– У нее не только песок в почках. Вот, видишь данные? Это стрессовый уровень кортизола. Дальше смотри: вот, вот и вот…

– Да! Я видела! – Со знанием дела заявила Светлана. – Думаю, у нее гипертиреоз! Диагност назвал это в числе возможных вариантов! Это врожденная патология! Ей ничем не помочь, а использовать биорегенератор ради песка в почках – это преступление!

– Все не так жутко, – успокоила Ингеборга побледневшую от ужаса пациентку. – Песок мы выведем, сейчас для этого есть очень эффективные препараты. А насчет гипертиреоза диагност ошибается. – Она вновь указала Светлане на цифры: – Я же сказала, смотри внимательнее. Видишь?

– Да! – Светлана нахмурилась. – Ну и что? Это какие-то химические соединения, они к надпочечникам не относятся…

– Это следы орального контрацептива, – Ингеборга коснулась пары сенсоров, выставляя диагносту узкоспециальный режим. – Этот препарат повышает уровень кортизола, это может привести к ошибкам в диагнозе. Когда видишь какие-либо превышения, всегда проверяй в разных режимах. Если не уверена, бери анализ крови. – Снегирёва посмотрела на пациентку: – Вы ведь принимаете противозачаточные таблетки? И у вас увеличился вес?

– Да, – пациентка печально вздохнула. – Я… встречаюсь с сотрудником Центра. Он работает на биофермах… Мне необходимо предохраняться, не хочу рисковать!

– Этот препарат вам никто не выписывал, ведь так? – Ингеборга испытующе посмотрела на пациентку. – Он вам не подходит. Это приведет к дальнейшему нарушению гормонального фона. Вес продолжит расти, будут и другие проблемы, в подобных ситуациях их хватает. Учитывая существующие реалии, вы вряд ли сохраните свои отношения. Вы ведь купили этот препарат с рук уже здесь?

– Ну… – женщина замялась, явно не желая выдавать чью-то тайну, но опасения за собственное здоровье пересилили: – Да. Выменяла таблетки у одной… у одного человека. Она сказала, что ей их прописал врач еще до войны, и ей они помогают, и у нее даже грудь увеличилась на размер… Я не могла потерять отношения, но рисковать своим будущим не решилась. Противозачаточные таблетки казались мне вполне логичным решением проблемы…

– Если сдадите таблетки, то я вас вылечу, – безапелляционно заявила Ингеборга. – Иначе уходите и травитесь дальше, впустую я запускать биорегенератор не стану!

– Но как же… – карие глаза женщины испуганно заблестели. – Они обошлись мне ужасно дорого! Я отдала за них свое платье… почти новое, в начале сезона покупала… Как же я буду без таблеток… и платье мне никто не вернет…

– Я вас не заставляю, – холодно ответила Ингеборга. – Поступайте, как пожелаете! Я предупредила! Мне совершенно неинтересно, чтобы

этими таблетками травился кто-то еще, но гоняться за вами я тем более не собираюсь. У меня много работы.

– Мне… – взгляд женщины испуганно скользнул Ингеборге подмышку в поисках очертаний пистолетной кобуры. – Можно мне подумать? Это непростое решение…

– Думайте, – Ингеборга пожала плечами. – Только не здесь. За вами очередь, вы в курсе. Через три минуты на лечение придет Начальник Центра, вас все равно выгонят. Светлана, выпиши ей препарат от песка в почках и отпусти! – Она перевела взгляд на «снежинку»: – Офицер, позаботьтесь о том, чтобы эту женщину впустили без очереди, если она придет сдавать нелегально приобретенный препарат!

– Сделаем, док! – пообещала охранница, буравя презрительным взглядом торопливо одевающуюся пациентку.

Та, услышав о близящемся появлении Брилёва, спешила изо всех сил. Кое-как натянув одежду, она выскочила из диагностического кабинета.

– Не забудьте получить лекарство! – Ингеборга повысила голос, бросая взгляд в приемный покой, вслед торопящейся пациентке.

– Какие лекарства, она в панике! – Светлана насмешливо фыркнула: – Ей уже ничего не надо! Вон, выскочила в коридор как ошпаренная!

– Странная реакция, – озадаченно произнесла Ингеборга. – Что тут такого ужасного?

– Да ты что! – теперь уже удивилась Светлана. – Она же купила эти таблетки на черном рынке! А Брилёв активно с ним борется! Карен говорил, что как только вопрос с продовольствием из Росрезерва будет решен, у администрации дойдут руки до черного рынка, и его будут выжигать каленым железом! А тут ты сказала ей про Брилёва, да еще приказала охране за ней следить! Конечно, она в ужасе! Бежит сейчас куда подальше и думает, что с ней будет! Кусает себя за язык, что проболталась! Вдруг мужик с ней расстанется, а таблетки отберут! Сразу станет нищей!

– Просто отлично, – Ингеборга покачала головой. Тут же вспомнилась история с двумя женщинами, уволенными на второй уровень из-за ее медицинских рекомендаций, и полные ужаса глаза пары мужчин, умоляющих ее не запрещать им принимать антирад. – Светик, сделай

доброе дело, выпиши ей препарат и отдай «снежинкам». Пусть найдут ее и вручат. Остальное меня не касается!

Из центрального коридора донеслись голоса охраны, требующей от толпы очистить проход, и возле входа в медотсек появились солдаты Арарата в штурмовых комплектах. Служба Безопасности быстро заставила очередь сместиться вплотную к стене, и в приемный покой торопливо вошла Кристина.

– Еле успела! – выдохнула она, устремляясь к зеркалу. – Нужно было срочно зашить и отутюжить халат, ателье, как всегда, загружено, пришлось стоять у них над душой и лезть вне очереди в очереди, которая вне очереди!

– У тебя порвался халат? – Светлана изучающе посмотрела на Кристину. – Нитки на пуговицах новые! Где это ты так? В кабинете Брилёва?

– Думай, что говоришь, Светик! – Кристина взглянула на подругу как на законченную идиотку. – Искренне не советую тебе распускать грязные слухи о Начальнике Центра! Дмитрий Адамович дал мне подробные указания насчет работы медотсека после возвращения спасательной экспедиции! Потом я вернулась в свой номер, чтобы немного отдохнуть перед сменой. Пока переодевалась, случайно зацепилась халатом за ручку шкафа и не заметила! Дернулась и порвала! А все запасные, как назло, в химчистке! Пришлось выкручиваться! Надеюсь, теперь твое нездоровое любопытство удовлетворено?

– При чем тут нездоровое любопытство, я просто спросила! – поспешила оправдаться Светлана, запоздало понимая, кого рискует настроить против себя. – Я тебя прекрасно понимаю, сама дважды рвала одежду спросонья! За смену приходится принимать по двадцать пациентов, сильно устаю! Вообще не понимаю, как Инга не падает прямо на ходу!

– Ингеборга себя совсем не бережет, – Кристина участливо вздохнула. – В этом они с Брилёвым похожи… – Она бросила взгляд в сторону выхода и подобралась: – Идет!

Ингеборга прошла в операционную, предоставив Кристине со Светланой встречать Брилёва, и сверилась с панелями управления биорегенераторов. В двух из них пациенты будут находиться еще полчаса, их лечебные процедуры протекают согласно составленной ей программе, третий БР уже начал осушение тубы с пациентом. Спустя полминуты с выдвинувшегося ложа поднялся один из грузчиков, и одновременно с этим в операционную вошел Арарат. Пациент понял, что к чему, и поспешил удалиться в душевую под хмурым взглядом старшего лейтенанта, сурово насупливающего ему вслед густые сросшиеся брови.

Пока Ингеборга готовила биорегенератор к приему пациента, Арарат забрал у нее пистолет и обменялся в эфире короткими фразами со своими людьми. Отсюда, из операционной, этого не видно, но на самом деле его солдаты прошли через медицинскую лабораторию в стационар и стоят теперь возле всех дверей, какие только имеются в медотсеке. Убедившись, что все входы и выходы под контролем, Арарат вышел из операционной и сразу же вернулся вместе с Брилёвым.

– Привет, док! – Начальник Центра выглядел дружелюбно и подчеркнуто участливо. – Надеюсь, у подвергшихся передозировке людей не возникло осложнений? В каком они состоянии? Мне нужно понимать, когда отправлять ремонтную экспедицию.

– Благодаря уступленному вами времени я смогла сделать максимум из того, на что хватает оборудования, – ответила Ингеборга. – Спасибо. Ускоренная процедура детоксикации потребовалась только троим, но с этим я справлюсь. Однако капитан Порфирьев не стал меня слушать и отказался от госпитализации! Он требует, чтобы я выпустила его на поверхность, как только закончится минимальный период восстановления между циклами антирада. Мои предупреждения о том, что это может стоить ему жизни, он проигнорировал! Прошу вас принять меры!

– Без Варяга все сильно затянется, – Брилёв скорбно вздохнул. – Если вообще не закончится трагедией! Кроме того, он уже сообщил мне, что считает нужным проведение ремонтной экспедиции как можно скорее. Скажите, док, ему действительно нельзя выходить сейчас на поверхность или мы все-таки можем как-либо это организовать? Без вездехода нам

не хватит транспорта, чтобы вывезти из Росрезерва всех выживших! Не говоря о том, что без вездехода мы будем вынуждены вывозить оттуда продовольствие вдвое дольше, потому что у нас остаются всего две машины, в одной из которых будут перемещаться грузчики и средства погрузки, а также припасы экспедиции и средства выживания на поверхности.

– Он говорил мне об этом, – Ингеборга печально нахмурилась. – Но если он продолжит выходить на поверхность, то я не смогу его спасти! Долго он не проживет!

– Я вас услышал, док! – Брилёв на секунду задумался. – Вы можете сделать так, чтобы он провел три экспедиции: за вездеходом, за выжившими и хотя бы за одной партией продовольствия? После этого обещаю отдать вам его на месяц или даже два, если нам удастся проводить экспедиции без него!

– А если не удастся? – многозначительно парировала блондинка.

– Я не всесилен, док! – Брилёв печально развел руками. – Тут в ваших силах больше, чем в моих! Сейчас на него надеется весь Центр! Лучше рисковать одному человеку, чем четырем тысячам. Варяг это понимает. Инженерная команда пытается решить проблему автоматического движения по маршруту в условиях отсутствия автопилотирования, но пока гарантированно надежно довести колонну от Центра до Росрезерва и обратно, без смертей, может только он. Сделайте все, что можете, док! А мы сделаем все, что в наших силах!

– Тогда я прошу, чтобы капитану Порфирьеву запретили прогонять меня, когда я прихожу к нему в номер с капельницами и инъекциями! – заявила Ингеборга. – Я не могу постоянно держать его в биорегенераторе, его организм должен восстанавливаться, и это тоже требует медицинских усилий!

– С этим я постараюсь помочь, – кивнул Брилёв. – Что-нибудь еще, док?

– У жителей Центра на руках имеются различные медицинские препараты, – сообщила блондинка. – Люди привезли их с собой во время эвакуации. Теперь они обменивают эти лекарства на всевозможные товары.

– Это их законная собственность, – Брилёв недовольно поморщился, всем своим видом давая понять, что ему тоже это не нравится, но с этим ничего не поделать. – Они имеют на это право.

– Я не предлагаю отбирать у людей их лекарства, но упорядочить оборот медикаментозных средств необходимо! – Ингеборга принялась излагать свою идею: – Я ничего не имею против каких-нибудь безобидных препаратов, которые подходят каждому, например, аспирин! Я говорю о серьезной фармакологии: гормональных средствах и прочих препаратах, требующих назначения врача! Если врач прописал человеку тот или иной препарат, это далеко не значит, что он подойдет любому другому. Такое самолечение может привести к тяжелым последствиям, устранение которых будет гораздо затратнее, чем предотвращение!

– Что вы предлагаете? – терпеливо поинтересовался полковник.

– Вы можете убедить людей сдать медицинские препараты в медотсек? Не отобрать, а именно сдать, на хранение! Пусть люди продолжают обмениваться ими, раз теперь это их денежные средства, но так я хотя бы смогу не допустить отравлений, аллергических реакций и прочих проблем, неизбежных при неквалифицированном самолечении опасными препаратами. Пусть тот, кто хочет что-то купить, приходит на прием в медотсек, мы проведем соответствующий анализ и выясним, подходит ли покупателю данный препарат! Мы не претендуем на их собственность, я лишь хочу избежать проблем с их же здоровьем! Заодно мы обеспечим препаратам надлежащие условия хранения!

– Сомневаюсь, что ваши аргументы будут услышаны населением, док! – Брилёв скептически покачал головой. – Большинство решит, что администрация таким хитрым способом пытается отобрать у них деньги. Кроме того, вы хоть представляете себе истинный объем черного рынка? Если предположить, что все согласились на ваше предложение, то наиболее вероятна следующая картина: медотсек полностью прекращает оказание медицинской помощи, потому все его сотрудники заняты обеспечением торговых операций! У нас четыре тысячи человек, из которых как минимум три с половиной тысячи участвуют в незаконных бартерных сделках в той или иной мере.

– Жаль. Я хотела, как лучше. – Ингеборга пожала плечами. – Но если это никому не надо, то мне – тем более. У меня и так нет времени ни на что, даже спать приходится во время собственного лечения. И я не очень понимаю, когда я буду спать после того, как оно завершится. Я ни на чем не настаиваю. Просто предупреждаю, что на лечение тех, кто попадет в биорегенератор из-за самолечения, будут уходить реагенты и ресурс оборудования. За прошедшие четыре месяца наши запасы сократились на четверть. Несложно подсчитать, что, если медотсек продолжит работать с текущей интенсивностью, через год лечить людей будет нечем. Я отправляла капитану Миронову служебную записку о том, что надо хотя бы пенициллиновый грибок выращивать!

– Мы обязательно сделаем это, док! – Брилёв вновь испустил грустный вздох. – Но прямо сейчас у нас нечем кормить даже те биофермы, которые есть! Открою вам информацию, закрытую грифом секретности «государственная тайна»: если максимум через месяц биофермы не перейдут в режим восстановления, то спасти их будет уже невозможно! То есть, называя вещи своими именами, мы начнем обратный отсчет. Съедим биофермы и умрем от голода. Это произойдет приблизительно через год, если экономить. Поэтому сейчас нет ничего важнее экспедиций! Все решится в ближайшие тридцать суток! Вы считаете, что на карту поставлены жизни нескольких человек, но на самом деле на карту поставлено все! Если за месяц продовольствие из Росрезерва не будет перевезено сюда, все погибнут. Все, док! Вы понимаете?

Несколько мгновений Ингеборга молча смотрела в наполненные горечью карие глаза Брилёва. Неожиданно картина того, на что она изо всех сил старалась не обращать внимания, развернулась перед ней целиком. Слова полковника о черном рынке, шепот «снежинок», тайно обсуждающих какие-то покупки, когда она находится в соседнем помещении… Регулярное воровство Заремы и целая куча женщин, полностью одобрявших ее поступки… Сегодняшняя пациентка, история с Булавкой, трагедии Светланы, интриги Кристины, ее практикантки, изо всех сил стремящиеся обратить на себя внимание людей Брилёва…

Второй уровень, жительницы которого ненавидят обитателей первого, но готовы отдать все, чтобы стать одними из них. А те, кому повезло этого добиться, уже презирают своих бывших товарищей по несчастью… Мятеж террористов и его подавление, жуткие злодеяния сошедшего с ума Беспалова… После уничтожения которого оказалось, что в Службе Безопасности работает его двоюродный брат, носящий другую фамилию… Который до этого ни разу не посещал медотсек, но по странному стечению обстоятельств болячки, с которыми он теперь приходит, один в один идентичны тем, которые зафиксированы в медицинской карте уничтоженного террориста Беспалова. Основную массу медкарт составляла Светлана, она запросто могла ошибиться, но информация о проведенной терапии в них заносится Искусственным Интеллектом медотсека автоматически. Он, кстати, и указал главврачу на стопроцентное совпадение. И, похоже, не только главврачу. Потому что через час архив с медицинскими картами всех уничтоженных террористов оказался удален. Инженерная команда официально сообщила об этом, потому что проводила мероприятия по оптимизации цифровых накопителей Центра…

Свое собственное лечение, когда она, полуживая от полученных травм, теряла сознание прямо возле диагностического кресла, потому что очередь умоляла ее не прекращать прием, ведь ждут они давно и им очень надо… Ненависть в черных глазах пациентов, сменяющаяся страхом, когда эти глаза упирались взглядом в поначалу выпирающую из подмышки пистолетную рукоять… Злорадное удовлетворение, плохо скрываемое «случайными» свидетельницами того, как злой Порфирьев выдворял ее из президентского номера… И еще сотни различных мелочей, так или иначе случайно оказывающихся в ее поле зрения.

Все предельно просто. Каждый пытается выжить любой ценой. Для успешного выживания люди вынуждены объединяться в общности, являющиеся теми или иными центрами силы, но в сухом остатке тут каждый сам за себя. Жестокие условия, требующие для выживания осознания аксиомы «один в поле не воин», заставили людей держаться вместе. Но внутренне каждый из них не уважает, не любит, а иногда просто ненавидит остальных, считая себя самым лучшим и самым

достойным на свете. Все как всегда, каждый лучше других и презирает остальных за то, что они настолько убоги, что не в состоянии оценить его уникальность.

С тех пор как вместе с горящим пассажирским лайнером погиб ее маленький, но дружный, добрый и теплый мир, ничего не изменилось. И до того все было точно так же, просто она никогда не выглядывала за его стены и не знала о том, какова она на самом деле, настоящая жизнь. Сейчас, когда огромный и уродливый внешний мир сжался до размеров огрызка и уместился в подземный бункер, настоящая жизнь предстала перед ней во всем своем великолепии. Люди сбились в кучки, чтобы не погибнуть, но так и остались эгоистами. Потому что были такими всегда. Они так живут. И по-другому они жить не станут, потому что такая жизнь для них оптимальна, они не созданы, чтобы жить иначе. Они просто чужие. Не только внешне, но и внутренне. Они чужие даже друг для друга. Ничего не изменилось.

Вот сейчас эти чужие хотят заплатить жизнью нескольких человек за все свои. Она не сомневается, что это было бы справедливо, если бы все здесь были друг за друга горой не потому, что нет выбора и поодиночке смерть, а потому, что искренне дорожат друг другом. Но все не так. Порфирьев умрет, с высокой вероятностью умрут еще несколько человек из постоянного состава экспедиции, и все воспримут это как должное. Потому что все уже воспринимают это как должное. И она снова останется одна, как тогда, в день исламистского теракта, размазавшего о пески пустыни ни в чем не повинный пассажирский лайнер. Отец, всю жизнь готовившийся к всевозможным катастрофам, к самой главной своей катастрофе оказался не готов. Потому что он стремился обезопаситься от угроз и бед, которые ждал извне. А главная беда все это время была рядом и объяснялась просто: их добрый и уютный мирок был слишком маленьким и существовал в мире чужом. Большом, злобном и безжалостном.

Маленький мир не выдержал столкновения с большим и погиб даже не потому, что силы были изначально неравны. А потому, что маленький мир был слишком добрым и не умел сражаться. И даже не думал об этом. Вместо борьбы за свое будущее он пытался забиться поглубже и

спрятаться понадежнее. Но вечно прятаться невозможно. Если врагам не давать отпор, они заполонят все, и прятаться станет негде. Маленькому миру не останется места внутри большого. Потому что он чужой. И перспектив у него всего две: с болью погибнуть при столкновении с чужой громадиной или раствориться в ней же безболезненно. В любом случае это смерть.

И сейчас для нее все повторяется. Злобный и чужой большой мир никуда не делся. Он просто сузился в размерах, потому что захлебнулся в собственной злобе, но, к сожалению, не подох полностью. Теперь он, по своему обыкновению, желает сожрать мир маленький. Ее маленький мир. Она вдруг отчетливо поняла, почему Порфирьев избегает ее так грубо и без малейшей жалости.

– Я вас поняла, – ровно и спокойно произнесла Ингеборга, внимательно глядя в темные глаза Брилёва, наполненные столь же темным состраданием. – Я бы сказала, что сделаю все, что в моих силах, но я и без этого давно делаю все, что могу. Я поставлю экспедицию на ноги за сутки. Надеюсь, мне удастся отсрочить их смерть на достаточно длительный период. Может, даже на год или чуть больше.

– Все настолько плохо? – безупречно отшлифованное сострадание в глазах Брилёва сменилось настороженностью.

– Вы все это время считали, что я шучу? – абсолютно спокойный тон Ингеборги никак не изменился. – Очень жаль. Я надеялась, что меня здесь воспринимают всерьез.

– Невозможно не воспринимать всерьез единственного врача, – веско произнес Брилёв. – Наоборот. Я верил в ваши силы. Верю в них и сейчас. Даю слово: как только опасность неминуемой смерти перестанет висеть над четырьмя тысячами человек, сделаю все, чтобы герои, заплатившие за это собственным здоровьем, получили столько времени на лечение и восстановление, сколько потребуется в полном объеме. Надеюсь, мы сумеем их спасти!

– Спасибо. Я очень на это рассчитываю. – Ингеборга указала рукой на ширму: – Пожалуйста, переодевайтесь. К сеансу лечения все готово.

В глазах полковника мелькнула неуверенность, и девушка добавила:

– Ваш случай не столь тяжелый, с ним я справлюсь. Это потребует времени, но через пять-шесть месяцев, уверена, проблема полностью исчезнет. Параллельно вылечу вам все, что найду, сеансы достаточно длительные, времени хватит.

– Окей, док, – Брилёв кивнул и зашел за ширму. – Повторюсь: я в вас верю!

Следующие два часа работать было неудобно. Пока Брилёв лежал в биорегенераторе, его телохранители согласовывали между собой каждое движение, происходящее в медотсеке, и это сильно замедляло рабочий процесс. Потом Брилёв ушел, пообещав надавить на Порфирьева, и стало легче. Ингеборга закончила все экстренные процедуры, которым было необходимо подвергнуть госпитализированную экспедицию, после чего отправила спать клюющую носом Светлану и подошла к Кристине.

– Кристи, я в биорегенератор на сто четыре минуты. Заодно посплю. Потом пойду пичкать препаратами своего злобного рыцаря. Заодно побегаю.

– Надеюсь, по беговой дорожке? – Кристина саркастически улыбнулась. – А не по президентскому люксу от его оплеух?

– Я тоже на это надеюсь, – блондинка поддержала улыбку. – Ты остаешься одна. Через час из биорегенераторов выйдут пациенты, отправишь их спать в стационар, все они должны провести у нас еще двадцать часов. Биорегенераторы не занимай, я положу в них следующих, когда выйду.

– Найс! – удовлетворенно произнесла Кристина. – Мне так даже проще! Только скажи, куда девать больных со второго уровня, если кому-нибудь срочно поплохеет, пока тебя не будет? Стационар занят весь, свободных мест нет.

– Свяжись с администрацией, попроси, чтобы поставили пару коек в коридоре стационара. Этот вопрос все равно придется решать, когда к нам привезут людей из Росрезерва. Что за указания дал тебе Брилёв? Он сказал, сколько пациентов ожидать?

– Тридцать семь человек, если все доживут до спасательной операции, – ответила Кристина. – Они там вторую неделю принимают

антирад каждый цикл подряд. Женщин и детей среди них нет, но возрастной состав разнородный. От второкурсника до пенсионера. Чем быстрее мы их оттуда вытащим, тем больше у них шансов. Он спрашивал, не получится ли так, что они погибнут от антирада до прибытия спасательной экспедиции. Я сказала, что в ближайшую неделю все точно не погибнут. Вода у них там есть, то есть от дегидратации после интоксикаций они не умрут. Кажется, так, да? – Кристина напряглась: – Он спрашивал об этом? Я не облажалась?

– Нет. Об этом не спрашивал, – успокоила подругу Ингеборга. – Но ты ответила ему правильно: за семь суток все не умрут. Кто-нибудь выживет. Вопрос в другом: кого из них после этого удастся спасти. Кристи, займись расширением стационара. Если нам привезут сорок едва живых пациентов плюс еще наша экспедиция, их окажется втрое больше, чем коек! И нам нужны не только койки, но еще место, где эти койки будут стоять. Справишься?

– Легко! – подтвердила Кристина. – Это очень вовремя! – Она понизила голос до едва слышного шепота: – Мне как раз нужно приучать его к тому, что у меня есть требования, которые надо выполнять. Но начинать дрессировку необходимо очень тонко и издалека. Решение деловых вопросов тут идеально подходит! Позже начну раскручивать его на бизнес, но пока еще рано. Сейчас он должен пребывать в святой уверенности, что мне от него не нужно ничего, кроме чувств. Так что если у тебя есть еще какие-нибудь рабочие проблемы, сразу сообщай! Сейчас это очень к месту!

– Я учту, – пообещала Ингеборга. – Пока начни с расширения стационара. Он сказал, сколько человек будет входить в состав спасательной экспедиции?

– Нет, – Кристина многозначительно нахмурилась: – Сказал, что все будет зависеть от того, вернет ли Порфирьев вездеход. Если вернет, то риска окажется меньше.

– Я уже в курсе, – Ингеборга произнесла это совершенно спокойно. – Через сутки посмотрим. – Она направилась в операционную: – Я ушла!

– Зая? – Кристина встревоженно смотрела ей вслед. – С тобой все в порядке? Ты как-то слишком спокойно отреагировала на это! У тебя что-

то случилось?

– Что со мной может случиться? – философски изрекла блондинка. – Черных толстух за спиной нет, «снежинки» рядом, у Порфирьева я еще не была. Все в порядке.

С этими словами она закрыла дверь в операционную и принялась готовиться к лечению самой себя.

Сто четыре минуты биорегенерации пролетели, как четыре. Просыпаться отчаянно не хотелось, хронический недосып брал свое, и первые секунд тридцать она просто пролежала на выдвинутом ложе биорегенератора, сонно протирая глаза. Потом встать все же удалось, она натянула халат и занялась анализом результатов только что закончившейся процедуры. Результаты ее порадовали. Площадь пятен, оставшихся от двух десятков шрамов, заметно сократилась, два самых мелких исчезли полностью, от остальных удастся избавиться в ближайшие недели. Проплешины на голове будут видны еще долго, но когда-нибудь исчезнут и они. Не стопроцентно идеальный внешний вид, но уже не жутко, как раньше. Ингеборга коснулась сенсора процедуры подготовки биорегенератора к приему нового пациента и отправилась в свой крохотный кабинетик смывать остатки биораствора.

Отмывшись, она не стала одеваться, накинула халат и пошлепала босыми ногами к выходу. Вопреки ожиданиям, в диагностическом кабинете никого не оказалось. Она рассчитывала застать здесь спящую за столом Кристину, но кабинет был пуст, дверь в приемный покой закрыта. Блондинка решительно подошла к громоздящейся на полкабинета кабине коллариума и распахнула толстую дверцу. Как тут все включается? Подруги что-то рассказывали, а Светлана даже показывала пару раз, но в те дни было не до того… Ей всегда было не до того. Теперь стало. Несколько минут Ингеборга разбиралась с управлением, вспоминая указания Светланы, потом нужные режимы были найдены, кабина заработала, и она закрылась внутри.

– Ты решила заняться своим мрачным мачо всерьез? – Кристина с ее халатом в руках встречала Ингеборгу возле кабины по окончании процедуры. – Одобряю! Загар – это секси. Всегда работает! Только пяти минут в режиме коллариума недостаточно.

– Пока что я решила всерьез заняться своими пятнышками. – Ингеборга накинула халат. – Новой коже нужен солнечный свет, а где его взять? Но я запомню твой совет. Поможешь настроить кабину?

– Она давно настроена, – Кристина поднесла свое запястье к запястью Ингеборги, демонстрируя ровный загар. – Я покажу тебе основные программы.

– Спасибо, Кристи, – поблагодарила блондинка. – Удалось что-нибудь решить?

– Я как раз этим занимаюсь, – улыбнулась подруга. – Не волнуйся, все будет окей, гарантирую! – Она привычно перешла на почти беззвучный шепот: – Он уже клюнул, теперь никуда не денется! Дальше дело техники и терпения, но я получу, что хочу!

– Желаю удачи, – Ингеборга направилась к себе. – Пойду, попробую тоже что-нибудь получить. Только бы не подушкой, а то уж очень ощутимо получается!

Она переоделась для бега, надела праздничный спортивный костюм, подвеску с пистолетной кобурой и мгновение подержала в руках капитанский подарок. После террористического мятежа это нехитрое действие всегда придавало ей сил, если от обилия навалившихся забот нервная система норовила перейти в режим слез и страданий. Ингеборга вложила пистолет в кобуру, надела халат и окинула себя в зеркало придирчивым взглядом. Ей бы платье…

Раньше, когда мир еще был большим и живым, она не меньше других представительниц прекрасного пола испытывала интерес к тому, «из чего сделаны девчонки»: тряпочки, платьица, прикольные фенечки и прочее. Желания выделиться или подчеркнуть, что ты не такая, как все, у нее никогда не появлялось, но в итоге поневоле получалось всегда именно так. Быть единственной натуральной блондинкой в обществе темных и рыжих образов ей приходилось всегда, особенно когда мода в очередной раз отворачивалась от светлых шевелюр.

Портить волосы окрашиванием или пачкать тушью золотистые брови с ресницами совершенно не хотелось. Подобные манипуляции почему-то ассоциировались у нее с детскими играми в прятки в лесу под грибным дождем, когда маленькая Ингеборга пряталась от отца между больших

корней могучего дуба. Дуб рос в двадцати метрах от дома и был ее любимым секретным местом, отец об этом прекрасно знал и легко ее находил. Но намокшая под теплым летним дождем земля и древесная кора изрядно пачкались, а если еще при этом специально топать по лужицам, убегая от отца, то после прогулки маме приходилось приложить определенные усилия, чтобы отмыть любимую дочь.

В такие моменты мама ставила ее перед зеркалом, сурово указывала на чумазое изображение и с глубокомысленным подозрением спрашивала: «Это кто? Девочка, ты чья? Ты в лесу заблудилась? Тебя потеряли туристы?» Выглядела «накрашенная» малолетняя блондинка и вправду забавно. В особо колоритных случаях мама делала фото, позже они не раз хохотали, разглядывая чумазые детские снимки. Возможно, эти детские ассоциации породили ее неприязнь к туши и прочим средствам сделать из белых бровей и ресниц черные. Хотя сама Ингеборга в это не верила. Ей просто очень нравилось быть такой, какой родилась, и пофиг, что весь мир зачерняет ресницы. Пусть зачерняют, что хотят, разве она запрещает?

Но находиться на задворках моды не будет интересно ни одной девчонке, и Ингеборга исключением не была. Поэтому, будучи «не в тренде» по цвету волос, бровей и ресниц, она старалась компенсировать это вкусом в подборе одежды и сочетанию деталей. Да, у нее белый образ, это сейчас не модно, но еще не значит, что он не может быть собран эстетично и со вкусом. В этом очень помогала мама, особенно поначалу, когда пора взросления у дочери только-только началась. Мама любила выглядеть привлекательно и всегда подчеркивала, что старается для папы, потому что ей нравится быть для него красивой. Обычно она выступала инициатором обновления гардероба для дочери, зачастую даже прежде, чем уже имеющиеся тряпки выходили из моды. Так что в прежней жизни платья у Ингеборги имелись. Их не было много, зато все подбирались тщательно и со вкусом.

Все изменилось после того, как ее маленький добрый мир сгорел в огне теракта. Долгое время восстановить психологический надлом не удавалось, всюду мерещились исламисты, задумавшие совершить самоподрыв, обилие темных глаз и волос вокруг вызывало тихую панику

и ощущение смертельной опасности. В темных глазах читалась затаенная враждебность, вместо обычного мужского интереса просматривалась злобная похоть, ранее привычные слуху исламские формулировки заставляли невольно сжиматься в ожидании беды. Не хотелось ни привлекательности, ни модности, ни общения, единственным желанием было спрятаться от всех понадежнее, никого не видеть и никому не попадаться на глаза. Год прошел в коконе из всепоглощающей учебы с отдушинами в виде спорта, и восстанавливаться все началось незадолго до войны. Она очень старалась вернуться в нормальную жизнь, и у нее даже получалось, но полностью исправить душевный надрыв времени не хватило.

Окружающий мир вроде бы перестал быть враждебным, но по-прежнему оставался темен и чужд, и о желании выглядеть привлекательно не осталось даже воспоминаний. Наоборот, привлекать кого бы то ни было или что бы то ни было очень не хотелось. А потом началась ядерная война, и мысли были совсем о другом. Поэтому в день отъезда в «Подземстрой-1», когда она, стоя в скафандре посреди лишившегося воздуха семейного убежища, торопливо собирала сумку при свете нашлемного фонаря, взять с собой платье мысли не возникло. Она взяла белье, полотенца, спортивный костюм, тренировочную форму, беговые кроссовки и прочие сугубо функциональные вещи, а вот платья остались в шкафу, целых три… Сейчас бы хотя бы одно из них!

Жаль, конечно. Но что тут поделаешь… Как случилось – так случилось, уже не переделаешь. Ингеборга грустно вздохнула, собрала свой спортивный пакетик, взяла заранее подготовленный медицинский чемоданчик и покинула кабинет-жилище.

Стоящие на постах в приемном отделении охранницы заметили в ее руках пакетик с чемоданчиком и что-то передали в эфир. Через секунду вся смена «снежинок» находилась возле нее, и Ингеборга увидела Булавку.

– Здравствуйте, док! – Старшая смены покосилась на пакетик. – Идем к Варягу?

– Он отказался от госпитализации, – вздохнула Ингеборга. – Попытаюсь лечить его на дому, если меня не прибьют подушкой.

Впрочем, мест в стационаре все равно нет, так что его отказ в чем-то даже на пользу. К тому же президентский люкс недалеко.

– Как скажете, док! – Булавка смотрела на нее преданным взглядом. – Мы готовы!

– Тогда пошли, – блондинка поискала взглядом Кристину, но не нашла и обернулась к практиканткам: – Где Кристина Владленовна?

– Она ушла в администрацию по вопросу расширения стационара в связи с предстоящей спасательной операцией! – заученно выдохнула одна из девушек.

– То есть прием больных никто не ведет, – Ингеборга равнодушно пожала плечами. Еще утром это бы очень сильно ее расстроило. Но не теперь. – Меня не будет часа два. Следите за состоянием пациентов в стационаре. Им показан постельный режим, сейчас они спят, но если кому-то станет хуже, немедленно звоните мне. И держите вентиляцию и бактерицидную обработку воздуха на постоянном контроле! В стационаре вдвое больше больных, чем позволяют нормы кубатуры помещения. Вентиляция работает в усиленном режиме, воздух там всегда должен быть чистым.

Практикантки немедленно заверили ее, что все поняли и все сделают, и Ингеборга покинула медотсек. Очередь снаружи уже сместилась к стене, освободив проход, и теперь хмуро косилась на «снежинок», буравящих людей полными подозрений совсем не дружелюбными взглядами. Булавка оставила двоих охранниц на входе, остальные взяли Ингеборгу в кольцо и повели прочь, ничего не объясняя.

Очередь тихо шепталась, провожая ее глазами, и до Ингеборги доносились обрывки фраз на тему «опять не пригодится» и «давно бы уже перекрасилась в рыжий, раз от рождения не повезло». Кто-то даже вышел из очереди и отправился прочь, видимо, люди были в курсе, что в медотсеке не осталось медицинских работников. Но в целом все было достаточно спокойно, если не считать море темных глаз и волос, раскинувшееся повсюду. Их много, а «снежинок» всего четверо, и у нее самой всего десять патронов… в случае очередного теракта не спастись. Ингеборга поспешно отогнала ненужный страх и прибавила шаг, напоминая себе, что террористы уничтожены, а темные люди вокруг не

имеют к ним отношения. Они просто выглядят одинаково, не более того. Их «Аллах акбар» и «Аллах акбар» террористов – это разные «акбары». Но это не точно. Она всегда была далека от религии и никогда не претендовала на эксперта в этом вопросе, но СМИ всегда утверждали именно так. А еще они утверждали, что войны не будет.

Да что такое! Надо немедленно взять себя в руки! Если она хочет сберечь свой маленький мир, нужно быть сильной, а не пугаться каждого встречного! Беззубые не выживают, а если даже выживают, то только в качестве кормовой базы для более сильных! Ингеборга решительно тряхнула головой и приказала себе не обращать внимания на противно царапающийся в глубине сознания холодок постоянной опасности.

До президентского люкса ее эскорт добрался быстро и без происшествий. После заполненного женщинами центрального коридора боковые ответвления выглядели гораздо менее многолюдными, лишь мимо дверей Варяга прогуливались несколько пар девушек. Выглядели они совершенно обыденно, без намеков на нарядность, и Ингеборга сочла их просто идущими мимо. Чего нельзя было сказать о «снежинках». Ее охранницы сразу же впились в прохожих взглядами, одновременно кладя руки на висящие у пояса электрические дубинки. Девушки поспешили ретироваться без каких-либо вопросов, и Ингеборга негромко спросила:

– Это было обязательно? Они же просто проходили мимо… кажется.

– Угу, – кивнула Булавка и коснулась пальцем свежего отпечатка губной помады, появившегося на дверях президентского люкса. С момента ее последнего визита в капитанский номер следов от губ здесь прибавилось.

– Думаете, это кто-то из них? – Ингеборга равнодушно скользила взглядом по разноцветным отпечаткам. – Мне показалось, что у них на губах не было помады…

– Это не они, – Булавка иронически усмехнулась. – Те, кто пытается пристроиться к Варягу, дежурят здесь в боевой раскраске и парадном обмундировании! Они ушли отсюда перед нашим появлением, их предупредил кто-то из очереди. А это их подруги или просто нанятые шпионы. Следят за дверью в то время, когда у претенденток нет

возможности здесь находиться. Это распространенная практика, особенно в центральном коридоре на участке «лифт – медотсек»! Они же конкурируют между собой, им важно знать, кто и как далеко продвинулся. Так что пусть проваливают отсюда, пока мы здесь! Вас ждать, док?

– Подождите минут пятнадцать, – Ингеборга коснулась сенсора дверного звонка. – Если я не вылечу оттуда за это время, значит, на беговую дорожку меня пустили, и часа полтора у вас есть.

– Окей, док, мы будем здесь через час, – Булавка умолкла на полуслове, глядя на вспыхивающую в окошке видефона злобную физиономию Порфирьева.

– Опять ты?! – зарычал капитан. – Ты специально назначаешь мне постельный режим, чтобы приходить и мешать спать?! Чего тебе?!

– Вам необходимо поставить капельницу, сделать несколько инъекций и снять мониторинговые показатели! – сурово заявила блондинка, готовясь к тяжелому спору. – Полковник Брилёв должен был поставить вас в известность о моем визите!

– Он забыл! – злобно прорычал Порфирьев. И неожиданно добавил: – Заходи!

Дверной замок щелкнул, и не ожидавшая такого поворота девушка торопливо шмыгнула внутрь, опасаясь какого-нибудь подвоха. Например, замка, закрывшегося через секунду прямо перед носом. Дверь действительно захлопнулась почти мгновенно, Ингеборга не успела даже обернуться к своей охране. Порфирьева за дверью не оказалось, и она направилась на поиски. Капитан обнаружился в спальне, сидящим на кровати и сонно трущим глаза.

– Вы можете спать под капельницей, как в прошлый раз! – с порога заверила его девушка. – Я буду более осторожна!

– С чем? – Порфирьев недовольно скривился.

– С капельницей… – начала было она.

– А я думал – с сиськами! – отрезал капитан, вонзая в нее злой взгляд.

– Извините… – Ингеборга стушевалась, опуская взгляд, но тут же воспряла духом и приступила к реализации тщательно подготовленного плана: – Это получилось случайно, я ничего не видела в темноте! Но

сейчас ваше состояние намного хуже, и если вы хотите добраться до сломанного вездехода живым, мне придется провести вам массу медицинских процедур! Раз вы требуете от меня выпустить вас на поверхность в течение суток, других вариантов нет!

– Ладно, хрен с тобой... – Капитан устало поморщился и опустился на кровать. – Проводи, раз без этого никак. Только не затягивай, мне еще Инженеров пинать, чтоб поторапливались с этой долбаной втулкой... Если вездеход разобьет ураганами, все очень сильно усложнится.

– Я настоятельно прошу вас переместиться в гостиную! – решительно заявила блондинка. – На диван!

– Это еще зачем? – в голосе Порфирьева вновь зазвучало раздражение.

– В ближайшие два часа мне придется очень часто подходить к вам и снимать показания медицинских приборов! – Не моргнув глазом соврала Ингеборга. – Бегать из гостиной в спальню каждые пять минут означает каждые пять минут мешать вам спать! Ночник будет постоянно включаться, а без света никак! Я могу просидеть все это время прямо тут, рядом с вами, но тогда камера видеонаблюдения не будет видеть ни одного из нас, а вы говорили, что так нельзя...

– Достаточно! – оборвал капитан. Он хотел было встать, но вспомнил, что из одежды на нем только одеяло, и заявил: – Вали отсюда! Сейчас приду.

Предельно серьезная Ингеборга, с трудом пряча довольную улыбку, поспешила покинуть спальню и торопливо направилась в гостиную готовиться к процедурам. Порфирьев появился через минуту, облаченный в свой неизменный камуфляж и босиком. Капитан сонно прошлепал ступнями сорок последнего размера по совсем не чистому полу и остановился возле дивана, хмуро разглядывая разложенные вокруг медицинские девайсы.

– Ты что, весь медотсек сюда притащила? – недовольно пробурчал он.

– Я стараюсь сделать ваше лечение как можно более эффективным! – строго ответила Ингеборга. – Это самое малое, что я смогла предпринять! У меня же осталось меньше суток на ваше лечение!

– Ты собралась каждые две минуты напоминать мне об этом? – Капитан вперил в нее очередной недовольный взгляд. – С памятью у меня пока еще все нормально.

– Это было необходимое уточнение для камеры, которая за вами следит! – официальным тоном объяснила блондинка. – Раздевайтесь до белья и ложитесь на диван! Он здесь большой, места должно хватить. Я пока принесу ваше одеяло!

Она прошмыгнула в сторону спальни, прежде чем Порфирьев успел возмутиться или отказаться. Но здоровяк спорить не стал, лишь в очередной раз поморщился и принялся стягивать с себя камуфляж. Ингеборга вернулась с капитанским одеялом и принялась за лечение растянувшегося во весь диван пациента. Спустя пять минут на Порфирьеве красовались блоки капельницы, физиотерапевта, электрофореза, пара аппаратов попроще и куча датчиков, информацию с которых Ингеборга вывела на переносной планшет биомониторинга, установленный на журнальном столике рядом.

– Все готово к процедурам, – сообщила она, накрывая облепленного медицинскими девайсами капитана одеялом. – Вы можете спать, если хотите. Здесь можно как-нибудь убавить свет? Совсем без света я не могу, но чтобы не мешать вам спать…

– Так справлюсь, – перебил ее Порфирьев, закрывая глаза. – Не стой над душой!

– Можно, я тогда на беговой дорожке похожу? – немедленно среагировала блондинка. – Чтобы над душой не стоять?

– Ты же сказала, что тебе надо постоянно подходить к приборам? – один глаз здоровяка открылся и с подозрением посмотрел на нее.

– Так и есть! – с готовностью подтвердила девушка. – Но я же могу сходить с дорожки и возвращаться обратно. Чтобы просто так не сидеть без дела. Вы же уснете и не будете меня видеть, то есть я не стану вас раздражать. Можно?

Капитан открыл оба глаза и мгновение смотрел на нее странным взглядом, словно точно знал, что она все выдумала и он мог прекрасно получить все эти процедуры в спальне. Ингеборга даже испугалась, что

он сейчас вновь поставит ей какой-нибудь нехороший ультиматум, но все неожиданно обошлось.

– Ладно, – коротко буркнул Порфирьев и снова закрыл глаза.

– Я тогда переоденусь? – на всякий случай уточнила она. – В ванной?

Здоровяк не ответил, и девушка, коснувшись пальчиком сенсора перевода индикации биомониторинга с планшета на наручный коммуникатор, тихонько направилась в ванную комнату. Быстро переодевшись, она вернулась в зал и запустила беговую дорожку. Капитан никак не отреагировал на шум, мониторинг показывал, что он спит, и следующие полчаса Ингеборга занималась ускоренной ходьбой, попутно обдумывая свои дальнейшие действия.

Она на правильном пути, это видно. Порфирьеву нужны предстоящие экспедиции, от минувшей он явно не получил того, что хотел, поэтому он сменил гнев на милость. Да, злюка-капитан по-прежнему гоняет ее, но фактически он позволяет ей то, о чем раньше не желал даже слышать. Она приходит к нему в номер полечить и потренироваться на беговой дорожке одновременно. Ради экспедиций он это терпит. Наверняка ему приходится непросто, теперь, когда она поняла, в чем дело, это стало ясно. Но как преодолеть стену, которую он воздвиг между ними, эта ясность не объясняет. Нужно придумать способ. Знать бы, чего он добивается… Это бы все упростило. Она бы помогла ему, и он понял, что она на его стороне целиком и полностью. Но понять капитанские цели не удавалось. Он наверняка стремится спасти ФСБ-шников из Росрезерва, но вряд ли дело только в этом.

Коммуникатор сообщил об опустошении капельницы, и Ингеборга сошла с дорожки. Отцепить прикрепленный к могучей ручище пустой блок прям совсем незаметно было невозможно, и пока она возилась с креплениями, Порфирьев проснулся. Капитан скользнул взглядом по ее фигуре, одетой в беговой топ и облегающие шорты, и его взгляд потяжелел.

– Долго еще? – хмуро спросил он.

– С капельницей все, – девушка отложила на стол пустой блок. – Физио еще на полчаса, буду снимать приборы по мере окончания процедур. Как вы себя чувствуете?

– Нормально, – Порфирьев закрыл глаза. – Лучше, чем час назад. – Он мгновение молчал: – Почти как раньше… Наверное. Еще что-нибудь снимать будешь?

– Пока нет, – Ингеборга поправила на нем одеяло. – Я хотела спросить…

– У меня много дел, – огрызнулся капитан, открывая глаза. – Дай мне планшет, там, на столе лежит. И иди, бегай дальше!

– Вам сейчас нельзя читать, – без зазрения совести заявила Ингеборга, послушно возвращаясь на беговую дорожку. – Нужно дождаться окончания всех процедур.

– Это еще почему? – усомнился Порфирьев.

– Я ввела вам экспериментальные препараты, при излишнем напряжении они могут дать осложнение на глаза! – объяснила девушка, старательно соблюдая темп ускоренной ходьбы. – Но иного выхода нет, по-другому вас за сутки на ноги не поставить. Постарайтесь избежать активности во время процедур, и все будет хорошо.

Капитан не ответил, и минут десять Ингеборга молча шагала по дорожке. Биомониторинг показывал, что Порфирьев не спит, но заговорить вновь она не решалась. Как бы так не разозлить его? От волнения девушка перешла на бег, увеличивая скорость подачи ленты под ноги, но долго бежать ей было еще противопоказано, и вскоре пришлось вернуться на быстрый шаг.

– Можно задать вопрос? – решилась она. Волков бояться – в лес не ходить.

– Нет! – отрезал Порфирьев.

– Это важно для вашего дальнейшего лечения! – Ингеборга попыталась произнести заранее заготовленную фразу как можно более строго. – По всем стандартам и учебникам вам нужен курс серьезной терапии в течение как минимум пары лет! А выходить на поверхность вам вообще больше никогда нельзя!

– Мы об этом уже говорили, – безразлично ответил капитан.

– Я помню! – подхватила блондинка. – И делаю все, чтобы вам помочь! Поэтому для успешного планирования вашего лечения я должна знать, с чем мне придется столкнуться дальше!

– Часов через двенадцать поедем за вездеходом, – терпеливо принялся объяснять Порфирьев. – Если Инженеры изготовят лопнувшую втулку без ошибок, а вездеход не разобьет ураганами за это время, то к исходу цикла антирада должны вернуться.

– Этого времени точно хватит? – уточнила девушка.

– Да хрен его знает, – устало произнес капитан. – Там, на поверхности, гарантий никто не предоставляет. По идее, на дорогу туда-обратно хватит двух часов. Если повезет с буранами и их не будет, то за час доберемся. Если взять с собой всех, то вездеход откопаем еще за час. Может, быстрее… Я не знаю, насколько его занесло. Остается четыре с половиной часа минимум. Пиджак клялся, что при наличии втулки и инструментов сумеет починить все за два. Даже с учетом буранов должны успеть. А вот как там на самом деле все пройдет – увидим. Если что – база там есть.

– Но ведь это только начало? – Ингеборга постоянно бросала на Порфирьева короткие взгляды, но тот не открывал глаз и не смотрел в ее сторону. – Сразу после этого состоится спасательная экспедиция в Росрезерв? Мне об этом говорил Первый. А потом еще одна, за продовольствием, и тоже в кратчайшие сроки. Сколько времени у меня будет на ваше лечение между ними?

– По-хорошему за людьми надо ехать сразу, как только починим вездеход, – по лицу капитана на краткий миг скользнула недовольная гримаса. – Пока они там от антирада не поумирали. Но Инженеры уже сообщили, что нашли какие-то неполадки в одном из грузовиков, что-то там с кузовом. Сказали, что устранение займет сутки. Короче, за людьми поедем на следующем цикле антирада, это самое быстрое. Теоретически спасательная экспедиция должна занять три цикла: проходим основную дистанцию – пережидаем – добираемся до места, грузим людей и возвращаемся, сколько хватит времени – снова пережидаем – добираемся сюда. Если ничего не произойдет, то должно получиться так. Дальше все будет зависеть от того, как пройдет спасательная экспедиция. Если без поломок и лишнего облучения, то за продовольствием выдвинемся сразу же, как только проведем профилактику техники.

– В идеале это тоже три цикла? – переспросила Ингеборга. – На практике такое реально? Вы так быстро никогда не возвращались.

– За три цикла вряд ли успеем, – голос Порфирьева стал задумчивым. – Там ведь грузиться надо, а это долго. Хотя… Овен тележки собрал в помощь грузчикам, это уже плюс – не вручную сорок тонн из хранилищ в кузова таскать! У ФСБ-шников штурмовые комплекты на каждого, можно обеспечить ими грузчиков, так будет быстрее. В идеале запустить хотя бы в нескольких хранилищах штатную погрузочную систему, энергии там теперь хватает… Вот тогда бы дело действительно пошло… Может, Овен с Пиджаком справятся… Посмотрим.

– То есть вам предстоят три экспедиции подряд с минимальными интервалами, – подытожила блондинка. – После такого мне потребуется продержать вас в стационаре хотя бы месяц. Кому-то из ваших сотрудников придется подменить вас на это время.

– Посмотрим, – уклончиво повторил капитан. – До этого надо еще дожить.

– Вы ожидаете, что что-то может пойти не так? – Ингеборга невольно вперила в Порфирьева встревоженный взгляд, из-за чего чуть не слетела с беговой дорожки.

– На поверхности в любой момент что-то может пойти не так.

– Но вам будет необходимо пройти углубленное лечение! – воскликнула она. – Иначе вы можете умереть прямо на поверхности! Ваш организм не выдержит интоксикации!

– Всегда выдерживал, а тут не выдержит? – наплевательским тоном изрек капитан.

– Вы же понимаете, что это так! – Система мониторинга сообщила об окончании физиопроцедуры, и Ингеборга поспешила к пациенту. – Вы же чувствуете, что вам с каждым разом становится все хуже!

– Я не собираюсь жить вечно, – равнодушно напомнил ей Порфирьев. – Сделай так, чтобы я мог ходить в экспедиции как можно дольше, и достаточно. Если повезет, то за это время Мозг со своими сделает систему автопилотирования. Маршрут я за прошедшие экспедиции пробил, теперь у нас есть безопасная траектория движения, без препятствий на пути, по которой можно двигаться с большой

скоростью даже в условиях нулевой видимости. Я проверял. Если Инженеры сумеют заставить технику не отклоняться от точной оси моего маршрута влево-вправо больше чем на десять метров, то автопилот сможет держать максимальную скорость и ни с чем не столкнется. То есть отсюда до Росрезерва можно будет проходить за один цикл, если повезет с буранами. Может быть, и обратно получится так же. Это уже дело тусы Миронова. Насколько хватит их способностей, я не знаю. Я не Инженер. Вот тогда экспедиции смогут обойтись без меня.

– Если вы не умрете раньше? – с горечью уточнила девушка, но капитан не пожелал ответить. – Что ж, по крайней мере у меня есть хотя бы призрачные шансы продлить вам жизнь, если Инженерная команда справится с вашим поручением. После этого вы перестанете выходить на поверхность?

– Вряд ли, – столь же равнодушно ответил Варяг. – Продовольствие – это еще не все.

– Как это – не все? – опешила Ингеборга. – Разве мы не можем вывезти из Росрезерва все, что необходимо для выживания?

– Можем, – согласился Порфирьев. – И вывезем, если не погибнем по дороге в один расчудесный день. Но всего, что необходимо для выживания, там нет.

– То есть как... – такого ответа она не ожидала. – Там же есть все... даже биорегенераторы и какое-то серьезное производственное оборудование... вы же привезли оттуда строительные материалы для ангара! Овечкин что-то рассказывал...

– А ты его невнимательно слушала, – иронически сообщил капитан. – Иначе бы знала, что стройматериалов там нет, и мы привезли всякий хлам, которым смогли их кое-как заменить. Вообще я не знаю, что там, в Росрезерве, было до войны. Но в той его части, которую не разбомбило и которая может обрушиться в любой момент от постоянных смещений почвы, уцелели только продукты и немного разного оборудования. Да, биорегенераторы там есть, две штуки. Автоматический токарно-фрезерный комплекс тоже есть. И его даже можно сюда перевезти, если понадрываться. Только токарно-фрезерить на нем нечего. Потому что у нас нет металла. У нас вообще ни хрена нет. Ни одежды, ни тканей, ни

стройматериалов. Медицинской химии, кстати, тоже нет. Хотя бы об этом ты знаешь?

– Знаю, – настороженно ответила Ингеборга, машинально снимая с Порфирьева отработавшие медицинские приборы. – Наших запасов хватит от силы на год… Но если перестать выходить на поверхность, их расход сократится на порядок!

– На втором уровне полторы тысячи баб живут в коридорах, наскоро переоборудованных в хостелы, – менторским тоном произнес капитан. – У них нет даже такого кабинета, как у тебя. Поэтому им запрещено залетать. Так же как тебе и всем остальным. Потому что не до детей, селить некуда даже тех людей, кто допустил ошибку и родился лет двадцать-тридцать назад. Переход на экономию медицинских запасов не решит проблему перенаселения. Администрация утверждает, что при наличии стройматериалов можно обеспечить всех отдельным жильем. И даже с заделом на будущее.

– Но вы же сказали, что их нигде нет, – не поняла девушка.

– Нет, – подтвердил здоровяк. – Поэтому администрация объявила конкурс на лучшее воспоминание из прошлой жизни. Весь бункер наперегонки соревнуется в том, кто вспомнит местоположение шопинг-центра погламурнее. Ты что, не в курсе?

– Светлана что-то говорила на эту тему, – запоздало вспомнила Ингеборга. – Я не обратила внимания, не до этого. Очередь из пациентов не заканчивается, люди по два дня стоят, и это очень хорошо, потому что раньше стояли по шесть! Если бы не беговая дорожка, я бы давно умерла от тоски… – Она встрепенулась: – То есть вы собираетесь проводить раскопки шопинг-центров? Но разве от них могло что-нибудь остаться?

– Кроме горелого мусора? – Порфирьев устало ухмыльнулся. – Вряд ли. Все современные здания строились в полной уверенности в том, что ядерной войны быть не может. Там даже в подвальных этажах высокие потолки и обширные площади. Все сложилось, как карточный домик, при первых же взрывах. Даже просто их найти шансов очень мало. Копать придется глубоко, а что там внутри не раздавило и не выгорело – не понятно. У нас нет техники для рытья больших котлованов, раскопки

будут долгими и тяжелыми. Поэтому возиться с фигней не имеет смысла. Если уж рыть под буранами и радиацией, так хоть на местах каких-нибудь серьезных складов или оптовых баз. Но никто ничего толкового пока не вспомнил. Тут работяг почти нет, одни сетевые интеллигенты да представители сферы услуг, никто пока не смог вспомнить ни одного склада с листовым металлом. Так что искать и копать придется наудачу. Вот когда придется облучаться по самое «покойся с миром».

– А если бы вы знали точные координаты, облучения было бы меньше? – Ингеборга напряженно ждала ответа, обдумывая слова Порфирьева.

– Конечно, – произнес капитан. – Чем меньше безрезультатных раскопок, тем меньше бессмысленного облучения. Самое тяжелое – это найти правильное место, в котором действительно есть шансы откопать что-то полезное, а не просто рыться в радиоактивных обломках и в итоге получить единственную уцелевшую коробку с разноцветными ремешками для коммуникаторов и тяжелое облучение в придачу. Если удастся найти настоящий склад, надо будет отработать к нему безопасный маршрут. Дальше станет проще.

– Проще? – не поняла девушка. – Но что изменится? Радиация никуда не денется!

– Время на облучение сократится. Гусеничную технику нужно будет провести к месту раскопок всего один раз. Она будет находиться там до окончания раскопок. Там, на месте, надо выкопать блиндаж, в нем развернуть базу – вот и стационарное место отдыха, которому не страшны ураганы. Если Мозг со своими справятся с автопилотированием, то перевозящая людей и грузы техника сможет идти по маршруту сама, не завися от видимости, на высокой скорости. Мы сможем организовать там работы посменно, вовремя завозить и вывозить людей без интоксикаций и передозировок. Сто процентов – там, на месте, возникнет целая куча проблем, но все можно решить, если склад окажется настоящим, а люди и техника не будут гибнуть в пустошах из-за неумения найти дорогу туда-обратно. Пока все это не решится, мне придется ходить во все экспедиции. При наличии настоящего склада и автопилота рулить раскопками и возить людей сможет любой из наших.

Порфирьев невесело вздохнул и добавил:

– И тут кроется вторая главная беда: в идеале раскопки нужно проводить относительно недалеко от Центра, чтобы смене хватило времени и на рытье, и на дорогу туда-обратно. Потому что если придется ездить с интоксикациями, то от экспедиций в Росрезерв это ничем отличаться не будет. Надолго в таком режиме здоровья не хватит, и все перемрут как мухи. Так что копать надо где-то относительно недалеко, не дальше ста километров. Это расстояние надо проходить не больше чем за два часа с учетом буранов. Тогда на раскопки останется еще три. За меньшее время мы никогда ничего не раскопаем, бураны будут заносить снегом больше, чем мы успеем разрыть.

Капитан поморщился:

– Но пока никто не вспомнил ни одного подходящего места. Все слишком далеко или бесполезно. Ближайшая точка, которую Мозг считает подающей надежды, находится на окраине Нижнего. До нее сотня километров по прямой, под буранами за два часа можно не пройти. Придется пережидать интоксикацию… И лезть в город опасно. Там полно подземных коммуникаций, запросто можно рухнуть куда-нибудь и до свидания. Пиджак рассказывал, что у них вездеход провалился в пустоты, когда колонна шла через город. Два десятка

человек погибло. Я бы не стал соваться в город на тяжелой технике. Но другие точки еще более нелепы.

Порфирьев умолк, и несколько минут Ингеборга размышляла, продумывая тактику своих дальнейших действий. У нее появился шанс добиться своего, но как сделать, чтобы эта победа не стоила ей самого дорогого… Большой уродливый злой мир рано или поздно сожрет крохотную добрую капельку маленького совершенного мира просто из завистливой ненависти, а уж ради собственного выживания – не будет колебаться ни секунды. Но отныне ее мир пусть и маленький, но уже не добрый. Он отрастил клыки и будет сражаться за свое существование до последнего! Тщательно все обдумав, она произнесла:

– У меня есть карта подземных складов поблизости с полезными материалами.

Услышав такое, Порфирьев аж глаза открыл. Капитан уставился на нее хмурым взглядом и прорычал, не скрывая недоверия:

– Да? Откуда?

– Ее папа составлял, – Ингеборга грустно улыбнулась. – Это была часть его хобби выживальщика. Он говорил, что в случае всемирного апокалипсиса нам придется прожить в нашем бункере много лет. Крохотное самодельное убежище на такое не рассчитано, его автономность невелика, но сможем жить в нем долго, если сумеем найти все нужное на поверхности. Надо только добраться до развалин складов, отыскать там необходимые вещи и принести в бункер. Отец рассуждал так же, как вы: после мировой катастрофы перемещаться по поверхности, скорее всего, будет очень тяжело и опасно, поэтому все предназначенные для поисков места должны находиться в радиусе не далее десяти километров от убежища. Чтобы пешком можно было дойти за два часа и вернуться максимум за три, потому что обратно придется тащить на себе груз и идти будешь медленнее. Тогда на то, чтобы копаться в развалинах, остается минимум два с половиной часа. Поэтому они с мамой время от времени ездили по округе и выясняли, что где находится. Я ездила с ними несколько раз. Помню, мы были в Железнодорожном, это маленький городок в десяти километрах от нашего коттеджного поселка. Там был какой-то крупный склад рядом с

железнодорожной станцией. Мы попали туда под видом не то оптовых покупателей, не то потенциальных арендаторов, точно уже не помню. Папа тогда говорил, что наземная часть складов может оказаться разрушенной, поэтому обращать внимание нужно на подземную часть. Я помню, как он указывал мне на низкие потолки и массивные своды с поддерживающими колоннами. Говорил, что это хорошо, потому что увеличивает надежность конструкции. Это отчетливо запомнилось потому, что рядом стоял представитель арендодателя и сетовал как раз на опорные колонны. Жаловался, что склад морально устарел и не пользуется спросом у клиентов.

Девушка виновато пожала плечиками:

– Я не помню, какие именно склады папа наносил на карту и что в них есть. Времени прошло много, учеба отнимала все. Сначала мне очень хотелось порадовать родителей своими достижениями, потом очень хотелось утонуть в этой учебе так глубоко, чтобы стать невидимой для всего мира и не видеть его самого… – Она мгновение молчала. – Но карту отец регулярно обновлял, и я знаю, где она лежит.

– То есть она у тебя в семейном бункере? – понял Порфирьев. – Спрятана?

– Да, – Ингеборга многозначительно кивнула. – Она на бумаге, а не в цифре. Папа говорил, что в случае катастрофических солнечных вспышек на планете может произойти глобальный блэкаут, и все электронные данные погибнут. На этот случай у нас есть бумажная карта. Но для того, чтобы в условиях всемирной катастрофы было проще искать нужное место, масштаб карты должен быть максимально подробным, с точностью до полуметра. А такие карты есть только у военных, гражданским иметь такое запрещено. Отец где-то достал один экземпляр нелегальным способом. Поэтому на всякий случай он прятал ее в бункере. – Блондинка секунду подумала и добавила для верности: – В надежном месте. Просто так не найти!

– Если объяснишь доходчиво, то найду, – пообещал капитан. – У тебя не такой большой бункер, чтобы не найти.

– Я не знаю, как объяснить, – сурово заявила Ингеборга. – Там слишком сложная система защиты! Но могу показать, если отвезете меня

домой.

– А на Большой Барьерный Риф тебя не свозить? – воззрился на нее Порфирьев. – Говорят, до войны там было очень красиво. Может, и сейчас очень даже ничего!

– Вот вы издеваетесь, а там мало того, что сейф найти сложно, потому что к нему очень неудобно подлезать, но еще замок самый современный, только по биометрии открывается! – сосредоточенно объяснила блондинка. – Сканер будет ждать звуковой пароль, мои отпечатки пальцев, лицо, сетчатку глаза и голос, и все это одновременно.

– Ничосибе! – выпучил глаза здоровяк. – Крутая защита на случай всепланетного блэкаута! Как же вы планировали открыть сейф без электричества?

– У отца имелся другой способ, но я его не знаю! – немного запоздало нашлась Ингеборга. – Может, он планировал его разрезать, взорвать или...

– ... Разгрызть! – подсказал капитан.

– Какая разница?! – Ингеборга решила не сдаваться до последнего. – Ну, не знаю я этого способа, ну и что с того? У нас же нет блэкаута, мы можем взять аккумулятор и новый фильтр, приехать в бункер, запустить электричество, и я открою все сама за несколько секунд!

– Никто не отправит на поверхность единственного врача. – Порфирьев покачал головой. – Неоправданный риск. Я сообщу Мозгу, пусть думает. Дашь им пароль, твоя биометрия у них есть, образец голоса запишем. Пусть изобретают устройство для взлома или едут туда со мной.

– Я пароль не помню! – изо всех сил сопротивлялась девушка. – Он у меня нацарапан там в укромном месте! А чтобы никто не догадался, я нацарапала там несколько паролей! Если увижу их все, то вспомню, какой из них правильный. Если ошибиться с паролем, система заблокирует сейф и его точно придется разрезать. Только его просто так не вытащить, потребуется демонтировать половину технических систем бункера!

– У тебя что, острый приступ бреда? – капитан внимательно разглядывал ее лицо. – Или вы с Овечкиным в одной школе учились?

Что за ерунду ты несешь?

– Это не ерунда! – насупилась блондинка. – Я пытаюсь объяснить вам, что все сильно упростится, если вы возьмете меня с собой!

– Все сильно упростится, если ты просто скажешь, что тебе нужно, – парировал Порфирьев. – Я привезу тебе оттуда все, что смогу найти. А найти я смогу, что угодно, если ты понятно объяснишь. Что тебе оттуда надо? Шмотки? Бабские примочки?

Ингеборга тяжело вздохнула и тоскливо ответила:

– Я хочу попасть домой… ненадолго. Вещи оттуда мне нужны, но без них я смогу прожить, все равно это не жизнь. Мне бы вылезти из шкуры медицинского робота… мне очень нужно почувствовать, что я все еще живой человек… Мой мир умер давно. Задолго до войны. А здесь все… чужое. Я вас очень прошу: свозите меня домой хотя бы на час, и я отдам вам карту, она существует, это не выдумка.

Несколько мгновений капитан молча смотрел ей в глаза задумчивым взглядом, явно подозревая, что она что-то недоговаривает.

– Я подумаю, – произнес он наконец. – Сейчас в любом случае не до этого, так что времени хватает. Сколько мне еще тут лежать? Пора заниматься экспедицией.

– Еще двадцать минут, – девушка сверилась с показаниями системы биомониторинга. – Но перед выходом на поверхность вам необходимо провести еще два часа в биорегенераторе. Поэтому я жду вас в медотсеке в двадцать два часа.

– Хорошо. – Порфирьев не стал возражать и снова закрыл глаза.

Оставшееся время девушка провела на беговой дорожке, обдумывая состоявшийся разговор. Капитан прав, так просто ее из бункера никто не выпустит. Но если твердо стоять на своем, Брилёв должен согласиться. В конце концов, получить эту карту в его интересах. Она действительно не знает, что хранится в отмеченных там складах, но что-нибудь наверняка есть, отец не стал бы помечать их просто так. И добраться до карты гораздо проще, чем до Росрезерва.

Процедуры завершились, и злюка-капитан ушел умываться. Несколько минут Ингеборга успела посидеть в асанах, потом появился полностью собранный Порфирьев с планшетом Миронова в руках. Он вновь

скользнул по ней недовольным взглядом и заявил, что уходит работать, а у нее есть ровно полчаса. Через тридцать минут замок на входной двери откроется на пять секунд, и если она за это время не успеет убраться из его номера куда подальше, то останется тут до его возвращения. И больше сюда он ее не пустит. С этими словами Порфирьев вышел из номера, коротким «Брысь!» разгоняя дежурящих возле двери «снежинок», и Ингеборга, пряча печальный вздох, проводила захлопывающуюся дверь грустным взглядом.

* * *

На мониторе дежурного диспетчера входного блока створы шлюза сомкнулись, скрывая дюжину фигур в армейских скафандрах антирадиационной защиты высшего уровня, и автоматика сообщила об открытии внешних ворот. Изображение с камеры шлюза сменилось картинкой с камеры, наблюдающей за входом, и Овечкин увидел, как ремонтная экспедиция выходит на поверхность. В ангаре, обустроенном за воротами бункера, видимость была немногим лучше, чем внутри покорившего планету холодного океана пыли, пропитанного мраком ядерной ночи. Из-за нехватки стройматериалов полностью закрыть ангар было нечем, и половины стены, которая должна была перекрывать выезд в каньон, так и не было.

Раньше дыру подпирали вездеходом, к которому наскоро приделали подобие щита, собранного из чего придется. Не так давно по приказу Порфирьева щит переставили на тягач, прикрепили к отвалу, как смогли. Чтобы запирать выезд на время отъезда экспедиции. Иначе ангар в лучшем случае окажется занесен метровыми сугробами из золы и черного снега, а в худшем его раздует вдребезги ураганами. Целиком и полностью щит выезд не закрывал, но в наших условиях это решение считалось наиболее оптимальным. Все-таки сквозняки не ураганы, разница очевидна. Но из-за них внутри ангара было всего на пару градусов теплее, чем снаружи, а в воздухе вечно висела такая же пылевая взвесь, как везде.

Чтобы тягач не замерз на пятидесятиградусном морозе в самый ответственный момент и возвращающаяся экспедиция не оказалась перед перегороженным входом за пару минут до интоксикации как это обычно бывает, машину регулярно прогревали и проверяли. Для этого Порфирьев ввел в каждую смену ЭК должность водителей, ответственных за открытие-закрытие выезда путем отведения-подведения тягача на десяток метров назад-вперед. Таким способом капитан-мизантроп хотел обеспечить сохранность ангара, но вчерашнее возвращение экспедиции наглядно продемонстрировало, что без Порфирьева работы на поверхности не ведутся. Брилёв перенаправляет весь инструментарий на перепланировку второго уровня, и действовать в ангаре становится нечем.

На что Антон обратил внимание Порфирьева еще утром и веско объяснил, что без надлежащего надзора так будет всегда. Кто-то из профессиональных технических специалистов, таких как Инженер Овечкин, должен постоянно следить за тем, чтобы работы не только не останавливались, но и производились с надлежащим качеством. Капитан-мизантроп прорычал в ответ, мол, в этом нет смысла до тех пор, пока у нас не появятся стройматериалы, потому что работать особо не с чем, а для того чтобы открывать-закрывать выезд, инженерное образование не требуется. Можно подумать, оно жизненно необходимо для погрузки ящиков или разрезания на запчасти стеллажей Росрезерва! Это просто знак судьбы, не иначе, что из всех оккупировавших Росрезерв ФСБ-шников Порфирьев взял в плен единственного инженера-механика. Фортуна реально дает Антону шанс.

Потому что в эту ремонтную экспедицию капитан-мизантроп взял Шарафутдинова, которому уже изменили статус с пленного на «специалиста, находящегося на испытательном сроке». И, как положено у военных дуболомов, сразу же унизили, наградив радиопозывным «Пиджак». Но без унижений тех, кто слабее тебя, вояки жить не могут, это Антон уяснил уже давно, поэтому вообще не удивился, когда увидел самодовольную физиономию Абрека, сообщающего Шарафутдинову его новый позывной. Да и пусть! Главное, что Порфирьев не потащил Антона с собой чинить вездеход! Овечкин ни секунды не сомневался, что, не

будь Шарафутдинова, асоциальный брутал глубоко наплевал бы на сломанные пальцы Антона и обязательно поволок его в эту долбаную ремонтную экспедицию. А так его оставили в недолгом покое и безопасности, и сейчас он впервые смотрит на отправляющихся в смертельную поездку людей со стороны.

Силуэты участников экспедиции быстро утонули в забитом пылью воздухе ангара, слабо освещенного мутными пятнами выносных фонарей, и входные ворота закрылись. Камера перешла в режим ожидания, и Овечкин мысленно поздравил себя с толикой сохраненного здоровья. Как говорится, не было бы счастья, да несчастье помогло! Он посмотрел на загипсованную руку, висящую на перевязи на груди. Во время сеанса детоксикации Снегирёва провела ему какие-то хирургические процедуры, а спустя несколько часов поместила его в биорегенератор еще раз. Оттуда Антон вышел уже с гипсом, точнее, с его пластиковым аналогом, потому что настоящий гипс в биорегенераторах не используется. Пальцы уже не болят и даже не ноют, но Снегирёва заявила, что для надежного образования костной мозоли в местах переломов потребуется еще пара процедур в течение недели, и все это время Антону нельзя тревожить руку.

И это просто супергуд, потому что дает ему реальный шанс не переться не только в эту ремонтную экспедицию, но и в следующую спасательную. Которая, как дружно заявили вояки, состоится немедленно, как только в строй вернется вездеход и люди, его в этот самый строй вернувшие. То есть через двое-трое суток максимум. А это меньше недели и впору прыгать от счастья. Антон бы и прыгал, да только опасался двух вещей: сглазить и Дилары. Сглазить – в том смысле, что только обрадуешься, как Порфирьеву взбредет в голову, что Овечкин обязан принять участие в спасательной экспедиции любой ценой. С него станется! А насчет Дилары ситуация обстояла не лучше. Антона выписали из медотсека три часа назад самого последнего, потому что Снегирёвой не нравилось что-то в его легких, и она провела ему несколько физиопроцедур. И едва он вышел из медотсека, как увидел ждущую его жену.

Вся очередь, ожидающая приема у Снегирёвой, с теплотой, пониманием и сочувствием отнеслась к Антону с загипсованной рукой. Женщины интересовались его самочувствием, желали скорейшего выздоровления и искренне радовались, что Инженер Овечкин вернулся с поверхности живым. Все понимали, что он получил травму, когда рисковал жизнью ради общего блага. Антону говорили ободряющие слова, Дилару поздравляли с тем, что все обошлось без фатальных последствий. Дилара сияла, рассыпаясь в благодарностях, держа его под руку мертвой хваткой, и неторопливо, но настойчиво стремилась покинуть центральный коридор. Едва они добрались до своего номера, на Антона вылился целый океан токсичных упреков.

Он и слишком сильно для семьянина радовался женскому вниманию, и слишком улыбался похотливым взглядам, и слишком долго оттуда уходил, слишком поздно поинтересовался здоровьем ребенка, слишком холодно справился о самочувствии жены, вообще не подумал о том, что у семьи накопилась очередь из клиентов, желающих получить водные процедуры и доступ в детскую игровую сеть в обмен на то, что так необходимо его единственному уцелевшему ребенку с подорванным здоровьем. Сказать что-либо в свою защиту Антон даже не решился, чтобы не усугублять скандал вообще и в присутствии Давида в частности. Давид выглядел вялым и уставшим, хотя сегодня вообще не играл с друзьями, а всего лишь долго не ложился спать, дожидаясь возвращения отца.

Сын пытался расспрашивать его о подробностях прошедшей экспедиции, было видно, что для него это очень важно. Весь Центр взбудоражен всевозможными слухами: одни говорят, что Росрезерв захвачен сотнями ФСБ-шников, которые теперь там живут, они съели все или почти все тамошние продукты и теперь хотят переселиться в «Подземстрой», чтобы съесть то, что осталось у нас. Другие утверждают, что ФСБ-шников гораздо меньше, и продукты они не тронули, но там появились какие-то натовские роботы-убийцы, которые хотят все продукты взорвать. Третьи заявляют, что эти роботы напали на экспедицию и подбили вездеход, а остальные наши машины, отступая, привели их прямо к «Подземстрою», и теперь роботы-убийцы готовятся

штурмовать бункер. Были и другие версии, еще более абсурдные. Но вся очередь, стоящая на прием в медотсек, видела, как туда заводили и выводили новенького под охраной, и все понимают, что на этот раз все серьезно. Поэтому мальчишки ждут от Давида ответов, так как он единственный, кто может их дать, потому что его отец не кто-нибудь, а Овен, Инженер Экспедиционного Корпуса, член команды Варяга!

Антон старался отвечать на вопросы сына как можно более подробно и в то же время не нарушить этот долбаный режим секретности, за которую военная хунта готова любого живьем сожрать. Из-за этого ответы получались пространными, и он заметил, что Давид засыпает прям сидя. Сын очень старался дослушать, но силы покинули его, и мальчуган отключался против воли. В итоге стирающая слезы Дилара уложила спящего Давида на кушетку, заменяющую ему кровать, и сообщила, что за последние дни сын стал совсем слаб. Но никаких иных признаков болезни у него нет, поэтому охрана на постах Службы Безопасности отказывается забирать его в медотсек вне очереди, потому что это положено только тяжело больным. А стоять в живой очереди из двухсот человек Дилара не может, потому что Давид столько не выдержит.

В этот момент поток упреков хлынул на Антона с новой силой, и ему пришлось выслушать еще одну кучу гадостей: он-де плохой отец, который даже не торопится возвращаться домой, где его изо всех сил дожидается несчастный ребенок. Не говоря уже о том, что он не в состоянии добиться для собственного ребенка внеочередного приема у врача и тем более обеспечить ему регулярные медицинские осмотры не раз в месяц, а чаще! Он даже не способен понять, что его сын в этом нуждается! Зато понаслаждаться женским вниманием и погреться в лучезарных улыбках толпы шлюх, трагически вздыхающих при виде его гипса, он не забыл!

Овечкин молча и терпеливо вынес все упреки, после чего как можно более френдли сообщил, что Снегирёва отстранила его от экспедиций как минимум на неделю, и он сможет посвятить это время жене и сыну. И обязательно поговорит со Снежной Королевой насчет Давида на следующий же день. Это объяснение не сделало жену более

дружелюбной, но поток токсичности прекратился. Следующие два часа Антон терпеливо включал и выключал подачу воды для приходящих принять душ клиентов, активировал доступ в игровую сеть бункера для коммуникаторов клиентов-детей и старательно игнорировал двусмысленные взгляды их матерей. Но все равно оказался виноват, ибо Дилара дважды злобным шепотом отчитывала его за то, что он провоцирует клиенток своим похотливым взглядом у нее за спиной.

Спорить с этим было бессмысленно, и чтобы не усугублять назревающий скандал, Антон молча признал свое поражение и в присутствии клиенток пытался вообще не выпадать из поля зрения жены. Все это очень сильно доставало, но благодаря бизнесу жены у Давида появились новые кроссовки и белье, и ради сына он был готов терпеть. Заговорить с Диларой не на тему обслуживания клиентов он решился не сразу, заранее ожидая истерики. Дождавшись, когда очередная дама скроется в закутке, в котором была оборудована душевая, Антон сообщил жене, что вынужден вернуться на первый уровень. Через несколько минут ремонтная экспедиция выходит на поверхность, и он должен ее проводить, чтобы продемонстрировать солидарность со своей командой.

К счастью, новой вспышки токсичности не последовало. Дилара все поняла и не стала препятствовать. И даже укорила его за то, что он не сказал об этом раньше, потому что он не должен опаздывать на такое мероприятие, ибо благосостояние их семьи напрямую зависит от его положения в администрации. И это положение необходимо всячески поддерживать и продвигать, а не брюзжать о том, какие деревянные тупицы собрались в военной хунте. В общем, Антон вырвался из угнетающего семейного жилища и смог немного подышать полной грудью.

С этим ему даже повезло, потому что из-за задержек с изготовлением втулки ремонтная экспедиция выдвинулась на час позже запланированного срока. Все это время Антон провел в офисе ЭК, инструктируя Шарафутдинова на тему нюансов работы сети Центра. Объяснять новенькому что-либо относительно устройства вездехода не пришлось. Практики эксплуатации различных механизмом у того было

больше, чем у Антона, два последних часа он штудировал чертежи вездехода и заявлял, что с ремонтом проблем не будет, потому что сам по себе вышедший из строя узел не был сложным. Главное, чтобы втулку изготовили без ошибок. Со втулкой возникли проблемы, и все это время Порфирьев находился в мастерских, стоял над душой у техников и мегамозгов команды Миронова. Как оказалось, металла нужного качества у нас больше нет, и втулку делали из каких-то заменителей, в силу чего несколько вариантов пришлось забраковать, и надежный аналог удалось изготовить с опозданием. Зато никто не озадачивал Овечкина всякой ерундой, лишь бы гражданский не сидел без дела.

Потом Порфирьев вернулся с втулкой и в сопровождении Абрека с Мироновым. Новенького прилюдно унизили, то есть ой! извините, Антон не так выразился, имелось в виду, что новенькому выдали радиопозывной. Остальным повезло больше: Миронов сообщил, что на время ремонтной экспедиции армейские скафандры высшей защиты будут выданы тем, у кого их не было. Так как работы будут проводиться непосредственно на поверхности.

Порфирьев взял с собой одиннадцать человек, включая новенького: лейтенанта с солдатами, своих безропотных блондинов и пару грузчиков по принципу наиболее крепкого здоровья. Экспедиция экипировалась, приняла антирад и навьючилась ремонтным оборудованием. Затем все выдвинулись к входному блоку, и Антон впервые оказался в комнате для надевания-снятия скафандров в качестве сопровождающего.

И вот теперь, когда внешние ворота закрылись, он в полной мере может вздохнуть спокойно. Остается надеяться, что экспедиция вернется. Иначе его пошлют их искать, об этом Миронов предупредил всех заранее. Ремонтники поедут на грузовике, то есть в случае их невозвращения у Центра остается всего одна машина. Один грузовик не справится с перевозкой продуктов из Росрезерва, поэтому поисковая операция будет организована в любом случае, и всех, кто будет в ней участвовать, оповестили еще час назад. В том числе Овечкина.

Внешние ворота вновь пришли в движение, заработала камера, и Антон увидел несколько фигур в скафандрах, выныривающих из пыльного радиоактивного мрака. Люди зашли в шлюз, и один из них

махнул рукой в камеру. Диспетчер закрыл ворота, начал процесс шлюзования и поинтересовался, как все прошло.

– Все нормально, они уехали! – ответил ему тот, что махал рукой. Специально для удобства провожающих диспетчер вывел ближний эфир на громкую связь. – Мы закрыли въезд! Там сейчас штиль, так что удалось закрыть дыру максимально! Глушить тягач не стали, там уже минус пятьдесят четыре!

– На сколько хватит аккумулятора? – хмуро поинтересовался Миронов.

– Часов на двенадцать, – ответили ему в эфире. – Потом поменяем, запасной сейчас заряжается! Или заглушить?

– Пусть работает, – Миронов все так же хмуро поморщился. – Все равно скоро переходить на круглосуточное электропитание. Для тягача на воротах использовать только эту пару аккумуляторов, у них осталось меньше сотни циклов заряд-разряд, их жалеть уже поздно. Вы меня поняли? Только эту пару!

– Все понятно, господин Инженер! – заверил его человек в скафандре. – Будет сделано! Я внесу пометки в журнал дежурств с указанием серийных номеров!

Миронов удовлетворился услышанным, и они с Абреком покинули входной блок. Следом за ними потянулись остальные. Возвращаться домой не хотелось, и Антон несколько минут наблюдал, как обеспечивавшая отъезд экспедиции команда проходит дезактивационные процедуры. Потом входной блок покинули и они, и причин оставаться здесь дольше не осталось. Овечкин тяжело вздохнул и побрел к выходу.

– Господин Инженер! – в коридоре возле самого входного люка стояла Наиля. – С вами все хорошо? – Девушка перевела взволнованный взгляд с загипсованной руки на его лицо. – У вас такой грустный вид! Вам больно? Я могу что-нибудь сделать для вас? Вызвать охрану с носилками? Они доставят вас в медицинский пункт!

– Спасибо, Наиля, вы очень добры, – Антон улыбнулся. – Я в порядке, рука уже не болит, если не беспокоить. Просто задумался. А почему вы здесь? Разве сейчас ваша смена?

– Нет, я заступаю через десять часов, – подтвердила девушка. – Пришла проводить ремонтную экспедицию, она же внеочередная, вдруг потребуется помощь! Мы все переживаем за тех, кто рискует ради нас жизнью и здоровьем! Я так волновалась, когда узнала, что вы получили травму! Следила за сводками из медотсека, но в этот раз они не выложили в сеть отчет! Сказали, времени не было! Как вы себя чувствуете, господин Инженер? Ваши легкие все еще болят?

– С легкими какие-то мелкие проблемы, – признался Овечкин. – Во время экспедиций внутри возникает ощущение першения, из-за этого появляется нервный кашель, это быстро сдирает горло. Становится больно глотать. Доктор Снегирёва однажды уже избавила меня от этого, но во время последней экспедиции все повторилось. Думаю, в силу нехватки опыта ей не удалось справиться с моей проблемой полностью.

– Как это грустно… – искренне опечалилась Наиля, и на ее глаза навернулись слезы: – Вы постоянно испытываете боль? И это все ради нас…

– Боли уже нет, – успокоил ее Антон. – Биорегенерация в очередной раз помогла. Я не чувствую никакого дискомфорта. Очень надеюсь, что он не возникнет во время следующей экспедиции.

– Но как же вы отправитесь на поверхность со сломанной рукой?! – ужаснулась она.

– Если придется срочно организовывать поисковую команду, то мне придется сделать это! – веско заявил Овечкин. – Других технических специалистов с аналогичным моему опытом работы на поверхности у нас нет.

– Восхищаюсь вашим самопожертвованием! – От слез в глазах Наили не осталось следа, теперь в них читалось обожание: – Вы постоянно думаете о людях и никогда о себе! Пока у нас есть такие герои, как вы, мы не погибнем! Господин Инженер, можно задать вам вопрос про Росрезерв? Клянусь, я никому не скажу! Можете мне доверять!

– Антон! – мягко поправил девушку Овечкин. – Я же просил вас называть меня по имени, Наиля. Мы сейчас не на работе, не в эфире и ничего не нарушаем.

– Спасибо, Антон, – Наиля застенчиво улыбнулась и опустила глаза. – Вы не представляете, как приятно обращаться к вам по имени… Но я бы не хотела вас как-либо обидеть, вы же женатый человек, у вас такая прекрасная семья!

– Ничего обидного в обращении по имени для меня нет, – Антон мысленно скривился: знала бы она, как на самом деле выглядит его «прекрасная семья»! – Я дал вам разрешение на это. О чем вы хотели спросить, Наиля?

– Это правда, что роботы уничтожили все продукты и теперь идут сюда?

– Нет, – Овечкин позволил себе сдержанную улыбку. – Это слухи. Продовольствие в порядке. Склады охраняют сотрудники ФСБ, они успешно отразили атаку роботов и уничтожили нескольких. Остальные бежали и увязались за нами, но во время бурана потеряли след и теперь блуждают где-то в пустошах. Из-за высокой ионизации и полнейшей запыленности атмосферы у них серьезные проблемы с навигацией и лазерным зрением. Фактически они ничего не видят, поэтому добраться досюда не смогут. Как только мы починим вездеход, будет организована спасательная экспедиция. И люди, и продукты будут перевезены из Росрезерва сюда. Разве администрация не сделала соответствующего заявления?

– Заявление было, но для меня очень важно получить подтверждение от вас, – Наиля смутилась. – Вы же были там лично и все видели собственными глазами! Вы самый надежный источник!

Дверь диспетчерской открылась, и в коридор вышла молодая рыжеволосая девушка, которую Овечкину видеть ранее не доводилось. Он замолчал, окидывая ее настороженным взглядом. По идее, в диспетчерской их разговор слышать не могли, толстые стены с защитой от радиации не пропускают звук негромкой беседы. Не хватало еще снова попасть в немилость к Абреку. Однако Наиля не продемонстрировала никакой настороженности. Напротив, она с милой улыбкой поспешила навстречу девушке, и они обменялись дружескими поцелуями.

– Знакомьтесь, Антон, это Виктория Иванова! – представила девушку Наиля, становясь рядом с ней. – Моя подруга! Мне удалось оформить ей гостевой визит на два часа, дольше стажеру не положено, но Вика очень хотела увидеть, как работает ЭК! Надеемся, что ей повезет, ее заявление примут, она сможет пройти тесты и тоже будет работать здесь, вместе с нами! Вика об этом давно мечтает!

– Очень приятно, – Овечкин вежливо улыбнулся, разглядывая подругу Наили. На вид они ровесницы и рядом смотрелись очень эстетично: обе фигуристые и симпатичные, одна черноволосая с очаровательными кудряшками, другая рыженькая с обилием веселых веснушек, густо покрывающих миловидное личико от лба до подбородка. – Как вас по имени-отчеству, госпожа Иванова?

– Для меня большая честь познакомиться с Инженером, – скромно, но с видимым воодушевлением произнесла рыженькая. – Меня зовут Виктория Магометовна. Но для вас просто Вика! Мне будет очень неловко, если такой уважаемый человек, как вы, станет называть меня по имени-отчеству… – Она спохватилась: – Я вам не помешала?

– Нет-нет, я как раз собирался уходить, – вновь улыбнулся Антон.

– Вы уже уходите?.. – Вика погасла, как огонек свечи на ветру. – Очень жаль…

– Инженеру Овечкину необходим отдых! – ответственно заявила Наиля. – Ему нужно восстанавливать здоровье! Антон, не смеем отнимать у вас время, но, если вдруг у вас появится минутка, будем безумно счастливы, если вы уделите нам время и расскажете о том, как проходят экспедиции, что творится на поверхности и как сейчас выглядит мир! А то в сети выкладывают совершенно жуткие описания!

Обе девушки, стоя рядом и держась за руки, преданно смотрели на Овечкина.

– Мы ни в коем случае не настаиваем! – немедленно добавила Вика. – Но если вы согласитесь, будем очень благодарны! Мы серьезные девушки, гарантируем, наше общество вас не разочарует, и вы не пожалеете о потраченном времени. Для нас беседа с таким выдающимся и уникальным специалистом, как вы, очень важна!

– Выздоравливайте, Антон! – нежно пожелала Наиля. – Мы все очень волнуемся и переживаем за вас!

– Спасибо, – Овечкин скромно улыбнулся. – Приятно слышать. Прошу прощения, но сейчас мне пора. Моему сыну нездоровится, и я должен быть рядом!

Девушки немедленно пожелали Давиду крепкого здоровья, самому Антону скорейшего выздоровления и проводили его до входного люка. Выходить вместе с ним в центральный коридор они не стали, и Овечкин поспешил к лифтовому подуровню, тоскливо косясь на пустое запястье. Дилара отняла у него коммуникатор, как только он вернулся в номер, и не отдала, когда пришло время провожать экспедицию. Сказала, что полчаса он вполне обойдется без сети, тем более сейчас не его смена. Теперь он даже не может узнать, сколько сейчас времени. Дилара опять устроит скандал из-за того, что он задержался на работе. Почему так сложно понять, что не ей одной сейчас тяжело?! У него тоже хватает проблем! Больные легкие, эти долбаные экспедиции, уничтожающие его здоровье, теперь еще сломанные пальцы! Почему посторонние женщины относятся к нему лучше, чем собственная жена?! Вообще-то, если что, весь ее бизнес держится исключительно на его заслугах! Да, может, она и предприимчивая, никто не спорит, но без его двойных норм ей было бы нечего предпринимать! Она должна ценить хотя бы это!

Обуреваемый удручающими мыслями Овечкин добрался до лифтов и снова попал в женское окружение. Около десятка девушек стояли возле лифтовых дверей в ожидании прибытия очередной кабины, чтобы вернуться на второй уровень. Их лица были Антону незнакомы, но его знала каждая, и все наперебой справлялись о его самочувствии, жалели травмированную руку и желали выздоровления. Море позитива и участия подняло Овечкину настроение, и он скромно благодарил женское общество за поддержку. Но счастье оказалось недолгим. Едва двери лифтовой кабины открылись на втором уровне, Антон увидел грузный силуэт Дилары, ширящийся за спинами дожидающихся лифта людей.

– Ты почему так долго?! – почти беззвучно прошипела жена ему на ухо, вцепляясь в локоть загипсованной руки, и зажгла лучезарную

улыбку, отвечая на приветствие выходящих из лифта девушек. – Опять трепался с какими-то шлюхами? – Она бросила косой взгляд на расходящихся девушек, приехавших с Антоном в одной кабине: – У шлюшек сейчас новые веяния! В одиночку избалованных бабами мужиков уже не удивишь, так шлюшки теперь объединяются в пары! Такой прямой намек мужику, что с ними будет весело! – Ее черные глаза с подозрением скользили по спинам четырех девушек, которые имели неосторожность выходить из лифта попарно. – Но ты наверняка об этом знаешь лучше меня!

Ногти Дилары впились ему в незакрытую гипсом часть запястья, протыкая кожу, и Антон закусил губу от боли. Раньше ее ногти не были такими острыми. Неужели она специально затачивает их так, чтобы ему было больнее?

– Выход экспедиции задержался на час! – Антон второй рукой оторвал от себя впившиеся пальцы жены и прижал их ладонью к своему запястью, закрывая свежие царапины. Вроде никто из окружающих ничего не заметил. – Техники не сразу смогли изготовить втулку, у нас закончился металл нужного сорта!

– Знаю! – тихо процедила Дилара, беря его под руку и с благодушной улыбкой направляясь в сторону их номера. – В сети уже выложили! Но ты мог бы поторопиться, нас ждут клиенты! За джинсы, которые я нашла для себя, нам расплачиваться еще месяц! За джинсы, которые я нашла для тебя, расплачиваться еще три недели! Они новее моих, но мне дали скидку, потому что ты Инженер! Хотя лично я уверена, что она сделала это потому, что положила на тебя глаз! Я вижу, как эта стерва смотрит на тебя, когда приходит принимать душ! Ширму задвигает не полностью, душевую шторку задергивает не до конца – так и норовит показаться тебе голой! Это еще вопрос, откуда у нее мужские джинсы, наверняка украла или сняла с трупа, когда после мятежа террористов выносили мертвые тела!

– Очень обнадеживающая версия, – насупился Антон. – Вообще-то я сейчас в них!

– Потерпишь! – сквозь очередную улыбку выдавила Дилара. – Я их выстирала, так что не развалишься! А вот мне придется терпеть эту сучку

еще три недели! Только попробуй повернуться в ее сторону, когда она будет в душе, – глаза выцарапаю!

Ее ногти вновь попытались впиться в его кожу, и Антон торопливо сжал ладонь, которой удерживал руку жены на своем запястье.

– Дилара, перестань! – тихо воскликнул он. – Больно! Я даже не знаю, о ком ты говоришь! Твои клиентки приходят к нам каждые полчаса, я не в курсе, с кем из них и за что мы рассчитываемся! Помню только ту женщину с дочкой, которая продала нам кроссовки для Давида!

– С ней мне рассчитываться еще десять недель! – немедленно сообщила Дилара. – Кроссовки реально оказались совсем новые, это была выгодная цена! Повезло, что она заинтересовалась одновременно водными процедурами и доступом в игровую сеть для дочери! А остальные приходили бы к нам гораздо реже, если бы ты быстрее возвращался домой! Из-за этого приходится уплотнять график, чтобы успеть потратить нормы до того, как они сгорят с началом новых суток! Ты хоть раз пробовал считать, какие убытки мы несем в то время, когда тебя нет?!

Антон хотел было предложить жене хоть раз подсчитать, какие убытки она понесет, если военная хунта понизит его в должности и оплате, сочтя ленивым или недостаточно производительным, из-за того, что он станет уходить с работы раньше всех. Не говоря уже о том, что если он будет пренебрегать медицинскими процедурами, то может в итоге если не умереть, то попасть в стационар на долгий срок, в течение которого у нее не будет бизнеса вообще! Но было ясно, что любые логические выкладки только сделают Дилару еще более токсичной, в суть доводов она вникать не станет, потому что с каких-то пор не приемлет иного мнения, кроме своего. Брилёвщина оказалась заразной болезнью! Но он потерпит ради сына, не привыкать, общение с военной хунтой сделало Антона очень гибким в плане выживания! Поэтому он счел наиболее продуктивным вариантом ответа отсутствие ответа как такового.

Это себя оправдало, и до номера они дошли более-менее спокойно. Дилара украдкой косилась на него при каждой встречной женской улыбке, а их было много, потому что на втором уровне Антона знали и ценили все, кроме собственной жены. Но Антон старательно делал

непроницаемое лицо и отвечал на улыбки сдержанными кивками с серьезным видом, без намека на позитив или радушие. Люди спишут это на боли из-за переломов, зато у Дилары нет повода впиваться в него ногтями.

Возле номера Дилару уже ждали клиентки, и за следующие пять часов Антону удалось поспать в общей сложности минут сорок. Он пытался уговорить жену сбавить темп хоть немного, ведь сутки только начались, а нормы у него хоть двойные, но не бесконечные. Однако Дилара возразила, что надежнее вложить в дело все излишки как можно раньше, пока есть возможность. Сразу выяснилось очень неприятное обстоятельство: жена заявила, что точно рассчитала минимальную семейную потребность в воде, и теперь Антон не будет принимать душ дома. Сэкономленные излишки пойдут на оплату кроссовок Давида, ему же позволено только умываться, потому что помыться он может в медотсеке после лечения. Потому что для него, как сотрудника ЭК, это бесплатно. И вообще, был бы он заботливым отцом, то и умывался бы там же. Хотя бы в дни лечебных процедур!

В первую секунду Антон решил, что Дилара это не всерьез, просто вспылила на эмоциях. Но позже жена действительно не пустила его в душ, красноречиво продемонстрировав на экране коммуникатора бесконечный график расчетов с клиентами. Это обстоятельство сильно удручило Антона, и больше он не пытался разговаривать с женой по вопросам, не касающимся бизнеса.

Вскоре проснулся Давид, и Дилара переключилась на возню с ребенком. Сын и вправду выглядел нехорошо, как будто не спал вовсе. Он ни на что не жаловался, сказал, что у него ничего не болит и он выспался, но при этом был вялым и малоподвижным. Давид сразу вспомнил, что не дослушал вчера рассказ отца, и принялся выяснять подробности. Когда речь дошла до брошенного в радиоактивных пустошах вездехода, сын поинтересовался, когда возвращается ремонтная экспедиция и сколько им осталось до окончания цикла антирада. Оставшийся без коммуникатора Антон был вынужден зайти в сеть с коммуникатора Давида, чем очень воодушевил ребенка, но тут оказалось, что ремонтная экспедиция вернулась час назад.

– Папа, почему ты не пошел встречать своих тиммейтов?! – ужаснулся Давид. – Ты же говорил, что вы команда! Они же тебя на себе тащили, когда ты потерял сознание! А ты даже не знаешь, что они вернулись! Вдруг им нужна твоя помощь! Они же остались без Инженера! Что-то могло случиться, а ты дома сидишь!

В глазах и голосе сына было столько разочарования, что Антон невольно бросил на Дилару красноречивый взгляд. Глаза жены вспыхнули злобой, из-за чего стали казаться еще темнее, и не заметить такой реакции было сложно. Однако Дилара сдержалась, явно не желая потерять лицо в присутствии Давида, и сделала встревоженное лицо:

– Папа был сильно занят, он работал с нашими клиентами, чтобы купить тебе новую футболку! Он заботился о тебе!

– Какая футболка! – вспылил Давид. – Что за бред?! У меня и так шмоток больше, чем у любого из наших, а раньше было меньше всех! Ты что, не понимаешь?! Он должен быть со своей командой, его же невозможно заменить, у Варяга больше нет Инженеров! Вдруг они не смогли починить вездеход без отца?!!

– Экспедиция вернула вездеход, – Антон попытался успокоить взволнованного сына. – В сети об этом сказано. Но ты абсолютно прав: я должен быть со своей командой и выяснить, как все прошло. Я задержался дома, теперь нужно спешить! Без меня у них могут возникнуть серьезные проблемы!

Овечкин решительно направился к выходу, открыл дверь и обернулся на пороге:

– Слушайся маму и не забудь позавтракать! Когда вернусь, расскажу тебе обо всем, что не является военной тайной!

С этими словами Антон с сосредоточенным видом прошел мимо пары женщин, ожидающих возле дверей номера снаружи, и предоставил Диларе самой объясняться со своими клиентами. Не приходилось сомневаться, что его поведение вызовет у жены всплеск токсичности, но он не может позволить себе ударить в грязь лицом перед сыном. Давид и без этого произносит слово «Варяг» слишком часто. Да и самому Антону не помешает отдохнуть от непереносимой атмосферы, которую создала дома Дилара. На всякий случай он продолжил сдержанно отвечать на

улыбки прохожих и пожелания выздоровления, но уже не смотрел на ни в чем не повинных женщин, словно не видит их вовсе.

В офисе ЭК оказалось, что почти весь состав экспедиции находится в медотсеке. Они вернулись с поверхности за два часа до интоксикации, и Снегирёва в срочном порядке проводит им ускоренную процедуру. Порфирьев ее уже прошел, сейчас он у инженерной команды, выясняет что-то с мегамозгами. В офисе обнаружился только Хам, которому асоциальный капитан поручил заниматься приготовлениями к спасательной экспедиции. Для надежности Антон посетовал ему на плохое самочувствие ребенка, сообщил, что все это время заботился о сыне, и предпринял попытку выяснить подробности прошедшей экспедиции.

– Вездеход нашли быстро, – лейтенант отнесся к нему достаточно дружелюбно. – Его занесло грязью, то есть снегом, целиком. С горкой, блин! Пока откапывали, дважды буран начинался и наполовину засыпал уже откопанное! С ограждением тоже пришлось повозиться, чтобы ветер не мешал проводить ремонт. Тех с Пиджаком бились с этой долбаной втулкой почти три часа! Оказалось, что там не только втулка лопнула, но еще лопасть винта погнуло, пришлось ее выправлять кувалдой прямо там!

– Как себя проявил новенький? – сосредоточенно поинтересовался Антон. – Он может быть нам полезен, как декларирует?

– Пиджак шарит, это однозначно! – лейтенант закивал. – И с инструментом он тоже работать умеет! Видно, что у себя в бункере ему много чего пришлось вручную клепать! Он собрал все в лучшем виде, обратно вездеход шел ничуть не хуже, чем до поломки. Правда, сразу мы вернуться не смогли, долго возились с домкратами, никак не удавалось снять вездеход с контейнера для базы. Груды обломков под снегом, на которых стояли домкраты, постоянно смещались, и приподнять борт не получалось. Почти час потеряли. Хорошо, хоть роботов не было, и с буранами повезло. Доехали за двадцать минут, я даже полностью отогреться не успел. – Хам скривился: – Блин, я стал еще хуже реагировать на холод… как замерзну, так долго не могу согреться. В смысле, мне вроде уже и не холодно, время прошло

достаточно, и обогрев скафандра работает на полную, но ощущение дебильное, как будто все еще мерзну. Завтра в Росрезерв за ФСБ-шниками ехать, как представлю, так меня сразу от холода трясет и от антирада воротит!

– Понимаю! – посочувствовал лейтенанту Антон. – Ощущаю нечто подобное из-за проблем с легкими! Кашель душит, и горло раздражено так, что даже говорить больно! Снегирёва заявляет, что это нервная реакция… Хамиль, уже известно, кто войдет в состав спасательной экспедиции? Если Шарафутдинов не справляется с обязанностями Инженера, я готов! Сломанную руку надо только зафиксировать понадежней!

– Пиджак шарит, я же сказал, – напомнил лейтенант. – Ты остаешься здесь.

При этих словах с души Антона упал неописуемо громадный камень. К счастью, Хам не понял его реакции и поспешил успокоить:

– Не переживай, справимся! Пиджак вывезет, если что! Все гражданские остаются, не ты один. С нами поедут только Тех с Санычем, они поведут грузовики. Лучше взять больше бойцов. Мало ли что! По идее, ФСБ-шники должны нормально все воспринять, они же не идиоты и жить хотят не меньше нашего. Но Абрек прав, лучше подстраховаться, чем потом пожалеть. Поэтому едут только военные в полном боевом.

– Когда планируете выезжать?

– Как только Снегирёва разрешит, – Хам замолчал и болезненно поморщился: – Меня тошнит при одной лишь мысли об антираде, ни фига не понимаю, эта тошнота на самом деле или нет… – Он вернулся к разговору: – Варяг предлагает выдвигаться, как только истекут сутки, потому что каждый лишний час там, в Росрезерве, может стоить кому-то жизни. Но Снегирёва против. Говорит, что если не хотим попадать по дороге, то нужно провести всем какое-то лечение и только после этого отсчитывать сутки. Сколько все это займет, пока не понятно. Она говорит, что часов тридцать-сорок. Зависит от индивидуальных особенностей пациента.

– А что Олег? – Овечкин невольно подумал, что затягивающийся отъезд спасательной экспедиции не в его интересах. За это время

Порфирьеву вполне может взбрести в голову потащить его с собой! – Он с ней не согласен?

– Не согласен, – подтвердил лейтенант. – Но с ней согласна команда Мозга. Инженеры говорят, что грузовик, в котором обнаружилась неисправность, еще не готов. Все силы были брошены на возню с этой втулкой, и времени по нормальному починить грузовик не было. Там какая-то проблема с кузовом, в смысле, не со всем кузовом машины, а с грузовым кузовом, как-то так.

– Как долго они планируют его ремонтировать? Они что-нибудь сказали?

– Говорят, дня три-четыре, – пожал плечами Хам. – Варяг заявил, что за это время в Росрезерве может никого не остаться, и последний точно там все подожжет, найдем одни головешки. Я слышал, как Первый выговаривал Мозгу, чтобы Инженеры ускорялись, как хотят, но к тому времени, когда Снегирёва выпустит нас на поверхность, грузовик должен быть готов. Дождись Варяга, он сейчас как раз с Инженерами разбирается. Мне пора в медотсек возвращаться, а то я только ускоренную детоксикацию прошел. Док сказала, что засунет меня в БР на два часа минимум и потом еще отправит на прогревание. – Лейтенант довольно улыбнулся: – Наконец-то погреюсь!

Хам ушел, и Антон воспользовался рабочей станцией, чтобы выйти в сеть. В офисе народа было мало, очередная смена находилась в ангаре, обслуживала вернувшийся из экспедиции транспорт, и ему никто не мешал. Полчаса Антон изучал сетевые новости и оставлял авторитетные комментарии, потом выяснилось, что Порфирьев от Инженеров сразу направился в медотсек, и Овечкин поспешил туда. Надо успеть поговорить с асоциальным капитаном до того, как Снежная Королева упрячет его в биорегенератор на полдня. Заодно можно попросить ее о внеочередном осмотре сына.

Возле медотсека оказалось довольно многолюдно. Несмотря на то что эти нелепые «снежинки» Снегирёвой объявили о закрытии медотсека на ближайшие сутки ради подготовки спасательной экспедиции, народа в подуровне стало даже больше, чем обычно. Сотрудники Центра что-то выясняли у практиканток-медичек, видимо, как он сам, решали

проблемы сдвинувшегося графика лечения. Жительницы второго уровня, пользуясь случаем, пытались разузнать свежие новости. Кто-то справлялся о здоровье участников экспедиции, кто-то уточнял сроки возобновления приема населения, многие обсуждали между собой различную информацию.

Общественность отреагировала на появление Антона исключительно дружелюбно, его засыпали вопросами о состоянии руки и самыми позитивными пожеланиями. Внутрь медотсека он зашел без проблем, но дальше приемного покоя продвинуться не удалось. Практикантки виновато объяснили, что доктор Снегирёва не покидает операционную вот уже третий час, остальные медработники задействованы ею на проведении физиопроцедур и прочих медицинских манипуляциях. Все расписано поминутно на ближайшие тридцать шесть часов, и помочь ему они ничем не могут.

Расстроенный Антон уже собирался возвращаться в свой суррогатный номер, заполненный столь же суррогатной атмосферой семейного комфорта, как вдруг в медотсек явился Порфирьев.

– Олег! – Овечкин устремился к амбалу, замечая, как одна из практиканток торопливо скрывается за дверью диагностического кабинета. Наверняка спешит предупредить Снегирёву. Это очень удачное стечение обстоятельств, она может выйти сюда сама! – Как самочувствие? Как все прошло? Хамиль сказал, роботов там не оказалось, это очень хорошо! Как считаешь, где они сейчас находятся? Они могут вернуться в Росрезерв?

– Да хрен их знает, они мне не докладывают, – устало ответил асоциальный брутал. – Доберемся до Росрезерва – там и узнаем. Главное, вездеход удалось спасти. Хам тебе сказал, что ты с нами не едешь?

– Да, я уже в курсе! – подтвердил Антон. – Видел пост администрации в сети: в целях безопасности к спасательной операции будут привлечены только военные! Это правильное решение, у гражданских специалистов нет навыка использования экзокорсетов, в этой экспедиции для них фактически нет работы…

– Лечи руку, – перебил его капитан-мизантроп, усаживаясь на свободное кресло. – Как только вытащим из Росрезерва ФСБ-шников, работы в экспедициях всем хватит. Биофермы на последнем издыхании, придется носиться на склады за продовольствием без перерывов и выходных. Мозг со своими что-то наизобретал в плане автопилотирования, так что пока нас не будет, зайди к ним и разберись подробно. Тебе предстоит со всем этим возиться, если сломается посреди пустоши.

– Капитан Порфирьев! – из дверей диагностического кабинета появилась Снегирёва. – Прошу вас немедленно пройти в операционную! Вы опять опаздываете на лечение!

Асоциальный брутал закатил глаза, потом уставился на Снегирёву взглядом маньяка, которого терзает ломка по убийствам, и издевательски-плаксиво протянул:

– Хочу на ручки!

– Я вас не подниму! – Не сдавалась блондинка. – Иначе давно бы отнесла в биорегенератор! Вас надо лечить год! В вашем состоянии каждая минута дорога!

– Это я уже слышал, – совершенно безразличным тоном ответил капитан-мизантроп. – Топай в свою операционную! Сейчас договорю и приду. Минуту потерпишь!

– Я могу терпеть сколько угодно! – Снегирёва подошла к нему вплотную и чуть ли не уперлась в сидящего капитана. – Но ваше здоровье терпеть не может! Вы требуете от меня выпустить вас на поверхность как можно скорее, и сами же все затягиваете!

– Ты, бумеранг хренов, ты почему такая вредная? – Порфирьев поднялся, сдвигая Снегирёву, словно бульдозер сугроб. – Что изменится за минуту?!

– У вас кости излучают! – воскликнула блондинка. – За минуту из-за этого погибнет несколько тысяч клеток спинного мозга! Не путайте вредность с рекомендациями лечащего врача! – Она обернулась к Овечкину: – Инженер Овечкин! Настоятельно прошу вас продолжить ваш разговор после того, как капитан Порфирьев покинет биорегенератор!

– Мы уже закончили, – сообщил Антон. – Олег, я согласен с Ингеборгой Игоревной..

– Я тоже! – иронически заявил амбал, направляясь в сторону диагностического кабинета. – Главное, отстаньте! У меня и без вас голова болит.

– Почему вы не сказали, что у вас снова начались головные боли?! – Снегирёва устремилась следом, не успевая за удаляющимся Порфирьевым.

– Ты не спрашивала! – отрезал тот, исчезая за дверью.

– Ингеборга Игоревна! Подождите! – Антон спешно догнал Снегирёву. – Уделите мне полминуты! Это очень важно! Давиду очень плохо, он еле стоит на ногах!

– У него температура? Кровотечение? – Снегирёва обеспокоенно обернулась. – Воспаление слизистой глаз? Почему вы не обратились на пост охраны?! Ваш ребенок уже давно был бы здесь! Когда это началось?

– К счастью, ничего подобного не произошло, – Антон покосился на затихших людей, прислушивающихся к их разговору, и понизил голос: – Внешне Давид здоров, никаких явных симптомов у него нет, но… Он выглядит очень слабым! Почти не двигается, постоянно спит и быстро устает, даже когда ничего не делает! Он стал очень вялым! Ты не могла бы осмотреть его еще раз? Вне очереди?

– Я запишу его на прием, как только экспедиция покинет бункер, – пообещала Снегирёва. – Сразу после того, как пройдут детоксикацию сотрудники ангара, обеспечивающие выезд, я им займусь. Скажи Диларе, чтобы проверяла сеть, информация о записи на прием появится там за час.

– Но это произойдет только через полтора дня, – начал было Антон, – может, ты примешь их вместо меня во время моего следующего…

– Раньше свободного времени нет! – не дослушала его Снегирёва. – Все расписано под больных и возвращающихся с поверхности. Я и так поставлю Дилару с Давидом вне очереди и вперед тебя, тебе на прием назначено через трое суток. Все, мне нужно идти, график смещается!

Снегирёва, не прощаясь, скрылась за дверью диагностического кабинета, и индикатор на дверном замке изменился на положение «заперто». Антон отнесся к этому философски. Большего от Снежной Королевы никто и не ожидал. Записала на прием – уже хорошо! Потому что по плану Давиду пришлось бы ждать еще дней двадцать. Зато теперь токсичность Дилары хоть немного снизится. Овечкин попрощался с общественностью и покинул медотсек. И тут же увидел Дилару, стоящую недалеко от входа в окружении женщин. Кто-то из них указал на него жене, и она поспешила навстречу.

– Дорогой, мне сказали, что ты здесь! – сообщила она, исподволь изучая его реакцию на взгляды окружающих девушек. – Тебе удалось договориться с доктором Снегирёвой насчет Давида?

– Да! – важно заявил Антон. – Она примет вас через час или два после отправления спасательной экспедиции. Соответствующая запись появится в сети заранее! Ты оставила Давида одного? Как он себя чувствует?

– Он устал и лег спать, – Дилара взяла его под больную руку, незаметно сжимая локоть как можно сильнее, и они двинулись по центральному коридору, сопровождаемые умиляющимися женскими взглядами. – Но нам лучше не уходить из дома надолго! – Она понизила голос до шепота: – Это ты постоянно оставляешь его одного! А он всегда ждет твоего возвращения!

– Это моя работа, – шепотом возразил Антон. – Благодаря ей я имею двойные нормы, на которых держится наш бизнес!

– О, да, твою значимость никто не оспаривает! – желчно прошипела Дилара, улыбаясь прохожим. – О ней в курсе каждая шлюшка! Шагай быстрее, значимый! Нас ждут клиенты! Раз тебе не нужно уезжать в экспедицию, мы сможем обслуживать их активнее! Давиду нужна еще одна простыня, он потеет во сне, белье пачкается чаще, а то, что у нас есть, сильно застирано!

* * *

Струя холодного кислорода, ударившая в лицо, заставила Брилёва проснуться, и полковник зябко поежился, открывая глаза. В первую секунду он застыл от страха, увидев себя заживо погребенным, но в следующий миг крышка биорегенератора открылась, и ложе с пациентом поползло наружу. Полковник нервно выдохнул. Это всего лишь биорегенератор. Во время сеанса лечения ему снился какой-то неприятный сон, сон мгновенно позабылся, но спросонья Брилёв не понял, где находится.

Ложе вынесло полковника из чрева медицинской техники, и Брилёв увидел помощника, не сводящего с него глаз. Значит, проблем нет. Когда они есть, взгляд у Карена другой, такой, как у гонца, принесшего роковую весть и страшащегося казни. За этот взгляд в свое время Брилёв его в помощники и назначил. Исполнитель должен быть скрупулезен, педантичен, инициативен и самостоятелен исключительно в рамках своих полномочий, и абсолютно управляем. Карен был именно таков, и полковник не раз имел возможность убедиться в правильности выбора помощника. Он управляем даже в сфере собственной личной жизни, что очень облегчает манипулирование Яковлевой.

Яковлева в последнее время радует, старательно сидит в медотсеке всю свою смену и даже остается на час-два сверх этого. Конечно, за несколько недель она не станет даже неполноценной заменой Снегирёвой, но это уже какое-никакое начало. Через год он уже сможет реализовать свою идею об обустройстве на первом уровне отдельного медотсека для полезных людей. Соколянская периодически вангует о том, что надолго Яковлевой не хватит, ибо порыв к постижению профессии у нее возникает и затухает не впервые. Но на этот счет Брилёв не испытывал ни малейших опасений. Рычаги, нажатие на которые мотивируют Яковлеву, не только хорошо ему известны, но и примитивны. Держать ее в постоянном тонусе не составит труда. А вот с самой Соколянской игра на выживание разворачивается довольно интересно.

Надо признать, что ГРУшные кукловоды, вышколившие элитную агентессу, были далеко не рядовыми специалистами в своей области. Соколянская не торопится надевать на него хомут ни явно, ни тайно. Она

до сих пор ни разу не попросила у него ничего для себя, зато подала несколько неплохих идей относительно бизнеса, основанного на женских потребностях. И даже не намекнула на то, что неплохо бы доверить этот бизнес ей. И совершенно спокойно реагирует на наличие у него шестерых любовниц. Хотя нет, уже не шестерых. Двоих он, пожалуй, больше вызывать не будет. Как раз из-за печальных глазок, которые они делают при упоминании о конкурентках. Эти примитивные женские намеки ему надоели. Посидят месяц-другой на втором уровне – быстро поймут, как надо держать себя в присутствии того, от кого зависит жизнь всех вообще и лично их в частности. Быстро станут вечнопозитивными! Если, конечно, за это время он не найдет себе что-нибудь поинтереснее, вроде еще одной Соколянской. Ей остальные любовницы проигрывают по всем статьям, разве только на мордашку они еще более красивы, он держит их только за это плюс разнообразие.

После десятков лет тяжелого душного рабства, в которое жена превратила его семейную и личную жизнь, он понял главное: разнообразие – вот залог комфорта, позитива и ярких эмоций. Сейчас, глядя на прошлое с высоты по праву занимаемого им положения, Брилёву безумно жаль свои лучшие годы, растоптанные этой жирной, дряблокожей и вечноцелюлитной стервозной коровой, источающей непрерывные истерики. С некоторых пор он часто видит во сне тот миг, когда выпустил чуть ли не весь магазин в жирную тушу Кагановской. Только у жирной туши вместо лица Кагановской в эту секунду перекошенная очередной стервозной истерикой рожа его жены. В первый раз этот сон его сильно испугал, а потом очень даже понравилось. Поэтому на вопрос Снегирёвой, видит ли он кошмары, которые могут возникать в качестве побочного эффекта от лечения, Брилёв ответил отрицательно.

– На сегодня все, Дмитрий Адамович, – Снегирёва встретила взглядом поднимающегося с ложа полковника. – Жду вас через сутки, если наш график не изменится в связи с возвращением спасательной экспедиции.

– Если потребуется, сдвиньте меня на более поздний срок! – Брилёв направился за ширму. – Жизни людей превыше всего! Лишние сутки могу подождать, это ведь не критично?

– Нет, – подтвердила Снегирёва, разглядывая выведенные на видеопанель результаты проведенной процедуры. – Ломать график лечения, конечно, нежелательно, но в вашем случае динамика очень положительная. Как я уже говорила, вы только на поверхность не выходите. С остальным справлюсь.

– Окей, док! – согласился Брилёв. Куда-куда, а на поверхность он точно не собирается. Это даже не риск потерять здоровье, а самая что ни на есть неизбежная его потеря. В день отправления спасательной экспедиции в глазах его спецназовцев понимание этого читалось очень хорошо. Вновь оказаться посреди смертельной радиации Абрек и его бойцы согласились исключительно потому, что кроме них секретную операцию доверить было некому.

Полковник закончил одеваться и вышел в диагностический кабинет. Вокруг него сомкнулись телохранители, и Арарат поспешил в операционную возвращать Снегирёвой оружие. Пока он и его люди, охранявшие выход из стационара, возвращались, Брилёв покинул медотсек и остановился, осматривая произошедшие изменения. Для лечения тех, кого эвакуируют из Росрезерва, требуются госпитальные спальные места. Но стационар имеет ограниченную площадь, на которой уже и так размещено вдвое больше коек. Вместить еще просто некуда. Поэтому Соколянская, которой Снегирёва поручила заниматься этим вопросом, предложила временно создать дополнительный стационар за пределами медотсека. Брилёв счел эту идею разумной и позволил Соколянской действовать. Заодно посмотрим, на что она способна в плане организаторских возможностей. Если таковые у нее есть, значит, агентесса еще более опасна, чем предполагалось ранее.

Его подозрения подтвердились практически сразу. Соколянская справилась быстро и почти без помощи Карена. Фактически от Карена ей потребовались только распоряжения службам обеспечения, потому что без них службы не имели права выполнять ее заявки. Все это лишний раз доказывало правоту Брилёва и угрозу, которую представляет для него Соколянская, но на данном этапе он обратил ее способности себе на пользу.

Временный стационар получился вполне нормальным и, главное, малозатратным. Соколянская просто очистила от посетителей подуровень медотсека и вынесла очередь за разделительную переборку. Пространство от входа в подуровень до входного люка в медотсек отмыли, оградили ширмами проходы в боковые коридоры и расставили в нем кровати. Кровати пришлось позаимствовать у населения, но никто особо не сопротивлялся. Людям выплатили компенсацию нормами воды и сетевого доступа, и все согласились. Соколянская в приватной беседе в постели его суперлюкса с иронической улыбкой сообщила, что владельцы кроватей потом еще опечалятся, когда придет время получить кровати обратно и лишиться компенсаций.

Она даже хотела расставить несколько кроватей в боковых коридорах по тому же принципу, потому что тридцать семь коек во временном стационаре не уместилось, но Брилёв не стал раздувать спектакль до чрезмерных затрат. Что-то около тридцати коек разместить удалось, этого достаточно. Если потребуется, оперативно разместим остальные в коридорах, пока не будем стеснять людей до такой степени, им и так тяжело. Соколянская мгновенно согласилась, признав этот вариант наиболее оптимальным, и Брилёв даже заподозрил, а не просчитала ли агентесса его намерения избавиться от части ФСБ-шников еще до их появления в Центре.

С одной стороны, она не знает истинной картины, развернувшейся в Росрезерве, а Варяг не нарушал режим секретности. С другой, элитная агентесса, натасканная на захват власти, должна быть обучена подобному планированию. Мало ли с какими конкурентами ей придется столкнуться. А Варяг вполне мог донести до нее эту информацию тайно, потому что это часть функционирования их агентурной ячейки. То обстоятельство, что люди Абрека не зафиксировали факт нарушения Порфирьевым режима секретности, еще не значит, что этого не было. Истинная квалификация Варяга гораздо выше демонстрируемой, и Брилёв не мог не учитывать возможность того, что вышколенный ГРУшными монстрами профессионал переиграл людей Абрека. Тем более что один раз он уже это сделал.

Окончательные выводы Брилёв сделает после того, как спасательная экспедиция вернется и станут ясны ее результаты. Посмотрим, как поведут себя Варяг с Соколянской. Со Снегирёвой-то все понятно, ее поведение не изменится: бросится лечить Варяга в усиленном режиме и заодно всех остальных. Короче, если ее не выводить из равновесия, то как лечила, так и будет лечить дальше. А из равновесия ее выводит только одно: опасение за жизнь Варяга. С этим имеется определенный риск, приходится это учитывать, но данную проблему он старается сглаживать: обещает Снегирёвой положить Порфирьева на лечение, как только станет возможно. И обязательно положит. Потому что Варяг нужен живой. Снегирёва недавно заявила, что Порфирьев не проживет даже двух лет, но кто знает, это правда или тактический ход с ее стороны. Во всяком случае, теперь у него есть достаточно четкое понимание ситуации: за год-полтора нужно полностью поправить собственное здоровье, устроить на первом этаже отдельный медпункт и натаскать Яковлеву. Это позволит ему не быть зависимой от Снегирёвой в период ее нестабильности, который наверняка наступит после смерти Варяга. К тому времени из агентурной ячейки она останется одна, значит, в ее промытых мозгах кто-нибудь так или иначе займет место лидера рано или поздно.

Но эти проблемы он будет решать потом. Сейчас важно разобраться с угрозой появления в Центре ФСБ-шников, и Снегирёва в этом конфликте будет нейтральной стороной. Это определенно. А вот реакция боевой ветки агентурной ячейки может быть разной. По идее, Варягу должно быть безразлично, это же ФСБ-шники, работать с ними его не программировали. Наоборот, ФСБ всегда являлось для ГРУ конкурирующей структурой, и кукловоды это учитывали. Но если Соколянская запрограммирована на добычу власти, ей безразлично, у кого ее предстоит отбирать и кого использовать в качестве марионеток. И это должен учитывать уже Брилёв. И он это учитывает. Он учитывает все!

Арарат вернулся и доложил, что все на местах, и можно идти дальше. Полковник двинулся по коридору, превращенному во временный стационар, посреди которого его встретила Соколянская. Она доложила

ему о том, что все приготовления к приему пациентов окончены, и медотсек готов к работе в усиленном режиме. Полковник сухо похвалил ее за проделанную работу, и агентесса отреагировала виртуозно: при официальном выражении лица ее глаза выразили бурю страсти, словно сухая похвала вызвала у нее физиологическое удовлетворение. Брилёв оценил уровень.

За гермопереборкой, отделяющей подуровень медотсека от основной части центрального коридора, как всегда толпилась очередь из желающих попасть к врачу. Сразу после убытия спасательной экспедиции она выросла вдвое и за прошедшие трое суток меньше не стала. Все были в курсе, что после возвращения спасателей медотсек будет заниматься спасенными, которых почти сорок. И когда Снегирёва продолжит принимать жителей второго уровня, неизвестно никому, включая саму Снегирёву. Поэтому известие о том, что экспедиция не вернулась в первичный срок, вызвало у входа в подуровень медотсека еще большее столпотворение.

В текущую минуту толпа смирно стояла вдоль стен под пристальными взглядами солдат Арарата, но по реакции людей было видно, что бойцов ВБР они уже не воспринимают враждебно. Скорее, как данность, вносящую дискомфорт. Чего нельзя сказать о сотрудниках Службы Безопасности. Этих сейчас вокруг было вдвое больше, в основном женский персонал, и вот как раз они обменивались с толпой недвусмысленно злыми взглядами. После уничтожения террористического мятежа раскол между теми, кто еще недавно жил на втором уровне, а ныне получил работу в Центре и жилье на первом уровне, и теми, кому не посчастливилось получить ни того, ни другого, усилился на порядок. Осведомители Абрека сообщали, что особенно на втором уровне ненавидят Службу Безопасности. Скорее всего из-за того, что этих сотрудниц жительницы второго уровня видят чаще всего, вот на них и выливается всеобщая зависть и прочий негатив.

Что характерно, желающих попасть на вакантные места СБ по шесть человек на место. А в «снежинки» к Снегирёвой – уже по двенадцать. Эту ситуацию надо поддерживать всеми силами, потому что жизнь на первом уровне должна быть мечтой обетованной. Сейчас она лучше, чем на

втором, где половина населения вообще не имеет отдельного жилья, но все равно далека от запланированного им идеала. Вся надежда на продовольствие из Росрезерва и стройматериалы, на которые можно пустить стеллажи и контейнеры хранилищ. Пусть не особо эстетично, зато хоть что-то. Сейчас ему позарез нужны экспедиции, а тут столько проблем сразу: и ФСБ-шники, и роботы, и полуживой Порфирьев…

На вид он вполне здоров, даже более чем, неужели у такого здоровенного жлоба не хватит здоровья всего на пару месяцев экспедиций? Черт побери, пусть опустошит Росрезерв, и Брилёв запрет его в биорегенераторе хоть на месяц! Это все Снегирёва с ее программой штатного медика агентурной ячейки! Без ее нытья проблем бы не возникло, Порфирьев исправно выходит на поверхность и никогда не отказывается! Понятно, что Снегирёва бьет тревогу не на пустом месте, но как все это не вовремя! Варяг сейчас очень нужен, без него ориентирование на поверхности станет огромной проблемой. Придется посылать кого-то из людей Абрека или Миронова! И то, и другое – невероятно ценный ресурс, его лучшие спецы! И преданные, что еще важнее! Их потеря будет серьезным ударом по его власти, не говоря уже о том, что, во-первых, их будет очень тяжело заставить облучаться на поверхности постоянно, а, во-вторых, у Варяга имеется уникальная подготовка и накоплен серьезный опыт. Лучше него никто не справится еще долго. И за время этого «долго» кто-нибудь может потерять из-за облучения жизнь, здоровье или лояльность. Последнего особенно нельзя допустить!

Полковник в окружении телохранителей, не останавливаясь, проследовал к лифту мимо прижавшихся к стенам женщин, и отправился на первый уровень. Там обстановка, как всегда, кардинально отличалась. Все вокруг либо довольные, либо спокойные и вполне позитивные. Включая тех, кто попал сюда по гостевым приглашениям и вскоре вернется вниз. На первом уровне все ощущают себя более комфортно, эта атмосфера уже чувствуется, и он продолжит усиленно ее развивать. Потом, когда удастся решить первоочередные проблемы выживания, надо будет выяснить у специалистов биоферм, есть ли возможность высадить в центральном коридоре первого уровня какие-нибудь

растения. Наделать ваз или клумб, не важно, главное, провести озеленение. По идее, это должно добавить позитива, в довоенной столице такой ход администрации срабатывал всегда.

Кстати, насчет позитива. Может, вызвать к себе Соколянскую? Полковник обратил внимание, что после сеанса биорегенерации чувствует себя во всех отношениях бодрее, чем обычно. А Соколянская оказалась ожидаемо неболтливой и неожиданно изобретательной в условиях рабочего кабинета. Ее образ медсестры в облегающем халате на голое тело его заводит. Пожалуй, он так и сделает, но сначала деловые вопросы. Брилёв велел помощнику вызвать к себе капитана Миронова, уселся за рабочий стол и бросил взгляд на хронометр.

Спасательная экспедиция не вернулась в первичный срок, но это ничего не значит. Варяг сразу сказал, что первичный срок рассчитан, исходя из идеальных условий, когда за один цикл антирада колонна успевает пройти не менее трехсот километров из четырехсот семидесяти. Такое возможно только при очень удачном стечении обстоятельств: отсутствие ураганов и редкие либо слабые бураны. Скорее всего, так не получится, поэтому основной срок рассчитывался с учетом дополнительной суточной стоянки между третьим и четвертым циклами антирада. В этом случае спасательную экспедицию стоит ожидать с началом сто двадцатых суток после катастрофы. То есть до четвертого цикла им еще два часа. В случае же, если что-то пойдет не так, и экспедиции придется задержаться еще на сутки, Варяг объявил еще и третий срок. Так что пока полковник был спокоен. Пока была спокойна даже Снегирёва, если ее обычный тоскливо-холодный взгляд можно считать спокойным. Прозвище «Снежная Королева» однозначно подходит ей больше, чем «Искусственный Интеллект». После нападения Заремы – уж точно.

По лицу полковника скользнула недовольная гримаса. «Не пригодилась». Эту выходку Варягу пришлось простить. А ведь он прямо отказался выполнить его приказ «Стой!» и убил Зарему по собственному желанию. Но политически правильным было не качать права в этой ситуации, и Брилёв поступил по-другому. Он выложил запись штурма в общую сеть. Хотел убить двух зайцев: дать понять всем, что

администрация сильна, несгибаема и непотопляема, и заодно продемонстрировать толпе истинное лицо Порфирьева. Первой цели удалось достичь с блеском, а вот с Порфирьевым вышло наоборот. Тупое бабье покудахтало и пришло к выводу, что Варяг молодец, и вообще, для профессионального хладнокровного убийцы он еще очень добр, зато какой мужчина и командир – за своих убьет и еще от собственной очереди на биорегенерацию откажется. Полковник скривился. Прямо кровавая няшка! Все-таки толпа – это всегда стадо. По отдельности они все умны, а вместе у них мозгов нет.

– Товарищ полковник, Мозг здесь! – Доклад помощника в ближнем эфире развеселил Брилёва. Забавно получилось, но к месту: мозг здесь, в этом кабинете, а не у толпы, будь она на каком угодно уровне.

– Пусть заходит! – полковник коснулся сенсора открытия дверного замка.

Он указал капитану Миронову на кресло перед своим столом и спросил:

– Есть успехи с автопилотом? Ты говорил, вы что-то сделали, но есть проблемы?

– Там все сложно, – Миронов недовольно поморщился. – Я реально не понимаю, как эти роботы существуют в условиях такой ионизации и у них ничего не отказывает! На поверхности радиация физически выжигает обычную электронику за пару часов. Высоко-экранированная сложная электроника живет сутки, может, чуть больше. Там такой хаос из сигналов начинается, что ИИ просто впадает в ступор, даже если не сгорает. Выживают только самые примитивные цепи, да и то, только если есть многослойное экранирование!

– Ну, судя по докладам команды Варяга, у роботов тоже не все хорошо, – Брилёв попытался успокоить раздосадованного инженера. – У них проблемы с обнаружением.

– Может быть, – Миронов криво усмехнулся. – Но тогда вопрос: почему только с обнаружением, а не со всем остальным? Спутников нет, компас не работает, видимость двадцать метров в штиль – и ноль даже при среднем ветре, портативная радиосвязь цепляет лишь на десяток метров дальше, наш стационарный передатчик на максимальной

мощности еле пробивается на два километра, словно переносная рация! А они передвигаются осмысленно и вполне успешно! При этом взаимодействуя между собой с высокой степенью эффективности! Я бы сказал, что все это байки вернувшихся с поверхности людей, но все рассказывают одно и то же, даже Пиджак!

Инженер испустил бессильный вздох:

– В общем, полноценный автопилот собрать невозможно. Мы не знаем, как они это сделали! Можно поставить тройное экранирование, можно четырех-, пяти- и выше кратное, но без геопозиционирования все это бесполезно. Поэтому мы попытались научить технику имитировать действия Варяга. То есть хорошо защищенный от радиации блок управления будет вести машину по гирокомпасу согласно заранее проложенному маршруту.

– Чем это плохо? – уточнил Брилёв. – Варяг сказал, что маршрут у нас есть.

– Если маршрут действительно идеален, то ничем, – ответил Миронов и добавил: – До тех пор, пока на маршруте внезапно не появится незапланированное препятствие. Например, бураном принесет какую-нибудь глыбу. На большой скорости техника будет слепа, а смысл нашего автопилота именно в большой скорости. Чтобы проходить дистанцию от нас до Росрезерва за один цикл антирада и не облучать груз продовольствия. Впрочем, определение препятствий при таком уровне ионизации не будет работать ни на какой скорости. Наше устройство может только слепо идти по готовому маршруту, отклоняясь от него не больше чем на пять метров. Но это при условии, что мы заранее принимаем за аксиому, что на пути следования нет и не может быть препятствий – это раз, и в момент начала маршрута техника стоит в его стартовой точке безошибочно, то есть в том самом месте, откуда проложен маршрут, – это два. Заводить машины в ворота, каньоны, входные рвы и так далее придется вручную. Это не автопилотирование как таковое. Это езда с закрытыми глазами по памяти. Как слепой идет по ребристому тротуару из точки «А» в точку «Б». Он уже ходил по этому тротуару раньше, поэтому уверен, что дойдет, надо только не сходить с

ребристости. Но если кто-то поставит на его пути бетонный блок, слепой в него гарантированно врежется.

– Считаешь, мы не можем так рисковать? Потеряем технику? – Полковник лихорадочно прокручивал в голове варианты. – Но если везти продовольствие с остановками, с ним могут возникнуть проблемы!

Что делать? Самый эффективный выход – использовать Варяга до тех пор, пока Росрезерв не будет опустошен. Варяг создал маршрут движения и может двигаться по нему с максимальной скоростью. Но если Снегирёва не сгущает краски и Порфирьев умрет, ее реакция может быть враждебной. Одно дело, когда Варяг умер потому, что не хватило здоровья в условиях запредельной радиации. Совсем другое – он умер из-за того, что Брилёв отказался пойти навстречу ее требованиям. Это может вызвать у Снегирёвой затаенную агрессию, и она убьет его во время биорегенерации. И никто не в силах это предотвратить, других врачей у него нет. Их даже у ФСБ-шников нет, как назло! Да и кто сказал, что на высокой скорости Варяг сам не врежется в препятствие, которое появится на пути неожиданно?

– Не знаю, – Миронов пожал плечами. – Это вам решать. На высокой скорости, когда пройденное за секунду расстояние превышает видимость, врежется и автопилот, и Варяг, и кто угодно. Произойдет это неожиданно, и вся колонна столкнется, отвернуть никто не успеет. Наиболее вероятно, что в результате такого столкновения мы потеряем всю технику или почти всю. Но какова вероятность столкновения, мы прогнозировать не беремся. Порфирьев говорит, что с тех пор, как отработал маршрут, больше ни с чем не сталкивался. Как долго это будет продолжаться, мы не знаем. Может, десятилетиями, а может, в первую же поездку автопилот разнесет колонну.

– Готовьте устройство! – решил Брилёв. – Вернется Варяг – обсудим детали. Придется рискнуть, без продовольствия не выживем!

– Оно уже готово. Осталось провести ходовые испытания и доработку. Можно поставить его на тягач, но лучше сразу испытывать на воздушной подушке. Тягач гусеничный, у него есть отвал, но без путепрокладчика он все равно быстрее пяти километров в час не пойдет. А у

путепрокладчика бак пустой. Надо ждать возвращения экспедиции. Вдруг автопилот нам уже не нужен…

– Сплюнь, твою мать! – вскинулся полковник. – Накаркаешь! Они уже опоздали к первичному сроку! У них точно все сработает?

– Техника сработает точно! – обиделся Миронов. – Мы двадцать раз все перепроверили! Там нечему отказывать, электроники нет, только механика! Потянул за рычаг – и кузов отвалился! Взрыватели и капсюль-замедлитель электрические, но блок надежно экранирован и имеет автономное питание с подогревом! Это стоило нам редких компонентов!

– Если все получится, то это окупится десятикратно! – веско парировал Брилёв. – Ты не хуже меня понимаешь, что мы хотим предотвратить! Нам хватило восстаний!

– Согласен, – вздохнул Миронов. – Разрешите идти? Третий уровень опять трясло, водные скважины сложились все сразу, сейчас бурим новые, работы много. У буровой установки ресурс расходуется слишком быстро!

– Это проблема? – напрягся полковник.

– Пока нет, – заверил его капитан. – Мы к ней никого не подпускаем, сами работаем и сами обслуживаем. Должно хватить надолго.

– Окей, – расслабился Брилёв. – Тогда не задерживаю. Занимайся!

Миронов ушел, и полковник вызвал помощника:

– Соколянскую ко мне, с полным докладом о состоянии временного стационара!

– Есть! – Карен отключился.

Итак, проблему с автопилотированием можно считать решенной. Если Порфирьев отработал маршрут и ходит по нему без столкновений, то пройдет и техника на автопилоте. Да, риск есть, но сейчас без риска не делается ничего. В целом доклад Миронова позитивен, и это радует. Сейчас все зависит от того, как его спецназ провел операцию по ликвидации угрозы. По идее, все должно было уже произойти, Абрек не станет тянуть резину. Все эти тридцать коек посреди коридора в медицинском подуровне не нужны. Население быстро узнает, сколько выживших было спасено, и это еще больше укрепит его власть. Толпа прочувствует разницу, что лучше: жить в наскоро организованных

хостелах внутри надежного бункера или быть крутыми и независимыми поедателями антирада на поверхности.

А для того чтобы закрепить успех, Брилёв проведет давно запланированный аукцион. Идея устроить распродажу оставшихся от ликвидированных террористов вещей возникла у него еще в момент подавления мятежа. Но до сих пор реализовать ее не получалось. Не было понятно, какую плату взимать с населения. Решение ему подсказала Снегирёва. Пусть толпа рассчитывается за шмотки нелегальными медикаментами и вообще всем незаконным. На время аукциона будет объявлена амнистия, если у кого-то осталось оружие, пусть меняют его на шмотки. Он убьет этим двух зайцев: понизит степень вооруженности оппозиции, если вдруг на втором уровне уже есть оппозиция, у которой все еще есть оружие. И возьмет на карандаш тех, у кого оно было. Раз не сдали сразу, значит, их благонадежность под вопросом. За такими необходимо следить пристальней. Это кандидаты в боевики противника.

– Товарищ полковник! Соколянская будет у вас через пять минут! – доложил Карен.

– Принято! – подтвердил Брилёв и принялся выводить на экраны многочисленные сводки о состоянии дел в Центре. Агентесса должна видеть, что ему не до нее, у него полно дел. Пусть мотивирует его уделить ей больше минуты. В прошлый раз это получилось у нее небезынтересно.

* * *

Экспедиция появилась в эфире к исходу второго часа сто двадцатых суток после катастрофы, почти посредине их четвертого цикла антирада. Шли пятые сутки ожидания, и Брилёв нервничал, несмотря на то что данная задержка предполагалась заранее. Слишком многое поставлено на карту, как тут сохранять спокойствие?! Едва узел связи доложил об установлении связи с Варягом, полковник вызвал охрану и направился во входной блок выяснять подробности лично. Тем более что Варяг

сообщил в эфире, что один из грузовиков поврежден, а экспедиция имеет на борту десяток выживших в тяжелом состоянии, и потребовал подготовить для встречи вспомогательную группу. Достигнута истинная цель операции или нет, из его доклада понятно не было, тем более учитывая то, что Порфирьева держали подальше от плана уничтожения угрозы.

Текущая смена ЭК была направлена наверх в полном составе, и спустя десять минут в шлюз начали заносить тела людей в армейских скафандрах. По видеоизображению Брилёв не смог отличить, свои это или чужие, и нервный мандраж начал отпускать полковника только тогда, когда в лифтовую кабину одна за другой скользнули расплывчатые пятна бойцов в фотохромных комбинезонах. Его спецназ вернулся весь, это главное. Остальное можно порешать, даже если план провалился. Были бы преданные исполнители! Но вскоре Брилёв с облегчением понял, что фортуна наконец-то повернулась к нему лицом. Вышедший из помещения дегазации Абрек коротко доложил, что спасательная операция увенчалась успехом лишь частично, и это служило условной фразой о полной победе.

После этого доклада Брилёв ощутил себя настолько уставшим, что не стал возиться со всем этим лично, перепоручил все помощнику и удалился к себе в кабинет. Там он блаженно пролежал в массажном кресле до появления спецназовцев, столь же блаженно наблюдая, как на экранах видеонаблюдения вспомогательная группа заносит в грузовой лифт штурмовые комплекты, оружие и ящики с боеприпасами. Спецназ прибыл на доклад почти сразу, потому что Снегирёва бросилась заниматься полумертвыми ФСБ-шниками и отодвинула всех, кроме Варяга, на два часа. Брилёв лично связался с ней и приказал заняться Порфирьевым при первой же возможности, ибо опасается за состояние его здоровья. Уловка ожидаемо сработала, и Снегирёва велела Варягу явиться в медотсек через час. Пока же здоровяк пришел на доклад к полковнику вместе с людьми Абрека, так как для всех являлся командиром экспедиции. Помимо них Брилёв вызвал на совещание всю инженерную команду Миронова. Для остальных он проведет менее секретный брифинг позже, как только разберется в ситуации.

– Первый отрезок пути прошел как обычно, – начал доклад Порфирьев. – С ураганами повезло. Сильный буран был всего один, во время остальных удавалось двигаться. За цикл антирада прошли триста километров. Когда погода позволяла, я шел на высокой скорости вслепую, маршрут был надежен. – Он хмуро покосился на Абрека и добавил: – Не знаю, как теперь.

– Мы неслись в сплошной ночной пыли, видимость – ноль! – ухмыльнулся тот. – Я каждую секунду ждал, что размажемся обо что-нибудь! Как только не поседел – один Аллах знает! На обратном пути старался в окна вообще не смотреть! – Абрек насупился: – Наверное, поэтому попали под роботов! Остальные, походу, тоже старались не смотреть в иллюминаторы!

– Ты везучий, – по лицу Варяга скользнула гримаса недоверия, но тут же исчезла. – Кузов разнесло подчистую вместе с десантом, а вас в кабине не зацепило. Грузовик даже ход не потерял. Я думал, от такого удара вас сорвет с курса. Как только удержались…

– Волею Аллаха! – уверенно заявил Абрек. – Но ты все равно псих, Варяг! Лететь под девяносто вслепую наугад! Это полный писец!

– Я шел по отработанному маршруту, – физиономия Варяга вернулась к своему обычному выражению полнейшего безразличия. – Там был прямой участок в пятьдесят километров, можно было разогнаться. Зато оторвались.

– Это точно! – подхватил Абрек. – У вас реально отличный уровень слаженности! Ни одна машина от тебя не отстала! Думал, потеряемся на хрен в этой шайтановой заднице! Обошлось!

– Давайте по порядку! – Брилёв с трудом унял нервозное волнение. – Варяг?

– Прошли триста километров, развернули базу, – продолжил доклад Порфирьев. – Суточная стоянка прошла без происшествий. Ураганов не было. Продолжили движение. Почти сразу установился штиль, и до Росрезерва добрались за три часа. Там оказалось, что ФСБ-шники уже не держат оборону у въездных ворот. У них была еще одна стычка с роботами, они потеряли шестерых и предположительно уничтожили одного робота. Роботы ответным огнем срезали ЛСУ кабину начисто,

вместе с экипажем, но после этого отступили. От ЛСУ осталась одна платформа. Реактор уцелел чудом, иначе не скажешь. В общем, без тяжелого вооружения ФСБ-шники отступили внутрь складов и решили обороняться там. Надеялись взорвать потолки и завалить роботов обрушением. И себя заодно.

Варяг одобрительно кивнул, мол, лично он бы на их месте тоже так поступил. Брилёв сделал понимающее лицо и мысленно ухмыльнулся: я знаю, что ты упертый баран, можешь не напоминать.

– Мы приблизились к воротам вплотную и выпустили в радиоэфир Пиджака, – продолжил рассказ Порфирьев. – К тому времени ФСБ-шников осталось ровно двадцать, кроме шестерых двухсотых в бою с роботами еще семеро умерли от антирада в разное время. Остальным совсем хреново, еле шевелятся. Они очень удивились, когда поняли, что Пиджак жив. Мы объяснили, что роботы не наши, и ввели их в курс того, что вообще происходит. Воевать с нами никто не стал, всех так обрадовала возможность выжить, что они вообще ни с чем не спорили. Генералы немного напряглись, увидев фотохромные комбинезоны, но когда поняли, что мы заберем всех в «Подземстрой» прямо сейчас и надо торопиться, чтобы не попасть под роботов, сами приказали своим обезвредить мины.

Капитан болезненно поморщился, словно вспоминал собственные ощущения в подобном состоянии:

– Я запретил. Они там еле шевелились, повзрывались бы на своих же минах на хрен. Системы централизованного подрыва я ликвидировал, поснимал все, на что хватило времени, остальное потом сниму.

– Мины не взорвутся самопроизвольно? – напрягся полковник. – А если туда опять зайдут роботы?

– Могут, наверное, – Варяг неопределенно пожал плечами, и Брилёв не понял, кого амбал имел в виду, мины или роботов. – Я сделал все, на что хватило времени. Почти три часа провозился, надо было уходить, чтобы не зависнуть на сутки прямо там. До интоксикации меньше часа оставалось, мы отошли на полной скорости как можно дальше, и развернули базы. У ФСБ-шников на ветру на ногах смогли удержаться только четверо, пришлось их базу разворачивать самим. Чуть не

опоздали, закончили через две минуты после окончания стандартного цикла. Повезло, что индивидуальное время у всех оказалось больше. Во время интоксикации у них умер еще один.

Порфирьев философски пожал плечами, мол, это еще мало, так что повезло.

– Из остальных большинство лежало пластом, поэтому пришлось размещать их в кузовах лежа. Все в оборудованный лавками грузовик не вместились, лавки мешались, и тех, кто поживее, посадили в другой, где было погружено их барахло. Я думал, кого-нибудь из них там точно придавит грузом, если нас опять внезапно ударит ураганом, как в прошлый раз. Но оказалось, что им повезло больше остальных.

Капитан бросил на Абрека еще один странный взгляд, потом перевел его на Брилёва и мгновение молчал. Потом подозрение в его глазах сменилось обычным безразличием, и Варяг продолжил:

– На обратном пути бураны приходили часто, приходилось много стоять под ветром, чтобы не снесло с курса на скорости. После крайней остановки нас неожиданно атаковали роботы. Застали врасплох прямо на марше. Вышли во фланг колонне, я их даже не видел, только слышал взрыв. Роботы нанесли удар по грузовику с людьми, кузов уничтожило и сорвало. Теперь он где-то там, на маршруте. Если от него остались какие-то крупные обломки, то рискуем налететь на них как-нибудь.

Капитан обернулся к инженерной команде и спросил:

– Кузов может таскать ураганами по пустошам туда-сюда? Я осмотрел грузовик, это тот самый, который вы чинили перед выездом. Кузов как-то странно сорвало, нет никаких выломанных частей, его словно демонтировали целиком. Он здоровый был, как бы не врезаться в него в следующий раз где-нибудь в самом неожиданном месте.

– Не думаю, – осторожно ответил Миронов. – Кузов был большой, да. Но мы собирали его из чего придется, материалов же не хватает... Он прочный, только пока целый, там жесткость обеспечивалась узлами крепления... Если по нему ударили из тяжелого оружия, он должен был разлететься на составные части. Это куски металла и пластика разных размеров, их должно раскидать в разные стороны и засыпать снегом. Даже если что-то воткнется в снег ребром, долго оно так не простоит,

ураганом сорвет и вышвырнет. В любом случае целостность конструкции не сохранится. А столкновение с куском пластика, воткнутым в снег безо всякой жесткости, наш транспорт выдержит, мы же усиливали бамперную защиту, когда обшивали лобовые стекла решеткой.

– Потери большие? – озабоченно перебил его Брилёв. – Как вам удалось уйти?

– Спаслись бегством, – пожал плечами Варяг. – Я как услышал о роботах, дал команду перейти на максимальную скорость. Рванули через ночную пыль как смогли. Пятьдесят километров прошли за тридцать пять минут, потом опять буран начался, пришлось останавливаться. Под сильным ветром сносит, тяжело удержаться на курсе даже на малом ходу. Я не рискнул выпендриваться, не видно же ни хрена. Но выходит, что оторвались. К моменту окончания цикла антирада до Центра оставалось двести километров, так что шансов успеть вернуться не было. Разбили базу и сидели там в ожидании роботов.

Порфирьев сделал паузу, задумчиво глядя куда-то вдаль, и почти сразу закончил:

– Большая часть ФСБ-шников была в кузове атакованного грузовика и погибла вместе с ним. Хам говорит, что можно даже не думать о том, чтобы проверять. После удара роботов никто не выживает, от штурмового комплекта остается только лужица застывшего металла. Пиджак это подтверждает. Значит, двенадцать двухсотых. Еще один не пережил интоксикацию. Остальные шестеро выжили, но на ногах уже не стояли. И еще троим нашим, из ВБР, стало хреново, как только мы свернули базу. Они отключились через полчаса после приема антирада, в сознание так и не пришли. Снегирёва сейчас ими занимается.

– Печально, – Брилёв удрученно вздохнул. – Хотелось спасти всех. Но мы сделали, что могли! Никого не бросили, хотя сильно рисковали! Хорошие новости есть?

– Ну… – равнодушно прорычал Варяг, – Росрезерв теперь наш, если после ФСБ-шников туда не заявится еще кто-нибудь вроде еще каких-нибудь бедолаг или роботов. База у нас теперь есть еще одна, штурмовых комплектов забрали порядка тридцати. Автоматов привезли раза в два больше, три пулемета: два ротных, один крупнокалиберный.

Один спецствол, в хорошем состоянии. Мины, гранаты. Патроны не считал пока, но много. Пятнадцать скафандров высшей защиты плюс тот, что у Пиджака. Правда, семь из них ФСБ-шники сняли с трупов умерших от антирада. С их состоянием и с остальным барахлом надо разбираться, времени на подробный осмотр не было. Грузчики сейчас заносят все внутрь. Реактор ЛСУ уцелел, если не сдохнет, значит, в Росрезерве есть электричество. Пусть инженеры думают, как запитать штатные погрузочные системы.

– Понятно! – оценил полковник. – С остальным разберусь, как только будет готов полный перечень всего, что вы привезли. Ты не заморачивайся, я найду, кому это поручить, отправляйся в медотсек. Я обещал Снегирёвой, что отправлю тебя в биорегенератор как можно скорее. И я с ней согласен. Тебе достается больше всех, так что рисковать сверх необходимого не вижу смысла. Иди, капитан, поправляй здоровье. Оно сейчас не только твоя собственность, потому что без тебя никак!

Остальные дружно поддержали полковника, подначивая Порфирьева стандартным стебом на тему «почему до сих пор не пригодилась», и Варяг ушел. Брилёв дождался доклада помощника о том, что Порфирьев покинул приемную, и бросил на своих инженеров суровый взгляд:

– Он что-то заподозрил! Надо было продумать вопрос имитации повреждений! Если он начнет делиться своими подозрениями, получим ненужные слухи!

– Мы сначала собирались, но потом отказались от этого, – объяснил Миронов. – Ресурсов остро не хватает и со временем был сильный напряг!

– Варягу плевать, – встрял Абрек. – Думаю, он все понял. Но ничего делать не будет.

– Уверен? – нахмурился Брилёв. – Он понял, что это наших рук дело, но не станет в это лезть? Это точно?

– Он странно себя вел, – Абрек задумался, вспоминая прошедшие события. – Сначала участвовал везде: сам вел нас к окопам ФСБ-шников, сам страховал Пиджака, сам проводил переговоры, первый заходил внутрь, лично проверил состояние каждого из них. А потом вдруг резко

забил на все, приказал мне заниматься всеми вопросами и ушел на разминирование. Ему стало вообще по хрен на то, что мы делаем. Я без проблем растасовал ФСБ-шников по грузовикам, как планировалось. Генералы оказались живучие, никто из них не умер до нашего появления, но ногами они еле шевелили. Никто даже спорить не стал. Мы погрузили все, что у них было, в один грузовик, туда же отправили семерых сопляков, курсанты, только на третий курс перешли. Остальных разложил в нашем специальном грузовике. Варяг вернулся перед самым отъездом и даже не поинтересовался, кто где. Дал десять минут на сборы и полез за руль. Ему было пофиг уже тогда. После типа атаки роботов, когда мы остановились из-за бурана, он осмотрел наш грузовик, убедился, что мы не потеряли ход, ничего не сказал и повел колонну дальше. Как будто не кузов с людьми разнесло на шматки, а дырявый тент сорвало ветром. Его ни потери, ни подробности вообще не интересовали, как тогда, с террористами. Мангуст?

Абрек посмотрел на Мангуста, и тот подтвердил:

– Это даже хорошо, что Варяг догадался, нам проще: не произойдет случайных догадок в неподходящий момент. Раз он не стал вмешиваться сразу, значит, и не будет. Варяг всегда так себя вел, еще когда мы служили в одном отряде.

– Ему эти ФСБ-шники по хвосту, – сделал вывод Абрек. – За полчаса до развертывания базы он спросил в эфире, каковы потери, объявил, что разворачивать две базы нет смысла, и приказал ставить одну. И все. У ФСБ-шников обнаружился бесшумный спецназовский ствол, так Варяг на это и то живее отреагировал. В смысле, я сказал, что теперь это его автомат, и он реально обрадовался. Даже взгляд потеплел. Он сделает вид, что поверил в роботов, я уверен!

– Окей, – оценил Брилёв. – Это очень хорошо. А что насчет остальных?

– Остальные ничего не поняли, – безапелляционно заявил Абрек. – Все сработало, как положено. Я сидел в замыкающем колонну грузовике, подготовленном для уничтожения противника, рядом с водителем. За рулем был Тех. По условному сигналу наши начали орать, что видят роботов, я подхватил, и он задергался. Пацан молодой, сел на измену,

пытался одновременно озираться по сторонам и не упустить из вида впереди идущую машину, чтобы не потерять колонну. Ему было не до меня. Когда я нажимал ногой на секретный рычаг, он даже в мою сторону не смотрел. Пиротехнические заряды бахнули нормально! Он аж сжался! Потом, когда отлегло, признался, типа, решил, что нам конец! Я ору: «По нам долбят! Гони, пока живы!»

Абрек иронически хохотнул и продолжил, довольно осклабившись:

– Тех рванул так, что кузов с противником сорвало с грузовика в два раза быстрее, чем планировалось! Мы чуть не въехали в зад второй машине! Термобарические гранаты, из которых мы сделали мины внутри кузова, рванули через десять секунд, но взрыв было слышно очень хорошо! Даже если вдруг кого-то не убило сразу, радиация уже его добила. Выживших нет, кузов разлетелся на мелкие куски, все чисто.

Он перестал улыбаться и подытожил:

– Ни у кого даже времени не было понять что-либо. Сразу после объявления тревоги Варяг отдал в эфире команду водителям «Делай, как я!» и рванул через пыльный мрак на полном ходу. В кабине крайнего грузовика его команды не услышать, на поверхности рация так далеко не ловит, но команду передали по цепи из средней машины. У Варяга в отряде реально взаимодействие отработано на уровне! Никто не ускоряется, не тормозит и не поворачивает просто так. Всегда по цепи приходит предупреждение о маневре, и делается это с учетом времени на реакцию. Он всегда знает и что со средней машиной, и что с крайней, хотя сам ведет головной вездеход и видеть замыкающего не может. Через секунду после первого взрыва Варяг выяснил, что наш грузовик не потерял ход, и тут же начал ускорение всей колонной. Короче, взрыв и его вспышку слышали и видели многие, этого всем хватило. Пиджак даже решил, что он тоже видел глаза роботов. Во время стоянки он об этом говорил.

Абрек страдальчески скривился:

– Шайтан бы побрал эту долбаную интоксикацию! Я уже забыл, какая это жопа! Думал, подохну от боли. Как Варяг терпит это раз за разом – не представляю! Я туда больше вообще не хочу!

– Думаю, больше вам корчиться от интоксикации посреди пустоши не придется, – торжественно объявил Брилёв. – Мы достигли главного: обезвредили бомбу замедленного действия! Теперь мирной жизни Центра ничто не угрожает! Наконец-то настала возможность сосредоточиться на спасении биоферм, но этим есть, кому заниматься. Мозг! Когда техника будет готова отправиться за продовольствием?

– Обслуживание проведем за сутки, – ответил Миронов. – Еще пара дней уйдет на установку и первичные испытания нашего недо-автопилота. Мы назвали его «недопилот».

Инженерная команда криво заухмылялась, демонстрируя недовольство несовершенным техническим решением, и кто-то из людей Миронова пробурчал, мол, хорошо еще, что гирокомпас работает. Так бы вообще был полный финиш.

– В общем, конкретно технику мы готовы выставить на маршрут через шесть смен, – продолжил Миронов. – Но чем заменить потерянный кузов, мы не знаем. Наверное, можно разобрать стену внешнего ангара, она сделана из стенок транспортировочных контейнеров, но это опасное решение. Без стены крышу может раздуть ураганами изнутри. Останемся не только без стены, но и без ангара.

– Ищите способы! – заявил Брилёв. – Не хватало погубить биофермы сейчас, когда Росрезерв снова наш! Нам достаточно проблем с этими роботами! Найдите решение! Разбирайте, что хотите, лишь бы на пользу! Жду от вас предложений через сутки! Через две недели биофермы должны получить первую поставку продовольствия, иначе в аквазоне мальки попередохнут! Следующее совещание проведем после выписки спецназа из медотсека, сейчас все свободны! И еще раз поздравляю с успешной операцией!

* * *

Биорегенератор сообщил об окончании лечебной процедуры, и Ингеборга замерла, вчитываясь в густые столбцы данных, рябящих красными позициями. Усталые от тяжелого недосыпа глаза болели и

отказывались наводить резкость, приходилось понижать яркость дисплея, чтобы смотреть было не так больно. За прошедшие четверо суток ей удалось поспать всего три часа, голова сильно болела в местах недавно залеченных травм, веки были словно чугунные, удерживать их в открытом положении стоило неимоверных усилий. Но выделить время на сон было совершенно невозможно, в операционной царил самый настоящий молчаливый ад, и ужас происходящего подстегивал ее, словно кнутом.

Все было плохо сразу везде. Спасательная экспедиция вместо ожидаемых четырех десятков выживших людей привезла всего шестерых. И все они фактически были обречены. Постоянный прием антирада превратил их организм в быстро угасающую свалку почти не функционирующих внутренних органов, иначе охарактеризовать состояние пациентов Ингеборга не могла. У самого тяжелого из пациентов было пятнадцать циклов антирада подряд с минимально допустимыми интервалами. Он умер на следующий день прямо в биорегенераторе, изможденный организм не перенес проводящейся операции. Второй из спасенных прожил лишь на сутки дольше.

Состояние остальных было критическое, их приходилось укладывать в биорегенераторы каждые два-три часа и ежеминутно вручную корректировать программу лечения. Потому что Искусственный Интеллект бил тревогу, отказывался проводить стандартные процедуры и требовал вмешательства специалистов уровня не ниже доктора медицинских наук. Инженерная команда Миронова что-то там взломала в электронных мозгах ИИ, установив туда фальшивую цифровую подпись доктора наук, оформленную на Ингеборгу, и Искусственный Интеллект перестал сопротивляться. Но самой Ингеборге от этого стало легче ненамного. Пациенты были при смерти, и бороться за их жизни приходилось непрерывно.

Кроме медленно умирающих спасенных, проблемы были у троих спасателей. Все они являлись солдатами из ВБР, опыт приема антирада у них имелся, но оказалось, что их организмы генетически имели невысокий запас прочности. Само по себе в наши дни это мегараспространенное явление, организмы у современных людей

слабые, болячек у всех хоть отбавляй, каждый на что-нибудь да жалуется. Повсеместное смешение кровей сломало вырабатывавшиеся веками устойчивости, присущие стандартным генотипам, а новых еще не возникло. На такое эволюции требуются тысячелетия. Современная медицина упорно боролась с этими проблемами, но что делать теперь, когда нет ни медицины, ни современности?! Она не вундеркинд, знающий все на свете, она всего лишь студентка, экстерном изучавшая травматологию, хирургию и радиационные поражения. О методиках борьбы с генетическими дефектами она знает очень приблизительно.

Среди жителей Центра те или иные проблемы со здоровьем были из каждой сотни людей у девяносто восьми, но с этим можно справиться, на их проблемы не наложилось регулярное отравление организма антирадом! Пришлось изобретать методики лечения в буквальном смысле на ходу, и чтобы не опустились руки, она старалась не думать о том, к чему приведут ошибки. Как бы то ни было, солдат ВБР ей удалось спасти. Одного она уже выписала, двое проведут в стационаре месяц, у них все нехорошо, и так будет еще долго. Девушка официально уведомила администрацию, что всем троим больше нельзя принимать антирад никогда, иначе с высокой степенью вероятности мгновенно последует отравление и смерть. Увольнять их за это из ВБР никто не стал, и хотя бы данную проблему можно было считать относительно решенной. Если только в течение этого месяца пациентам не станет хуже. Их организмы удалось очистить от антирада и продуктов распада клеток внутренних органов, но это стоило им серьезного истощения жизненных ресурсов.

Но самое ужасное было ожидаемым, и все равно ударило ее больнее всего. У Порфирьева началось перманентное отмирание клеток спинного мозга, и остановить такое не в силах никто. Можно попытаться применить методику костномозговой трансплантации, но она знает ее сугубо теоретически. Как девяносто девять и девять процентов всех медиков погибшей планеты. Единственный специалист в стране, владеющей ею на практике, является мировым светилом и возглавляет головной НИИ в научном кластере Новосибирского Академгородка. Его вроде бы Шрецкий пригласил возглавить суперсовременный

медицинский исследовательский центр, созданный в «Подземстрое-2», но связи с миром все равно нет. Выжил ли «Подземстрой-2» и знаменитый академик вместе с ним – непонятно. Овечкин говорил, что через год после ядерных взрывов ретранслятор, который он развернул, может пробиться сигналом на орбиту. Теоретически. Потому что расположен на возвышенности и имеет большую площадь антенны, которая теперь включает в себя защитный кожух ретранслятора. Но как все окажется на самом деле, никто не знает.

Была бы у нее анабиозная камера, она бы положила туда Порфирьева на год! С анабиозом ей работать не приходилось, это новая малоизученная технология, ее тоже мало кто знает. Но она бы справилась! Вот только анабиоза у нее нет. Как нет доноров для изготовления костномозгового трансплантата. Эта технология требует скрупулезной генетической совместимости, но во всем бункере нужному перечню требований отвечают только четыре человека: техник Владимир, бывший пожарный Александр, сотрудник ЭК Елена Ханнанова и сама Ингеборга. Владимир с Александром даже не рассматриваются, их состояние пока лучше, чем у Порфирьева, но еще пара месяцев экспедиций, и у всех троих будет один диагноз. Ханнанова согласилась пройти тесты на донорство, но результат оказался отрицательным. Она часто выходит на поверхность для работ в ангаре и обслуживания прибытия-отправления экспедиций. Ее спинномозговые ткани ослаблены частым воздействием антирада, и на восстановление до идеального состояния уйдет несколько месяцев.

Ингеборга отдала бы свой донорский материал не задумываясь, но это операция высокой степени сложности, которую сама себе не сделаешь. Все, что она может, это рассчитывать на донорство Ханнановой. Брилёв вчера согласился пойти навстречу, и Ханнанову перевели на работу на биофермы. Полковник даже пообещал назначить ей двойные нормы обеспечения в ближайшее время, как только биофермы заработают в полную силу. Но гарантий того, что трансплантация спасет Порфирьева, нет. Нет даже гарантий, что она сумеет эту операцию правильно провести…

– Чего ревешь? – рычание Варяга вывело Ингеборгу из тяжелых раздумий.

Пока она сквозь молчаливые слезы смотрела на жуткие данные результатов лечения Порфирьева, капитан вышел из биорегенератора, оделся и направился к выходу.

– Глаза слезятся, – соврала девушка, торопливо вытирая слезы. – Не выспалась, на мелкие цифры смотреть тяжело.

– Так увеличь шрифт, – Порфирьев мгновение внимательно смотрел на нее, но не стал ничего добавлять, и ушел.

– Везите следующего пациента, – негромко произнесла Ингеборга, касаясь вставленной в ухо капельки гарнитуры коммуникатора.

Дежурящие в стационаре практикантки прикатили каталку с пребывающем в тяжелом сне спасенным из Росрезерва человеком, и времени хватило лишь на то, чтобы подготовить биорегенератор к приему нового пациента. Сильно изможденного больного переложили на ложе, туба биорегенератора втянула в себя пациента, и Ингеборга сосредоточилась на начавшейся операции. Два часа она не отходила от панели управления, потом автоматика начала стандартные процедуры, и девушка устало опустилась на стул. Это еще ничего, сейчас легче. Вот в первые трое суток было действительно тяжело. Нужно было провести детоксикацию двум десяткам вернувшихся из экспедиции людей, сначала ускоренную, потом полноценную; обеспечить их восстановление, и одновременно со всем этим спасать находящихся при смерти выживших и впавших в кому спасателей. Приходилось в буквальном смысле бегать от одного биорегенератора к другому.

– Инга? – в операционную заглянула Кристина. – Ужин принесли! Выходи, тебе необходимо поесть! Бросай все, или я попрошу «снежинок», чтобы они притащили тебя силой, как в прошлый раз!

– В прошлый раз из-за этого чуть не умер пациент, – блондинка устало поплелась в приемный покой. – Ужин может подождать… умирающий больной – нет…

– Ты опять плакала? – Кристина испытующе посмотрела на Ингеборгу. – Твой злобный радиоактивный рыцарь снова тебя обидел? Что он выкинул на этот раз?

– Собрался умереть, – бесцветным голосом пробормотала блондинка, тяжело усаживаясь за стол дежурной медсестры, временно превращенный в обеденный.

«Снежинки», как обычно, выгнали отсюда всех на время приема пищи и закрыли все двери, чтобы никто не мешал врачу хотя бы поесть. Ингеборга взяла вилку и попыталась сфокусировать уплывающий взгляд на тарелке с едой.

– Все так плохо? – Кристина участливо вздохнула, усаживаясь рядом. – Ты держись, зая, мы в тебя верим, у тебя обязательно получится, ты его вылечишь! Я попрошу Брилёва, чтобы он заставил Варяга приходить сюда по первому требованию! Но это лучше сделать официально, при людях. Оптимальный вариант – перед сеансом брилёвского лечения. Ты когда планируешь возобновить его процедуры? Он у нас уже четверо суток не был! Это неграмотно с нашей стороны, надолго отодвигать в сторону Начальника Центра нельзя... Инга? Инга, проснись!

– Что? – спящая сидя с вилкой в руках блондинка дернулась, роняя вилку.

– Ты спишь прямо за столом! – укоризненно посмотрела на нее подруга. – Тебе необходимо отдохнуть! Не то упадешь прямо посреди операционной, как тогда, после своего ранения!

– Сейчас нельзя, – Ингеборга потерла глаза, подобрала вилку и принялась жевать что-то, не чувствуя вкуса. – В биорегенераторе тяжелый пациент. Из Росрезерва.

– Из ФСБ, – поправила ее Кристина. – Они оттуда все тяжелые, но это не значит...

Тревожный зуммер коммуникатора прервал ее на полуслове. Ингеборга бросила взгляд на вибрирующий на запястье прибор и рванулась в операционную. Кристина поспешила следом.

– Остановка сердца! – Ингеборга подбежала к панели управления биорегенератором. – Перевожу на искусственное! – Она принялась задавать команды Искусственному Интеллекту. – Ну же! Давай, что ты так долго!

– Может, дефибриляцию… – неуверенно произнесла Кристина, останавливаясь рядом с ней.

– Автоматика уже провела, не помогает! – Блондинка лихорадочно колдовала над панелью управления, бросая частые взгляды на экраны системы биомониторинга. – Вентилируем легкие и вторая попытка!

Но несмотря на все ее усилия, реанимировать пациента не удавалось. Самая современная медицинская техника предпринимала попытки одну за другой, но время стремительно истекало, а результата не было.

– Ну почему?! – Ингеборга в отчаянии перевела биорегенератор на полностью ручное управление. – Почему?!! Декортикация! Опять!

Она снова и снова запускала реанимационные процедуры, но все было тщетно.

– Инга… – Кристина осторожно коснулась плеча судорожно бьющейся над панелью управления подруги. – Мониторинг показывает децеребрацию… он уже овощ…

– Отстань, тупая овца!!! – злобно рявкнула блондинка, стряхивая с плеча руку подруги, и та испуганно отпрянула. – Он еще жив! Он выживет! Я применила гипотермию, у него еще есть шанс! Я его спасу!

Опешившая Кристина в ужасе смотрела на разъяренную Ингеборгу, с ненавистью колотящую пальцами по сенсорным панелям систем управления биорегенератором. Системы искусственного жизнеобеспечения оказались бессильны, реанимационные процедуры неэффективны. Биомониторинг констатировал переход клинической смерти в биологическую, продолговатый мозг еще жил, но участь пациента не вызывала сомнений. Внезапно Ингеборга застыла, глядя на мониторы стеклянным взглядом, словно изваяние.

– Зая… – Испуганная Кристина осторожно коснулась ее рукой. – Что с тобой? Ты в порядке… Ты меня слышишь…

Ингеборга резко развернулась к ней лицом, и Кристина панически отпрыгнула, ожидая агрессии.

– Инга, это я! – взвизгнула она, в ужасе глядя снизу-вверх на высокую подругу. – Это я! Что с тобой?!!

Стеклянный взгляд блондинки уперся в нее, словно в пустую банку, и блондинка глухо и безэмоционально произнесла:

– Достаньте его оттуда… – Она прошла мимо Кристины, открыла дверь в свою каморку-жилище и скрылась внутри.

Минуту Кристина возилась с отключением задействованных реанимационных функций, потом ей все же удалось перевести биорегенератор в режим ожидания, и она коснулась сенсора выпуска ложа с пациентом.

– Больной умер, – скорбно произнесла она, глядя на практиканток, испуганно сгрудившихся в дверях за порогом операционной. – Достаньте тело и передайте его охране. Я должна проверить Ингеборгу Игоревну!

Кристина подошла к двери в каморку подруги и неуверенно потянула за ручку. Дверь оказалась не заперта. Ингеборга обнаружилась на своем диванчике, с ногами забившись в угол, и беззвучно рыдала, закрыв лицо руками.

– Зая… – Кристина осторожно коснулась подруги. – Мне очень жаль…

– Тебе плевать… – без всякой злобы произнесла Ингеборга, переводя на нее невидящий взгляд. – Всем плевать… Он умер. Остальные трое умрут завтра или через неделю, но все равно умрут. Мне их не спасти. И Олег тоже умрет. Я проведу костномозговую трансплантацию, но это отсрочит смерть на год или два. Потом – все. Если экспедиции будут проходить так же часто, то все его люди скоро получат такие же проблемы. А они будут проходить часто, потому что всем требуется еда. И всем плевать, кто умрет ради того, чтобы они жили. Им главное, чтобы жили они сами. Остальное, может, и грустно, но не более того.

– Многие люди искренне сопереживают… – ласково попыталась успокоить подругу Кристина. – Они очень хотят помочь, просто не умеют…

– И что толку от их желания? – в тихом бесцветном голосе Ингеборги слышалась горечь. – Они бесполезны, Кристи… Их желание ничем не поможет и никого не спасет. Я не сделаю их врачами не за год и не за два, сколько бы желания у них ни было… Тут всего лишь желание ничего не значит… У меня желания больше, чем у них у всех, но я ничего не могу сделать… я не умею всего на свете, Кристи… Я могу лишь лечить

твоих бесполезных существ, а спасти единственное, что мне дорого, я не в силах… такая же бесполезная, как все…

Блондинка умолкла и уставилась в одну точку, бесшумно роняя слезы. Подруга что-то говорила ей, пытаясь успокоить, но Ингеборга не слышала ни слов, ни звука ее голоса. Перед глазами одна за другой непрерывно сменялись картины пестрящих красными значениями данных, выведенных на экраны биомониторинга, умирающие пациенты, ее безуспешные попытки их спасти, мертвые тела, перекладываемые с ложа биорегенератора на передвижные носилки, и двери операционной, смыкающиеся за увозящими их охранниками. Он умрет. Она не в силах это изменить. Может, академик из Новосибирска и смог бы, но она не сможет. Она изо всех сил пыталась предотвратить это, но он продолжал выходить на поверхность и подписал себе приговор. И срок его жизни становится все меньше, потому что он продолжает ходить в экспедиции. Скоро она снова останется одна, но на этот раз уже навсегда. И это не изменить. Никак.

Сколько она просидела так, беззвучно роняя слезы, понять не получалось, да и какая разница… Возле нее появлялась то перепуганная Кристина, то еще более перепуганная Светлана, то практикантки… Потом, кажется, рядом была Булавка. Она что-то говорила, касаясь ее руки, но недолго. Все это неважно, потому что бесполезно. Все бесполезно. Большой злой мир снова сожрал все, что у нее было…

– У тебя лишняя капельница есть? – злобное рычание Порфирьева заставило ее вздрогнуть. – С какими-нибудь витаминами без этой вашей сраной химии! Я уснуть не могу! – Варяг стоял на пороге и разглядывал ее хмурым взглядом. – Если ты занята затупанством, скажи, у кого взять?

– Я сейчас приготовлю! – Ингеборга соскочила с дивана, торопливо вытирая слезы, и устремилась в лабораторию. – Что вас беспокоит?

– У тебя опять банан в ухе?! – еще злее осведомился капитан. – Сказал же: уснуть не могу! Шевелись, время идет! Просто сделай каких-нибудь витаминов хотя бы раз, от твоей химии воротит даже во сне! Дай поспать спокойно!

– Подождите две минуты, я сейчас! – всхлипывающая блондинка поспешно доставала из холодильных шкафов приготовленные блоки

капельниц. – У меня все есть, я смешала заранее… я дам вам два раствора, общеукрепляющий и поливитаминный! Вы почувствуете себя отдохнувшим, там нет ничего такого, от чего бывают неприятные ощущения, честное слово!

Она выскочила из лаборатории с двумя блоками капельниц в руках.

– Вот… возьмите… – она протянула капельницы разозленному капитану.

– Как их ставить? Одновременно? – Порфирьев недовольным движением забрал у нее капельницы. – Или с перерывом?

– По очереди! – поспешила объяснить девушка. – Одну за другой, можно подряд…

– Понятно, хрен поспишь! – оборвал ее капитан. – Пойдем! Сама поставишь! Я спать буду! Время дорого!

Здоровенная фигура развернулась и устремилась к выходу, унося капельницы. Ингеборга поспешила следом, стараясь не отставать. Если он не может уснуть, это очень плохой знак! После сеансов лечения он должен хорошо спать, если это не так, значит, она снова где-то ошиблась… и это ужасно…

Варяг миновал приоткрытый люк медотсека и направился к себе, не оборачиваясь. Чтобы не отстать, пришлось шевелить ногами. Снаружи вокруг Ингеборги немедленно оказались «снежинки», и люк в медотсек закрылся. Вся эта процессия торопливо семенила за целеустремленно шагающим вечно недовольным здоровяком по пустым коридорам, потому что медотсек четвертые сутки был закрыт на спецобслуживание и очередь к врачу запретили создавать до особого указания. В боковых коридорах встречные прохожие смотрели на едва успевающих за капитаном девушек удивленными взглядами, и «снежинки» недовольными репликами требовали от них отправляться по своим делам.

Возле президентского люкса почему-то обнаружилась еще одна «снежинка», словно стоящая на страже капитанской двери, но Ингеборга не обратила на это внимания. Порфирьев открыл биометрический замок, даже не останавливаясь, и сразу же вошел внутрь, поэтому она

поспешила следом, пока чего-нибудь не вышло. Варяг прошел в спальню и посторонился, пропуская ее вперед.

– Положи на кровать, – Порфирьев протянул ей капельницы. – Я пока комок сниму.

Ингеборга развернулась, торопливо укладывая на кровать медицинские блоки, и оказалась к Порфирьеву спиной. Едва она выпустила из рук капельницы, как что-то сгребло ее в охапку, обездвиживая, словно тисками. На сонную артерию легли капитанские пальцы, и все провалилось в сон.

* * *

Проснулась она в прекрасном расположении духа и не сразу поняла, где находится. Только что маленькая Ингеборга играла в прятки с родителями в своем маленьком семейном бункере и вышла победительницей. Отца она нашла почти сразу, он как всегда прятался в чуланчике, за ящиками с запасом сыпучих продуктов. Потом они вместе искали маму, но ее тоже удалось найти быстро, потому что мама спряталась под кроватью Ингеборги, хотя обычно пряталась под своей, но маленькая Ингеборга сразу догадалась, что нужно посмотреть везде. После этого настал ее черед прятаться, и она укрылась в контейнере с запасными фильтрами для фильтровентиляционной установки. Родители разыскивали ее долго, и наверняка вообще бы никогда не нашли, но подвел вынутый из контейнера фильтр. Папа его заметил и понял, что вместо фильтра в контейнере временно живет кто-то другой. Но Ингеборга все равно победила, потому что мама с папой искали ее гораздо дольше, чем она их, а это значит, что она выиграла. Родители улыбались ей добрыми улыбками, теплоту которых она так часто вспоминала с щемящей сердце тоской, и папа сказал:

– Нам с мамой нужно побыть вдвоем, а тебе пора на работу, так что поспеши!

Маленькая Ингеборга серьезно кивнула и потопала вверх по лестнице, ведущей в семейный домик. Однако в комнате, в которую выходил люк,

почему-то оказалось абсолютно темно, и Ингеборга растерянно открыла глаза, соображая, почему не срабатывает сенсор включения освещения.

С минуту она лежала в кромешной тьме, пытаясь понять, что происходит, потом на ощупь уселась на кровати, и автоматика зажгла ночник. Оказалось, что она находится в спальне президентского люкса, на роскошной капитанской кровати, бомжевато застеленной изрядно помятым односпальным комплектом. Ее раздели до белья и накрыли пододеяльником без одеяла, потому что последнее было чуть ли не трехспальным и в односпальный пододеяльник не влезало. Прочей одежды и кобуры с пистолетом нигде не обнаружилось, зато на ночном столике возле кровати лежали блоки пустых капельниц и ее наручный коммуникатор, который кто-то перевел в беззвучный режим. Дисплей коммуникатора показывал гору просроченных сообщений от ИИ медотсека и вечер сто двадцать пятых суток после катастрофы, красноречиво намекая на то, что его владелица проспала шестнадцать часов подряд. Ломиться куда-то в срочном порядке в одних трусах и лифчике было явно неподходящим решением, и Ингеборга отправилась на разведку.

– Злюка? – Она осторожно открыла дверь и выглянула из спальни. – Дяденька капитан-маньяк? Вы здесь? Мне можно выйти?

Ответа не последовало, и блондинка прокралась к гостиной, следя за тем, чтобы не попасться на глаза шпионскому жучку в таком виде. Президентский люкс оказался пуст, и по веским причинам дальнейшие поиски было необходимо продолжать в ванной комнате. Капитана там не нашлось, зато нашлась ее одежда и пистолет, почищенный и аккуратно накрытый небольшим полотенцем не первой свежести. Решив, что за это ей ничего не будет, а если и будет, то не очень-то и страшно, Ингеборга влезла в душевую кабину и активировала подачу воды. Покидать маленький рай из горячих и упругих водяных струй как всегда ужасно не хотелось, и девушке не сразу удалось заставить себя выключить воду. Вытираться пришлось капитанским полотенцем, которое было чище тряпки для мытья полов, но ненамного. Девушка осторожно промокнула водяные капельки возле запекшихся на руке следов от недавних капельниц и принялась одеваться.

Приведя себя в порядок, Ингеборга убедилась, что на этот раз ничего не забыла, и выдвинулась решать ребус под названием «как выбраться из президентского люкса». К ее немалому удивлению, замок открылся с первого раза. Едва входная дверь распахнулась, девушка увидела перед собой троих «снежинок» во главе с Булавкой.

– Здравствуйте, док! – Булавка внимательно изучала ее лицо. – Как вы себя чувствуете?

– Очень хорошо, – улыбнулась Ингеборга. – Давно так не было. А где Варяг?

– Экспедиция ушла в Росрезерв за продуктами пять часов назад, – объяснила Булавка. – Варяг приказал вас не тревожить до тех пор, пока вы сами не проснетесь.

– Экспедиция… – улыбка сползла с лица блондинки, и приподнятое настроение улетучилось, сменяясь воспоминаниями о результатах последнего обследования Порфирьева. – Снова…

– Подготовка велась трое суток, – подтвердила Булавка. – Вы были слишком заняты в медотсеке, наверное, пропустили это.

– Видимо, так… – Ингеборга поникла. Он ушел на поверхность, и его без того недлинный остаток жизни стал еще короче. И она ничего не может с этим сделать. – Работы действительно было очень много…

– Возвращаемся в медотсек, док? – «Снежинки» смотрели на нее, ожидая приказаний. – Ваши коллеги сбились с ног, пока вас не было. Медработник Яковлева даже обращалась к Начальнику Центра с просьбой отправить сюда Инженеров, чтобы взломали замок и разбудили вас, но полковник Брилёв не стал отменять приказ Варяга. Так что вас там давно ждут.

– Значит, подождут еще немного! – решительно заявила Ингеборга. – У меня есть более важное дело. Девочки, подержите дверь, чтобы не закрылась, чувствую, второй раз замок меня сюда уже не впустит. Булавка, вы можете мне помочь?

– Без проблем, док! – немедленно ответила охранница. – Что нужно сделать?

– Я заберу отсюда все, что можно выстирать, и сдам в химчистку. И надо получить взамен этого новое белье и полотенца. Кто отвечает за

уборку в номерах?! Тут три месяца ничего не менялось!

– Постельное белье сейчас дефицит, – Булавка понимающе покачала головой. – Им занимается отдельная служба, она не связана с клинингом номеров. Там очереди громадные, и первый уровень обслуживается отдельно от второго. Для этого существуют разные подотделы. Но заявок везде целая куча. Мы свои постели предпочитаем стирать самостоятельно, так быстрее. И белье живет дольше.

– Я не знала, – удивленно ответила Ингеборга. – Мне белье приносят регулярно…

– Ваши заявки исполняются в первую очередь, это приказ Начальника Центра. – Булавка усмехнулась. – Кто же будет ущемлять единственного врача?! К тому же вы и так не вылезаете из медотсека. А тут все так плохо потому, что, наверное, Варяг не подал заявку на смену белья. Или она затерялась где-то, это же второй уровень!

– Это ничего не меняет! – решительно заявила девушка и направилась в капитанскую спальню. – Значит, белье из этого номера будет теперь включено в мою заявку! Я займусь этим прямо сейчас! А если кто-то будет против или потеряет заявку еще раз, я на первом же медосмотре имплантирую ему в желудочно-кишечный тракт ампулу с сульфатом магния!

– Не думаю, что кто-то захочет портить отношения с медотсеком, – сдержанно улыбнулась Булавка. – Особенно после того, как просочились слухи, что Кристина Владленовна встречается с Первым. Но… Вы уверены, док, что нам всем не попадет от Варяга за то, что мы хозяйничали у него в номере? Все знают, что он этого очень не любит. Даже сотрудники клининговой службы заходят сюда только в его присутствии!

– Не уверена, – честно призналась Ингеборга, стаскивая с капитанской кровати давным-давно несвежее белье. – Но я рискну. Обещаю, что вылечу вас в случае чего!

– Пойдет! – хихикнула Булавка, помогая ей сворачивать пододеяльник. – Главное, чтобы насмерть не прибил с первого удара, как во время штурма, а то от этого не лечат!

– Надеюсь, до этого не дойдет, – Ингеборга сделала большие глаза. – Если что, прячьтесь в операционной, я попробую его успокоить… если меня саму не прибьют!

– Окей, док! – Булавка вновь прыснула. – Между прочим, страшновато! Шутки шутками, а взбесить Варяга я бы очень не хотела. Он не просто сексист, которому плевать на равенство полов, он очень большой и лучше всех подготовленный сексист!

– Ну… – Ингеборга закончила собирать постельное белье и двинулась в ванную. – Он же должен понять, что получилось, как лучше… а не как всегда! На самом деле он очень хороший… Если бы не он, я уже несколько раз была бы мертвой и пару раз – сумасшедшей. Особенно вчера! Это вы его позвали?

– Другого выхода я не видела, – призналась Булавка, принимая у нее из рук затертые капитанские полотенца. – Вы два часа не реагировали ни на что, даже на Первого…

– Полковник Брилёв приходил в медотсек? – искренне удивилась девушка.

– Его вызвали Инженеры, – подтвердила охранница. – После того как вы чуть не погибли от рук террористов, за вами всегда наблюдает отдельная программа в системе видеоконтроля. Говорят, Инженеры даже связали ее с вашим коммуникатором, чтобы она реагировала на опасные изменения пульса или давления… Но вы не обращали ни на кого внимания, а трогать вас никто не решался, у вас же пистолет. Я предложила позвать Варяга, вдруг это поможет. Он меня чуть не сжег взглядом, когда мы в дверь позвонили, но когда услышал, что с вами, оделся и пришел.

– Он снова меня спас, – Ингеборга грустно вздохнула. – А вот я не могу спасти его.

– Не расстраивайтесь, док, у вас обязательно получится! – убежденно заявила Булавка. – Мы в вас верим! Вы всех излечиваете, и его тоже сможете! Не только Варяг спасает всех нас, но и вы! Вам благодарны десятки людей, особенно я! Меня вы спасли от такого, что было бы похуже смерти.

– Скажите, Булавка… – Ингеборга испытующе посмотрела на «снежинку». – Я не хочу вас обидеть, просто мне нужно понять… Оно того стоило?

– Вы про Абрека, док? – охранница понимающе поморщилась. – Я не обижаюсь. – Она фыркнула: – Конечно, стоило! Полчаса позора – и достойная жизнь вместо уродливого прозябания на втором уровне то ли в роли бомжихи, то ли социальной проститутки, да и то, если на тебя обратят внимание! А если обратят, то никто не дал гарантии, что надолго! Тут было, из чего выбирать!

Булавка засунула под мышку свернутые полотенца и спокойным тоном продолжила:

– В колледже у меня был углубленный курс по истории феминизма. Я хорошо запомнила оттуда одну громкую историю, произошедшую сто лет назад в Голливуде. Сейчас в это сложно поверить, но в те времена там господствовали мужчины, и один из них, какой-то важный толстый известный продюсер, любил склонять к сексу молодых начинающих актрис в обмен то ли на карьерный рост, то ли на беспрепятственное получение ролей, уже не помню. Смысл не в этом. Смысл в том, что девушки, которые отказали ему и другим таким, как он, либо не добились особых высот в Голливуде, либо и вовсе остались безвестными. Зато те, кто не отказались, стали звездами, известными на весь мир! И через то ли двадцать, то ли тридцать лет, когда феминизм вошел в моду, сообща обвинили этого подонка в сексуальных домогательствах! Их там набралось чуть ли не восемьдесят человек! Карьера продюсера рухнула, и его смешали с грязью, разорили и даже, кажется, посадили! И другим таким же потом тоже досталось!

Охранница мстительно скривилась:

– Когда Абрек на собеседовании предложил мне постель в обмен на прием в Службу Безопасности вне конкурсного отбора, я сразу вспомнила ту историю. От одного раза от меня не убудет, как-нибудь переживу, это даже проще, чем те неудачные отношения, с которыми мне пару раз не повезло до войны. Зато я буду жить нормально и независимо! А если у нас когда-нибудь восстановятся старые законы, я соберу таких же, как я, и мы обвиним, кого надо, в сексуальных

домогательствах, как те звезды Голливуда! Фактически они сделали на тех продюсерах собственную карьеру дважды: первый раз в самом начале, а второй в конце, когда из-за возраста их популярность была уже не той, что прежде. Очень крутой и тонкий ход! Поэтому я решила, что ничего не теряю, наоборот, получаю более чем реальные перспективы. Нормальная жизнь начнется уже завтра, и еще останется шанс отплатить Абреку за его «помощь»! И я не прогадала!

Она болезненно поникла:

– Только с этим долбаным «отравлением» не повезло… до сих пор не понимаю, как же так! Я же старалась этого не допустить… была уверена, что ничего не случится… – Охранница встрепенулась и решительно заявила: – Я очень вам благодарна, док! Если бы не вы, даже не знаю, что бы со мной сейчас было! Так что, если вам что-то потребуется, только скажите! Я все для вас сделаю! Даже от Варяга по башке получу! – Ее пыл заметно угас, и она добавила: – Лишь бы не убил сразу же на фиг…

– Будем надеяться, что до этого не дойдет, – Ингеборга убедилась, что больше в президентском люксе поменять нечего, и направилась к выходу. – Мы же не сделали ничего плохого. Булавка, вы можете отвести меня в прачечную? Я не знаю, где это.

– В химчистку, – поправила ее «снежинка». – Нам надо в химчистку, она обслуживает первый уровень, двуспальные комплекты такого формата есть только там. Прачечная занимается вторым уровнем, это они притащили сюда это белье! – Охранница кивнула на зажатый в руках Ингеборги комплект. – Мы можем сами все отнести, но если вы явитесь в химчистку лично, эффект будет мощнее!

К тому моменту, когда они вышли из президентского люкса, «снежинок» возле номера было уже шестеро. Ингеборга поняла, что не меньше половины охранниц в данный момент являлись отдыхающей сменой, включая Булавку, но все равно пришли ей помочь. Две «снежинки» дежурили прямо в дверях, не позволяя им закрыться, остальные разбились попарно и заняли позиции в десятке метров по обе стороны от дверей и бесцеремонно прогоняли зевак. Охранницы с электрическими дубинками в руках направлялись к каждой не в меру

любопытной даме, приблизившейся к президентскому люксу, на их взгляд, чрезмерно. И женщины спешили ретироваться подобру-поздорову.

– Это обязательно? – Ингеборга неуверенно покосилась на суровых «снежинок».

– Пусть не расслабляются! – воинственно ответили ей. – Им лишь бы языки почесать, из чего угодно грязь сделают! Меньше знают – меньше проблем! А слухи реальной картины не дают, вот пусть и гадают, что здесь произошло! Не бойтесь, док, мы вас в обиду не дадим!

– Пойдемте, док, девочки тут разберутся, – Булавка забрала у нее постельное белье и вручила одной из охранниц. – Нам к лифту!

Две «снежинки» остались охранять открытую дверь, остальные образовали вокруг Ингеборги кольцо, и процессия двинулась по коридорам. До центрального коридора дошли спокойно, дальше стало довольно людно, и «снежинки» принялись требовательными командами расчищать путь. При виде врача, оказавшегося вне медотсека, прохожие очень удивлялись, и на Ингеборгу устремлялись десятки любопытных глаз. Какие-то женщины пытались задавать ей вопросы относительно своего здоровья и времени возобновления приема пациентов, но «снежинки» не дали ей остановиться и на ходу велели всем ждать новости в сети в ближайшее время. В лифт кроме нее охранницы никого не пустили, и шумный второй уровень скрылся за смыкающимися дверьми.

Ее появление в химчистке действительно вызвало фурор. Работницы сначала очень испугались, решив, что она пришла с претензиями возвращать плохо выстиранное белье. Но услышав суть вопроса, расслабились и бросились помогать. Быстро выяснилось, что заявки из президентского люкса из-за какой-то не то ошибки, не то злого умысла действительно направлялись в прачечную второго уровня, и так было заведено еще до мятежа террористов. Виновных в этом уже не найти, потому что после уничтожения террористов персонал прачечной сменился полностью. Тем более что в заявках прачечной запросов из президентского люкса не числилось уже очень давно. Взглянув на дату последней, Ингеборга лишь тихо вздохнула.

У Порфирьева просто не было времени помнить о каких-то заявках. Он либо был в экспедиции, либо работал в ангаре, либо лежал в биорегенераторе после всего этого. Капитан приходил в свой номер, мылся, спал и возвращался на поверхность или в медотсек. Он даже в спортзале бывал чаще, чем у себя дома. Пока в Центре еще существовал спортзал. Получается, что свою одежду он стирает сам, чтобы не тратить время на ожидание. Она запоздало вспомнила, что однажды видела в ванной президентского люкса форменную камуфляжную футболку, висящую на полотенцесушителе.

Твердо решив отныне заниматься всем этим лично, несмотря на капитанские возражения, Ингеборга заполнила заявку на все, что требовалось, и поинтересовалась, когда она будет исполнена. Ей немедленно выдали на руки все, что было в списке, и заверили, что так будет и впредь, надо только не забывать подавать заявку, потому что химчистка катастрофически перегружена, и отследить все это самостоятельно не в состоянии. Пока девушка благодарила сотрудниц, «снежинки» забрали у нее вещи, образовали вокруг свое защитное кольцо и доложили, что все готово для возвращения.

– Я не ожидала, что все окажется так просто, – поделилась с Булавкой Ингеборга, когда «снежинки» завели ее в лифт. – Думала, придется долго ждать или приходить туда на следующий день.

– На самом деле все просто невероятно сложно, – Булавка лишь покачала головой. – Раньше прачечная и химчистка были общие, так очередь на обслуживание занимала две недели. При этом администрация обслуживалась вне очереди, и внеочередная очередь длилась дней пять. Потом прачечную и химчистку разделили. Очередь на втором уровне выросла еще сильнее, очередь на первом сократилась, но все равно нужно ждать без постельного белья минимум пару суток. Постельного белья не хватает, его в «Подземстрое» столько просто не было. А то, что было, не подходило к нашим реалиям. Много двуспальных комплектов для люксовых номеров и мало односпальных для эконома.

Она на секунду замолчала, вспоминая собственное появление в «Подземстрое»:

– Когда у нас возникло ужасное перенаселение, первая администрация, еще до Брилёва, выдавала на руки много белья, потому что людям не на чем было спать. Тогда стоял такой сумбур, что за этим следили неважно. Я бы сказала, за этим вообще не следили. Многие люди попали сюда без серьезного багажа, некоторые вообще с пустыми руками, поэтому ателье и нелегальные умельцы из постельного белья начали делать сменное нижнее белье и тому подобное. Когда Брилёв пришел к власти, он ввел везде жесткий контроль, но многое уже было утеряно или разворовано. С тех пор с постельным бельем тяжело. Из лишних двуспальных комплектов делают односпальные, что-то идет на пошив форменной одежды для работников Центра, особенно на биофермах, там же поддерживается специальная микросфера. В общем, тканей остро не хватает, и с постельным бельем дефицит. На втором уровне особенно.

Лифт остановился, и «снежинки» вывели ее на второй уровень. Охранницы сомкнулись вокруг врача, одаривая прохожих суровыми взглядами, и процессия двинулась в сторону подуровня медотсека. Булавка скользнула презрительным взглядом по нарядно одетым девушкам, прогуливающимся по отрезку центрального коридора «лифт – медотсек», и продолжила:

– Но это их проблемы. Нам своих хватает, у нас тоже очереди в несколько дней, и не только в химчистку. В ателье вообще просто так не пробиться! Вас обслужили вне всякой очереди, док, потому что вы док! Это приказ Начальника Центра. Этим приказом очерчен узкий круг специалистов, чьи потребности должны перекрываться вне очередей и без ожидания. В него входит инженерная команда капитана Миронова, спецназ Абрека, Карен, Арарат, Варяг и вы. Я даже не знаю, как так получилось, что заявку Варяга не приняли. То-то в химчистке так испугались! Если Карен узнает, кого-нибудь вышвырнут на второй уровень!

– Не вышвырнут, – Ингеборга вновь вздохнула. – Варяг просто не подавал заявку. Он об этом забыл. Ладно, неважно, теперь этим буду заниматься я.

– Если позволите, док, мы сами там все застелем и закроем дверь, – предложила Булавка. – Вас в медотсеке очень ждут, у Яковлевой паника с самого утра, там кто-то умер после отъезда экспедиции.

– Вы меня этим очень выручите, – согласилась блондинка, всматриваясь в очередное сообщение от ИИ медотсека, всплывающее на дисплее коммуникатора. – Тогда возвращаемся в медотсек.

Пара «снежинок» с поклажей из химчистки в руках отделилась от ее кортежа и свернула в боковой коридор, ведущий к президентскому люксу. Остальные принялись хлестать прохожих суровыми взглядами с удвоенной энергией. Возле входа в подуровень медотсека уже начал скапливаться народ, ожидающий возобновления приема населения, но пост Службы Безопасности никого внутрь не пропускал, ссылаясь на отсутствие приказа. Кто-то из жительниц выкрикнул Ингеборге вопрос и чуть не получил от «снежинок» электрической дубинкой. Больше желающих нарушать установленные правила не нашлось, и эскорт вошел в подуровень. Там обнаружились рабочие, демонтирующие часть организованного Кристиной временного стационара. Никто не ожидал, что выживших будет так мало, большая часть временного стационара не пригодилась, и теперь туда помещали жительниц второго уровня, заболевших во время периода спецобслуживания. Ингеборга следом за Булавкой протиснулась между разобранными кроватями и кипой матрасов и увидела Кристину, отдающую распоряжения рабочей команде.

– Инга! – Соколянская устремилась к ней, едва заметив «снежинок». – Как ты? Мы очень волновались! Ты в порядке? Он тебя не обидел?

– Со мной все хорошо, – без особых эмоций ответила блондинка. – Он как всегда меня спас. Похоже, для меня это становится нормой. – Она кивнула в сторону рабочих: – Зачем ты разбираешь стационар? Он наполовину занят пациентами.

– Толпа видит свободные койки и начинает косить под больных всеми правдами и неправдами! – по лицу подруги скользнула брезгливая гримаса. – У них теперь новый способ попасть на прием, минуя очередь! За день охрана привезла уже десятерых! Вот увидишь, половина тех, кто лежит здесь, тяжело больными не окажутся! Решила разобрать лишние

койки, чтобы не дразнить толпу! Уже попросила Брилёва, чтобы ввел жесткие санкции за преднамеренное введение в заблуждение сотрудников Службы Безопасности, приказ скоро последует!

– Как знаешь, – равнодушно пожала плечами Ингеборга. – Занимайся этим сама, у меня много дел. Сейчас не до псевдобольных.

– Не волнуйся, зая, я все порешаю! – уверенно заявила Соколянская. – Иди работай, там Светлана без тебя с ума сходит! У нее кто-то умер, пока тебя не было, и она в ужасе, боится, что умрет кто-нибудь еще!

– Кто-нибудь умрет в любом случае, – флегматично произнесла Ингеборга, направляясь к люку в медотсек под опешившим взглядом Кристины. – Но на самом деле всем пофиг. Поохают пару дней и забудут.

В приемном покое к ней бросились практикантки, наперебой сообщая о куче проблем, но она жестом остановила поток сумбурных докладов:

– Свяжитесь с биофермами, найдите сотрудницу Ханнанову. Я жду ее здесь через два часа, и чтобы никаких опозданий! Как только я скорректирую график работы, получите дальнейшие указания.

Не успела она войти в диагностический кабинет, как навстречу из операционной выбежала насмерть перепуганная Светлана:

– Инга! Слава богу, наконец-то ты вернулась! Тут какой-то кошмар! С поверхности вернулась команда обеспечения, которая обслуживает отправление экспедиции, а тебя не было! Я провела им стандартную детоксикацию, но одной сотруднице стало плохо прямо в биорегенераторе! Искусственный Интеллект прервал процедуру и запустил реанимационную программу, но она закончилась, ложе с пациентом вышло, а она все равно не приходит в сознание! Я не знаю, что делать! А потом еще один человек из Росрезерва умер! Он в стационаре лежал, в графике под него был запланирован сеанс биорегенерации, но я не знаю, как проводится то, что ты ему назначила! Оставила его дожидаться тебя, а он умер! Внезапно! Но я же не знаю, что делать…

– Он все равно бы умер, – безразличным тоном прервала Яковлеву Ингеборга. – Просто без процедуры он умер на сутки раньше. Ты не

виновата, не мучь себя. Они все умрут. Из Росрезерва никто не выживет, их организмы уничтожены жестким излучением и антирадом, их невозможно спасти. Мы лишь пытаемся отсрочить неизбежное. Будем пытаться и дальше, но винить себя в неотвратимом бессмысленно. – Блондинка направилась в свою каморку: – Укладывай в биорегенератор пациентку, о которой ты говорила. Я пока руки вымою. И свяжись с рестораном, пусть пришлют что-нибудь поесть. Очень есть хочется.

– Ты же двое суток без еды! – спохватилась Светлана, слушающая подругу с ошарашенным видом. Она устремилась к выходу: – Сейчас закажу!

– Светик! Сначала пациентку в БР! – напомнила Ингеборга, исчезая за дверью.

Полчаса она занималась впавшим в кому работником, потом накрыли ужин, и ей наконец-то удалось поесть. Во время приема пищи Светлана минут пять жаловалась на Карена, это вошло у нее в традицию, потом ожидаемо заявила, что еще покажет и ему, и «этой стерве», после чего перешла на медицинские темы:

– Она выживет? Работница из команды обеспечения экспедиции?

– Выживет. – Ингеборга старательно пережевывала давно опротивевшую свиную котлету. – Проведу две операции, неделю пробудет в стационаре, и выпишу здоровой. Но антирад ей принимать больше нельзя. Иначе высокий риск отравления – и смерть.

– Нужно сообщить администрации. – Светлана протянула руку к выключенному рабочему месту дежурной медсестры и активировала сенсорный дисплей.

– Не нужно, – спокойно ответила Ингеборга.

– Как?! – Яковлева изумленно уставилась на нее, с протянутой к экрану рукой. – Они же отправят ее на поверхность! Под антирадом!

– Если мы сообщим о том, что ей нельзя принимать антирад, ее уволят из ЭК, – неторопливо объяснила блондинка, ковыряя вилкой грибной салат. – Если ей повезет, то переведут на другую работу. Если нет – уволят из служащих Центра и отправят на второй уровень. Такое уже бывало.

– Но она же может умереть! – ужаснулась Светлана. – Что же делать?

– Это ее проблемы, пусть сама и решает, – Ингеборга сверилась с хронометром. – Наше дело – вылечить, и мы ее вылечим. Объясним ситуацию, а там пусть думает. Если захочет – сообщим администрации, что списываем ее с поверхности. Не захочет – ее личное дело. Не хочу вершить чужие судьбы, в итоге всегда остаешься виноватой.

– Согласна! – немедленно поддержала ее Светлана. – Инга, отдых реально пошел тебе на пользу! Ты должна чаще отдыхать, иначе у тебя совсем мозг отказывает! Я поговорю с Варягом и попрошу, чтобы он проследил!

– Он что-нибудь сказал, когда уходил? – Ингеборга продолжала принимать нелюбимую пищу. Другой нет, так что не до изысков.

Она бы с удовольствием согласилась есть эту гадость всю жизнь, лишь бы Варягу не пришлось умирать из-за продуктов, но это лишь мечты. Они ни на что не влияют. Большой чужой мир желает выжить, и ради этого обрекает на смерть ее маленький мир. Ничего нового. Варяг умеет выживать на поверхности. Она умеет лечить. Несколько десятков других специалистов умеют обеспечивать выживание здесь, под землей. Остальные считают, что это автоматически делает их обязанными работать на всех. И активно требуют исполнения этих обязанностей, да покачественнее и побыстрее! Откажись она лечить толпу, чернявая людская масса разорвала бы ее на кусочки с большим удовольствием. Почему? Потому что чем бесполезнее желудок на ножках, тем более значимым он считает себя, и тем тупее и примитивнее выглядят в его глазах недоумки, которым не хватило мозгов зарабатывать на жизнь не руками. Пожалуй, режим Брилёва для них очень подходит. Они идеальны друг другу.

Бесполезная толпа не умеет ничего, только хотеть. Но все хорошо к месту. Их хотелки нужны были раньше, до войны, когда надо было получать полезное образование и уникальный опыт. Но никто не верил в войну, все занимались нахлебническими профессиями. Теперь они понимают, что всю эту сетевую и бюрократическую грязь и профессиями-то назвать нельзя, да только уже поздно. Сколько бы желания у них ни было, есть вещи, которые одними желаниями не изменишь. Хороших врачей здесь нет и не будет. Их некому обучать. У

нее нет на это времени, ей или учить, или лечить – выбор очевиден. И кто бы еще учил ее саму! Несколько медсестер она как-нибудь подготовит за пару лет, вот и все. Дальше лечить всех будет некому, потому что Порфирьев к тому времени умрет, а ей находиться одной в чужом мире обрыдло до смерти. В прямом смысле. Она устала от чужаков и их большого злобного мира. Ингеборга перевела на Светлану вопросительный взгляд.

– Он ничего не сказал! – ответила Яковлева и поспешно объяснила: – Велел тебя не беспокоить и спросил, есть ли у нас препараты, которые облегчают восстановление после интоксикации. Я отдала ему реанимационные блоки, которые ты перезаряжала, но их было мало, а как смешивать препарат, я не знаю... Пыталась найти что-нибудь в файлах медотсека, но не нашла!

– Этих препаратов не существовало до войны, я смешиваю их сама. Очень надеюсь, что приношу пользы больше, чем вреда. Не переживай, ты все правильно сделала, – успокоила подругу блондинка. – Я планировала закончить все приготовления вчера... но как вышло так вышло. Хорошо, что он забрал то, что уже было готово. Спасибо.

– Я старалась! – немедленно заявила Яковлева. – Обязательно стану незаменимой! Пока ты занята, тренируюсь на этих бесполезных тетках со второго уровня! У меня уже получается! Он еще у меня пожалеет! Инга, научи меня проводить операции, я должна уметь делать это, как ты!

– Тогда тебе необходимо три года учить теорию по двенадцать часов в сутки, как я, – сдержанно улыбнулась блондинка. – Вот только учебников у нас нет, а у меня нет времени их составлять. Доступ к файлам медотсека у тебя есть, изучай то, что имеется.

– Блин, я не понимаю половины того, что там написано! – с досадой всплеснула руками Светлана, едва не выронив вилку. – На третьем курсе такие дебри мы не проходили! Пытаюсь спрашивать у тебя, но ты тоже очень часто как ответишь-ответишь, что реально непонятно, с кем ты в этот момент разговариваешь! Ты не могла бы отвечать понятнее?!

– «Понятнее» означает «разжевывать элементарные вещи», – покачала головой блондинка. – То есть очень сильно все затягивать. Во

время операции это исключено. А между ними ты сама видишь, сколько у меня времени. Что успеваю – объясняю. Старайся улавливать суть, записывай, что вообще непонятно, по возможности постараюсь объяснить. Сейчас закончим с ужином и пойдем заниматься пациентами. Я буду проговаривать свои действия вслух, ты повторяешь про себя, а потом сдаешь мне зачет. То, что освоишь без ошибок, попробуешь на практике под моим надзором. Пока в совершенстве не отточишь все стандартные процедуры биорегенератора, заложенные в ИИ приказом Минздрава, будешь повторять все снова и снова. Сейчас тебя можно допускать к сложным операциям только в одном случае!

– В каком? – Яковлева обратилась в слух.

– Если Брилёв прикажет нам искусственно сократить население Центра.

– Не смешно! – Светлана обиженно надулась. – Общение с Варягом на тебя плохо влияет! Ты становишься такой, как он!

– Я всегда была такой, как он, – блондинка подарила подруге ироничную улыбку. – Мы одинаковые, разве не видишь? – Ингеборга продемонстрировала Яковлевой светло-соломенную косу. – Жаль, что я поняла это слишком поздно.

– Что? – не поняла Светлана. – Ты о чем? Про натуральных блондинов, что ли?

– Не забивай себе голову. – Ингеборга вернулась к грибному салату. – Тебе это не столь важно. Сосредоточься на медицине, ты должна стать вторым врачом. Может, даже первым, мало ли что.

– Тебе точно нужно чаще отдыхать, – убежденно повторила Яковлева, бросая на Ингеборгу встревоженный взгляд. – Беспокоюсь за тебя, ты меня пугаешь!

– Больше можешь не беспокоиться, – совершенно спокойно произнесла блондинка. – Теперь со мной все хорошо. – Она сделала несколько глотков из бокала с водой и вышла из-за стола: – Пора за работу.

* * *

Следующие трое суток Ингеборга провела за лечением скопившихся в стационаре пациентов. Кристина оказалась права, две трети доставленных Службой Безопасности со второго уровня больных в действительности не находились ни в критическом, ни хотя бы в тяжелом состоянии, и внешний стационар быстро опустел. Обманщиков вроде бы как-то наказали, но вникать в эти мелочи не было ни времени, ни желания. Внешний стационар демонтировали, очередь из дожидающихся приема пациентов вернулась, и работы как всегда было больше, чем времени на нее. Поэтому Ингеборга заранее внесла в свой график окна, предназначавшиеся для сна и собственного лечения, включая коллариум. Россыпь пятен на коже, оставшихся от шрамов, наконец-то начала пропадать, с проплешинами на голове дела обстояли не так радужно, но восстановленные волосяные луковицы дали первые волоски, и повод для оптимизма был.

Потом из Росрезерва вернулась экспедиция, и она одновременно радовалась и изо всех сил запрещала себе рыдать. Все выжили, никто не погиб – это уже само по себе веское основание для радости. Состояние Порфирьева ухудшилось, и она обреченно смотрела в глаза правде: капитана ей не спасти. Он еще силен и бодр, невозмутимо переносит приступы боли, возникающие все чаще, и никто из непосвященных даже не подозревает, что жить ему осталось не более двух десятков месяцев. Обратный отсчет запущен, все, что она может сделать, это хоть как-то его замедлить. Но даже эти ее попытки не дадут максимального эффекта, потому что Порфирьев все равно продолжит выходить на поверхность, сводя к минимуму и ее и без того не самые могучие усилия.

Выяснилось это практически сразу. Едва экспедиция вернулась, Ингеборга обратилась к Брилёву с просьбой отстранить капитана Порфирьева от дальнейших выходов на поверхность и направить на углубленное лечение. Брилёв обещание сдержал, и Варяга официально госпитализировали в медицинский стационар сроком на тридцать суток. Первые два дня она выпускала его из биорегенератора только поесть, потом на очередном сеансе лечения Брилёв попросил ее разрешить капитану посещать офис Экспедиционного Корпуса хотя бы на пару часов в смену.

– Экспедиция привезла из Росрезерва сорок тонн продовольствия, – Брилёв лично изложил ей суть проблемы, едва покинул биорегенератор. – Это огромная победа, но она лишь отсрочила гибель биоферм. Для того чтобы все спасти, нам требуется вывезти из Росрезерва все продукты, и сделать это необходимо в кратчайшие сроки. Я не требую личного участия Варяга в экспедициях, но настоятельно прошу вас, док, предоставить ему возможность консультировать людей, которые отправятся в Росрезерв в ближайшее время.

– Если остальные члены экспедиции не прекратят выходить на поверхность, в скором времени они получат такой же диагноз, я вас об этом уже предупреждала! – возразила Ингеборга. – Ресурсы их организмов не вечны!

– Именно потому мы готовим еще два состава им на смену, – подхватил Брилёв. – Только так мы сможем вывезти продовольствие быстро! Но я не могу отправить в экспедицию одних лишь людей без опыта. Поэтому нынешний состав экспедиции будет разбит на руководящие команды, которые возглавят новичков. Варяг сейчас очень нужен для решения всех вопросов, возникающих в процессе обучения.

Возражать она не стала, в конце концов, на четыре часа в сутки Порфирьева можно и отпустить. Но в первый же раз капитан опоздал с возвращением ровно вдвое. Спустя два часа по истечении всех сроков Ингеборга в третий раз связалась с Брилёвым и заявила, что останавливает работу медотсека и идет искать Варяга. Полковник заверил ее, что сейчас же лично приведет капитана на лечение, но в итоге Порфирьев появился еще через полчаса. И с порога недовольным жестом отмел ее упреки.

– Мне не до твоей возни сейчас! – зло заявил здоровяк. – Завтра в Росрезерв должен выдвинуться второй состав. Ровно через двенадцать часов после его возвращения, как только будет закончено обслуживание техники, должен выдвинуться третий. Потом первый и так далее, пока Росрезерв полностью не опустеет. Иначе все, ради чего мы жрали горстями антирад, окажется зря. Ты этого хочешь?

– Нет… – Ингеборга невольно съежилась под колючим недобрым взглядом. – Но ведь кроме вас в ЭК есть еще специалисты…

– У нас восемьдесят процентов новичков, которые в лучшем случае выходили на поверхность в составе рабочих команд, – оборвал ее Порфирьев. – И каждого необходимо подготовить за несколько дней, а кого-то за несколько часов. Специалистов на всех не хватает. И в качестве инструкторов, и в качестве участников экспедиций! Когда Овечкин и Пиджак вернутся в строй?

– Инженер Овечкин будет готов к работе через четыре дня, – обиженно насупилась блондинка. – Инженер Шарафутдинов должен

провести в стационаре еще хотя бы неделю! Он сильно пострадал от длительного приема антирада! Ему очень повезло, что вы взяли его в плен, и он получил медицинскую помощь! Его коллеги попали ко мне в виде ходячих трупов, из всех спасенных, кроме Шарафутдинова, на данный момент жив лишь один его сослуживец! Он борется за жизнь, но я не питаю иллюзий!

– Значит, третий состав и первый соответственно, – задумчиво произнес Порфирьев, игнорируя ее объяснения. – Второй состав остается без технических специалистов. Хреново. Придется отправить с ними Теха. Тогда третий состав поведет Саныч, а первый – Хам. Но у Хама нет опыта вождения, он у нас за рулем не сидел… придется самому.

– Но инженерная команда разработала автопилот… – не отступала Ингеборга. – Разве он не упростит людям передвижение по поверхности?

– Недопилот? – Здоровяк странно прищурился, словно вспоминая какое-то совсем непростое событие. – Упростит. Если ни во что не впечатается… Мозг клянется, что этого не произойдет… Надеюсь, что он не ошибается. Только этот недопилот будет вести машины по прямой. Въезжать-выезжать, становиться под погрузку и так далее все равно нужно вручную. Придется ехать самому. Так что учитывай это в лечении. Пока не натаскается кто-то еще, каждую третью экспедицию придется вести мне.

– Но полковник Брилёв обещал… – начала было девушка.

– Мало ли что он обещал! – капитан отмахнулся от нее, словно от надоедливой мухи. – Видишь же, что ехать некому! Если недопилот сломается на полпути и неопытные люди не справятся с управлением, никто назад не вернется. Погубим людей и технику. Людей тут полно, а вот без техники умрут все. Потому что вывозить продукты станет не на чем. Глупые вопросы есть?

– Два, – Ингеборга мысленно запретила себе плакать. Сколько можно реветь, пора уже привыкнуть. – Как долго вы пробудете на поверхности и как часто это будет происходить? Прошу вас пройти в биорегенератор!

– Крайний раз я вел туда колонну сам. – Порфирьев зашел за ширму и принялся раздеваться. – Опасался держать высокую скорость, стоило

проверить маршрут на предмет появившихся препятствий. Все прошло нормально. Может, Мозг действительно прав… – капитан на мгновение умолк. – Из-за этого добирались долго, еще с буранами не повезло, приходили каждые полчаса… Обратно колонну вел недопилот, почти весь маршрут. Нормально справлялся, пока буран не начинался. Под ветром его глючило, видимо, экранирование пробивает. Инженеры обещали все доделать.

Облаченный в больничные шорты Варяг протопал к свободному биорегенератору и принялся устраиваться на ложе, едва вмещавшем его мускулистое тело.

– Если справятся, то туда точно будем за один цикл антирада доходить. Сутки стоянка, потом погрузка. Тележки мы туда завезли, питание там есть, грузчиков хватает. Крайний раз оба грузовика мы загрузили за шесть часов, еще час укупоривали груз противорадиационными чехлами, ради которых тогда две базы угробили. Потом была вторая стоянка, это еще сутки. Обратно шли в полном грузу, на большой скорости движки ревели так, словно сейчас полопаются, и я не рискнул сильно ускоряться, поэтому за один цикл вернуться не удалось. Но Мозг клянется, что машины выдержат. Если так, то вся экспедиция будет занимать три цикла антирада и двое суток пережиданий. Потом двенадцать часов на обслуживание техники, и отправляется второй состав, после третий, и все заново. За раз вывозим по сорок тонн, бывшие сотрудники Росрезерва утверждают, что на складах уцелело двести тонн продовольствия, итого за пять ходок должны все вывезти.

– То есть вы отправитесь в экспедицию еще один раз, на трое суток, и произойдет это через семь дней, – грустно подсчитала Ингеборга. – Это очень плохо… Даже от одного раза последствия будут ужасны… Мне тяжело с этим смириться…

– Тогда лучше попробуй смириться с последствиями трех раз, – в голосе капитана зазвучала ирония. – Потому что после того, как вывезем продовольствие, сразу же начнем вывозить все остальное. Вместе со стеллажами, на которых оно лежало. Это еще пара ходок для каждого состава.

– Неужели нельзя сделать перерыв хотя бы в месяц? – Ингеборга ощутила, как тяжелеет на душе. Даже то немногое, чем она могла ему помочь, оказалось каплей в море. – Я понимаю, что мы остро нуждаемся в различных материалах, но это же не продукты… они могут подождать…

– Они-то могут, – не стал спорить Порфирьев. – Только вот температура на поверхности нас ждать не хочет. Там сейчас минус пятьдесят шесть по ночам, и днем теплее ненамного. Инженеры считают, что она вполне может упасть до минус семидесяти, но критическая отметка – это минус шестьдесят. После этого порога металлы, пластик и все остальное меняют свои свойства. Все, что выходит на поверхность, потребуется обогревать каждую секунду, иначе никто не дает гарантий, что техника не развалится или просто не откажет, когда у нее испортится настроение. Мы будем сегодня лечиться или мне завтра заглянуть?

– Пять секунд до начала процедуры, – Ингеборга коснулась сенсора подачи ложа и с щемящей сердце тоской проводила взглядом могучую фигуру пациента, скрывающуюся в чреве биорегенератора.

Два часа она проводила лечение в ручном режиме, потому что ИИ медотсека давно перестал понимать разработанные ею программы лечения. Инженеры говорили, что проще отключить ограничения, чем обучать программу новым аспектам, незаложенным в стандартные алгоритмы. Потому что для этого необходимо быть медицинским программистом, а среди них таких нет. Поэтому Ингеборга приноровилась пользоваться режимами сохранения индивидуальных настроек пациента. Спасало то, что памяти у ИИ медотсека оказалось достаточно. Видимо, разработчики концепции бункера предусмотрели это заранее, потому что в обычных больницах давным-давно никто не хранит информацию у себя, все лежит в специальных облачных хранилищах. До войны всевозможных дата-центров, предоставляющих услуги облака, было чуть ли не больше, чем людей. Доступ к интернету имелся везде, где эти люди жили, скоростей хватало. Словом, тратиться на организацию собственных архивов было невыгодно, услуги профессиональных облачных сервисов обходились на порядок дешевле.

Зато теперь не существует ни интернета, ни облачных сервисов, и информацию взять неоткуда. Уцелело только то, что было у тебя в

голове. Ингеборга устало вздохнула. Проблема в том, что у подавляющего большинства в голове нет ничего ценного. Ей бы самой не помешало в свое время пройти не десять факультативов, а сто десять, но кто же знал, что все так обернется... В ту пору казалось, что ее персональный учебный план настолько огромен, что мозг вплотную приблизился к пределу своих способностей... Эх, ее бы сейчас туда, в прошлое, года на три-четыре! Она бы с неподдельным энтузиазмом выучила десяток таких индивидуальных курсов и поступала бы не в Москву, а в Новосибирск, на кафедру к светилу мировой медицины в области лучевых поражений. И не позволила бы родителям сесть в тот несчастный самолет...

Искусственный Интеллект медотсека сообщил о готовности приступить к стандартным регенерирующим процедурам, Ингеборга задала нужную последовательность восстановительных операций и занялась другими пациентами. Очередь из жительниц второго уровня снова выросла, приходилось одновременно лечить больных из стационара и успевать помогать Светлане, развившей бурную активность. Чтобы в результате таковой тяжело больных пациентов стало меньше, а не наоборот, требовалось находиться сразу везде, но к этому ей давно не привыкать.

* * *

– Диля, верни мой коммуникатор, – Антон попытался произнести это как можно более корректным тоном. После того как Давид вернулся с последнего медосмотра, жена стала бросаться на Овечкина реально за любую фразу. – Мне пора готовиться к экспедиции. Через два часа выезд.

Взгляд Дилары, вытирающей влажным полотенцем лоб лежащего на кушетке сына, сверкнул злобой, но ответить ему она не успела. Оказалось, что Давид не спит, сын открыл глаза и слабым голосом произнес:

– Мама, отдай папе коммуникатор! Почему ты постоянно его забираешь? Он же Инженер, ему надо быть на связи! Вдруг Варягу

потребуется его помощь!

– Папа сильно устает на работе, – ласково объяснила Давиду Дилара. – Ты же знаешь, у него там очень много дел. Ему необходимо отдыхать хотя бы иногда. Я не хочу, чтобы он рано или поздно упал прямо на ходу!

– Наши говорят, что он на работе меньше всех, – вяло возразил ребенок. – Даже Пиджак работает больше, хотя его постоянно вызывают в медотсек на процедуры. А отец все время вертится возле тебя.

– Твои друзья ошибаются, – мягко поправила сына Дилара. – Они еще маленькие и многого не понимают. Папа заботится о семье!

Она протянула Антону коммуникатор. При этом в ее наполненных злобой глазах явно читался упрек, мол, это ты во всем виноват! Пришлось опустить глаза, чтобы не распалять никогда не заканчивающийся конфликт.

– Папа, будь осторожен… – слабо напутствовал его Давид, закрывая глаза. – Не переоблучайся…

– Не волнуйся, все будет окей! – оптимистичным тоном ободрил сына Овечкин. – Я всегда за этим слежу! Теперь, когда у нас есть автопилот и погрузочные тележки, все проходит гораздо быстрее! Мы спасли биофермы, скоро наша жизнь изменится! Как только вернусь, расскажу тебе о том, что удалось найти в Росрезерве…

– Не ори! – тихо зашипела Дилара. – Он уснул! Уходи уже, ты же торопился?!

Овечкин поспешно покинул суррогатный номер, на ходу натягивая на запястье коммуникатор. Зашкаливающая, словно радиация на поверхности, токсичность жены реально стала невыносимой! В чем он виноват?! В том, что Снегирёва не педиатр? Или в том, что она студентка-вундеркинд, а не профессор медицины? Или, может быть, в том, что Шрецкий разместил самый современный медико-научный центр в «Подземстрое-2», а не здесь? Ах, да, наверное, в том, что Порфирьев довел их из Москвы сюда, а не под Новосибирск! Точно!

За порогом семейного ада обстановка, как всегда, кардинально изменилась. Встречные прохожие уважительно приветствовали его, многие интересовались, не беспокоит ли недавно вылеченная рука, и все

без исключения искренне желали ему вернуться живым. Весь бункер внимательно следит за экспедициями, от которых зависит выживание, каждый знает, когда и какой состав отправляется на поверхность, и когда истекают расчетные сроки их возвращения. Антон сдержанно улыбался, коротко отвечая на женские пожелания, но от обилия позитива вокруг на душе становилось еще печальнее.

– Господин Инженер! – знакомый голос застенчиво окликнул его возле лифта.

– Виктория! – Антон обернулся. – Доброго времени суток! Вы на первый?

– К сожалению, нет, – огорчилась рыженькая милашка. – Наиле не подтвердили гостевой пропуск для меня, она же стажер, это удается не всегда. Поэтому я ждала вас здесь, хотела пожелать счастливого пути, безопасной дороги и скорейшего возвращения! Мы все очень за вас переживаем! Счастливого пути!

– Спасибо, Виктория Магометовна, – Овечкин постарался, чтобы его слова прозвучали как можно скромнее. Здесь, на лифтовой площадке, всегда много людей. Кто-нибудь запросто может оказаться клиенткой Дилары. – Вы очень добры!

– До свидания, господин Инженер, – еще более застенчиво произнесла рыженькая и смущенно поспешила по своим делам, плавно покачивая аппетитными бедрами.

В лифте Антон ехал с десятком женщин, и все наперебой желали ему безопасной экспедиции и возвращения в добром здравии. Пока он шел к офису ЭК по первому уровню, случайно столкнулся с Наилей. Чуткая и отзывчивая девушка не скрывала своих переживаний за безопасность экспедиции и проводила его до самого люка, беспрестанно выясняя состояние его руки, легких, кашля и так далее. Овечкину стоило немалых трудов успокоить взволнованную девушку и заверить ее в том, что угроза его жизни на этот раз даже меньше, чем обычно, ибо автопилот решает.

Наиля заторопилась на работу, и Антон вошел в офис. В последующие два часа, пока шли сборы, экипировка, прием антирада и подъем в ангар, у него перед глазами постоянно чередовались образы

источающей токсичность Дилары и исполненные участия и сопереживания лица Виктории, Наили, девушек из лифта и просто встречных прохожих. Контраст был настолько разительным, что не проходящий стресс усилился еще больше. Он делает все, что в его силах! Рискует жизнью, обеспечивая семью двойными нормами! На втором уровне таких ни у кого нет! Не считая Порфирьева со Снегирёвой. Он договорился со Снежной Королевой, и она приняла Давида вне очереди, и даже дважды, и всегда вместе с Диларой, которую тоже укладывала на какие-то процедуры!

Фактически он обеспечил семью внеочередными медицинскими услугами! А что он получил взамен? Поток упреков и океан токсичности! За что?! В том, что организм Давида подорван антирадом и радиацией, виноват Порфирьев! Это он всегда принимал решения! И если Снегирёва недостаточно квалифицирована для того, чтобы вылечить Давида, то Антон тут точно не виноват! Да, у сына оказалось слабое здоровье, но это издержки экологии и современной пищевой индустрии, это известно каждому, кто в состоянии зайти в интернет и при этом умеет читать! Сейчас таких людей более девяноста процентов! Естественно, детский организм не смог вынести выпавших на его долю чудовищных испытаний! Антон с самого начала об этом предупреждал! Бил во все колокола! Но кто его слушал?! Никто! Все смотрели в рот Порфирьеву.

И продолжают делать это! Только теперь к асоциальному бруталу добавилась эта ходячая ледышка, заменяющая квалифицированного врача по принципу «на безрыбье и рак рыба». Это от нее Дилара должна требовать решения медицинских проблем, а не от Антона! Он сделал даже больше, чем имел возможность! Снегирёва легко могла не согласиться на двойной внеочередной прием его семьи, сославшись на плотный график, приказы военной хунты, этот дебильный ПОП и так далее! Но он сумел ее убедить, и Давид дважды получил нужные процедуры! Не вина Антона, что они ничем ему не помогли! За это надо спрашивать со Снегирёвой! Но с ней Дилара конфликтовать не хочет. А Соколянскую и вовсе боится. Впрочем, на втором уровне Соколянскую теперь боятся все. После того как Брилёв заменил ею двоих своих

прежних любовниц. Говорят, остальным четверым он стал уделять вдвое меньше времени, чем раньше.

Но сплетни Антона не волнуют, его волнует состояние здоровья сына! Давид совсем ослабел, силы не возвращаются к нему, и Снегирёва заявила, что какое-то время необходимо воздержаться от биорегенеративных процедур. Иначе предельно ослабленный детский организм может не выдержать. Ему требуется постельный режим, усиленные питание и отдых, на большее имеющихся в распоряжении Снегирёвой знаний и ресурсов не хватает! Постельный режим и отдых – это забота Дилары, а усиленное питание Антон обеспечивает сыну как никто другой! Но у Давида нет аппетита, он часто отказывается от еды и почти ничего не ест. При этом он даже не похудел, только уставать стал еще быстрее. Что еще Антон должен сделать? Он сделает, только скажите, что именно! И бесконечная токсичность никак не разрешит эту проблему, она ее только усугубляет!

– Антирад принять! – в головных телефонах скафандра высшей защиты прозвучал голос техника Владимира, которого Порфирьев повысил до начальника третьего состава экспедиции, и все потянулись к пеналам с ненавистной химией.

В первую минуту Антона несказанно оскорбило известие о том, что начальником назначили какого-то сопляка, а не его, взрослого и опытного инженера-механика. Но выработавшееся под воздействием издевательств военной хунты свойство не произносить вслух ничего поспешного вновь принесло значительную пользу. Обдумав ситуацию, Овечкин пришел к выводу, что все складывается правильно. Если бы начальником назначили его, то избавиться от экспедиций стало бы невозможно. Разве только провалить очередную поездку, но за это военная хунта запросто может убить. Ему же требуется заслужить их доверие. Поэтому Антон старался во всем поддерживать Теха и даже подсказывал ему те или иные более правильные решения.

Шлюзование завершилось, и внешние ворота распахнулись, выпуская экспедицию в ангар. Мощные дверные створы еще не успели разойтись в стороны, а в лицо уже ударил поток пыли. Очередной сквозняк гонял по полузасыпанному грязным снегом ночному ангару пыльные вьюны,

слабо различимые в тусклом свете фонарей. На изготовление замены потерянному во время спасательной экспедиции кузову мегамозги Миронова пустили половину стены ангара, и теперь у него имелась лишь крыша. До сих пор бураны не разнесли ее изнутри на куски только потому, что конструкция крыши была продумана Овечкиным идеально! Поэтому кое-кто и поспешил присвоить ее себе!

Экспедиция заняла свои места, и колонна сдвинулась с места. Плохо заметные в пылевом мраке силуэты обслуживающей команды остались позади, быстро утопая в царящем за иллюминаторами мутном месиве, и Антон закрыл глаза. Сейчас начнется суицидальная гонка, которую лучше не видеть. Он, как Инженер, прекрасно понимал, что опасность минимальна, но нервы все равно шалили, поэтому лучше не усугублять. Вообще недопилот справлялся с тем, для чего был создан. Техника шла по маршруту на бешеной скорости вслепую, управляясь с этим гораздо лучше человека. Если маршрут проверен и безопасен, то угрозы нет. Маршрут составлялся Порфирьевым на основе опыта предыдущих поездок, и Антон прекрасно помнил, как едва ползущий через ночной пылевой мрак вездеход поначалу налетал на торчащие из черного снега черные препятствия каждые минут двадцать. Потом столкновения стали реже, в последних поездках их не случалось вообще. По идее, все должно быть хорошо, и практика прошедших четырех экспедиций, управляемых недопилотом, это подтверждала. Ни одного столкновения не произошло, и это вселяло уверенность. Но не отключало инстинкт самосохранения, поэтому в иллюминатор Антон все же старался не смотреть.

Молодой техник вручную вывел колонну на маршрут и передал управление недопилоту. Скорость немедленно возросла до сотни километров в час, и техника ринулась через насквозь промерзший радиоактивный океан пыли, утопающий в вечном мраке. Если ничего не откажет в дороге, то до Росрезерва удастся дойти за один цикл антирада. Пока экспедициям везло, последние четыре успевали пройти путь от Центра до Росрезерва за один цикл. А вот на обратном пути повезло только первому составу, который вел Порфирьев. Остальным помешали бураны, и тяжело нагруженные машины не смогли наверстать

упущенное время. Пришлось пережидать интоксикацию в терзаемой буранами спецпалатке, и продовольствие, которое они везли, сутки находилось под воздействием жесткого излучения.

Администрация заявила, что ничего страшного не произошло, потому что груз заранее был укутан освинцованным покрывалом, изготовленным из разрезанных баз. Кроме того, эти поставки подвергнутся переработке и пойдут на прокормку биоферм, людям беспокоиться нечего. Антон военной хунте не доверял, но работающие на биофермах люди подтверждали это заявление, и хотя бы в этом вопросе можно было быть спокойным. Хотя сама по себе прошлая экспедиция стоила ему немалых нервов.

Началось все достаточно неплохо. Всем выдали скафандры высшей защиты, и жить сразу стало легче. И спокойнее. Кое-кто поговаривал, что в этих скафандрах умерли ФСБ-шники, но Антон порекомендовал новичкам игнорировать подобную чушь, потому что на личном опыте знает разницу между скафандром высшей защиты и старой усиленной тряпкой МЧС прошлого поколения. В новом скафандре его шансы резко возросли, а вместе с ними выросла и уверенность.

Его состав, будучи третьим, добрался до Росрезерва вовремя, и база была развернута внутри, за мощными воротами, под защитой от ураганов. Дальше пришлось изрядно понервничать. Без Порфирьева оказалось, что Антон первым выходил из интоксикации. Все вокруг было заблевано рвотными массами и заплевано отхаркивающимися от них людьми. Которые корчились в судорогах и сквозь горячечный бред просили то врача, то воды. Вычищать за всеми рвоту Овечкин не собирался, он Инженер, уникальный специалист, а не тупой солдафон, использовать которого иначе, кроме как на неинтеллектуальной работе, реально невозможно. Чтобы не остаться крайним, пришлось, превозмогая остаточные боли и усталость, провести обеззараживание воды и приготовить питьевые баллоны. Утомленному интоксикацией организму требовался отдых, и сразу после этого Антон лег спать, постаравшись улечься подальше от трясущихся в судорогах блюющих тел.

Потом все оклемались и сами вычистили базу. Многие даже сказали ему спасибо. Это были новички, не зашоренные тупой круговой порукой вояк. Солдаты косились на него с мрачным недовольством, но их в каждом составе было только двое, так что Овечкин предпочел не обращать на их косые взгляды внимания. Сутки прошли спокойно, потом началась погрузка продовольствия. С ней вечно возникали проблемы: то погрузочные тележки ломались, то очередное хранилище опустошалось, а ворота в следующее оказывались заклинившими, и их приходилось срезать, то батареи штурмовых комплектов разряжались на морозе в минус сорок семь вдвое быстрее, и их приходилось менять.

Не говоря уже о штабелях трупов, мимо которых приходилось ходить постоянно. Изможденные ФСБ-шники сложили своих умерших у дальней стены ближайшего хранилища, и это сильно деморализовывало Овечкина. Невольно приходилось ждать появления роботов или взрыва какой-нибудь забытой ФСБ-шниками мины, хотя вояки клялись, что Порфирьев снял все еще во время пребывания здесь первого состава. В общем, Антон крутился, как белка в колесе, но погрузку все-таки удалось завершить до окончания цикла антирада. Правда, оставалось всего тридцать минут, и Тех не решился покидать Росрезерв. Интоксикацию пережидали внутри, и Овечкин вновь вздрагивал от ужаса при каждом лязганье металла в ожидании появления роботов.

Обратный путь прошел нервно, из-за буранов приходилось из каждого часа простаивать чуть ли не половину, и к исходу цикла антирада ни о каком возвращении речь даже не шла. Пришлось разворачивать базу в пустошах, и новички возились с этим почти сорок минут, хотя в Центре с ними проводились соответствующие тренировки. Технику при минус пятидесяти шести глушить никто не решился, к исходу суток аккумуляторы опустели наполовину, раз десять приходили бураны, и хорошо еще, что обошлось без ураганов. Интоксикация далась Антону просто ужасно, хотя закончилась раньше всех, и его мозг едва не взорвался от отчаяния, с катастрофической интенсивностью размышляя над тем, как избавиться от участия в экспедициях.

Однако в эту экспедицию он едет с реальной заинтересованностью. Сутки назад из Росрезерва вернулся прошлый состав, и администрация

официально объявила, что все продукты из Росрезерва вывезены. На это ушло в общей сложности пять экспедиций и двадцать суток. Нависшая над биофермами угроза гибели от истощения ликвидирована, животные, аквазоны и прочее начали получать усиленное питание, и спустя шесть месяцев от текущей даты все нормы обеспечения людей будут пересмотрены в сторону увеличения. В качестве праздника администрация готовит аукцион невиданной щедрости, который состоится со дня на день. На нем будет распродано большое количество вещей, изъятых у уничтоженных террористов. То, что не будет выставлено в рамках аукциона, будет использовано в качестве премий тем, чья информация о складах с матценностями окажется наиболее продуктивной.

Последняя ремарка подвигла Антона к решительным действиям. Раз военная хунта делает такие объявления, значит, вскоре предстоят экспедиции и раскопки. Для подорванного здоровья Овечкина это уже слишком. Поэтому он пошел к Порфирьеву и заявил, что пришло время вернуться к строительству ангара Овечкина. Для этого нужны материалы из Росрезерва, и он готов отправиться туда и лично выбрать нужное. На это асоциальный брутал ответил, что в Росрезерве все нужное, и мы будем вывозить оттуда все, вплоть до ворот и кафельной плитки, которой выложены стены, пол и потолок тамошнего туалета. Но предложение Антона Порфирьев одобрил, потому что строительство вместительного ангара сейчас действительно выходит на первое место. Напрямик амбал не сказал, что избавит Овечкина от экспедиций, но и так было ясно, что строительство ангара надо брать в свои руки, пока его не отдали кому-нибудь другому. Так что в этой экспедиции Антону позволили решать, что именно вывозить в первую очередь. И он использует свой шанс на все сто процентов.

Удар бурана пришел, как всегда, внезапно, и Овечкин открыл глаза. Колонна спешно погасила скорость и развернулась мордой навстречу ветру. Антон скользнул насмешливым взглядом по встревоженным лицам новичков и неторопливо произнес:

– Так себе буран. – Он с демонстративным спокойствием закрыл глаза, собираясь поспать. – И тридцати метров в секунду нет. Ерунда.

Обычно мы даже не останавливаемся, сбрасываем скорость и продолжаем движение на малом ходу. Но сейчас за рулем люди без опыта, так что переждем. Можно спать.

Слова опытного специалиста по экспедициям, да еще Инженера, произвели на людей ожидаемое впечатление. Все расслабились и принялись устраиваться поудобнее. Антон украдкой поглядывал за ними, но все были абсолютно уверены в его правоте, и никто даже не усомнился в сказанном. Наивные люди! Вот разок буран перетечет в ураган, который притащит в развернутую базу заледеневшую бетонную глыбу, тогда поймете, что такое поверхность! Овечкин мысленно вздохнул. Лишь бы роботы не нагрянули! К счастью, до сих пор их никто не видел. Может быть, ФСБ-шники действительно перебили их всех.

Минут через пятнадцать буран закончился, Тех вернул колонну на маршрут, и машины вновь набрали скорость. Находиться в скафандре высшей защиты было гораздо спокойнее, и вскоре Овечкину удалось уснуть. До самого Росрезерва проспать не получилось, мешали частые остановки из-за буранов, но на этот раз ветра долго не длились, и до цели удалось добраться за десять минут до окончания цикла антирада. Антон сидел, как на иголках, следя за истекающим временем. Новички не смогут развернуть базу быстро даже внутри, где нет ветров и есть освещение от реактора ЛСУ! Он очень старался не паниковать, когда несколько раз выходил в эфир и задавал вопрос Теху, не пора ли останавливаться, но тот неизменно отвечал, мол, успеем, и просил не говорить под руку, потому что оставшийся отрезок пути слишком сложен для недопилота, и он ведет колонну вручную.

Едва машины вползли внутрь Росрезерва, Антон бросился руководить развертыванием базы, не дожидаясь, когда из кабин грузовиков повылезают военные. И тут же выяснилось, что ничего разворачивать не надо, потому что база уже развернута. Позапрошлая экспедиция, которую возглавлял Порфирьев, взяла с собой две базы, одну из которых развернули и оставили здесь. Все, кроме Антона, об этом знали. Порфирьев объявил об этом устно по конференцсвязи в тот момент, когда Овечкин заботился о семье. То есть была не его смена, и Дилара

как обычно отобрала у него коммуникатор. Но об этом никто не знал, поэтому все были уверены, что он в курсе.

Пришлось срочно сделать вид, что он обо всем знал, но планировал развернуть базу в качестве дополнительной тренировки для новичков, потому что это им на пользу. Но в связи с отсутствием времени тренировку придется отменить. Экспедиция затащила в спецпалатку аккумулятор и свежий фильтр для фильтровентиляционной установки, и к началу интоксикации база даже успела прогреться до плюсовой температуры.

Потом Антон вместе со всеми бился в судорогах, катаясь по лужам собственных и чужих рвотных масс, затем забывался в тяжелом сне, пытаясь отползти от содрогающихся в конвульсиях людей, словом, все как всегда. Радовало лишь то, что интоксикация у него заканчивалась раньше всех, и проблемы с недостатком воды и очередями в санузел больше его не касались. Наконец, все более-менее оклемались, и сопляк Владимир, подражая Порфирьеву, велел Антону провести инструктаж среди личного состава. Чтобы все еще раз усвоили, что предстоит делать, мол, понимание задачи экономит время. Овечкин про себя посмеялся над молодым подхалимом, но его лидерство было Антону на руку, и он старательно выполнил недо-приказ недо-начальника, объясняя людям то, что уже было объяснено в Центре еще до выезда.

Следующий цикл антирада Овечкин руководил рабочими и грузчиками не покладая рук. Демонтировались стеллажи, разрезались контейнеры, снимались с петель двери, запиравшие входы в хранилища, все это разделялось на куски подходящей длины и загружалось в грузовики. По удельной работоспособности Антон превзошел сам себя, но все же добился того, что обе машины были загружены до предела. На это ушло ровно семь с половиной часов, и последние элементы конструкций он закреплял в кузове грузовика лично, оставшись один. Остальные уже были внутри базы, готовились к интоксикации. Антон вернулся спустя минуту после окончания стандартного цикла, базу загерметизировали, и ад интоксикации повторился вновь.

Истечения суток он еле дождался, подхлестываемый нетерпением. В голове роились различные варианты использования в предстоящем

строительстве только что погруженного хлама, и за время ожидания Антон придумал и забраковал с десяток способов. Для точных расчетов требовалось вернуться в Центр, и из спецпалатки Антон выбрался самым первым, подгоняя всех остальных. Действовать, как опытные специалисты Порфирьева, новички не умели, и в обратный путь колонна смогла тронуться только через пятнадцать минут. Потому что глушить технику не стали и долго провозились с заменой аккумуляторов. Стоило бы разработать переходники, чтобы связывать машины с ЛСУ на время стоянки в ангаре Росрезерва, но заниматься этим у Антона нет времени. Его дело – ангар Овечкина. Переходники путь клепают люди Миронова, раз они такие всезнающие!

Наконец, экспедиция вышла на маршрут, недопилот принял управление у недо-командира, и колонна начала разгон. Обратный путь прошел на удивление удачно, что еще раз убедило Антона в том, что фортуна начала поворачиваться к нему лицом. Ни роботов, ни ураганов, и даже бураны приходили всего трижды, хоть и на полчаса каждый. За все время пути ничто ни разу не вышло из строя, колонна вслепую промчалась по радиоактивной пустоши из черного снега и такой же радиоактивной пыли, и спустя шесть часов была в районе «Подземстроя-1». Дальше управление перешло к Теху, и все конечно же затянулось. Сопляк полз к входу в каньон Центра почти полчаса и еще минут пять еле тащился по самому каньону, потому что начался буран, и он заявил, что ни фига не видит. Хорошо, хоть дополз без аварий и столкновений. Спокойно вздохнуть Антон позволил себе, лишь когда за спиной закрылись ворота шлюза. Только тогда он устало выдохнул и поздравил всех с успешным окончанием экспедиции.

Шахту опять трясло, и лифт спускался вниз на малой скорости. Раз автоматика не прекратила движение целиком, значит, вибрации значительными не были, но спуск все равно занял почти десять минут, и это раздражало Овечкина. До интоксикации у него оставалось шестьдесят три минуты, он планировал поговорить с Порфирьевым на тему привезенных строительных материалов. Сейчас команда грузчиков начнет разгрузку, и нужно сразу расставить все точки: этот груз предназначен для ангара Овечкина и только для этого! Антон прям

копчиком чувствовал, что сейчас же найдется много желающих отщипнуть от его стройматериалов кусок пожирнее!

Едва лифтовая кабина достигла бункера, Овечкин первым зашел в помещение для дезактивации. Разговор с асоциальным бруталом займет много времени, ибо не факт, что капитан-мизантроп сразу со всем согласится. К тому же Антон планировал еще успеть забежать домой, захватить сменную одежду, чтобы не одеваться в грязное после биорегенератора и хорошего душа. Заодно, если Давид не спит, можно рассказать сыну несколько подробностей экспедиции. Для него это важно, ребенок транслирует рассказы отца своим сверстникам, это повышает его авторитет среди детворы! Сын Инженера Овечкина должен с младых ногтей привыкать к роли лидера мнений.

Пока Тех что-то там докладывал Порфирьеву в ближнем радиоэфире, Антон опередил всех и влез в кабину противорадиационной обработки. Он принял полагающуюся позу и сообщил о готовности пройти очистку. Девушка-контролер, управлявшая процессом, странно посмотрела на него печальным взглядом, быстро потупившись, но процесс обработки запустила, и Овечкин с нетерпением дождался его окончания. Он выбрался из кабины и поспешил в помещение для снятия скафандров. Порфирьев оказался прямо там, и это было очень на руку, потому что сильно упрощало дело. Антон торопливо избавился от скафандра, бросив его у ног кого-то из сотрудников пункта радиологического контроля, и энергично направился к Варягу. Если бы Тех успел к Порфирьеву первым, своей очереди поговорить пришлось бы ждать долго.

– Олег! – Амбал смотрел на него своим вечно мрачным взглядом, и на всякий случай Овечкин начал разговор еще за пару шагов, чтобы захватить инициативу. – Мы привезли материалы для ангара, как планировалось! Я лично выбирал каждый элемент! Подчеркиваю, брали только то, что подойдет для строительства ангара как можно эффективнее! Необходимо проследить, чтобы наши материалы не были использованы для других целей! Я готов заняться ангаром завтра же!

– Подожди, – хмуро прервал его Порфирьев. – С ангаром разберемся потом. Ступай домой. У тебя сын умер.

– Что?.. – опешил Антон, в первую секунду не веря своим ушам. – Это тупая шутка..

– Вчера утром он не проснулся, – мрачно произнес капитан. – Его срочно отвезли в медпункт, но оказалось, что смерть наступила еще ночью. Сходи домой, у тебя еще есть время. Позже поговорим.

– Этого не может быть... – выдохнул Овечкин, чувствуя, как холодеет внутри. – Этого не может быть! – Он бросился к выходу: – Не может! Нет!

Антон бежал по коридору, расталкивая не успевших посторониться прохожих, и полубезумным шепотом повторял эту фразу, словно мантру. Его никто не останавливал, никто не возмущался, никто ничего не говорил. Все молча опускали глаза или провожали его грустными взглядами, которых он уже не замечал. Добежав до лифтовой площадки, Овечкин бросился в первый попавшийся лифт, и из ожидающей рядом очереди никто не зашел в кабину следом за ним. В лифте Антон спускался в полном одиночестве, уже понимая, что жуткий жестокий кошмар вновь вторгся в его жизнь.

Едва лифтовые створы поползли в стороны, он ринулся наружу, проносясь мимо прижавшейся к стенам дюжины печальных девушек. Видимо, охрана с первого уровня связалась по рации со своими коллегами на втором, потому что никто не попался ему под ноги, хотя в центральном коридоре второго уровня людей было вчетверо больше. Но в тот момент Антон не думал об этом, не видел женских слез и направленных ему в спину сочувствующих взглядов. Он добежал до своего номера, возле которого обнаружилось десятка полтора знакомых Дилары и несколько охранниц. Охваченные скорбью женщины запричитали при его появлении, к Антону потянулись руки, зазвучали какие-то слова, но он промчался через толпу и ворвался в номер. И замер посреди, обводя помещение затравленным взглядом.

Давида нигде не было, лишь на кушетке, заменявшей ребенку кровать, были аккуратно сложены его игрушки. Заплаканная Дилара сидела рядом прямо на полу, возле нее тихо причитали две ее подруги по бизнесу.

– Где... – Антон судорожно сглотнул, облизывая сухие губы, – Давид?

Несколько секунд Дилара молчала, потом негромко произнесла странным тоном:

– Они не отдали мне тело. Сказали: не положено. Нельзя уносить труп в жилые помещения. – Звучание ее голоса постепенно усиливалось: – Я умоляла охрану, стояла на коленях перед Начальником СБ… Бесполезно. Они вышвырнули его на поверхность, туда, где зарыты тела других… Как мусор… Ты мог бы договориться с ними… Но тебя не было рядом. Тебя никогда не было рядом, когда ты был нужен… Он всегда ждал твоего возвращения… Спать не ложился… терпел… но ты не торопился…

– Я… – дальше Овечкин сказать не успел.

– Тебя никогда не было рядом!!! – истерично взвизгнула Дилара, вскакивая. – Это ты виноват!!! Ты!!! – В ее руке сверкнули ножницы, и она бросилась на Антона со стеклянным взглядом и остервенелым воплем: – Ты!!! Ты!!! Ты!!!

Овечкин попытался закрыться руками, и ножницы вонзились в ладонь, пробивая ее насквозь. Намного более массивная Дилара сшибла его с ног и принялась вбивать в его тело ножницы удар за ударом, не разбирая цели. В ушах зазвенел многоголосый испуганный женский крик, в следующую секунду голова словно раскололась от боли, и Антон закричал, инстинктивно отбиваясь от обезумевшей жены. Жестокий удар повторился снова и сразу же еще, изрезанные руки пылали болью, пробитые кисти не сжимались, глаза залило кровью, острая режущая боль вспыхивала сразу везде: в груди, в плечах, на голове. Овечкин не сразу понял, что удары прекратились. Его трясло от мучительной боли, руки отказывались подчиняться, в залитых кровью глазах быстро темнело. Последнее, что он смог разобрать через красную пелену прежде, чем потерял сознание, было массивное тело Дилары в окружении нескольких охранниц, дергано вздрагивающее под ударами электрошокеров.

* * *

– Что значит Варяг не позволяет?! – Брилёв вперил в помощника суровый взгляд.

– Он сказал, что все, привезенное крайней экспедицией из Росрезерва, предназначено для строительства внешнего ангара, – голос Карена звучал нетвердо, помощник явно чувствовал себя между молотом и наковальней. – Поэтому, если кто-нибудь утащит хоть что-то, получит по рылу. Рукопашную с Варягом никто не хочет.

– Сюда его, быстро! – Полковник грозно нахмурился. – Устроили тут детский сад!

Помощник скрылся за дверью, и Брилёв устало откинулся в кресле. Проблем на ровном месте ему только не хватало! Только-только все начало налаживаться, неделю назад биофермы перестали висеть на волоске, но до полного спокойствия еще далеко. Почти весь объем продовольствия, вывезенного из Росрезерва, попал в Центр излучающим изрядный фон. Попытки экранировать груз при помощи сделанного из спецпалаток тента спасли ситуацию всего один раз, когда возглавляемой Варягом экспедиции повезло вернуться из Росрезерва в Центр за один цикл антирада. Эти сорок тонн продовольствия немедленно распределили по складам ресторанов, все остальное пришлось долго чистить и обрабатывать. И все равно после этого оно годилось только для переработки в корма для биоферм.

Само по себе это было превосходно, биофермы уже переведены в режим восстановления и уже получают усиленное питание. Зоотехники клянутся, что через полгода на третьем уровне будет не протолкнуться от обилия растительности и живности. Но сорок тонн продовольствия – это не то количество, которого хватит для безбедной жизни четырем тысячам ртов в течение полугода. Это чуть больше полутора килограмм на человека в месяц. Накормить таким мизером – нереально. Можно лишь использовать это в качестве добавки к опостылевшему всем единственному блюду из грибного салата со свининой под соевым соусом, чтобы разнообразить меню.

Эта уловка дала эффект, население почувствовало, что непрерывная негативная тенденция сменилась на позитивную, и заявления администрации о том, что через полгода жизнь наладится, перестали

встречать мрачным скепсисом. Но эти шесть месяцев необходимо прожить, и сделать это без усиления социальной напряженности будет совсем не просто. Толпа будет сидеть на голодном пайке, нормы пришлось урезать даже сотрудникам Центра. Последние восприняли это с пониманием, потому что в большинстве своем сами работают на биофермах и видят перспективы. Зато на втором уровне каких только слухов не ходит. Тупое бабье треплет языками без устали, даже не обращая внимания на то, что зачастую разносит бред, который противоречит сам себе.

В качестве понижения градуса недовольства сейчас очень кстати было бы выстроить хоть небольшое количество отдельных номеров и расселить в них хотя бы какую-то часть толпы, чьи хостелы представляют собой расставленные в коридорах койки. Он приказал использовать для этого привезенные крайней экспедицией материалы. Межкомнатные перегородки из стенок контейнеров мало сочетаются с дизайнерской эстетикой и прочими фен-шуями, но это лучше, чем ничего. Те, кто живут в коридорах, будут счастливы переехать и в такие номера, лишь бы свои. А тут Порфирьев со своими закидонами.

Вчера два часа агитировал его отменить казнь жены Овечкина, хотя она напрямую нарушила ПОП, покусившись на жизнь высококвалифицированного сотрудника Центра, и создавать опасный прецедент было в высшей степени недальновидно. Кто-нибудь может решить, что такое сходит с рук, и потом напасть на кого-то из по-настоящему ценных специалистов. Но Варяг уперся, заявляя, что проявление снисхождения усилит позиции администрации, потому что Овечкина испытала тяжелое потрясение и в тот момент была не в себе. На ее глазах умер второй и последний ее ребенок, у нее самой облучение вызвало бесплодие, и главное, весь второй уровень долго следил за тем, как сын Овечкиных борется за жизнь. Его смерть опечалила там всех, особенно три сотни мамаш с детьми и их подруг.

Окей, Брилёв пошел ему навстречу. Ради будущих раскопок, актуальность которых растет с каждой неделей. Хотя это стоило полковнику прямых убытков: в номер Овечкиных можно было заселить двух человек, а так он остался за Овечкиной. И самого неудачника-

подкаблучника, едва не затоптанного этим самым каблуком насмерть, тоже нужно куда-то селить. Потому что оставлять их вместе Брилёв не станет. Такую возможность наступить на мозоль черному рынку он не упустит. Овечкин выпишется из медотсека и получит номер на первом уровне. Для начала – самый скромный полулюкс. А там посмотрим. Запас номеров на первом уровне имеется, об этом Брилёв позаботился, но главная проблема – обеспечение собственного комфорта – так и осталась в стадии планов. Потому что нет стройматериалов. Металлолом, который привозят из Росрезерва, для обустройства собственного жилья не годится.

Поэтому полковник пошел на уступки Порфирьеву. Без него раскопки невозможны, это уже ясно. Спецназ Абрека и инженерная команда Миронова, возможно, сумеют отыскать ту или иную точку, предположительно являющуюся местом потенциальных раскопок, но вытолкать их на поверхность будет нелегко. Это может серьезно подорвать лояльность. Неприемлемо! К тому же рисковать своими лучшими людьми Брилёв не собирается. Все видели, чем закончили ФСБ-шники из Росрезерва. Последний из них умер только что, Снегирёва прислала официальное уведомление час назад. Пиджак не устает благодарить Аллаха за то, что Варяг взял в качестве языка именно его, хотя дольше Шарафутдинова Снегирёва держит в биорегенераторе только самого Порфирьева.

Так что капризы своевольного капитана стратегически грамотно выполнить. Вместе с нытьем Снегирёвой. Пусть лечит его двадцать четыре на семь, а в промежутках пусть Варяг ищет ресурсы для выживания. Их нужно найти до того, как он умрет. Пусть хотя бы отыщет и отработает надежный маршрут, а дальше справятся недопилот и остальные. Нет смысла убивать здоровье лучшим людям, которых мало, когда есть опытные специалисты по пустошам, здоровье которых уже убито. Своим героическим подвигом они обеспечат общественности выживание и светлое будущее. Родина их не забудет, и так далее. Нашей стране не привыкать, методика отработана не одной сотней лет, изобретать велосипед глупо. Тем более что требования Варяга не самые проблемные. Были. До сегодняшнего момента.

– Товарищ полковник! Варяг здесь! – доложил Карен.

– Пусть заходит! – Брилёв привел спинку кресла в вертикальное положение и встретил Порфирьева суровым взглядом: – Что за проблему ты устроил на ровном месте, капитан? Мне людей селить некуда! На втором уровне полторы тысячи баб живут в коридорах!

– Поживут еще, – рычание Варяга было, как всегда, злобно-безразличным, лишь усилившаяся бледность выдавала возрастающие проблемы с пошатнувшимся здоровьем. – Жили же до этого – и не развалились. А вот ангар развалится на хрен со дня на день. Без стены крыша будет держаться до первого урагана, который придет со стороны каньона. До сих пор нам везло. Но так будет не всегда.

– Я говорил с Мироновым, – возразил полковник. – Инженеры считают, что можно частично защитить ангар, если засыпать вход в каньон грунтом. Этой меры должно хватить на первое время. За которое мы вывезем из Росрезерва все, включая стеллажи и контейнеры. Они будут пущены на достройку ангара.

– И куда мы это «все» будем складывать? – угрюмо прорычал Варяг. – В имеющийся ангар даже не вся техника вмещается. Гусеничные машины стоят под открытым небом, их приходится откапывать раз в сутки, иначе они превратятся в холмы, которые перегородят каньон так, что никаких засыпок не потребуется. В бункере свободного места нет, если только устраивать склады в центральных коридорах. Тоже бросим все под открытым небом? Там уже минус пятьдесят восемь, мы давно не глушим технику, чтобы как бы чего не вышло! Необходимо срочно дорабатывать весь транспорт – устанавливать обогрев или что там Инженеры обещают сделать для того, чтобы машины не полопались под ураганом, когда минус упадет ниже шестидесяти… Без стены ангар ни о чем, никаких серьезных работ там не проведешь. Пыль, радиация и бураны не позволят. Ангар надо делать прямо сейчас, пока нам везет с ураганами. Параллельно с вывозом барахла из Росрезерва. Остальное подождет.

Пару секунд Брилёв размышлял над словами Порфирьева. Самоуверенный капитан учит его, как надо правильно командовать Центром. Полгода назад такое бы привело полковника в тихое бешенство, и он бы быстро нашел способ поставить зарвавшегося

выскочку на место. Но опыт новой жизни научил Брилёва многому. Гораздо выгоднее проиграть бой и выиграть войну, чем наоборот. Гибкость решает! К тому же практика показывает, что уникальные специалисты часто знают о своей уникальности, и потому наглости им не занимать. С командой Миронова ему повезло, там одна молодежь. Они иногда устраивают выкрутасы, но все это лишь свойственные возрасту мелочи: бабы, рестораны, ЧСВ по отношению к тем, кто не вхож в команду вершителей судеб. С людьми Абрека ему повезло еще больше. Эти, если б не были уверены, что обязаны ему жизнью, давно бы захватили власть. Мозгов у них не так много, как у Инженеров, зато решительности не занимать.

Порфирьев же безопасен исключительно потому, что кукловоды из ГРУ изначально планировали его на роль инструмента для добычи власти. Использовать инструмент должен был некто другой, поэтому из мозгов Порфирьева дальновидно вычистили любые стремления к власти. Только это спасает Брилёва от серьезных проблем. Порфирьеву власть не нужна, и общественность тоже, он вообще ложил на всех. А вот стадо бы за ним пошло. Оно и так за ним идет, даже не спрашивая капитанского желания. Если Варяг сказал, что на поверхности можно работать, все с энтузиазмом лезут ковырять технику в ангаре. Если при этом Порфирьев сам на поверхности, то планы перевыполняются, потому что все пашут даже во время сильного ветра, уверенные, что ничего с ними не случится. А если и случится, то Варяг спасет, а Снежная Королева вылечит.

Эта парочка – уникальные профессионалы, и даже тупое стадо чувствует это на подсознательном уровне. Брилёв не раз имел возможность убедиться, что ГРУшные кукловоды свой хлеб ели не зря, царствие им небесное. Раз Порфирьев настаивает, значит, у него есть на это веские основания. Наиболее вероятно, что он основывается на заложенной в промытые мозги специальной подготовке. А ведь она рассчитывалась именно для работы в сегодняшних условиях.

– Ты уверен, что мы справимся сразу со всем? – Брилёв требовательно посмотрел на едва заметно кривящегося от боли капитана. – Обслуживать технику, проводить экспедиции и строить

ангар? Кто этим будет заниматься? Овечкин в медотсеке полуживой, команда Миронова загружена выше головы.

– Овечкина выпишут быстро, – в рычании Порфирьева мелькнули нотки пренебрежения. – Тяжелых травм он не получил, а руками ему особо работать не придется. Свершилась его мечта! В экспедициях он пока бесполезен. Так что Овечкин будет только «за». Пока начнем без него, Мозгу придется поднапрячься. Ничего, не растает, не сахарный. У нас времени в обрез, такими темпами на поверхности будет минус шестьдесят дней через десять. Нужно технику утеплять, пока не поздно.

– Хорошо, ты меня убедил, – властно заявил Брилёв. – Бери все, что необходимо, и занимайся ангаром! Кто поведет вместо тебя завтрашнюю экспедицию?

– Сам поведу, – покачал головой здоровяк. – Сейчас чем быстрее вернемся, тем больше шансов. Загрузимся только хламом для строительства ангара, чтобы хватило наверняка.

– Снегирёва будет против. – Брилёв нахмурился. – Она на каждом моем сеансе лечения рисует по тебе прогнозы один ужаснее другого. Если ты будешь ездить в экспедиции и выходить на поверхность для строительства ангара, получим конфликт. Ты и так нарушил мое обязательство не выпускать тебя из стационара месяц.

– Никуда она не денется, – отмахнулся Варяг. – Как вернусь, свожу ее в семейный бункер, заберет оттуда пару шмоток, походит по дому – и успокоится.

– Что? – полковник аж привстал. – Куда ты собрался везти единственного врача?! Капитан, ты болен, тебе не в экспедицию, тебе срочную госпитализацию надо!

– Нормально все будет, – недовольно прорычал Варяг. – У нее в бункере, в каком-то заумно-секретном сейфе, есть армейская карта окрестных оптовых складов с различными ресурсами. Отец составлял специально на случай мировых катастроф. Толка от этой карты может быть на порядок больше всего того бреда, который сейчас все кому не лень наперегонки выкладывают в сеть. Сейф может открыть только она. Я разговаривал с Мозгом, он говорит, что со взломом можно провозиться не один день, проще ей самой отпереть. До бункера восемьдесят

километров, на вездеходе это два часа туда и два часа обратно, дорогу я знаю. Два часа там, с учетом замены аккумуляторов и фильтров в системе воздухоснабжения плюс минимальное отопление. Еще полтора часа про запас. Заодно заберу оттуда ветряк. Там есть бытовой, в разобранном состоянии. Пригодится.

– Офигеть! – подытожил Брилёв, касаясь гарнитуры рации: – Карен! Миронова ко мне! Бегом! – Он ошарашенно покачал головой: – Я должен подумать над этой аферой! Насчет остального не возражаю! Занимайся!

Порфирьев ушел, и полковник машинально расстегнул верхнюю пуговицу полевого обмундирования. Это еще что за бред?! Что они задумали? Рисковать жизнью единственного врача! Здесь что-то не так, такого хода от этой пары Брилёв не ожидал. Несколько минут он перебирал варианты возможных подоплек, потом в кабинет вошел капитан Миронов, и Брилёв встретил его вопросом на пороге:

– Куда Варяг собрался везти Снегирёву? Что ты об этом знаешь?

– Я тоже сначала напрягся, – Миронов уселся в кресло. – Но потом разобрался в ситуации и считаю, что это не проблема. Снегирёва попала сюда из семейного бункера, там у ее отца-выживальщика имелась карта, на которую он…

– Об этом я уже в курсе! – перебил его полковник. – Что это за бред относительно сейфа и суперсложного замка? Зачем Порфирьеву везти куда-то единственного врача?! Вы что, не можете взломать замок? Пусть привезет сюда сейф целиком!

– Тоже так ему сказал, – подтвердил Миронов. – Но там все слишком геморно получается. Сейф специально инсталлирован в бетонную стену в техническом помещении, чтобы его нельзя было вытащить целиком. Для этого сначала придется демонтировать часть систем жизнеобеспечения, а после долбить стену. Потом еще взламывать его, потому что он имеет датчики движения, которые автоматически блокируют замки, если сейф пошевелить. Порфирьев говорит, что датчики ртутные, а бункер они перед уходом загерметизировали. Поэтому система наверняка сработает. И не факт, что там нет собственного автономного питания с обогревом. Токи она потребляет малые, простенького аккумулятора

хватит на год запросто. Короче, все это взломать можно, но возни будет выше крыши: ехать туда, разбирать, долбить, доставать, вести сюда, здесь вскрывать – и все это при условии, что в сейфе не предусмотрен механизм ликвидации содержимого. Это сейчас модно. В смысле, было модно. Я только одного не понимаю: на кой ляд такой сейф потребовался в самодельном семейном бункере? У нее отец что, Джеймс Бонд?

– Паранойя – штука страшная, – криво усмехнулся Брилёв. – И, судя по поведению Снегирёвой, передается по наследству... – он замер на полуслове.

Все складывается! В секретном бункере ГРУ, предназначенном для спасения секретной ячейки агентов, вышколенных для работы в условиях ядерной войны, имеется секретный сейф с секретной картой. На которую нанесены объекты, полезные с точки зрения выживания ячейки и того, чьим инструментом она является. Никто не врет. Суперсложный сейф существует. Карта тоже. Разница лишь в том, что делал все это не мифический папочка-выживальщик, а профессионалы из соответствующего управления ГРУ. Достать ее может только Снегирёва, иначе бы Варяг сам ее привез. Но полевому агенту, который может погибнуть на поверхности в любой момент, давать доступ к столь ценным данным не имеет смысла. Доступ был у того, для кого предназначена агентурная ячейка. То есть у Менделеева или его генерала. В качестве страховки доступ дали тому, кто в случае активирования ячейки будет рисковать меньше всех. То есть штатному врачу. Все четко и логично. Поэтому Порфирьев уверен, что поездка за картой пройдет быстро и без проблем, а процесс извлечения сейфа и его последующее вскрытие займут несколько дней и могут закончится самоуничтожением документации. Не исключено, что на карте помимо просто складов отмечено много интересного, раз она так тщательно спрятана.

– Яковлева говорила, – Миронов печально покачал головой, – что даже после гибели родителей Снегирёва так не загоняла. Удары по голове не прошли даром. Хорошо, что не задело часть мозга, отвечающую за медицину. Но взгляд у нее теперь как у куклы.

– Согласен! – Полковник невесело вздохнул. – Хорошего мало! С Заремой мы прокололись, но никто не мог знать, что так получится, а медиков не хватало. Резюмируем: можем пойти на риск и позволить Снегирёвой покинуть Центр?

– Думаю, риск минимален, – уверенно заявил Миронов. – Варяг регулярно добирается туда-сюда за пятьсот километров, так что восемьдесят он точно преодолеет. Тем более дорогу он знает. Для надежности можно отправить с ним грузовик. Приготовить спасательную экспедицию на случай, если они не вернутся к исходу цикла антирада. Но сам Варяг уверен, что все пройдет без проблем. Технику мы подготовим, за сто шестьдесят километров проблем точно не будет.

– Окей! – Брилёв принял решение еще до того, как дослушал Миронова. – Решено. Пусть едут, эта карта нам нужна. Что насчет ангара? Порфирьев меня запугивал холодами в минус шестьдесят и отказами техники чуть ли не на ходу. Насколько это реально?

– Более чем, – помрачнел Миронов. – У нас нет арктического транспорта, все, что есть, рассчитано для эксплуатации при температурах не ниже минус шестидесяти. Но температура на поверхности продолжает опускаться, и как поведет себя техника при минус семидесяти можно только предполагать. В любом случае ничего хорошего нас не ждет. Нужно серьезно готовить технику к таким холодам. А еще лучше – вообще закончить все дела на поверхности к этому моменту и сидеть в бункере, не высовываясь. Мы просчитали: установить на первом уровне два биорегенератора не получится, там нужно слишком много работ проделать, включая подведение отдельного водоснабжения и отдельного насоса от системы смешения медицинских компонентов. Проще установить их в обычном медотсеке, сэкономим массу ресурсов, и нет риска что-либо испортить в общей системе. Поэтому мы хотели, чтобы в первую очередь Варяг привез из Росрезерва токарно-фрезерный комплекс и биорегенераторы. Вдруг потом уже не на чем будет все это везти. – Инженер замялся. – Или некому…

– Он настаивает на первоочередном строительстве ангара, – произнес Брилёв. – Я согласен с его доводами. Нам нужны складские площади.

Обязательно – теплые. Чтобы склады и то, что будет там лежать, могли пережить эти минус семьдесят. Займитесь этим в первую очередь.

– Нас на все не хватает, – с досадой поморщился Миронов. – Если броситься строить ангар, забуксует разработка домкратов для ЛСУ. Если за это время настанут критические температуры, рискуем вообще остаться без передвижного реактора! Путепрокладчик до Росрезерва не доедет, даже если найдем топливо. Мы пробовали – он быстрее семи километров в час не идет. Слой снега и обломков на поверхности выше, чем он сам! Машина еле ползет, с такой скоростью это часов семьдесят езды! Десять циклов антирада! Полмесяца на поверхности! Тот, кто его поведет, повторит судьбу ФСБ-шников прежде, чем вернется назад!

– Недопилот не поможет? – уточнил полковник. – Пусть ведет машину без людей.

– Недопилот идет по маршруту Варяга, – объяснил Инженер. – Варяг прокладывал маршрут по снежной поверхности. Для воздушной подушки это беспрепятственный путь следования. Что творится под снегом, никто не знает. Может, там провалы глубиной в полста метров, в местах обрушения подземных коммуникаций.

– Наш маршрут сохранился? Когда мы сами добирались сюда из Росрезерва?

– Только в скафандрах, – вновь покачал головой Миронов. – Автопилоты погорели к концу первых суток, маршрут даже не фиксировался. Да и не пройдет его недопилот. Там столько петель было! То объезжали что-то, то прокапывались, то назад сдавали, потому что путепрокладчик упирался в завал намертво. Рассчитывать на грузовую стрелу бесполезно. Единственный способ забрать ядерный реактор ЛСУ – это снять его с гусеничной платформы передвижными домкратами. Ими же переставить его на нашу платформу на воздушной подушке. Но сделать это легче, чем сказать. Мы сейчас бьемся над решением этой проблемы.

– Займитесь теплым ангаром хотя бы теоретически, – Брилёв вновь тяжело вздохнул. – Как только Овечкин выпишется из медотсека, поручим строительство ему, тем более что он так этого добивался. В

экспедициях его пока заменит Пиджак. Если умрет – се ля ви. Кому сейчас легко? Ему еще повезло, и он об этом знает.

Полковник отпустил Миронова и нервно затарабанил пальцами по столешнице. Эта непрекращающаяся нервотрепка когда-нибудь загонит его в могилу! Новые проблемы возникают раньше, чем удается решить старые. Постоянно приходится сломя голову бежать за уходящим поездом и рвать жилы в отчаянной попытке запрыгнуть в последний вагон. Техника начнет отказывать при минус шестидесяти! Какого черта всевозможные академики, инженеры-конструкторы, технологи и прочие бездельники не сделали ее надежнее?! Неужели это так сложно в двадцать втором веке, когда у нас города чуть ли не на Северном полюсе и МКС на орбите?! Опять все ушло в карманы президентских дружков и откаты прочим шестеркам! Неудивительно, что город на полюсе накрыла первая же натовская подлодка, и никакое ПВО даже среагировать не успело. Наверняка там тоже проворовались, и какие-нибудь противоракеты развалились в воздухе – нет, не из-за коррупции – из-за слишком низких температур!

Минуту Брилёв тихо психовал, потом ткнул пальцем в сенсорный экран настольного коммуникатора и принялся изучать опись изъятых у уничтоженных террористов материальных ценностей. От тысячи ликвидированных мятежников осталось достаточно барахла, но все это по большей части хлам, способный заинтересовать лишь стадо на втором уровне. Поношенные шмотки, предметы мелкого обихода, поюзанная косметика и тому подобное. Самым ценным, что имелось в их номерах, являлось постельное белье. Его изъяли в первый же день, прогнали через химчистку и поставили на баланс Центра. С тканями дефицит жесточайший, их выставлять на аукцион нельзя. Остальное пусть разбирают. Вообще это планировалось, как план «Б», чтобы растянуть некий общественный позитив на ближайшие полгода. Сначала небольшое строительство номеров, потом небольшое расселение, затем аукцион. Так полгода и пройдут. Теперь придется провести аукцион в первую очередь, все равно он давно анонсирован. Пожалуй, не стоило тогда торопиться с этим анонсом, но в тот момент политическая ситуация только-только прояснялась, и данное решение казалось правильным.

* * *

Поток кислорода, холодящий влажную кожу лица, изгнал из сознания бессвязный медицинский сон, и Ингеборга открыла глаза. Сеанс лечения завершился, и ложе биорегенератора выносило ее из чрева медицинского оборудования. В операционной, как всегда, было тихо и безлюдно, лишь многочисленная электроника биорегенераторов перемигивалась десятками индикаторов, сообщая о штатном течении проводимых процедур. Девушка сонно потерла глаза и приняла сидячее положение, чтобы сон уходил быстрее. Сейчас бы поспать еще хотя бы столько же… Но времени вновь не хватает, на поверхности продолжилось строительство ангара, оттуда регулярно прибывают люди, и детоксикация проводится круглосуточно. Помимо этого, вчера из Росрезерва вернулся первый состав экспедиции под командованием Варяга, и прошедшие сутки были расписаны у Ингеборги поминутно. Неудивительно, что ста четырех минут биорегенерации не хватило, чтобы почувствовать себя отдохнувшей.

Сонливость отступать не хотела, и блондинка пошлепала босыми ногами к мониторам Искусственного Интеллекта медотсека. Одноразовое белье и тапочки полностью закончились неделю назад, им на смену ввели многоразовые, пошитые из пришедшего в негодность постельного белья, но утром закончились и они. Новую партию должны были доставить из химчистки только через час или два, и окно, столь тщательно выпланированное Ингеборгой для собственного лечения, ждать не будет. Поэтому она легла в биорегенератор голой, как обычные пациенты, и вообще не задумывалась по этому поводу. Не в первый раз, зато, будем надеяться, в последний.

Этот сеанс самолечения был завершающим в созданном ею для самой себя курсе процедур. Она вылечила себя настолько, насколько это было в ее силах. Большего ей не сделать, и продолжать процедуры не имеет смысла. Результат будет минимален, а затраты несоизмеримы. Запасы медицинской химии тают, и лучше направить их на лечение тех, кому оно нужнее. Тому же Варягу. Ингеборга пробежала глазами столбцы данных. Можно сказать, что с ней все в порядке. Остальное нуждается не

столько в биорегенерации, сколько в отдыхе и лечении временем. Остаточные следы от шрамов под загаром более-менее не видны, проплешины на голове выпустили пятимиллиметровые волосинки и уже не выглядят настолько жутко, как раньше. Остальное пройдет само. Лечение заняло на десять суток больше, чем она рассчитывала изначально, но сейчас его можно считать оконченным. Блондинка сделала несколько пометок в собственной электронной медкарте, и ее взгляд задержался на дате окончания курса терапии.

Сто шестидесятые сутки со дня катастрофы. Почти круглая дата. Со дня начала ядерной войны прошло меньше полугода, но ей кажется, будто минуло уже лет десять. Все слилось в одну бесконечную череду… в которой не было ничего хорошего. Девушка закрыла свою медкарту и перевела взгляд на выведенную на отдельный экран историю болезни Порфирьева. Со вчерашнего дня Ингеборга ее даже не закрывала, потому что работать с ней приходилось в каждую свободную минуту. С ее злобным радиоактивным рыцарем все было очень плохо. Биохимия крови претерпела катастрофические изменения, спинной мозг отмирал, пока еще медленно, но неуклонно. Она вводит ему огромное количество препаратов, и капитан выглядит как ни в чем не бывало. Но на самом деле его часто посещают боли, и она знает, что он просто скрывает это от всех.

Тихий щелчок открывающейся двери застал ее врасплох.

– Ты чем это тут занимаешься? – Появившийся на пороге Варяг окинул обнаженную блондинку хмурым взглядом и покосился на камеры видеонаблюдения: – Подрабатываешь продажей виртуального секса?

– Я только из биорегенератора… – Ингеборга поспешила к лежащему на кресле медицинскому халату и принялась торопливо натягивать его на себя. – Это же операционная, сюда никто без разрешения не заходит…

– Я же зашел, – парировал Порфирьев.

– Вы – это вы, – Ингеборга спешно застегивала пуговицы. – Вам требуется непрерывное лечение всю оставшуюся жизнь! Я велела девочкам пускать вас вне очереди в любое время. – Она взяла в руки диагност: – Что вас беспокоит?

– Гондурас, – невозмутимо зарычал капитан. – И связанная с ним несправедливость.

– Что?.. – опешила девушка, останавливаясь на полпути.

– Подобно многим соотечественникам, я серьезно обеспокоен тем фактом, что не ту страну Гондурасом назвали, – обличающее выражение лица Порфирьева прямо свидетельствовало о том, что вина в этой несправедливости лежит на ней лично.

Вчерашняя экспедиция вернулась из Росрезерва в самый короткий срок. Сам Варяг, как обычно, проигнорировал ее вопросы и сразу после детоксикации ушел заниматься внешним ангаром. Но остальные участники экспедиции рассказали, что им повезло с погодой на обоих отрезках пути. Ураганов не было, бураны приходили всего дважды и оба раза несильные, поэтому недопилот вел машины на высокой скорости и почти без задержек. У самого Центра, чуть ли не перед въездом во входной каньон, сломался один из грузовиков, но в это время колонна уже шла на ручном управлении и серьезной аварии удалось избежать. Грузовик взяли на прицеп, благо воздушная подушка не вышла из строя, и дотащили до ангара. Варяг заявил, что подобный штиль не к добру, и теперь все впахивают в мыле, готовя ангар к мощному урагану.

Но даже несмотря на быстрое возвращение, этот выход на поверхность был тяжелым ударом для стремительно разрушающегося здоровья Порфирьева. За минувшие сутки Ингеборга провела капитану четыре трехчасовых процедуры и настаивала, чтобы пятой процедуры Варяг дожидался, лежа в стационаре. Но капитан в своей манере заявил, что сейчас не до этого, в любую минуту на поверхности может начаться ураган, и если к тому моменту ангар не будет закупорен, то его раздует на мелкие куски, и все было зря. Пришлось смириться с неизбежным и отпустить Варяга руководить строительством. Она чуть не умерла от ужаса, когда вызывала его на пятый сеанс, а он ответил ей, будучи облаченным в скафандр высшей защиты. К счастью, оказалось, что он находится у Инженеров, и они что-то там делают с этим скафандром в плане ремонта.

На пятый сеанс Порфирьев пришел вовремя, провел в биорегенераторе три часа и вновь ушел на работу. Сразу после этого она

легла в его БР на сто четыре минуты и никак не ожидала его возвращения сейчас. Его ведь сюда силой не затащишь. Поэтому в первую секунду она очень испугалась, думала, что капитану стало настолько плохо, что он сам пришел в медпункт. Его слова застали ее врасплох, но смысл сказанного дошел до сознания, и стало ясно, что все не так плохо, как она приготовилась увидеть.

– Вы шутите! – облегченно выдохнула блондинка, невольно расцветая в улыбке.

– Нет! – отрезал Порфирьев. – На поверхности начался ураган. Мы вроде успели. Как всегда, в крайнюю минуту... – Он недовольно поморщился. – Если ангар выдержит, то сразу после урагана едем в твой бункер. Чтобы была в пятиминутной готовности! – Капитан развернулся, собираясь уходить.

– Когда закончится ураган? – поспешно окликнула его Ингеборга. – Мне надо распланировать работу медотсека!

– Сбегай на поверхность и спроси у него! – злобно прорычал Порфирьев, оборачиваясь. – Я для чего, по-твоему, тебя предупредил?! Планируй все заранее! Протянешь хоть минуту – останешься здесь! Возьму людей, взрывчатку и поеду потрошить твой сейф без тебя! После мощного урагана всегда наступает штиль, он может продлиться вплоть до нескольких часов, лучшего времени для поездки по плохо знакомой местности не найти! Вопросы?!

– Вопросов нет! – немедленно доложила блондинка. – А меня отсюда выпустят?

– Выпустят, – буркнул Варяг, скрываясь за дверью.

Окрыленная девушка устремилась в свою каморку смывать биораствор и одеваться. Мысль о том, что она скоро вернется домой, и вокруг пусть ненадолго, но все-таки воцарится ее маленький и добрый мир, неожиданно придала Ингеборге столько сил, сколько она не ощущала в себе уже очень и очень давно. Но на деле все оказалось совсем не так быстро. С началом урагана с поверхности вернулась рабочая бригада и технические специалисты под руководством одного из Инженеров капитана Миронова. Пять часов Ингеборга проводила процедуры ускоренной детоксикации в режиме нон-стоп, следующие десять часов

медотсек занимался стандартной детоксикацией, и все это время ураган не прекращался.

К тому моменту, когда все сотрудники Центра полностью получили необходимую медицинскую помощь, очередь из жительниц второго уровня выросла втрое, и у покачивающейся от усталости Ингеборги были все шансы заснуть прямо на ходу. Два часа она держалась изо всех сил, но за это время удалось принять всего четверых пациенток, и Кристина решительно потребовала от нее отправляться спать.

– Ты сейчас снова упадешь! – заявила она, захлопывая дверь в диагностический кабинет перед лицом очередной пациентки. – Кому от этого станет легче? Иди спать, мы со Светланой тут сами разберемся!

– Света помогала мне последние пятнадцать часов, она сейчас спит, – Ингеборга усиленно жмурилась, тщетно прогоняя сон. – Пусть спит, она должна сменить меня, когда я уеду. Ты ведь не станешь вести прием.

– Почему бы нет, – возразила Кристина. – Приму десяток больных, если очередь не разойдется. Я их не разгоняю, они сами уходят, когда я остаюсь тут одна. У них там главный источник информации – слухи! И они им верят! Слухи говорят, что я из нас троих лечу хуже всех. – Соколянская пренебрежительно усмехнулась: – Их слухи – их проблемы! Мне же легче. Инга, зая, можно я проведу Брилёву его обычный сеанс терапии, если тебя не будет? Там же сейчас нет ничего сложного.

– Светлана за последний месяц немного прибавила в знаниях, – блондинка вяло потрясла головой, запрещая глазам слипаться. – А ты теперь больше занимаешься какими-то другими делами. Может, поэтому они так реагируют...

– Пусть реагируют, как хотят! – фыркнула Кристина. – Я строю свой бизнес! Тактично развела Брилёва на участие в руководстве аукционом! Буду оценивать выставленные на продажу лоты. Пока только женские, но это неважно. Главное, первый шаг сделан! Как только ЭК найдет строительные материалы, в Центре начнется глобальная перепланировка, и я заполучу себе салон красоты. Потом ателье и фитнес-центр. Так шаг за шагом – и он сам не поймет, когда получилось так, что без меня не обходится ничего! Инга, так что насчет его лечения?

– Проведи, – согласилась блондинка. – Если он не будет против, можешь провести даже два ближайших сеанса. Они одинаковые, два таких я ему уже провела, их программа внесена в память ИИ. Уложишь его в биорегенератор, запустишь программу, и все. Останется только контролировать течение процесса. Если вдруг что-то пойдет не так, нужно вовремя прервать процедуру. Но такого не будет, на данном этапе там все несложно.

– Глаз с него не спущу! – многозначительно улыбнулась Соколянская. – Он потом будет смотреть записи с камер, я дам ему возможность прочувствовать мою ценность!

– Тебе виднее, – устало кивнула Ингеборга и поплелась к закрытой двери. – Еще две пациентки, и пойду посплю немного…

Дверь распахнулась прямо перед ее носом, едва не задев, и входной проем загородила высокая фигура могучего капитана.

– Собирайся! – безо всякого вступления зло прорычал Порфирьев. – Ураган закончился, через полчаса выезжаем! Через десять минут чтобы была в помещении для снятия скафандров!

Последнюю фразу Варяг договаривал на ходу, покидая медотсек.

– Он, как всегда, такая няшка! – Кристина демонстративно закатила глаза. – Так ты все-таки едешь за картой! Думала, Брилёв не рискнет тебя отпускать. Он спрашивал у меня про сейф, но ты мне ничего об этом не рассказывала, пришлось ответить, что я провела в твоем бункере всего несколько дней и такими подробностями не владею. Зачем тебе это надо – выходить на поверхность и травиться радиацией и антирадом? Отправили бы исполнителей, пусть ковыряются с сейфом, сколько хотят, зато безопасно. Зачем так рисковать?!

– Так все получится быстрее, – сон как ветром сдуло, и Ингеборга влетела в свою каморку, не дослушав аргументы Кристины.

Она закрыла за собой дверь на замок и остановилась. Брать с собой ничего не надо. Там все есть. Кроме воздуха и энергии. Надо только снять заштопанный повседневный спортивный костюм и надеть праздничный. Пистолет она тоже возьмет, это подарок, с которым она расставаться не собирается. Остальное не нужно. Сейчас лучше не опаздывать. Если ее любимая злюка разозлится, то можно самой себе

все испортить. А это в ее планы не входит. Ингеборга быстро переоделась, поправила тактическую подвеску с оружием и вышла из кабинета. Ее «снежинки» были в сборе и ожидали перед люком в медотсек, который уже оказался закрыт изнутри.

– Кристи, разбуди Светлану, пусть ведет прием, – Ингеборга укоризненно посмотрела на Кристину, увлеченно изучающую программу процедур Брилёва. – Я сменю ее, когда вернусь.

– Приму десять пациенток и разбужу! – откликнулась Соколянская. – Зая, не волнуйся, все будет окей! Ты только не рискуй там, ты нужна нам здесь!

– Выходим, – блондинка обернулась к «снежинкам». – У нас мало времени! Через пять минут нужно быть в помещении для снятия скафандров!

– Вы уезжаете в экспедицию?! – опешила Булавка, выражая эмоции собравшихся вокруг охранниц. – Они там что, с ума все посходили?! Отправлять на поверхность единственного врача! Что такого произошло?!

– Ничего страшного не случилось, – успокоила ее Ингеборга. – Это недолгая экспедиция. Я должна попасть в свой бункер, если он сохранился. Это очень важно, а мы опаздываем. Идем!

«Снежинки» вывели ее из медотсека и повели через толпу, удивленно разглядывающую Снегирёву, выходящую куда-то вообще и без медицинского халата в частности. Отсутствие каких-либо объявлений со стороны охраны немедленно вызвало всплеск предположений, и Ингеборга заметила, как Булавка косится куда-то в сторону злым взглядом. Из очереди вышли несколько девушек, и одна из них торопливо направлялась к повороту, ведущему к президентскому люксу, стараясь опередить «снежинок». Эскорт прошел мимо, заставив ее остановиться в недоумении, но дальнейшее Ингеборгу не интересовало.

В комнату для снятия скафандров она опоздала на полминуты. Порфирьев уже был там, облаченный в тот самый скафандр, в котором она видела его у Инженеров. В руках он держал еще один скафандр, в котором она узнала свой собственный.

– А побыстрее было никак?! – угрюмо осведомился Варяг, обжигая ее суровым взглядом. – Время дорого! – Он положил перед ней снаряжение и протянул открытый пенал с антирадом: – Ешь капсулу и надевай скафандр!

– Я думала, что уже никогда его не увижу, – привычное по отцовским играм противорадиационное снаряжение вдруг показалось родным и забытым, словно любимая детская пижама. – Я очень благодарна, что вы сохранили мой скафандр…

– Он никому не подошел, – оборвал ее Порфирьев, помогая снаряжаться. – Всем оказался либо слишком узким, либо по росту слишком высоким. Это индивидуальная модель, у нее нет подгонки по размеру, а расшивать глупо. Обратно не сошьем, потому что одновременно нечем, не на чем и некому.

Варяг надел ей на голову шлем, придирчиво осмотрел со всех сторон и подытожил:

– Готово! Аккумулятор я зарядил, системы проверил, все в норме! Выходим! – Порфирьев кивнул Ингеборге на дверь, ведущую к лифту, и бросил короткий взгляд на молча стоящих неподалеку «снежинок»: – Брысь!

С момента ее первого и последнего пребывания во входном блоке местная обстановка сильно изменилась. Все вокруг было сильно обшарпано и заставлено разнообразным инструментом, какими-то запасными частями и прочими атрибутами ведущегося строительства. Застарелая грязь и сильно потертая краска на поверхности всего этого красноречиво свидетельствовали о том, что оборудование находится в эксплуатации постоянно, на поверхности бывает часто, и потому противорадиационную обработку всего этого никто не делает. Все просто складывают в грязной части входного блока, где оно и хранится от смены до смены. Внутри лифтовой кабины тоже мало что напоминало фешенебельный лифт «Подземстроя-1», предназначенный для перевозки состоятельных клиентов. Кругом грязь, ободранная краска, царапины на стенах. Лифт поднимался долго, за время подъема дважды загоралась индикация аварийного понижения скорости движения.

– Что случилось? – Ингеборга невольно шагнула ближе к Порфирьеву.

– Шахту трясет, – флегматично объяснил капитан. – Грунты оседают или что-то вроде того. После обмена ударами сейсмическая активность не прекращается, хотя до войны все были уверены, что в этих местах ее быть не может. Не обращай внимания.

Не обращать внимания на сигналы тревоги, подаваемые электроникой лифта, было непросто, и Ингеборга развернулась спиной к панели управления, чтобы не видеть красные индикаторы.

– С нами больше никто не поедет? – девушка обвела глазами пустой лифт.

– Планировалось взять с собой целую экспедицию, – в рычании Порфирьева послышалась усталость, – чтобы кабы чего не вышло с единственным врачом. Но один грузовик сломался, из-за урагана отремонтировать его не успели. Второй грузовик заблокирован первым, он тянул его на буксире и так вышло, что сейчас в ангаре не развернуться. После урагана все замерзло покруче айсберга, полдня будем ворочать технику, чтобы вытащить грузовик. Мы за это время успеем вернуться, пока штиль. Поедем на вездеходе вдвоем. Я его не глушил, так что он почти не замерз. Техники его уже обслужили и загрузили. Остальные ждут нас на поверхности.

Замедление подъема прекратилось, и лифт пошел быстрее. Спустя пять минут двери открылись, и Ингеборга вслед за Порфирьевым перешла в шлюз. Входной шлюз выглядел ничем не лучше и не чище лифта, а внешний ангар вообще производил удручающее впечатление послевоенных руин, наскоро восстановленных из чего придется. Ингеборга грустно вздохнула. По сути, он таким и был: припорошенный черным снегом земляной мешок, вырытый в намертво заледеневшей радиоактивной не то земле, не то грязи. Висящая в воздухе пыль отсвечивала в лучах переносных прожекторных стоек тусклой мутью, и разглядеть крышу удавалось едва-едва. Над головой нависало нагромождение какой-то смеси из грубо сваренных металлических штанг, стоек и разрезанных контейнерных стенок, то тут, то там подпертых такими же грубо сваренными штангами опор. На полу этого кое-как выстроенного ангара в ужасной тесноте располагалась исцарапанная техника, в дальнем углу был не то сложен, не то сброшен в

кучу какой-то металлолом. Судя по сильному внешнему сходству, строительство ангара ведется именно из него.

Девушка ощутила, как внутри скафандра быстро становится зябко, и по телу бежит озноб. Автоматика активировала обогрев, и Ингеборга сверилась с термометром. На улице минус пятьдесят два и радиация полторы тысячи рентген в час. И это в закрытом ангаре...

– Зря пыхтишь, – насмешливо усмехнулся Варяг, заметив ее реакцию. – Этот ангар наша гордость! – Он не скрывал иронию. – Без него у нас не было бы продуктов из Росрезерва. Потому что переделывать технику для экспедиций было бы негде.

– Извините... – смутилась блондинка. – Я не специально... Просто я представляла себе ангар иначе... неожиданно получилось...

– Не очень высокотехнологичное место, да? – Порфирьев вновь усмехнулся. – Дизайн подкачал! Зато есть где технику укрыть. Если сумеем сделать его теплым и защищенным от радиации, то организуем здесь склады и заводские мастерские. Не отставай! И не зацепись ни за что!

Варяг зашагал быстрее, и Ингеборга заторопилась следом, бросая взгляды на копошащиеся вокруг машин фигуры в скафандрах. Наверное, это и есть сломавшийся грузовик. Громоздкая конструкция, мало напоминавшая машины из мирной жизни, была обшита сваренными вручную решетками, защищавшими стекла. Еще одна такая громоздилась почти вплотную ближе к воротам бункера, видимо, это второй грузовик. Остальная техника была без решеток, но тоже грязная и обшарпанная. Наверное, ею ангар и строили. Ближе к выезду ангар занимали остовы разобранных машин и склад каких-то механических узлов и агрегатов, больше напоминающий свалку. У самого выезда стоял вездеход на воздушной подушке, который девушка узнала, только когда Порфирьев подвел ее к двери в пилотскую кабину.

– Залезай! – могучие руки подхватили ее под мышки и одним движением вознесли внутрь. – Садись, пристегивайся и сиди молча!

Кабинная дверь захлопнулась за ней, и Ингеборга завозилась с ремнями страховочной подвески. Варяг с минуту разговаривал с окружившими его людьми в таких же скафандрах, потом обошел машину

вокруг и забрался в кабину за руль. Вездеход взвыл винтами, нагнетая воздушную подушку, и медленно пополз прямо в стену, слабо виднеющуюся в освещенной ходовыми прожекторами пылевой мути. Стена поползла вместе со светом фар, и девушка не сразу поняла, что видит не стену, а утопающий в пыли трактор, к которому спереди прикреплена самодельная конструкция в виде сегмента стены. Трактор проехал вперед метров на двадцать и остановился. Вездеход осторожно обогнул его справа, протискиваясь между ним и стеной котлована, прошел еще немного и оказался в нешироком земляном каньоне.

С тех пор как Ингеборга была здесь в день переселения в «Подземстрой-1», каньон стал вдвое шире, но особо просторным все равно не был. В кромешной пылевой тьме, засвеченной отражающимися от пыльной взвеси лучами ходовых прожекторов, с первого взгляда он казался даже более утлым, чем на самом деле. Порфирьев увеличил скорость, вездеход побежал быстрее и неожиданно выскочил на поверхность. Показания счетчика Гейгера поползли вверх еще сильнее, и девушка инстинктивно сглотнула осевшую во рту противную химическую горечь антирада.

– А где… – она неуверенно оглянулась, разглядывая пустой кузов через окно в кабинной перегородке, – все остальные? Мы поедем вдвоем?

– Не хочу брать новичков, – хмуро прорычал Варяг. – Нет смысла катать их туда-сюда. А из опытных все распределены по экспедициям. Одни недавно вернулись, другим завтра уходить, третьи только-только оклемались. Если не вернемся к исходу цикла антирада, они поедут нас искать. Как раз к тому времени грузовик отогреют и разблокируют. Ты вроде была против нарушения графика поездок?

– Да-да! – поспешно согласилась Ингеборга. – Организмам участников экспедиций требуется время на восстановление! Чем больше его будет, тем лучше! Вы же пропустите следующую экспедицию, потому что вышли на поверхность сейчас, ведь так?

– Конечно нет! – усмехнулся Порфирьев. – Я пропущу второй и третий состав, потому что вхожу в первый. Когда придет черед, поведу

экспедицию. Идти по маршруту вручную могут всего трое, я тебе об этом уже говорил.

– Но… – Ингеборга опешила. – Но вы же вышли на поверхность вне графика…

– Тебе надо в свой бункер или нет? – Варяг обжег ее взглядом: – Возвращаемся?

– Нет… – Она отвернулась, чтобы скрыть предательски покатившиеся из глаз слезинки. – Не надо возвращаться. Я все поняла.

– Тогда сиди молча и не мешай мне вести машину, – недовольно прорычал капитан, сосредоточенно вглядываясь во что-то, невидимое Ингеборге. Видимо, сверялся с выведенной на лицевой щиток гермошлема картой.

Несколько минут девушка удрученно молчала, потом молчание незаметно переросло в сон, в котором она бегала по операционной от одного биорегенератора к другому, а в двери ломилась бесконечная толпа больных. Чернявые пациенты, сверкая темными глазами, гневно потрясали окровавленными разбитыми диагностами и требовали, чтобы она работала быстрее и качественней. Потому что они устали стоять в никогда не заканчивающейся очереди и нуждаются в БРК, противозачаточных таблетках и безопасных химических абортах. То одна, то другая чернявая пациентка орала из толпы, что доктору давно стоило бы перекраситься в рыжую, раз от рождения не повезло. Но стоящая неподалеку Кристина, наблюдающая за всем этим со стороны со снисходительной усмешкой, всякий раз менялась в лице и настороженно заявляла:

– Не вздумай перекрашиваться! Мне конкурентки не нужны! И тебе не пойдет – светлые корни на темном фоне будут смотреться уродливо!

Мечущаяся от пациента к пациенту Ингеборга машинально подумала, что, наверное, с точки зрения темных, черные корни на белом фоне смотрятся красиво. Кристина услышала ее мысли, и на ее лице отразилось праведное возмущение. Она в гневе бросилась на блондинку, вцепилась в плечо и зарычала голосом Варяга:

– Просыпайся! Приехали!

– Уже… – Ингеборга попыталась тереть сонные глаза, но пальцы наткнулись на лицевой щиток гермошлема. – Сколько времени прошло?

– Шестьдесят пять минут, – Порфирьев распахнул водительскую дверь и выпрыгнул из кабины. – Сиди пока в кабине, – капитанский рык подернулся густыми помехами, – выпей двести грамм воды, быстрее проснешься. Сейчас найду вход, поможешь копать.

Но поиски входа затянулись, и через пятнадцать минут Ингеборга сама вылезла из кабины, чтобы помочь Варягу. Еще через четверть часа капитан все-таки отыскал люк, занесенный слоем черного снега глубиной сантиметров в сто двадцать. Минут десять ушло на раскопки, но в итоге люковую крышку удалось распахнуть.

– Спускайся! – Он вручил ей свою лопату. – Я принесу аккумуляторы с фильтром. Средний люк пока не открывай, жди меня там.

Варяг побрел к вездеходу, пробираясь по глубокой колее, пробитой им же самим в грязном месиве из радиоактивной золы и столь же радиоактивного черного снега. Его силуэт исчез в ночном пыльном мраке, и Ингеборга принялась спускаться в свой маленький бункер, стараясь не выронить зажатые под мышкой лопаты. Оказавшись возле среднего люка, она осмотрелась, освещая тесное пространство лучом нашлемного фонаря. Снег сюда не попал, только немного осыпалось, пока люк открывали, в остальном в лестничной шахте чисто. В день ухода сломанный люк удалось закрыть герметично. По ступеням застучали подошвы скафандра, и блондинка посторонилась, освобождая место спускающемуся капитану.

– Жди здесь! – повторил он, снимая со спины тяжелую подвеску с аккумуляторами, и вновь полез наверх. В итоге капитан спускался трижды, прежде чем закрыл за собой внешний люк и разрешил ей разгерметизировать средний.

– Мы привезли с собой так много всего, – Ингеборга попыталась стащить вниз какой-то самодельный короб с лямками для переноски на спине. – Что тут внутри?

– Пара фильтров для фильтровентиляционной установки, – Варяг надел на плечо аккумуляторную подвеску и принялся вслед за ней спускаться к нижнему люку. – Они не новые, новых давно не осталось.

Их вычистили, как смогли, поэтому я взял два. На всякий случай. Пара аккумуляторов по тому же принципу. И запас продовольствия на крайний случай.

– А что может случиться? – Ингеборга дотащила поклажу до нижнего люка, ведущего в тамбур, и полезла обратно, герметизировать средний люк. Верхний люк капитан закрыл, он тяжелый, но замок сломан и не запирается. Хотя даже если бы работал, она все равно бы закупорилась по максимуму, как учил отец.

– Ураган, например. – Порфирьев перетаскивал груз к двери. – Вездеход я не глушил и даже заякорил. С запасом продуктов, фильтрами и энергией сможем переждать ураган здесь.

– Продукты у меня оставались, – вспомнила Ингеборга, затягивая кремальеру замка. – Немного, но двоим хватит на неделю. Наверняка все замерзло, поэтому ничего не испортилось.

– Шевелись! – поторопил ее капитан. – Открывай тамбур, чем скорее заменим аккумулятор, тем быстрее прогреется помещение. Внутри радиации нет, так что лучше в скафандрах там не ходить.

– Мы можем провести дегазацию и дезактивацию, в тамбуре есть растворы! – блондинка поспешила к ведущему в тамбур люку. – Если они не замерзли…

– Сейчас узнаем, – Варяг помог ей отвинтить кремальеру. – Они до минус тридцати семи рассчитаны. Здесь минус сорок. Теплее, чем на поверхности. Люки хорошо сделаны. Верхний даже не запертым сохраняет герметичность.

– Папа очень старался, – грустно улыбнулась Ингеборга, шагая в погруженный во мрак тамбур. – Он очень любил возиться с бункером…

В тамбуре оказалось минус тридцать четыре, растворы были вязковаты, но в целом чистили. Пока Варяг затаскивал внутрь поклажу и запирал люк, Ингеборга приступила к противорадиационной обработке. Более-менее почистившись, она вцепилась в короб с аккумуляторами, но поднять их ей не удалось.

– Далеко собралась? – поинтересовался очищающийся Порфирьев.

– Я хотела подключить питание, пока вы проводите обработку…

– Один аккумулятор весит пятьдесят килограмм, – хмуро сообщил капитан. – Там их два. Лучше помоги дочиститься. Так быстрее будет.

В темноте и холоде полноценно очиститься не удалось, от скафандров все равно шел повышенный фон, но по крайней мере она смогла избавиться от радиоактивной грязи, и внутрь бункера ничего не попало. Идя по родному убежищу в темноте при свете нашлемного фонаря, Ингеборга с трудом удержала себя от нестерпимого желания заглянуть в кладовую. Туда, где обычно прятался отец во время игры в прятки в ее недавнем бесконечно далеком теплом детстве…

После замены аккумулятора и фильтра системы жизнеобеспечения заработали не сразу. Ингеборга даже испугалась в первую секунду. Подумала, что из-за переохлаждения оборудование вышло из строя. Но быстро выяснилось, что отец предусмотрел в системе предпусковой подогрев, и спустя минуту все запустилось. Вспыхнуло освещение, ожили приборы, и фильтровентиляционная установка ровно загудела, как в старые добрые времена.

– Я дома… – Ингеборга стояла на пороге технического помещения и смотрела на нехитрое убранство крошечного бункера.

– Пока не прогреется, лучше оставаться в тамбуре, – произнес Порфирьев. – Там же оставим скафандры. Туда, где расположен твой сейф, в скафандре не подлезть, я посмотрел. Придется снимать. – Он повел ее в тамбур.

– Это хорошо… – тихо прошептала девушка, на ходу расстегивая скафандр.

– Ты чего? – капитан нахмурился. – Минус тридцать вокруг! Подожди минут пять.

– У меня здесь есть теплая одежда, – Ингеборга вылезла из скафандра, оставляя его в углу тамбура. – У меня здесь все есть…

Она убежала в кладовую, нашла свой лыжный костюм, оделась и вернулась обратно. Встроенный в костюм обогрев не заработал, скорее всего, аккумулятор вышел из строя из-за холода, он ведь совсем маленький, но вскоре в костюме стало тепло и без него. Ингеборга хотела выйти в тамбур к Порфирьеву, но капитан не пустил ее внутрь.

– Оставайся там, – Варяг уселся на тамбурный пол у выхода из люка лицом к ней и распахнул гермошлем. Он посмотрел на нее грустным взглядом: – Ну как? Довольна?

– Я без ума от счастья, – тихо улыбнулась девушка. – Надо только дождаться, когда станет тепло. Надену платье – и эмоции станут непередаваемы. Я вам очень благодарна… за все.

– Ты ведь соврала насчет сейфа? – к грусти во взгляде Порфирьева прибавилась усталость в интонациях. – Никакого сейфа нет. Люк в стене ненастоящий?

– Это техническое окно к блоку предохранителей, – виновато подтвердила Ингеборга. – Когда вы догадались?

– Сразу, – пожал плечищами Варяг. – Такой сложный сейф здесь ни к чему.

– Мне очень надо было вернуться домой… – Блондинка на мгновение закрыла глаза, печально улыбаясь чему-то далекому и теплому, давно исчезнувшему из жизни, но не из памяти. – Почувствовать, что я снова живой человек… у которого есть что-то родное, пусть даже совсем крохотное… но все же свое. А не большое, но чужое, чуждое и ненужное. – Она встрепенулась: – Но карта есть, я не врала! Она в папином шкафчике лежит, я принесу…

– Потом, – отмахнулся капитан. – Сниму скафандр, принесешь. Не здесь же ее разглядывать, сидя на полу. – Он захлопнул гермошлем, посмотрел на хронометр и распахнул его вновь: – Мы на антираде почти два с половиной часа. Час на обратную дорогу, еще час в резерв, на непредвиденные обстоятельства, мало ли что. У тебя есть три часа. Собери все, что нужно. Возьмем с собой, пригодится.

– Всего три… – тоскливо улыбнулась Ингеборга. – Я бы очень хотела, чтобы на поверхности начался ураган, и мы пробыли здесь еще сутки… Но вам нужно попасть в биорегенератор до начала интоксикации. Иначе ваша короткая жизнь станет еще короче.

– Это ерунда, – безразлично прищурился Порфирьев. – Но если мы не вернемся за час до интоксикации, за нами отправят спасательную экспедицию из наших. И им придется жрать антирад и облучаться вне

графика. И все это зря, потому что с нами ничего не случилось. Нехорошо.

– Да, вы правы, наверное… – блондинка уселась на пол перед ним. – А вам совсем не хочется, чтобы эти три часа длились бы дольше? Хотя бы раз в десять?..

– Нет, – взгляд капитана резко потяжелел. – У меня полно дел.

– Среди которых не остается места для меня? – негромко произнесла Ингеборга, заглядывая ему в глаза.

– Не остается! – отрезал Порфирьев. – Ты меня не интересуешь!

– Это неправда, – грустная улыбка Ингеборги погасла. – Я чувствую, что я вам нравлюсь. И я чувствую, что вам приятно, что я в вас влюблена. – Она вновь тоскливо вздохнула: – И я знаю, почему вы не подпускаете меня к себе.

– Тебе вещи собирать не пора? – зло осведомился Варяг. – Времени в обрез!

– Вы не хотите, чтобы я родила вам ребенка, – негромко продолжила блондинка, глядя капитану в глаза. – Не потому, что я вас не устраиваю, или вы не любите детей. А потому, что не хотите, чтобы он жил в полном одиночестве среди чужих в чужом мире. Ведь так?

Злобный взгляд Порфирьева потух, становясь бесцветным и наполненным болью.

– Тебе обязательно лезть мне в душу? – прорычал он. – Катись отсюда!

– Обязательно, – не отводила глаз Ингеборга. – Потому что это и моя душа тоже. Я живу одна в окружении чужих два года. Каждый новый день похож на предыдущий, как две капли грязной воды. И с каждым днем жить хочется все слабее. Единственное, что есть у меня дорогого, это вы. Я очень хочу быть рядом с вами, но вы не пускаете меня, потому что не хотите оставлять после себя ребенка.

– Чтобы он потом спросил у меня, какого хрена я оставил его одного среди чужих?

Рычание Порфирьева было негромким и спокойным, но его взгляд кипел ненавистью, и она чувствовала, что эта ненависть направлена совсем не на нее. Она уже видела этот взгляд. В зеркале. Два года назад,

в день похорон пустых гробов, по иронии судьбы совпавшим с очередным мусульманским праздником.

– Я всю жизнь прожил среди чужаков, – голос Варяга по-прежнему оставался ровным и спокойным. – Не знаю, как это объясняется, но я всегда чувствовал, чужак передо мной или свой. С самого детства. А еще я чувствую ложь. Острее всего это ощущается, когда мне лгут из подлости и скрытой ненависти. Именно из скрытой. Чужаки и ложь окружают меня с самых первых осмысленных воспоминаний. Я вырос в детском доме и постоянно пытался выяснить, кто были мои родители и что с ними стало. Мне говорили, что они погибли в автокатастрофе, а документы где-то затерялись. Но я чувствовал, что мне врут. Я точно знал, что их убили, и убили их чужаки. Я спрашивал, где мой брат, и мне отвечали, что в семье я был единственным ребенком. Но единственное воспоминание, оставшееся у меня с младенчества, очень ярко отпечаталось в памяти: я лежу в резной деревянной колыбельке, из которой вижу сложенные из бревен стены комнаты. Рядом со мной лежит точно такой же карапуз, и мы неуклюже цепляемся пальцами друг за друга, за руку. Я точно знаю, что это мой брат, мы родились в один час. Но администрация детдома ничего о нем не знает. И это правда, иначе бы просто сказали, что брат погиб в якобы автокатастрофе вместе с родителями. Впоследствии я добрался до архивов детдома, но там действительно не оказалось моего дела. То, что имелось, было заведено взамен утерянного и не содержало никакой информации. Я всю жизнь пытался найти брата, но так и не смог.

Варяг сделал паузу, вспоминая что-то из далекого прошлого, но почти сразу продолжил все так же спокойно:

– Зато чужих вокруг было хоть отбавляй. Поначалу я думал, что так и должно быть. Пока не подрос и не наткнулся в сети на какие-то байки о древних расах, давно исчезнувших могучих гигантах и прочей ерунде. Рассказывали в основном какие-то нелепицы, и рассказчики были, как на подбор, все чужаки. Но в их картинках и агитационных видеороликах были изображены странные люди. Точно такие же, как я, беловолосые и светлоглазые. И мне стало интересно, потому что всю жизнь мне твердили, что я альбинос, и это генетическая аномалия, а я чувствовал

ложь. Я начал копать поглубже и узнал много интересного. Особенно то, что за это сажают, причем надолго. Поэтому держал свои мысли при себе, в детдоме этому учишься быстро, так что мне было не привыкать. Заповеди давно исчезнувших древних гигантов гласили, что настоящий человек живет ради трех ценностей: Рода, Родины и Расы. И я стремился жить по их заветам.

Он иронически усмехнулся:

– Но Рода у меня не было, Расы своей я тоже вокруг не нашел. Хоть все наперебой талдычили обратное. Оставалась только Родина, и потому я пошел служить. Здоровьем меня природа не обидела, драться пришлось много и с детства, в общем, я прошел по конкурсу в военное учебное заведение не для всех. Стал спецназовцем и с тех пор старался воевать за Родину везде, где она в этом нуждалась. Я понимал, что это наивно, потому что Родиной давно управляют чужаки, и воюю я больше за них, нежели за нее. Но очень хотелось прожить жизнь не зря. Не так, как чужая серая масса, жующая гамбургеры в момент написания очередного сетевого комментария.

Порфирьев несколько мгновений смотрел на нее странным взглядом, словно оценивая нечто такое, что невозможно увидеть глазами, после чего продолжил:

– Служба в спецназе в наши неспокойные дни позволяет тебе увидеть множество людей и побывать во множестве уголков не только на Родине, но и за ее пределами. Даже если ты особо за эти пределы не стремился. Это дало результат. Благодаря армии я впервые встретил таких, как сам.

В его голосе вновь зазвучала ирония:

– Поначалу я очень обрадовался. Потому что не думал, что такое возможно. Позже выяснилось, что такие, как я, кое-где еще есть, и даже много. Если верить статистике. Я раскопал в архивах, что в русской части России в 1950 году было всего пять процентов кареглазых, к 2000 году их было уже пятьдесят, а к 2100 году пять процентов приходилось уже на светлоглазых. Якобы в Европе дела обстояли аналогично: к 2050 году каждый третий тамошний житель являлся европейцем, к 2100 году это количество сократилось до половины процента, но это все равно немало.

Плюс всякие там скандинавские страны, в которых чуть ли не все вечно-натуральные блондины. Но на деле я встречал подобных себе меньше десяти раз. Чаще попадались другие, вроде Овечкина, от которых тянуло чем-то родным, но давно увядшим. Очень странное и болезненное ощущение: снаружи вроде свой, а внутри уже нет.

Взгляд Варяга из ироничного стал безразличным:

– На своих ошибках учиться не только тяжело. Иногда бывает довольно больно. Но в силу молодости я посчитал, что это правило относится только к рукопашному бою. Развил активность, пытался сплотить своих, агитировал, призывал, мол, так жить нельзя, мы растворяемся в чужаках, нужно срочно возрождать собственную уникальность, пока последние не исчезли. Но оказалось, что вся эта чушь никому не нужна. На меня смотрели круглыми глазами и говорили что-то вроде: «Боже мой, что ты несешь?! Какая еще раса?! Какая генетика?! Ты в своем уме?! Главное, чтобы человек был хороший!» Меня стали сторониться свои же, и я остался один.

На губах Порфирьева вновь заиграла ироническая улыбка, на этот раз с горечью:

– Но я был тупой и правильных выводов не сделал. Вместо этого я начал украдкой интересоваться личной жизнью себе подобных, тех, кого удавалось находить в ходе поисков брата, которые я не прекращал никогда. Таких, кто связал свою жизнь с чужаками, я оставлял в покое, ведь сказано в древних заповедях: «Всяк сам кует свой удел». А вот тех, кто связаться с чужими еще не успел, я продолжал агитировать тайно. Подсовывал им всякую литературу, файлы, статистику и прочее… И доподсовывался.

Варяг с философским равнодушием пожал плечищами, мол, глупо было не понимать, что все закончится рано или поздно именно этим.

– Один из моих сослуживцев женился на чужой и написал на меня донос. Позже он сказал, что боялся получить от меня на боевых пулю в спину. А еще опасался, что мне взбредет в голову расправиться с его женой и ребенком. Меня арестовали прямо в Гвинее, через десять секунд после того, как моя группа вернулась из недельного боевого рейда и сдала оружие. Не дали даже переодеться, сразу повезли в

Москву. Полгода продержали в камере, вели следствие, потом неожиданно отпустили. Сказали, мол, радуйся, капитан, Родина сделала тебе поблажку за боевые заслуги, так бы сел!

Он нахмурился, вспоминая неприятную историю, и неуверенно добавил:

– Я так и не понял, как это вышло. Со слов командования, за меня внезапно заступился кто-то из высшего начальства. Но кто именно – никто не знал. А тут еще сослуживец, написавший на меня донос, погиб на боевых при загадочных обстоятельствах, пока я сидел. Слухи ходили странные. К тому моменту мою боевую группу расформировали, людей распределили по другим подразделениям, но никто из них в тот день в том районе не работал. Но вроде бы неподалеку работала другая группа спецназа ГРУ. Особисты пытались привязать одно к другому, но не получилось. Потому что та группа оказалась каким-то там элитным подразделением, в сводный отряд не входившим и подчинявшимся напрямую высшему командованию. Никто их никогда не видел, зато слухов ходило выше крыши, что-то там связанное с несчастливыми числами. Кто-то говорил, что командование просто послало особистов куда подальше, чтобы не светить мужиков. Другие по секрету шептали, будто после этого особый отдел самостоятельно отправил к ним следователей. И вроде как отправленные особисты по дороге попали в снайперскую засаду повстанцев, и все погибли, вот только следов засады обнаружить не удалось, настолько профессионально все было сработано. В общем, языками почесать у нас всегда любили. Короче говоря, меня выперли из армии по статье и пообещали, что если впоследствии окажется, что я создал в отряде преступную экстремистскую сеть, то я сяду пожизненно.

Порфирьев коротко хмыкнул:

– После всего этого у меня запоздало заработал контуженый мозг, я сделал выводы и стал молчать в тряпочку. Но было уже поздно. Без армии я потерял цель в жизни, а без гражданской специальности чуть было не остался без средств к существованию. Случайно повезло. Я пытался устроиться охранником в Службу Безопасности «Подземстроя-1», но из-за увольнения по статье меня не взяли. Зато на

обратном пути столкнулся с бывшим комбатом, который ушел на пенсию года за три до того. Он устроил меня охранником на фирму к родственнику жены Овечкина. Там я до самой войны молча и проработал. Ходил в офис, на тренировки и копался по разным архивам, искал брата.

Варяг болезненно потер глаза.

– Никак следов я, как обычно, не нашел. Зато в день обмена ударами с самого утра было хреновое ощущение. Как будто я на боевых, скрытно ползу где-то по пустой «зеленке», а меня уже взял на прицел снайпер… Я даже тревожный рюкзак собрал… Сижу, смотрю на него и думаю: пора к психиатру. Тут врубается экстренный выпуск новостей, и все наперебой кричат о ядерном конфликте на Шельфе. Потом объявили военное положение и эвакуацию. Мне как-то сразу спокойнее стало: впервые за столько времени я знаю, что делать. Собрался и пошел в бомбоубежище. Но рядом ничего толкового не оказалось, пришлось идти в метро, возле него встретил Овечкиных, вместе спустились внутрь. Потом начался обмен ударами, и я понял, что снова в строю. Раз Рода у меня нет, а Родину защитить я не могу, то остается сражаться за Расу. Иначе для чего жить?

Капитан задумчиво умолк, будто взвешивал совершенные поступки, но долго молчать не стал.

– В условиях глобальной ядерной войны выжить в метро невозможно, надо было выбираться с умирающей станции и добираться туда, где есть реальные шансы пережить всемирную катастрофу. Я обошел станцию и осмотрел каждого. Брата там не было. Зато среди огромной толпы чужих нашлись несколько своих. Я собрал их и сказал, что, если хотим выжить, придется рисковать: выходить на поверхность и идти в Раменки или дальше. Идти согласились не все, поэтому я взял тех, кто захотел, и столько чужаков, сколько было возможности. Люди все-таки… Раменки оказались уничтожены, большинство попутчиков погибло в пути, и я попытался вывести остальных за пределы Москвы. Дальше ты в курсе.

Пронзительный взгляд Варяга устремился в глаза Ингеборге, и в его подчеркнуто спокойном голосе вновь зазвучала горечь:

– Я очень обрадовался, когда нашел тебя. В тот момент мне казалось, что я действительно начал сражаться за Род, Родину и Расу. Родину можно возродить из пепла, своих спасти, Род продолжить. Это стоило того, чтобы жить, за это можно было умереть, не задумываясь. Я сделал все, что мог, и до «Подземстроя» дожили почти все, и свои, и чужие. Но потом оказалось, что вся моя борьба была бессмысленной. Найти в бункере брата я не рассчитывал, хотя надеялся на это. Не нашел. И своих там тоже не оказалось, только бывшие, вроде Овечкина. Вот и все. Ни Расы, ни Рода, лишь Родина, сократившаяся до размеров бункера и привычно заселенная чужими. Все зря, но я хотя бы боролся.

– А как же я? – Ингеборга выдержала суровый взгляд. – Разве я для вас не своя?

– Своя, – согласился капитан. – Но ты одна. Других своих женщин в бункере нет. Твой ребенок останется последним нашим представителем. У него не будет выбора. Даже малейшего. Никакого. Я для своего сына такой участи не хочу. А плодить чужаков для меня и вовсе хуже смерти. Я не против чужих, они живые люди, так пусть живут, раз природа их создала. Я живу среди них, потому что других нет, и отношусь к ним так, как они относятся ко мне. Но почему они могут жить среди своих, а я нет? Я тоже хочу смотреть вокруг и видеть себе подобных. Раз таких не осталось, значит, наше время прошло. Если все свои ушли отсюда, то и мне в чужом мире не место. Поэтому я обхожусь без баб, и особенно без тебя! Тебе же все равно рано или поздно захочется ребенка, что с бабы возьмешь… но это без меня!

– Разве кроме меня никого нет? Совсем-совсем? – Ингеборга тяжело вздохнула. Она знала ответ заранее. Знала сама, жизнь научила. Но так хотелось верить в лучшее… – А как же Кристина…

– Сукобляцкая? – съехидничал Порфирьев.

– Соколянская… – Блондинка съежилась под суровым взглядом.

– Она еще кривее, чем Овечкин, – насмешливо фыркнул капитан. – В ней столько дерьма, что даже глаза карие.

– А Яковлева? – девушка съежилась еще сильнее.

– Светлана Абрамовна? – уточнил Варяг. – Ты что, стебешься? Ты же вроде медик, твою душу так! О генетике слышала?!

– Есть еще Елена Ханнанова… – предприняла последнюю попытку блондинка: – Она по генотипу подходит…

– Внешне – да, – Варяг не стал спорить. – Но внутри – нет. Для меня она – одна из своих, а вот для нее свои – все вокруг. Я когда ее увидел, сразу почувствовал недоброе. Потом на дочку ее поглядел. Знаешь, как она ее назвала? Снежана!

– Красивое имя, – осторожно произнесла Ингеборга.

– Очень красивое, – согласился Варяг. – И со смыслом. На древнем языке «Снежана» означает «Подобная Снегу». Я на поверхности часто бываю, да и ты пару раз выходила. Имя – в точку!

Порфирьев погрустнел:

– Я до последнего надеялся, что мне повезет найти брата среди ФСБ-шников из Росрезерва, но не вышло… своих среди них не оказалось. Короче! – Его взгляд вновь стал злым: – Пусть все живут, как хотят, это их судьба, им и решать! Но не им решать, как жить мне! Это мой удел, он таков, каким я его выковал, а свое авторитетное мнение они могут благополучно забить себе куда подальше! Мне на мнение чужих наплевать. И еще больше наплевать на мнение предателей!

Капитан недовольно рубанул рукой по воздуху и злобно прорычал:

– Достаточно! Ты узнала, что хотела! Рода у меня нет, Расы своей я так и не нашел! Все, что осталось, это два мужика и одна баба, не видящие ничего неприемлемого в том, чтобы смешаться с чужаками! Мне места здесь не осталось, но я буду бороться за остатки Родины, сколько проживу! Жить вечно я не собираюсь, так что чем больше пользы успею принести, тем лучше. Все, разговор окончен! Помещение уже прогрелось! Вали, собирай свои тряпки! А я пока посплю.

С этими словами Порфирьев поднялся на ноги и принялся снимать скафандр. Ингеборга молча направилась в кладовую и выкатила оттуда робота-уборщика. Аккумуляторы робота опустели еще до того, как в ее маленьком бункере начал заканчиваться кислород, но сами батареи уцелели, и она подкатила уборщика к инсталлированной в стену пластине беспроводного зарядного устройства. Последние дни здесь прошли тяжело, в бункере было грязно, особенно в ванной комнате, но оставлять все в таком виде она не будет. Это ее дом, и этим все сказано.

Остальное неважно. Как только робот будет готов к работе, она отправит его наводить порядок.

Запущенная на максимум система отопления делала свое дело, в лыжном костюме стало жарко, и Ингеборга сняла куртку. Маленький бункер прогревался быстро, температура уже была близка к комнатной, и можно было осуществить свою маленькую мечту. Девушка вернулась в кладовую, в целях экономии места совмещенную с гардеробом, и открыла встроенный в стену одежный шкаф. Все три ее платья, аккуратно накрытые пластиковыми чехлами, висели на том же месте, где она повесила их два года назад. Тогда, после гибели родителей, эта одежда казалась ей слишком нарядной и женственной. Радоваться в те дни было нечему, быть привлекательной не хотелось тем более, и Ингеборга унесла самые нарядные вещи в бункер. Носить их она больше не собиралась, но платья были родительскими подарками, и выбросить их она бы не смогла. С тех пор они висят тут вместе с более функциональной одеждой, предназначенной для выживания, вроде лыжного костюма.

Ингеборга сняла с вешалки самое летнее из трех и аккуратно расстегнула чехол. В свое время это платье очень ей шло, но часто надевать его не удавалось. Слишком легкое для учебы, а учеба в те времена занимала почти все ее время. Зато сейчас момент самый подходящий. Ингеборга вылезла из до жути надоевшей одежды, переоделась в платье и взяла в руки кобуру с пистолетом. Под этим платьем его не спрячешь. Блондинка зашла в ванную и огляделась. Здесь беспорядок был еще сильней, но об этом она позаботится потом. Сейчас ей нужно зеркало и расческа. Девушка положила оружие на туалетный столик и принялась приводить себя в порядок. Через несколько минут она осталась довольна своим отражением. Изящное платье смотрится куда привлекательнее застиранного спортивного костюма, остаточные следы от шрамов под загаром почти не видны, и даже уложенные в два потока на груди волосы, можно считать, закрывают проплешины на голове.

Девушка забрала кобуру с пистолетом и вернулась в жилой отсек. Порфирьева там не оказалось. Капитан обнаружился в спальне лежащим

на отцовской кровати. В спальне царил полнейший бардак, ее покидали в спешке, одеяла и покрывала валялись прямо на полу. Варяг сдвинул их в кучу, чтобы не наступать ногами, выбрал самую большую кровать и улегся на пустой матрас прямо в армейских ботинках и камуфляже.

– Обувь можно было снять, – вздохнула Ингеборга. – Это же постель.

– Они не сильно грязные, – недовольно возразил Варяг, открывая глаза. Он увидел стоящую посреди комнаты блондинку в воздушном платье и помрачнел: – Зато лифчик можно было надеть!

– Зачем? – удивилась девушка. – Я дома!

– Зато я – нет! – зло буркнул Порфирьев.

– Вы тоже дома! – заявила она. – Все, что мое, – ваше! И вообще, под это платье лиф не надевают, оно с открытой спиной! – Блондинка закружилась вокруг своей оси: – Вам нравится?

– Я такое не ношу! – еще более недовольно прорычал капитан, и его лицо стало злым: – А все остальное под него тоже не надевают?!

– Если приходят соблазнять ворчливую злюку, то нет! – Ингеборга положила кобуру на пол и уселась на краешек кровати рядом с Порфирьевым.

– Я тебе все уже сказал, – угрожающе зарычал тот. – Уходи!

– Не уйду, – она мягко улыбнулась. – Не волнуйтесь, я сделала себе БРК. Это минимум на год. Опасаться не за что. Я вас очень люблю, не прогоняйте ме...

– А что потом? – злобно оборвал ее Варяг. – Через год?! Или через два?! Думаешь, я баб не знаю?! Ты чем меня слушала?!

– Через год вы умрете, – тихо прошептала девушка. – И я умру вслед за вами. Я не останусь здесь одна.

– Да ты совсем долбанутая! – яростно взревел Порфирьев. – Пошла вон!

Он грубо схватил ее пятерней за шею и вышвырнул с кровати. Ингеборга упала на пол и села, машинально потирая ушибленное колено.

– Больно, – негромко сказала она, вытирая слезы. – За что вы так со мной... Вы же знаете, что я не лгу... Как еще мне заслужить ваше доверие?..

– Никак! – злобно заявил капитан, поднимаясь. – Собирайся! Мы возвращаемся!

– Очень жаль… – сквозь слезы прошептала Ингеборга. – Простите… что все так получилось… Я сделала все, что могла. Уезжайте. Я больше туда не вернусь.

Она потянулась к тактической подвеске и вытащила из кобуры оружие.

– Что ты несешь? – устало рявкнул Варяг. – Убери ствол и одевайся!

– Мой мир погиб два года назад, – бесцветным голосом произнесла девушка. – Я очень надеялась, что нашла новый… хотя бы на чуть-чуть… жаль, что я не полетела тогда с родителями. Простите… за все.

Она зажмурилась, набираясь храбрости, рывком поднесла пистолет к виску и нажала на спусковой крючок. Прежде чем грянул выстрел, что-то схватило ее за кисть и больно вывернуло руку, уводя пистолетный ствол в сторону. Грохот выстрела острой болью резанул по барабанным перепонкам, и пистолет вырвали из руки.

– Ты что творишь?! – Варяг схватил ее за плечи и затряс. – Совсем крыша съехала?! Так и умереть недолго!

– А зачем жить? – Ингеборгу била крупная дрожь, и слезы против воли ручьем текли по ее лицу. – У меня не осталось ничего. Одиночество посреди чужого мира переросло в рабство в тесном медотсеке. Все вокруг чуждое, злобное и ненавистное. Единственное, ради чего я живу, это вы. Но вы умрете через год, и я ничего не могу с этим сделать. Я надеялась хотя бы этот год прожить, а не просуществовать… но вы мне не верите. Вы так и будете пинать меня, а буду смотреть, как вы медленно умираете, пока не останусь совсем одна и не сойду с ума от тоски. Я больше так не хочу. Я больше туда не вернусь. Отдайте мне пистолет.

– Ты хоть понимаешь, что он тебе не поможет? – бессильно вздохнул Порфирьев, глядя на нее наполненными болью глазами.

– Почему? – беззвучно рыдала Ингеборга.

– Потому что при выстреле в висок человек погибает из-за разрушения головного мозга, – Варяг вздохнул еще тяжелее. – А у тебя нет мозгов. Пуля ничего не заденет.

– Тогда просто уезжайте без меня, – ее взгляд потух. – Я остаюсь дома. Это все, что у меня осталось. Я больше не могу.

– Это какой-то тихий ужас, – обреченно покачал головой капитан. Он прижал ее к себе и коснулся губами залитой слезами щеки. – Что ты творишь, дуреха… Я же долго не проживу. Что мне с тобой теперь делать?

– Что угодно, только не бросайте одну, – она вцепилась в него так, словно всерьез собиралась не отпускать никогда. – Иначе я умру без всякого пистолета…

* * *

За толстым стеклом иллюминатора непроницаемым взгляду бесконечным потоком мчалась ночная пылевая муть, тускло освещаемая отсветами ходовых прожекторов. Колонна мчалась вслепую со скоростью под сто километров в час, пытаясь за время штиля наверстать расстояние, упущенное из-за сильного бурана. Разглядывать что-либо в таких условиях бесполезно, только лишний раз накручивать и без того взвинченную нервную систему. Овечкин нервно выдохнул и отвернулся от иллюминатора. За время существования недопилота не случилось ни одного столкновения, убогая автоматика исправно водила колонну туда-сюда по одному и тому же маршруту, но Антон так и не смог привыкнуть к абсолютному отсутствию видимости, облепившему стекла вездехода со всех сторон. Стоило взглянуть в закрытый мутью иллюминатор, как сознание начинало рисовать ужасные картины столкновения с неразличимым во тьме препятствием на бешеной скорости. Лучше было не смотреть.

Но из-за монотонной головной боли, лениво грызущей затылок, заснуть не удавалось, и взгляд поневоле попадал в тот или иной иллюминатор. Антон болезненно скривился. После того как Дилара пыталась его убить, он провел в медотсеке почти двадцать дней. Кости обеих кистей были сильно повреждены, остальные травмы, к счастью, оказались не столь серьезными. На голове и теле осталось несколько

шрамов, Снегирёва обещала, что избавит его от них за месяц-два, но сам Антон подумывал о том, надо ли сводить их полностью. После выписки он неожиданно обнаружил, что шрамы придают его образу некий налет брутальности, производящий сильное впечатление на женщин. Тем более что никой головной боли тогда не было, она появилась уже здесь, в вездеходе, едва экспедиция отъехала от Центра на десяток километров.

С тех пор прошло уже пять часов, но болезненные ощущения не прекращаются, и нет никакой возможности принять медицинские препараты против головной боли. Потому что в носимом запасе скафандра их нет давным-давно, а походная аптечка, предназначенная для экспедиции, лежит сейчас в походном контейнере, на котором стоит ящик с тяжелым инструментом. И в такой давке разгребать все это абсолютно нереально. Антон, болезненно морщась, потер макушку о затыльник гермошлема. На короткое время это помогает, остальное он вытерпит. Теперь у него имеется полноценный скафандр высшей защиты, должность начальника ангара и собственный полулюкс на первом уровне. Есть, от чего получать мотивацию.

На должность начальника ангара он был назначен приказом Брилёва на третий день после нападения Дилары. Порфирьев пришел к нему в медотсек, коротко прорычал формальное соболезнование по поводу смерти сына и рассказал о приказе Начальника Центра. Антон в тот момент едва оправился от травм, скорбел по Давиду и такого поворота не ожидал. Варяг посмотрел на его перевязанные руки, спросил, может ли Овечкин работать умственно, и прямо заявил, что ждет его в офисе ЭК завтра, потому что тяжелые мысли легче переносятся, когда человек занят работой. Удрученный Антон не имел сил дискутировать и молча снес очередную бестактность неотесанного брутала. Ни на какую работу до окончания лечения он выходить не собирался, но через сутки за ним пришел посыльный от Порфирьева, и вступать в открытый конфликт с асоциальным мизантропом Антон не решился.

Тем более что Снегирёва фактически встала на сторону Порфирьева, заявив, что четыре часа в сутки Овечкин вполне может проводить на работе, если ничего не будет делать руками. Впрочем, другого от нее

Антон не ждал. После смерти Давида он не питал иллюзий относительно ее компетентности. Хорошо еще, что она в состоянии лечить переломы и последствия употребления антирада, иначе количество трагедий было бы ужасным. Особенно в свете последних изменений в ее личной жизни. После того как Порфирьев привез ее обратно из поездки в семейный бункер, весь Центр вздохнул с гигантским облегчением. Оказалось, безмозглый брутал не взял с собой в поездку никого, кроме самой Снегирёвой. Типа, пожалел людей. О том, что произойдет с этими, а также всеми остальными людьми, если с единственным недо-врачом на четыре тысячи человек что-то случится, он, естественно, не подумал. Что Антона вообще не удивляет. В общем, когда из ангара сообщили, что Варяг увез Снегирёву один, без сопровождающих, которые могли бы оказать помощь в починке вездехода в случае поломки, все пришли в ужас. Ходят слухи, что Брилёв даже запретил сообщать об этом кому бы то ни было, но к тому моменту было уже поздно, и ему пришлось отменить приказ.

Семь часов все как на иголках ждали самого худшего, и с каждым часом в сети появлялись прогнозы один ужаснее другого. Но за полчаса до окончания цикла антирада вездеход вернулся, и безмозглый брутал как ни в чем не бывало заявил, что, мол, все прошло штатно. Карта складов получена, и даже в придачу к ней он привез из семейного бункера бытовой ветрогенератор. Больше там ничего полезного не имеется, из-за частых смещений грунтов семейный бункер частично разрушился и потерял герметичность. Входной люк в него пришлось взламывать, и больше он не запирается. После этого Снегирёва забрала его в медотсек, поместила на три часа в биорегенератор и на час улеглась сама. Администрация тут же объявила о полном успехе экспедиции. Карту уже изучают Инженеры Миронова, а привезенный ветряк является абсолютно новым, и впоследствии он пригодится. Особенно когда придет время выходить из бункера на поверхность и строить новую жизнь.

Это известие успокоило население и вызвало волну позитива. Но еще больший ажиотаж вызвали слухи о том, что Снегирёва привезла с собой объемистую спортивную сумку, доверху набитую вещами, и вместе с ней

переехала в президентский люкс к Порфирьеву. Насчет переезда вопрос был спорным, потому что Снегирёва по-прежнему проводила большую часть времени в медотсеке. Но с того дня «снежинки» водят Снегирёву в президентский люкс каждые сутки на несколько часов, и обслуживание пациентов, которое и так было далеко не своевременным, замедлилось еще сильнее. После того как до людей со слабым здоровьем, вынужденных посещать медотсек чаще, запоздало дошел результат этого романтического поворота, в вечной очереди стал слышаться шепоток на тему «лучше бы она ему и дальше не пригодилась». Но свободно выражать свои мысли, когда у власти находится военная хунта, не положено, и «снежинки» с удовольствием использовали электрошок в отношении тех, кто этого до сих пор не понял.

Зато с сумкой информация подтвердилась. У Снегирёвой появилась новая одежда, вещи и даже несколько платьев, в которых она была замечена. Это автоматически ставило ее в один ряд с самыми состоятельными обитательницами Центра, что усилило всеобщую неприязнь к и без того холодной Снежной Королеве. А вот реакцию общественности на Порфирьева по этому поводу Антон решительно не понимал. Весь второй уровень пребывал в полнейшем восторге от того, какой Варяг няшка, сделал своей девушке роскошный подарок! И главное, раз Снегирёва ему все-таки пригодилась, то наверняка пригодится кто-то еще, как всем остальным мужчинам. Это значит, что у соискательниц появились реальные шансы. Если только все не испортят эти уродливые и маниакальные «снежинки», которых Снегирёва тайно посылает сторожить дверь в президентский люкс. «Снежинки» мешают соискательницам караулить Варяга возле номера. В связи с чем немедленно возникло предположение, что Снегирёва именно потому и пригодилась Порфирьеву, потому что предложила ему себя вместе со всеми своими обесцвеченными маньячками. А что, Варяг здоровенный, его вполне может хватить и на такой гарем.

Самое невероятное заключалось в том, что Порфирьев и здесь оказался душкой. Он-де не виноват, он постоянно вкалывает либо лечится, ему некогда устраивать свою личную жизнь, что общеизвестно. Этим и воспользовались ушлые маньячки, которые в таком виде на фиг

никому не нужны. Антон философски покачал головой. Можно подумать, будто Порфирьев собственноручно изготовил для Снегирёвой все эти вещи! Женская эмоциональность, ничего не поделаешь. Порфирьев умело использовал это, пока Овечкин лежал в реанимации. Варяг заступился за Дилару, и этот пиар-ход повысил его рейтинги среди женщин.

За покушение на убийство высококвалифицированного уникального сотрудника Центра Брилёв хотел Дилару казнить, как положено по ПОП. Но Порфирьев убедил его сделать исключение из собственных законов и снять с нее все обвинения. Антон мрачно усмехнулся. Ну-ну. Дождетесь, когда она воткнет ножницы кому-нибудь в горло, только будет уже поздно. Особенно забавно получится, если ее следующей жертвой станет сам Порфирьев. Она ведь не может не понимать, что наши дети погибли из-за него. Антон хорошо помнит каждый час супертоксичной совместной жизни за последние пять месяцев и абсолютно уверен в столь же абсолютной невменяемости и социальной опасности Дилары. Да, она перенесла тяжелейшие душевные потрясения и нуждается в помощи. Но ее психика не выдержала давления, и теперь Дилара представляет собой угрозу для окружающих. Ее необходимо как минимум изолировать от общества, раз лечить такие заболевания у нас некому!

Вместо этого Дилара продолжает жить в их суррогатном номере и получать положенные безработному нормы обеспечения. Без двойных норм Антона ее бизнес рухнул, но теперь она распродает оставшиеся от Давида детские вещи и особо не бедствует. Впрочем, это ее личное дело. Эту страницу своей жизни Антон перевернул и не желает даже вспоминать. Если бы не боль от потери детей, он бы реально испытывал эмоции человека, которого освободили из жестокого рабства. И если бы не чуткость и сочувствие окружающих, ему сейчас было бы гораздо тяжелее. Все восприняли его сложное психологическое состояние с пониманием, даже военная хунта, чего он никак не ожидал. После выписки из стационара ему выделили индивидуальный полулюкс на первом уровне и личный скафандр высшей защиты с эмблемами ФСБ. И поручили заниматься внешним ангаром, который действительно

числился во всех документах как «ангар Овечкина». Правда, все называли его просто «ангар», но официальное название красноречиво говорило само за себя!

Работы было невпроворот, экспедиции отправлялись в Росрезерв с суточным перерывом, и Центру срочно требовались складские площади до того, как температура на поверхности упадет ниже критических значений. Антон превзошел самого себя, но доказал этим умникам из команды Миронова, что умеет работать не хуже их. Ценой круглосуточных усилий в течение месяца ангар был построен. И не просто собран как попало из чего придется, а расширен настолько, насколько позволяло наличие стройматериалов, укреплен колоннадой из металлических штанг, залит сверху вторым слоем льда, оборудован надежными воротами и практически загерметизирован. Если бы у Антона было больше стройматериалов, он бы добился стопроцентной герметичности, даже несмотря на отсутствие современных средств герметизации. Но даже без этого ангар уже был полноценным ангаром, в нем свободно умещалась не только вся имеющаяся техника и все, что вывезли из единственного наполовину уцелевшего материального склада в Росрезерве, но также было предусмотрено место для размещения небольших ремонтных мастерских и развертывания автоматического токарно-фрезерного комплекса.

Чтобы запустить все это, требовалось сырье для производства и серьезный объем электропитания, который в переносных аккумуляторах не натаскаешь. Беспроводная электрическая сеть была слишком маломощной и имела крайне ограниченную дальность, а нарушать целостность конструкции ворот или их фундамента, чтобы сквозь них выводить наружу кабели, было крайне опасным решением. Мегамозги Миронова были категорически против этого, и Антон, изучив детали, вынужден был присоединиться к их позиции. Единственный выход напрашивался сам собой – использовать ядерный реактор ЛСУ, стоящей у въезда в Росрезерв. Все тамошние хранилища были опорожнены подчистую. Пока Овечкин занимался лечением и ангаром, экспедиции вывезли оттуда абсолютно все, включая внешние ворота, которые для

этого пришлось разрезать на несколько частей. Эти части уже использованы для изготовления ворот ангара Овечкина.

Единственное, что осталось в Росрезерве, превратившемся из сети складов в сеть полуобвалившихся пещер, занесенных грязным снегом и радиацией, была подбитая роботами лазерная самоходка. Сдвинуть с места шестидесятитонный гусеничный металлолом было невозможно, и мегамозги предложили оригинальное решение: демонтировать ядерный реактор, переложить его на платформу одного из грузовиков на воздушной подушке вместо кузова, и создать таким образом передвижную АЭС. Сама по себе идея была неплоха, но для ее реализации требовалось то, что сможет снять с ЛСУ реактор, который весит всего-то двадцать тонн. Для решения этой проблемы умники Миронова разработали несколько сложных домкратов и еще более сложную технологию их применения. Для изготовления всего этого у Антона отобрали часть строительных материалов, из-за чего он не смог обеспечить своему ангару герметичность. Овечкин пытался апеллировать к Порфирьеву и даже к Брилёву, но вояки, как обычно, встали на сторону своих.

Металл у Антона отобрали, и от полной герметичности пришлось временно отказаться. А вместе с ней пришлось отказаться от снижения радиационного фона и отопления. Но на этом военная хунта не остановилась, и Антона обязали принять участие в экспедиции, которая отправится за реактором. Это стало крайне неприятным сюрпризом. За прошедший месяц Овечкин успел отвыкнуть от экспедиций и был уверен, что больше туда не попадет. Инженер Шарафутдинов, занявший его место, прекрасно справлялся со всеми нехитрыми обязанностями микроскопа, которым неотягощенные интеллектом вояки забивают гвозди. Овечкин пошел к Порфирьеву с жалобами на здоровье, тот отправил его к Снегирёвой, но Снежная Королева по итогам обследования заявила, что состояние Антона гораздо лучше состояния Шарафутдинова. После такого вердикта недо-врача участь Овечкина была решена. Антона заставили изучить эти чертовы домкраты и отправили за реактором вместе с Шарафутдиновым и тремя десятками техников, разнорабочих и солдат в экзокорсетах. Брилёв задействовал в

этом почти всех своих младших технических специалистов, но командой Миронова рисковать не пожелал. Никто из вояк-инженеров за реактором не поехал. Они для Брилёва ценнее, чем какие-то там Овен и Пиджак!

Чему тут удивляться? Это же военные буратины, для них круговая порука важнее всего остального. К этому Антону не привыкать. Он вытерпит и эту экспедицию, лишь бы она оказалась по-настоящему последней. Если затея с реактором выгорит, то у него в ангаре появится собственное электропитание. А это означает, что появляется шанс сделать отопление, полноценное освещение и герметичность. И заниматься всем этим будет он, потому что он начальник ангара, на раскопки пусть ездит Шарафутдинов!

Удар ледяного крошева в иллюминатор заставил Овечкина вздрогнуть. Чертов буран, он уже отвык от этого дерьма! Начинается, как всегда, внезапно! Колонна сбросила ход и продолжила ползти под нарастающим ветром. Вскоре сила ветра выросла до опасной, колонна изменила направление и медленно поползла против ветра. Антон сверился с хронометром. Полтора часа до интоксикации. Знать бы еще, сколько километров осталось. Но за рулем вездехода сидит Порфирьев, значит, спрашивать бесполезно. Асоциальный брутал даже не станет дослушивать вопрос, сразу потребует выйти из эфира и не мешать работать водителям. Придется ждать окончания бурана.

Буран закончился через сорок минут, резко сменившись полным штилем, и колонна торопливо вернулась на маршрут. Вновь заработал недопилот, машины рванулись куда-то сквозь полнейшее отсутствие видимости, и Антон поспешил закрыть глаза. Хорошо еще, что буран не перерос в ураган, за последние две недели такое случалось трижды, и всякий раз экспедиция не успевала добраться до Росрезерва за один цикл антирада. Оставалось только радоваться, что все это время Антон не участвовал в этих суицидальных вояжах. Нудная головная боль немного утихла, и он попытался заснуть. Едва это ему удалось, в эфире зарычал Порфирьев, требуя начать выгрузку, и оказалось, что колонна достигла цели. Овечкин вновь сверился с хронометром. До интоксикации оставалось восемнадцать минут, значит, в кои-то веки успели заблаговременно.

– Хам! – рык Порфирьева продолжал шуметь сквозь треск помех. – Разворачивай первую базу! Я – вторую! Тех, Саныч, заводите технику как можно глубже, ветер усиливается! Овен, Пиджак! Проверить системы обогрева! Технику не глушить! Всем к машине!

Внезапная догадка заставила Овечкина похолодеть, и он бросился к выходу из вездехода, с трудом дожидаясь своей очереди. Так и есть! Базы, которая была развернута здесь на постоянной основе, больше нет! Ее забрала с собой последняя экспедиция, которая срезала въездные ворота! Теперь бураны и ураганы свободно попадают внутрь! Значит, базу еще предстоит развернуть, а до стандартного времени интоксикации остается восемнадцать минут!

Эти восемнадцать минут стоили ему огромных нервов. Умереть во время своей последней экспедиции, когда жизнь и перспективы только-только начали налаживаться, Антон не желал от слова «никак». Он лихорадочно ползал по технике, недавно обшитой самодельными электрическими тепловыми шинами, и проверял их целостность, каждые пять секунд бросая взгляды на военных, торопливо разворачивающих спецпалатки. Варяг завел колонну как можно глубже внутрь, и базы разворачивали не во входном ангаре, как обычно, а в ближайшем опустошенном хранилище, чтобы укрыться от прямого удара ветра. Поэтому Антон видел происходящее лишь частично, и это еще больше усиливало охватившую его панику. Если военные не успеют, придется идти на передозировку, пережидать которую он будет вынужден без всякой медицинской помощи посреди заблеванной спецпалатки. Еще одного такого удара его многострадальный организм может не выдержать!

Военные закончили разворачивать базы чуть ли не синхронно, спустя две минуты после окончания стандартного цикла антирада. Пока устанавливали фильтровентиляционную установку и запускали отопительную сеть, интоксикация скрутила нескольких разнорабочих. Они бились в судорогах, исторгая из себя рвоту при температуре в минус шестьдесят, и прежде чем отопительная сеть прогрела базы, все, кто открыл гермошлемы, получили обморожение лица той или иной степени.

Остальным повезло больше, их скорчило уже при температуре градусов в двадцать ниже ноля.

С тех пор как ледяной холод на поверхности вплотную приблизился к отметке в минус шестьдесят, все, что участвовало в экспедиции, было оборудовано кустарными шинами отопления. Индивидуальный обогрев скафандров усилили, по периметру баз расставлялись электрорадиаторы, от которых по потолку через каждый метр были запущены нагревательные элементы. Как поведут себя металлы и пластики на морозе за минус шестьдесят, когда ударит ураган, можно было лишь рассчитывать, и ни о чем хорошем эти расчеты не сообщали. Чтобы ничего не полопалось, как трухлявая деревяшка, технику утеплили дважды: провели одну отопительную сеть изнутри, вторую пустили снаружи и обшили сверху, чем придется, чтобы получить воздушную прослойку между горячей поверхностью и холодной. В итоге каким-то образом мегамозгам удалось добиться того, что поверхность техники не охлаждалась ниже минус тридцати, и Антон старался не думать о том, что может произойти, если хоть один элемент отопительной сети выйдет из строя в разгар урагана.

За полминуты до интоксикации он забился поближе к одному из таких радиаторов и вновь страдал от жестоких мучений, которые надеялся никогда больше не испытывать. Боли были настолько жуткие, что не помогла даже капельница от недо-врача, поставленная ему Порфирьевым. Остальные заявили, что препарат им помог, но Антон не питал иллюзий: качество самодельного препарата было столь же невысоким, как квалификация его создателя, поэтому организм Овечкина выработал привыкание и больше не чувствует облегчения. Остальным это еще предстоит. Но это их проблемы. Для него главное пережить эту экспедицию.

Сутки прошли очень нервно. На поверхности почти двенадцать часов бушевал мощный ураган, завывания которого звенели в ушах даже через освинцованный резинополимер базы, развернутой в углу опустошенного хранилища. В каждом особенно сильном вое Овечкину чудился лязг подвижных частей приближающихся роботов-убийц, и от того факта, что роботов никто не видел со дня аварии с вездеходом, легче не

становилось. Потом начался следующий цикл антирада, вместе с которым начался тот еще ад.

Снимать реактор с гусеничной платформы в мутном ночном пылевом мраке, освещенным ходовыми прожекторами грузовиков, на морозе в минус шестьдесят при постоянной пурге, было сущим кошмаром. Порфирьев оставил получивших серьезное обморожение лица людей в палатках, они все равно были никакие, и народа не хватало. Металл под резаками плавился плохо, шины отопления перемерзали, домкраты скользили по скрытому под грязным снегом ледяному крошеву. Демонтаж реактора быстро свелся к примитивному срезанию узлов крепления, но даже так работы шли медленно и предельно тяжело. Полностью освободить реактор от креплений удалось только через три часа, и еще столько же ушло на то, чтобы завести домкраты в нужные места и надежно зафиксировать между собой.

Отделить реактор от платформы удалось только с пятого раза, при этом один из четырех домкратов, оказавшийся с подветренной стороны, не выдержал нагрузки вкупе с сильным переохлаждением и лопнул. Вместо него в край реактора вцепилось десяток солдат в экзокорсетах, и Антон сильно сомневался в том, что эта замена будет равноценной. Но Шарафутдинов заявил, что это все равно лучше, чем ничего, и принялся рулить процессом снятия. Реактор приподняли на домкратах и усилителях конечностей, и все это нелепое и крайне рискованное предприятие начало медленно сдвигаться назад, вынося реактор за пределы гусеничной платформы. Антон едва не поседел, пока это происходило. Именно он отвечал за движение домкратов, и ему приходилось метаться между ними, отслеживая каждый сантиметр работы техники. Если смещающиеся домкраты потеряют синхронность, то двадцатитонная махина рухнет, и это будет настоящей катастрофой. Потому что поднять ее нечем, и военная хунта наверняка убьет Антона за это.

Реактор удалось отвести от гусеничной платформы метров на десять, и Порфирьев полез за руль грузовика, с которого мегамозги сняли кузов и приспособили платформу под передвижную АЭС. Без одного домкрата тащить реактор с каждым метром становилось все опаснее, риск

опрокидывания возрастал, и Варяг приказал остановить движение. Он подогнал грузовик задом к домкратам и попытался заехать под поднятый над землей реактор. От поднятой воздушной подушкой пыли видимость мгновенно исчезла, Порфирьев продолжил движение по памяти, и Овечкин понял, что фиаско не избежать. Он закрыл глаза в ожидании лязга падающего реактора и с ужасом услышал его.

Но оказалось, что Варягу повезло в последнюю секунду. Он сумел загнать грузовик под реактор до того, как задетый в процессе этого домкрат выбило из-под ноши. Реактор рухнул уже на платформу грузовика с высоты в десять сантиметров и теперь держался на ней под действием собственного веса с сильным перекосом относительно продольной оси. Овечкин вместе с Шарафутдиновым обследовали получившуюся нелепую конструкцию и пришли к выводу, что двадцать тонн с платформы грузовика ураган смести не должен. Для надежности реактор скрепили с платформой сваркой, проверили все источники питания и разошлись по базам ждать, когда истекут оставшиеся до интоксикации сорок минут.

Эта интоксикация далась Антону еще мучительнее предыдущей, хотя он был уверен, что мучительнее уже быть не может. Порфирьев вновь ставил всем капельницы от недо-врача, но если что и помогло Овечкину не умереть, то только мысль о том, что главные проблемы уже позади, и спустя сутки он навсегда покинет опостылевший Росрезерв. Потому что вывозить отсюда больше нечего. Впоследствии оказалось, что он ошибался, но тогда эта мысль помогла ему выжить.

Экспедиция приняла антирад, свернула базы и двинулась в обратный путь. Сразу же оказалось, что недопилот не может вести грузовик с реактором. Из-за перекоса грузовик кренился, его постоянно сносило в сторону, недопилот к этому готов не был, поэтому глючил и терял курс. Грузовик дважды теряли, колонна возвращалась, и Порфирьев каким-то чудом находил его в кромешной пылевой тьме, ориентируясь на собственные ощущения и панические вопли Теха, который сидел за рулем новоиспеченной мобильной АЭС. Закончилось все тем, что за руль АЭС сел Варяг, и колонна двинулась за ним, отказавшись от недопилота. Держать высокую скорость кренящийся грузовик не мог, поэтому

двигались едва тридцать километров в час, и Антон в тихой панике не сводил глаз с хронометра. За цикл антирада прошли едва треть пути до Центра, развернули базу и устроили стоянку.

Интоксикация прошла жестоко, но обошлось хотя бы без ураганов. За сутки получившим обморожение людям стало хуже, двое из них не смогли подняться на ноги, у несчастных начался некроз тканей, и на их обезображенные лица нельзя было смотреть без содрогания. Их вынесли из спецпалатки на руках, уложили на сиденья вездехода и продолжили путь. На этот раз бураны приходили чаще, но были значительно слабее, и Порфирьев не останавливал колонну. За час до интоксикации до Центра оставалось девяносто километров, и Варяг сообщил, что за это время добраться в их состоянии до цели невозможно.

– Надо решить, – рычал он сквозь то нарастающий, то проседающий треск помех, – разворачиваем базу или идем на передозировку. С нашей скоростью ехать еще три часа, это если не придется пережидать бураны. На передозировке мы доберемся домой за пять часов до начала интоксикации, этого времени хватит, чтобы все прошли ускоренную детоксикацию. Но если опять ударит затяжной ураган, а мы на передозировке, то можем не успеть дождаться его окончания. Передозировку при передозировке переживут не все. Если развернем базу сейчас, риска будет меньше. Но я не знаю, как обмороженные перенесут еще одну интоксикацию и сутки без медпомощи, они уже не ходят. Решать надо всем.

Люди принялись бурно обсуждать ситуацию, и позиция Овечкина быстро стала лидирующей.

– Рисковать жизнью, когда до Центра осталась полсотни километров, неразумно! – убедительно доказывал Антон. – Передозировка может убить, участь ФСБ-шников всем хорошо известна! В медотсеке три биорегенератора, нас тридцать, при условии ускоренной процедуры это пять часов! Да, теоретически мы успеваем минута в минуту, но если через полчаса начнется сильный буран и мы не сможем продолжать движение хотя бы час, то даже ускоренную детоксикацю получат не все!

К чему клонит Порфирьев, Антон понял в первую же секунду. У асоциального мизантропа страсть к передозировкам. У него здоровья

вагон, на остальных плевать! Именно так Антон лишился дочери, а впоследствии и сына! Да, интоксикация – это чудовищные муки, но Овечкин лучше переживет их в последний раз, чем лишится остатков подорванного здоровья при передозировке! Для многократно переоблученного организма передозировка бесследно не проходит, как ни лечи, можете спросить у нашего недо-врача, она подтвердит!

– Варяг, а ты что скажешь? – поинтересовался Хам, и все умолкли, ожидая ответа.

– Я бы рискнул, – нехотя прорычал Порфирьев. – Если бы я лежал там, в кузове, полумертвый, то очень надеялся бы попасть в госпиталь как можно раньше.

Подозрения Антона оправдались мгновенно. Военные буратины не могут не играть в героев, даже если из-за их блажи могут умереть десятки человек! Обсуждения вспыхнули с новой силой, подхалимы поспешили переметнуться на сторону Порфирьева, и Овечкин выложил последний козырь, припоминая Варягу его же слова:

– Нельзя рисковать жизнью двадцати восьми человек ради двух! Двадцать восемь жизней весят больше, чем две!

Это убедило колеблющихся, и решение было принято в пользу остановки. Колонна прошла еще полчаса, развернула базы и переждала интоксикацию. Оба находившихся без сознания обмороженных, к сожалению, умерли во время мучений, но зато остальные выжили. Более того, опасения Антона подтвердились. Когда люди начали выходить из интоксикации, палатка содрогалась от сильного бурана, и никто не мог сказать, когда он пришел: через пять часов после начала интоксикации или через полчаса. За сутки краткосрочные бураны случились еще семь раз, и все пришли к выводу, что решение сделать остановку в пятидесяти километрах от Центра было правильным.

Сам Порфирьев ничего на эту тему не говорил. Большую часть суток ему явно было нехорошо, и он все время пролежал пластом на своем месте, кривясь от боли. Когда сутки истекли, он приказал принять антирад и первым полез наружу. Технику сильно занесло снегом, и полчаса ушло на то, чтобы выкопать машины из черной ледяной грязи. При осмотре выяснилось, что в нескольких местах шины обогрева вышли

из строя, но до Центра повезло добраться без происшествий. Колонна вползла в ангар и остановилась. Диспетчер что-то выяснял у Порфирьева, но тот неожиданно перестал отвечать, и выбирающийся из вездехода Антон увидел, как встречающая экспедицию команда вытаскивает из кабины грузовика его неподвижное тело.

* * *

– Он выживет? – Брилёв в окружении телохранителей стоял возле биорегенератора и напряженно наблюдал за Снегирёвой, безостановочно манипулирующей элементами управления лечебным процессом.

Система биомониторинга пестрела красными сообщениями об отказе тех или иных функций организма лежащего внутри биорегенератора Порфирьева, сердце пациента не билось, к капитану применялись системы искусственного жизнеобеспечения.

– Не знаю, – отрывисто произнесла Снегирёва, разрываясь на управление сразу тремя или четырьмя процессами. – Я все делаю для этого! Вы мне мешаете! Очистите операционную! Немедленно! Слышите?!

Ситуация стала критической мгновенно, и Брилёв кожей почувствовал это еще до возвращения экспедиции. Сначала экспедиция не вернулась в первичный срок, потом не появилась к вторичному. На сеансах собственного лечения полковник видел, что Снегирёва с каждыми сутками нервничает все сильнее, но при этом пытается не подавать вида. Однако после того как она сошлась с Варягом, читать ее эмоции стало совсем просто. Пока Порфирьев находился в бункере, Снегирёва пребывала в счастливом настроении, даже несмотря на хроническую загруженность и частый недосып. Она даже перестала жаловаться ему на Варяга, потому что тот перестал уклоняться от лечения. Стоило Порфирьеву уехать в очередную экспедицию, Снегирёва становилась мрачной, к ней возвращался прежний стеклянный взгляд и подчеркнутая

нелюдимость. Все это заканчивалось с возвращением Варяга и начиналось вновь с его отъездом.

Инженеры регулярно пересылали ему трансляции с камер скрытого наблюдения за медотсеком, фиксирующие, как Снегирёва молча плачет после каждого возвращения экспедиции, во время лечения Порфирьева. Не приходилось сомневаться, что Варягу осталось недолго. Но срок в один год, озвученный Снегирёвой, позволял подготовиться к этому заблаговременно. Если только что-то пойдет не так. Брилёв понял, что это случилось, как только вернувшийся из Росрезерва Варяг выпал из эфира на полуслове еще до открытия внешних ворот. Порфирьева срочно доставили в медотсек, Брилёв поспешил направиться туда, чтобы продемонстрировать солидарность, но ситуация оказалась крайне опасной. Снегирёва отказалась сдать пистолет. Она даже не обернулась к Арарату, манипулируя управлением биорегенератора. Лишь коротко бросила, что у нее нет времени и потребовала от всех покинуть операционную. Пришлось заходить внутрь в окружении телохранителей. Сразу стало ясно, что Снегирёва находится в пограничном состоянии, хоть и выглядит адекватной. Но самое главное произошло через минуту.

– Дмитрий Адамович, – к кольцу телохранителей подошла Соколянская. – Ингеборга Игоревна будет сильно загружена в ближайшие дни. С вашего позволения я займусь вашим лечением. Через четырнадцать часов у нас появится возможность освободить один биорегенератор, и я смогу принять вас. Сообщите удобное для вас время!

Секунду Брилёв молчал, анализируя ситуацию, после чего осторожно ответил:

– Я вас услышал. Ждите указаний! – И коротко приказал Арарату: – Возвращаемся!

Войдя в свой кабинет, он немедленно вызвал на связь Миронова и потребовал вывести на свой экран все, что только может видеть и слышать внутри медотсека. Спустя десяток секунд на настенном экране открылось несколько окон, и Брилёв принялся внимательно изучать происходящее.

Порфирьев был в коме, но пока не умирал, и Снегирёва всеми силами пыталась его спасти, игнорируя остальных. Срочно вышедшая вне своей смены Яковлева уложила двоих в свободные биорегенераторы, но Снегирёва коротко бросила, что у нее нет времени заниматься другими, и Яковлева запустила стандартную процедуру детоксикации. Значит, через пять часов у двадцати человек начнется интоксикация. Точнее у восемнадцати, двое разнорабочих умерли во время экспедиции.

Так Снегирёва еще ни разу себя не вела. Брилёв не сомневался – сработала программа НЛП, заложенная в ее промытые мозги кукловодами из инкубатора ГРУ. Врач агентурной ячейки мобилизовал все свои возможности для спасения жизни командира, к которому она привязана лично. Выживет командир или нет, это вопрос времени. Но агентурная ячейка такого уровня априори не может прекратить свое существование, поэтому командование перешло к старшему агенту. То есть к Соколянской. И она только что четко это продемонстрировала: приняла решение о его лечении за Снегирёву. Значит, Соколянская возглавила агентурную ячейку и перешла в самостоятельный режим. В режим активного захвата власти.

Брилёв тщательно перебрал в памяти события прошедшего месяца. Именно тогда Соколянская перешла от стадии опутывания влиянием к стадии медленного порабощения. Она воспользовалась несколькими постельными моментами и довольно тонко и ненавязчиво убедила его доверить ей проведение аукциона. Он ожидал чего-то подобного, поэтому на всякий случай отдал ей бразды правления только женскими лотами. Соколянская ожидаемо оказалась очень способной оценщицей и организатором. Аукцион прошел успешно и принес ощутимую пользу не только в материальном, но в политическом плане. Толпа с удовольствием меняла на тряпки и прочие шмотки лекарства, колюще-режущие предметы и различную индивидуальную электронику, лишнюю либо малополезную в условиях дорогостоящего и ограниченного доступа к сети. У кого-то даже обнаружилось травматическое оружие, причем это был совсем не единичный случай.

После аукциона Соколянская столь же ненавязчиво вызвалась создать и развивать салон красоты, чтобы сотрудникам Центра было где тратить

нормы, которые через пять месяцев станут двойными. Параллельно она принесла компромат на одну из его любовниц, которая негативно отзывалась о Брилёве в беседе с кем-то на втором уровне. Компромат проверили, информация подтвердилась, и он выпнул перешедшую границы девицу туда, где подобрал. Но заменить ее на другую не смог, потому что Соколянская очень эффектно заняла освободившееся от изгнанной конкурентки время. Приходилось признать, что он не был против. Частично из-за того, что хотел увидеть, как Соколянская поведет себя дальше, и частично потому, что его устраивало ее общество. Она единственная из всех вела себя с ним, как королевская фаворитка, которая четко отдает себе отчет в том, что король – всегда король, а его подданная – всегда подданная. Даже если при этом они любовники. Остальные женщины раздражали своими незамысловато предсказуемыми попытками выпросить что-либо для себя влажными глазами и несчастными лицами.

Он даже согласился отдать Соколянской на откуп создание салона красоты. Пусть считает, что он начинает поддаваться ее влиянию. Так будет проще вовремя заметить ее следующий ход, благо пока эти ходы не несут серьезной угрозы. Сегодня Брилёв понял, что это решение было ошибкой. Он своими руками отдал Соколянской немного своей власти, и его люди привыкают к этому. Значит, ее ценность в их глазах возрастает, и в случае смерти Брилёва его преемник обратит на нее внимание в первую очередь. Захочет отобрать бизнес, вызовет ее на вручение ультиматума, а выйдет из кабинета в полной уверенности, что он лучше всех на свете, а она воплощение комфорта, уважения и личной преданности.

В одном из видеоокон Соколянская в очередной раз подошла к Снегирёвой, выполняя какое-то ее мелкое поручение, и осталась стоять рядом дольше обычного. Полковник коснулся пальцем соответствующего сенсора на рабочем коммуникаторе, и к изображению на настенном экране прибавилась звуковая дорожка.

– … нет на это времени! – Снегирёва говорила короткими рублеными фразами, не отвлекаясь от панели управления биорегенератором Порфирьева. – Варяг может умереть в любую секунду. Если мне удастся стабилизировать его состояние, займусь другими. У них еще четыре часа до интоксикации. Займись Брилёвым сама!

– Тебе не придется отвлекаться. Работай, зая, и ни о чем не думай! – Соколянская преданно сжала Снегирёвой предплечье и быстро отпустила, чтобы не мешать. – Ты обязательно справишься, я в тебя верю! Брилёва беру на себя. Мне потребуется биорегенератор на два часа. Сделаю все идеально, никаких нареканий не возникнет, я хорошо освоила процедуру.

Снегирёва коротко кивнула в знак согласия и задумалась над очередной порцией пестрящих красными отметками данных системы биомониторинга. Брилёв замер. Это может означать только одно: во время следующего сеанса лечения Соколянская его устранит. Снегирёва в силу особенностей своей программы занята более приоритетной функцией и не может сделать это сама. Но в ее глазах причиной предсмертного состояния Варяга вполне может являться Брилёв. Либо Соколянская аккуратно вложила ей в голову эту мысль. Не важно. Снегирёва подтвердила полномочия Соколянской и не стала оспаривать ее решение. Он не ошибся. Руководство агентурной ячейкой перешло к Соколянской, ждать приказов ей больше не от кого, и вложенная в мозг программа перевела агента в фазу активного захвата власти. Он находится на волосок от смерти.

Но им его не победить! Он не для того выжил во всем этом дерьме. Он все предусмотрел заранее. В программу Снегирёвой не заложено доминирование, она всегда будет подчиненной. Значит, после смерти всех старших агентов ее психика выберет себе начальника. Нужно лишь создать для этого все условия и выждать необходимое время. Это не проблема, он хорошо себя чувствует, лечение пошло на пользу, вполне можно обойтись без процедур несколько месяцев, пока ситуация не стабилизируется. А если не стабилизируется, то придется избавиться и от нее. Остаться без врача очень бы не хотелось, но убить себя он никому не позволит.

– Соколянскую ко мне! – Брилёв вышел в эфир. – Для уточнения графика лечения!

Он ни секунды не сомневался, что в такой момент агентесса не заставит себя ждать, и, как всегда, не ошибся. Камеры показали, как Соколянская направилась к нему сразу, лишь только ей сообщили о вызове. Полковник дождался появления агентессы и поднялся ей навстречу.

– Дмитрий Адамович, график загруженности биорегенераторов пока не ясен, – официальным тоном произнесла Соколянская, закрывая за собой дверь. Электронный замок тихо щелкнул, и в ее голосе зазвучали нотки обожания: – Но я вышвырну из БР-а кого-нибудь, если вы не можете ждать. – Ее лицо приняло грустное выражение: – У нас сейчас критическая ситуация, такого еще не бывало, Инга в шоке…

– Я все понимаю, – мягко прервал ее Брилёв. – Любовь и долг, смешавшиеся воедино, это гремучая смесь. – Он выразительно посмотрел на нее: – Не так ли?

– Несомненно! – С аристократичной манерностью подтвердила Соколянская. Она с волевым выражением лица эффектной походкой подошла к Брилёву, коснулась его руки и негромко произнесла: – Я скучала… со вчерашнего дня прошло слишком много времени…

– Я тоже больше не могу ждать, – полковник скользнул взглядом по ее фигуре, изображая похоть. Сейчас нельзя ее спугнуть. Она может быть опасна. Кто знает, чему ее учили.

– Наши желания – закон, – игриво улыбнулась агентесса. Она зажгла в глазах страсть, ее губы волнительно приоткрылись, и руки коснулись пуговиц на его униформе.

Они слились в поцелуе, и Брилёв с выражением досады оторвался от ее губ.

– У меня замок с утра барахлит, дверь стала сама открываться. Закрой на защелку, дорогая, я пока включу постановщик помех.

Агентесса что-то промурлыкала в знак согласия и направилась к двери все той же эффектной походкой, плавно покачивая роскошными бедрами. Брилёв судорожным рывком выхватил из поясной кобуры пистолет и выпустил ей в спину несколько пуль. Соколянская изогнулась

на полушаге и рухнула на пол, глядя в потолок застывшими в недоумении глазами. За дверью загремели шаги облаченных в штурмовые комплекты бойцов, в эфире зазвучали тревожные команды, и полковник коснулся сенсора наручного коммуникатора, открывая замок. Взорванная дверь в кабинет ему совсем ни к чему. В помещение с оружием наперевес ворвались телохранители, и он с победной интонацией указал на труп проигравшей борьбу за власть агентессы:

– Она хотела меня убить!

Брилёв убрал пистолет в кобуру, устало вытер выступившую на лбу испарину и облегченно выдохнул.

* * *

– Как… это произошло? – Снегирёва скорбно смотрела на труп Соколянской, лежащий на передвижных медицинских носилках, и скупыми движениями стирала редкие слезы. При этом ее взгляд то и дело возвращался к мониторам системы биомониторинга, демонстрирующим показатели состояния Порфирьева.

– Выясняем, – мрачно ответил Брилёв, со вселенской печалью на лице касаясь холодной руки мертвой агентессы. – Пока известно немного. Одной из террористок удалось скрыть свою причастность к кровавому мятежу и остаться безнаказанной. В ее порядочности никто не сомневался. Она с самого начала была служащей Центра, проживала на первом уровне и имела огнестрельное оружие. Террористка под предлогом решения рабочих вопросов зашла ко мне в кабинет, и ее не стали обыскивать, потому что мы доверяем своей команде…

Полковник горестно вздохнул и трагически закрыл глаза:

– Никто не ожидал, что у нее окажется боевой пистолет. Кристина в этот момент согласовывала со мной график лечения, она первая заметила опасность. Я в ту секунду даже не смотрел в сторону террористки… Кристина закрыла меня собой. Террористку ликвидировали, но… – Его голос сорвался, и он умолк, собираясь с силами: – Надеялся, что ее еще можно спасти…

– Она умерла сразу, – бесцветный голос Снегирёвой стал еще тише. – Первая пуля пробила ей сердце. Остальные раны не были смертельными, но это уже неважно…

– Я вас услышал, док… – так же тихо произнес Брилёв и убитым голосом спросил: – В каком состоянии Варяг?

– Он в коме, – тихий бесцветный голос Снегирёвой не изменился. – Пока мне удается не дать ему умереть, но больше я ничего не могу сделать… Биохимия его крови претерпела катастрофические изменения… мне не хватает знаний и оборудования… нет нужных препаратов… я пытаюсь делать их самостоятельно из других реагентов, но… у меня нет опыта…

– Используйте все, что у нас есть, док, – Брилёв сжал мертвую ладонь агентессы. – Нельзя терять любимых… – Его голос зазвучал еще тише: – Особенно таких, которые спасли нам жизнь… – Голос полковника вновь сорвался, но он взял себя в руки: – Я должен идти.

Брилёв кивнул своим людям, и солдаты выкатили носилки с трупом из операционной. Сам он шел рядом и держал мертвую агентессу за руку до тех пор, пока люк в медотсек не закрылся за ним. Для большей полноты картины он со скорбным лицом продолжал идти рядом с носилками до самого лифта, и замершая вдоль стен толпа печальными взглядами провожала траурный кортеж. На первом уровне труп повезли к входному блоку, и Брилёв направился в свой суперлюкс. В кабинете сейчас отмывают кровь с пола, делать там пока нечего, и полковник велел помощнику собрать совещание в номере, сразу после того, как все будет закончено. Ждать пришлось почти час, но в итоге все сложилось как нельзя лучше.

– Трупы раздели, обрили, вынесли на поверхность и зарыли в снег, – доложил Абрек. – Туда же, где лежат террористы. Когда вернется лето, сожжем. Все прошло чисто, утечка исключена, работали сами.

– Спасибо, мужики, – искренне поблагодарил Абрека Брилёв. – Что с террористкой?

– Там все норм! – успокоил его Абрек. – Пристрелили одну бабу из СБ. На нее начальница смены жаловалась несколько раз, типа, строптивая сверх меры. Так что получилось очень правдоподобно, все

поверили. С хронологией событий, конечно, косяк, но свидетелей все равно нет, так что проверять некому.

– Подчистим файлы, если потребуется, – вступил в разговор Миронов. – Мы срочно подняли все архивы, куда сливаются записи с камер медотсека. Нашли больше десятка записей, где Соколянская что-то шепчет Снегирёвой почти беззвучно. Фильтры не распознали речь из-за низкого уровня звука, пришлось работать вручную. Она всегда говорила очень тихо, но некоторые фразы удалось разобрать. Все они в одном ключе: «мне не нужен Брилёв, мне нужен Центр», «он сам не заметит, как я его приберу его к рукам», «тактично развела» и тому подобное. Как вы ее вычисли, Дмитрий Адамович?

– Давно понял, что она задумала, – устало ответил Брилёв. – Но доказательств не было. Сегодня они появились. Подготовьте все, что у вас есть на нее, я хочу увидеть. Заодно расскажу, как все это развивалось.

– Она мне всегда была подозрительна! – заявил Абрек. – Слишком идеальная, таких баб не бывает! У нормальной бабы всегда есть какое-нибудь дерьмо внутри, которое эти тупые шалавы называют «изюминкой»! А эта вся такая правильная, куда бы деться! Реально вызывало подозрения! Но что бы так… – Он удрученно выдохнул: – Тут я лоханулся… не думал, что такое возможно. Меня больше Снегирёва напрягала, она реально долбанутая и психически нездоровая! Смотрит на всех стеклянным взглядом и людей боится, а мне кажется, что она всех ненавидит… Мозг, как она реагировала на слова Соколянской?

– Иногда с иронией, иногда безразлично, – ответил Миронов. – С этим предстоит разбираться, но, если поверхностно, ей было все равно. Ни мешать, ни помогать ей Снегирёва не собиралась. Она так и сказала: для меня ничего не изменится, мол, куда я из медотсека денусь.

– То есть она знала о готовящемся убийстве? – напрягся Абрек.

– Сложно сказать, – Миронов с сомнением покачал головой. – Данных очень мало, а на тех, что есть, Соколянская нигде напрямую об убийстве не заявляла. Все фразы были завуалированы и двусмысленны. Снегирёва могла расценивать их по-разному. Вряд ли они заодно, иначе бы

Снежная Королева давно поубивала всех нас в биорегенераторах. Мы все там регулярно бываем. Считаем, что она не была в курсе.

– Как ты оцениваешь ее состояние? – Брилёв перевел взгляд на Абрека.

– После того как она начала пригождаться Варягу, с ней вообще никаких проблем не стало, – Абрек на секунду задумался. – Бегала к нему в номер каждый день на несколько часов, «снежинки» это разруливали самостоятельно. Сейчас Варяг в коме, она вообще от его биорегенератора не отходит. Даже над трупом Соколянской поплакала, не отходя от кассы. Крайний час уже не плачет, сидит в операционной набыченная, как всегда. В смысле, возится с БР-ами. Охрана докладывает, что она начала лечить других пациентов.

– Это хорошо. Потерю Соколянской она переживет, – уверенно подытожил полковник. – Для нее это удар, но больше она озабочена состоянием Порфирьева. Беспокоить ее подробностями не будем. Пусть занимается Варягом. Если он умрет, прогнозировать ее поступки я не берусь.

– Как он вообще? – уточнил Абрек. – Есть изменения?

– Ничего нового, – Брилёв недовольно покачал головой. – По-прежнему в коме, но хотя бы жив. Будем ждать, чем все закончится. – Он посмотрел на Миронова: – Разобрались с их картой? Есть что-нибудь стоящее?

– Там одиннадцать отметок, обозначающих объекты в радиусе десяти километров от семейного убежища Снегирёвой, – ответил Инженер. – Карта составлена со знанием дела. На нее нанесены только оптовые базы и логистические центры, у которых есть подземные склады, имеющие шансы пережить бомбардировку воздушными ядерными боеприпасами. К каждому объекту прилагается описание. Ближайший к нам находится ровно в восьмидесяти пяти километрах по прямой. Предлагаем начать с него.

– Это тот, где указан цемент, листовой металл и швеллеры? – Брилёв вспомнил пояснительную записку к карте, которую он прочитал самым первым.

– Да, – подтвердил Миронов. – Конечно, не факт, что сейчас там именно это. Судя по датам, крайний раз записи обновлялись за два года до войны. Но это место к нам ближе всего, и если сможем добраться и разрыть, то что-нибудь отыщется. Вряд ли по нему наносили контактный ядерный удар, а последствия воздушного зарытому в землю металлу не страшны. Даже если склад обрушился, металл можно выкопать. Кроме того, в том же районе обозначены склады с промышленными тканями, деревоплитой, кирпичом и краской. Что из этого уцелело – вопрос, но для нас это все равно Клондайк. Сможем решить все наши проблемы с перепланировкой и не только.

– Люди Варяга смогут найти это место без него? – задал главный вопрос Брилёв.

– Не знаю, – Миронов неуверенно перевел взгляд с полковника на Абрека. – Мы совместим карту Снегирёвой с нашей с точностью до пяти метров. А вот найдут они или нет… может, провести с ними несколько занятий?

– Абрек, выясни, чему их обучил Варяг, и будем решать, – приказал Брилёв. – Не хотелось бы посылать своих в этот ад.

– Я туда больше не полезу, – Абрека передернуло. – Больше выхватывать интоксикации не хочется, здоровье не резиновое. Подготовим кого-нибудь, никуда не денутся!

– Проблема не в этом, – возразил Миронов. – Допустим, экспедиция выдвинулась туда на воздушной подушке, дошла при помощи гирокомпаса и нашла склад. Чтобы его раскопать, нужно отогнать туда строительную технику.

– У нас она есть, – Брилёв нахмурился. – Или ее всю пустили в переработку?

– Не всю, – подтвердил Инженер. – Остались трактор с ковшом, тягач с отвалом и стрелой и землеройка. Землеройка мощная, для промышленных работ, по идее, должна справиться. Если грунт или развалины смерзлись очень сильно, то можно провести взрывные работы, мины остались от ФСБ-шников.

– Тогда что тебя напрягает? – не понял полковник. – Техника гусеничная, на электрическом ходу… Или этого мало?

– Мощности может не хватить, – с досадой поморщился Миронов. – Не дойдет она туда самостоятельно. На поверхности минус шестьдесят, самый тонкий слой снега сантиметров сто двадцать в толщину, под ним завалы неизвестно какой высоты. Я же объяснял! Даже путепрокладчик едва пробивается, скорость пять километров в час!

– Значит, пусть пробивают дорогу на путепрокладчике, – сделал вывод Брилёв. – В чем проблема? Восемьдесят пять километров – это не пятьсот! За два цикла антирада доберутся… За три точно успеют. Можно даже организовать смены: на воздушной подушке нагонять гусеничную технику, забирать с нее старую смену, высаживать новую и возвращаться в Центр, чтобы никто от интоксикации не сдох! Чем не вариант?

– Вариант, – согласился Миронов и напомнил: – Но у нас солярки нет.

– Солярки нет – отправим экспедицию за соляркой! – фыркнул Брилёв. – До нашего КП они без Варяга доберутся? Или у нас емкости под топливо нет?

– До КП они доберутся, – Миронов немного подумал. – Недопилот доведет экспедицию до Росрезерва, оттуда на ручном управлении дойдут по маршруту Варяга. Он есть на наших картах. Заблудиться не должны… Емкостей под топливо у нас нет, но можно снять баки с путепрокладчика. Их два, по тысяче литров каждый. Придется делать тележку и крепить на нее баки. Тележка будет заезжать в кузов грузовика и фиксироваться. На месте ее выкатят из кузова и закатят в лифт. Потом от лифта к бункеру, там до емкости метров сто, пробросят шланг. Из Росрезерва привезли бухту в двести метров, хватит с запасом. Надо только продумать, как тележку будут спускать в пролом, ведущий к лифту, и вынимать обратно. И предусмотреть возможность движения по рельсам…

– Мозг, займитесь техническими деталями! – приказал Брилёв. – Абрек, собери экспедицию, утверди состав и проведи все необходимые занятия! Как только будем готовы, сразу отправим! Затягивать нельзя, нужно показать толпе результат, до запуска биоферм на полную мощность еще пять месяцев. И температура на поверхности падает.

– Это самая главная проблема, – подхватил Миронов. – Если упадет еще ниже, никто не спрогнозирует, что будет! Нам бы утеплить ангар и

закрыться побыстрей!

– Заберем стройматериалы и закроемся хоть навсегда! – пообещал полковник. – Нам здесь жить лет десять, это не пять месяцев кормить толпу обещаниями вместо полноценного пайка! Если не хотим получить новых террористов и предателей, необходимо обеспечить всем минимальный комфорт! Иначе так и будем жить в административных помещениях с автоматами вместо подушек!

С этим доводом никто спорить не стал, и подготовка к раскопкам началась удвоенными темпами. Экспедицию собрали за три дня, еще столько же ушло на подготовку. С людьми особых проблем не возникло, если не считать Снегирёву. Она заявила, что если первый состав не перестанут посылать на поверхность, у нее не хватит биорегенераторов для впавших в кому людей. Но Варяг все еще не пришел в сознание, и долго спорить блондинка не стала. Она вернулась к лечению, и было несложно заметить, что все, кроме находящегося в коме Порфирьева, ее интересовало мало. С остальными договорились по-хорошему: пообещали всем тройные нормы и райскую жизнь после того, как Центр получит металл, ткани и стройматериалы. Всему населению было объявлено о данных с карты, а также о том, что уже скоро с нищенским существованием удастся покончить навсегда. Это сильно подняло общий уровень позитива, и всех участников экспедиции чуть ли не на руках носили. Овечкин, конечно, ныл больше всех, но его перевели из полулюкса в люкс, и он успокоился.

Основные задержки возникли из-за проблем с емкостями для солярки. Сначала было непонятно, как их спускать в пролом, потом непонятно, как доставать в полной загрузке. В итоге Инженеры вместо одной широкой тележки с двумя баками сделали две узкие по одному баку на каждую. К ним собрали направляющие, по которым лебедка вездехода будет опускать и поднимать их через пролом. Еще сутки сращивали трос длиной в полтора километра, части для которого собирали по всему бункеру три предыдущих дня. Отправить экспедицию удалось лишь на десятые сутки подготовки, на поверхности к тому времени было уже минус шестьдесят пять. В ее состав вошли только люди Порфирьева, командиром Брилёв назначил Хама, в помощь Овечкину выделили

Пиджака. Неопытных членов в экспедиции не было, и полковник не без оснований рассчитывал на успех.

Согласно разработанному плану операции первичный срок возвращения экспедиции истекал через четверо суток, но к исходу третьих Брилёва разбудил вызов помощника.

– Товарищ полковник, только что узел связи сообщил: экспедиция в эфире! – встревоженно доложил он.

– Какого черта... – Брилёв сонно кривился, соображая, что происходит. – Они же должны были вернуться самое раннее завтра к полуночи... Готовь охрану, сейчас выйду!

Пока он одевался и добирался до входного блока, появились ужасающие подробности: экспедиция понесла потери и погибла чуть ли не в полном составе, выжившие возвращаются на передозировке. Это мгновенно вышибло из полковника сон, и он лично поспешил в помещение для снятия скафандров. Полчаса прошло в напряженном ожидании, потом из ангара доложили о прибытии экспедиции, и Брилёв немного успокоился: обе единицы транспорта, вездеход и грузовик, только что зашли в ангар. Значит, самых катастрофических потерь удалось избежать. На камерах видеонаблюдения было видно, как в лифт торопливо заходят трое, и паникующий в эфире Овечкин сообщил, что больше выживших нет, а у них самих через полчаса начинается интоксикация с передозировкой. Слизняк попытался пролезть в медотсек самым первым, пришлось поставить его на место при всех.

– Инженер Овечкин! – грозно рявкнул Брилёв. – Вы приняли на себя командование экспедицией! Так исполняйте обязанности командира! Отправьте людей в медотсек, там для вас срочно готовят оба биорегенератора, и приведите себя в порядок! Даю вам пятнадцать минут! После этого – на экстренное совещание с докладом! Бегом марш!

Присмиревший Овечкин съежился, словно попал под холодный душ, и побежал выполнять приказание. На совещание он явился за пять минут до начала и каждую минуту смотрел на часы испуганным взглядом.

– Слышь, Овен, кончай трястись! – зло зарычал на него Абрек, которого мечущийся к хронометру взгляд Овечкина быстро достал. –

Будь мужиком, твою мать! Ты не в пустошах, дотащим до БР-а, если что! Рассказывай, что произошло!

Овечкин побледнел, съежился еще сильнее и заговорил подрагивающим голосом:

– Сначала все шло хорошо. До Росрезерва добрались за один цикл антирада, разбили базу и переждали сутки. Люди приходили в себя долго, но никто не умер… – Он сжался, пытаясь показать, как ему больно. – Потом свернули базу и добрались до КП. Нашли не сразу, ориентироваться в пустошах, как Варяг, никто не умеет, поэтому потеряли почти три часа. Расчистили пролом, спустили туда тележки с баками, спустились сами. Оставалось еще три часа, и мы решили спустить вниз ремонтную команду. Завели в лифтовую шахту трос, привязали к нему пробный груз и запустили лебедку. Груз достиг дна и поднялся обратно. Тогда спустили ремонтную команду…

У Овечкина затряслись руки, он умолк, и Брилёв поймал брезгливый взгляд Абрека, направленный на гражданского Инженера.

– Я, Шарафутдинов и Тех спустились вниз в прикрепленной к лебедке корзине… Трос звенел на морозе, как струна, но выдержал… Мы оказались внизу, нам спустили аккумулятор и инструмент. Лифт запустился быстро. Шарафутдинов оказался прав, там не было поломок, стартерные аккумуляторы замерзли и разрядились. Он справился с проблемой за пятнадцать минут. Все заработало, сверху спустили телеги с баками, следом за ними прибыли солдаты в экзокорсетах. Мы нашли то, что осталось от вашего КП, и подогнали туда баки. Радиация там вдвое выше, чем на поверхности, воздух токсичен, дышать нечем, пришлось перейти на кислородный запас. Чтобы снизить степень облучения, работали попарно, по пятнадцать минут каждая пара. Цистерну с топливом нашли быстро, размотали шланг, но возникла проблема с помпой, она успела замерзнуть, пока ее вытаскивали из вездехода, спускали вниз и везли к цистерне. Отогрели, запустили, начали закачку, но до интоксикации успели наполнить только один бак. Поднялись наверх вместе с ним, развернули базу возле лифта и переждали интоксикацию…

Руки Овечкина затряслись сильнее, и он судорожно сцепил пальцы.

– Никто не умер, но этот раз дался всем гораздо тяжелее предыдущего. Некоторые из нас сумели встать на ноги только через двадцать часов. Хам приказал спешить, потому что боялся, что после следующей интоксикации кого-нибудь придется затаскивать в вездеход на руках, и к тому моменту лучше быть как можно ближе к Центру. Поэтому вниз спустились почти все. Я остался наверху, мы установили направляющие и начали вытягивать заполненный бак через пролом. Тележка вышла не без проблем, но мы сделали это, я даже не ожидал… боялся, что трос лопнет на таком холоде… обогрев скафандров еле держит, пока грузили тележку в кузов, все замерзли… Без усиления тепловой шины точно бы без обморожений не обошлось…

Он не выдержал и вновь посмотрел на хронометр затравленным взглядом.

– Дальше что было? – зашипел на него Абрек. – На вас напали роботы?

– Роботов мы не видели, – Овечкин вздрогнул и поспешно уставился в пол. – Лифт рухнул. Они наполнили второй бак и вместе с ним поднимались на поверхность. Я смотрел в шахту, внизу, в темноте, уже были видны огни их фонарей. Что-то лопнуло с ледяным хрустом, и лифтовая платформа рухнула метров на двадцать, может, глубже… Издалека было не понять… Вроде бы сработали аварийные стопорные механизмы, платформа остановилась, но сразу же лопнули и они, и направляющие, на которых они были размещены. Лифтовую платформу перекосило, она понеслась вниз, сорвалась с креплений и исчезла в темноте шахты… Следом сыпались обломки конструкций, в ушах звенели истошные крики, потом все утонуло в помехах. Секунд через десять донесся глухой звук далекого удара…

Овечкин снова затрясся.

– Мы вызвали их по рации, но никто не ответил. Это бесполезно, уровень ионизации внизу выше, чем на поверхности, связь там бесполезна… Саныч сказал, что надо спускаться вниз и найти всех, кто-нибудь может находиться без сознания… Я пытался объяснить ему, что никто не может выжить при падении с высоты в тысячу двести метров, но он не слушал. Заставил нас завести в шахту лебедку с клетью и начал

спуск. Судя по поведению троса, он смог достичь дна. Несколько секунд трос висел без нагрузки, потом задергался, и мы включили лебедку на подъем. Где-то на середине пути трос лопнул.

При этих словах Овечкин дернулся, будто услышал выстрел прямо над ухом.

– Когда мы вытравили трос, он был покрыт копотью. Думаю, там, внизу, возник пожар. Бак был полный, кислород поступал в шахту с поверхности, соляра могла вспыхнуть. Наверное, трос не выдержал перепада температур или на него попало пылающее горючее… Не знаю… Спускаться вниз было опасно, я принял командование на себя и приказал возвращаться.

Он испуганно сжался, косясь то Абрека, то на Брилёва, будто ожидал немедленного расстрела за то, что не полез вниз спасать спасателя, и торопливо заявил:

– Со мной осталось только двое солдат, трос оборвался, что мы могли сделать? Мы даже базу не сможем развернуть быстро, они сказали, что вдвоем это часа полтора возни, не меньше! Я решил не тратить время, поэтому мы оставили базу там, в развернутом состоянии, только аккумулятор забрали. Один из солдат имел опыт вождения в пустошах, он водил грузовик в третьем составе экспедиции, ему удалось вывести колонну к Росрезерву за три часа. Оттуда мы двигались на недопилоте. Постоянно приходили мощные бураны, пришлось подолгу стоять, и мы пошли на передозировку. Думали, не успеем добраться! Последние километры пришлось идти через буран, видимость ноль, еле позли, ворота в ангар нашли только с третьего раза… – Он удрученно умолк.

– Отправляйтесь в медотсек, – Брилёв сдержал брезгливую гримасу. – Остальное доложите после того, как вас выпишут. В кузове грузовика находится полный топливный бак, я правильно понял?

– Да, – поспешно подтвердил Овечкин, замирая на полушаге. – Для надежности я закрепил его точечной сваркой, большего на таком холоде сделать было невозможно…

– Правильное решение, Инженер! – полковник кивнул на дверь: – Идите!

Овечкин торопливо удалился, и закрывшаяся за ним дверь щелкнула электронным замком. Брилёв окинул своих людей победным взглядом:

– Итого: солярка у нас есть, техника уцелела. Все могло быть гораздо хуже! Одного бака хватит, чтобы довести путепрокладчик до склада с ресурсами?

– Хватит, – ответил Миронов. – И на обратный путь тоже, и еще там, на месте, он сможет поработать несколько часов. Но кто будет искать склад?

В глазах всех присутствующих ясно читалось, что этот вопрос интересовал каждого, потому что ориентироваться на местности были обучены только спецназовцы с инженерами, и никто из них умирать на поверхности не хотел.

– Будем думать, – осторожно заявил Брилёв. – Из людей Варяга остались двое, оба сидели сейчас за рулем, значит, имеют опыт. Как-то же они спаслись! Проведите с ними дополнительные занятия, и пусть едут! Я лично разработаю для них мотивацию!

– Надо торопиться, если хотим успеть найти хоть что-нибудь, – нахмурился Миронов. – Температура на поверхности падает, дальше будет только хуже! Уверен, лифт в шахте нашего КП рухнул из-за этого! Наверняка переохлажденный металл просто лопнул под воздействием деформаций!

– Сколько у нас времени? – полковник лихорадочно обдумывал сложившуюся ситуацию. Можно закупориться сейчас, но тогда проблему расселения уже не решить. Стройматериалов больше нет, взять неоткуда, разбирать ангар нельзя. Наоборот, его нужно как-то сделать теплым и неопасным, вынести туда все склады и тем самым увеличить площади под биофермы. Биоферм много не бывает, в бункере огромная толпа, и если она начнет плодиться, катастрофы не избежать! Но, даже если не начнет, то полторы тысячи коридорных жителей не будут оставаться спокойными вечно. Недовольство начнет зреть на следующий же день после того, как он введет двойные нормы для всех служащих Центра. А не вводить их нельзя, потому что лояльность работников держится сейчас на перспективах хорошей жизни. Которую без перепланировки первого уровня не обеспечить. – Нам нужны эти стройматериалы!

– Не знаю, – Миронов досадно поморщился. – Может, уже поздно, а может, техника еще продержится благодаря усиленному обогреву. Наверное, до минус семидесяти еще можно рисковать. Потом не знаю, что будет.

– Значит, начинаем готовить раскопки! – Брилёв решительно поднялся. – Готовьте технику и этих двоих! Я к Снегирёвой, выясню, когда им станет можно выходить на поверхность! Карен, списки всего личного состава ЭК должны быть у меня на мониторе через час! С указанием точного опыта работы на поверхности и в какой роли! Занимайтесь!

* * *

С набором людей в экспедицию проблемы возникли сразу же. Меньше всего головной боли, как ни странно, оказалось со Снегирёвой. Снежная Королева со стеклянным взглядом бродила по операционной, перемещаясь между биорегенераторами, и занималась лечением, не произнося ни слова. Яковлева жаловалась, что Снегирёва все время молчит и игнорирует почти все ее вопросы. Из-за этого Яковлевой сложно осваивать профессию, но сделать с этим она ничего не может. Однако на вопрос Брилёва блондинка ответила сразу.

– Этим людям нельзя выходить на поверхность никогда, – ничего не выражающим тоном произнесла Снежная Королева. – Иначе они не проживут дольше года. Но если от этого зависит выживание всех остальных, я выпишу их через трое суток.

На этом блондинка умолкла, и Брилёв не сразу понял, что продолжать она не будет.

– Тогда сделайте это! – скорбным голосом приказал он и покинул медотсек под тихие жалобы Яковлевой.

А вот остальные оказались не столь сознательными. После гибели последней экспедиции вступать в состав новой никто не хотел. Не помогали ни уговоры, ни обещания двойных норм сейчас и тройных через пять месяцев. Люди были готовы уволиться и оказаться на втором

уровне, лишь бы не погибнуть на поверхности. Ситуация сдвинулась с мертвой точки только после того, как Абрек расстрелял нескольких сотрудников ЭК, подавших вместо согласия заявления на увольнение. Остальным был поставлен ультиматум: или экспедиция, или смерть. Кто-то после такого объявления даже бросился на Абрека с ножом, но был зарезан своим же клинком, что отрезвило остальных. Люди справедливо оценили разницу и пришли к выводу, что смертельный риск все же дает больше шансов, чем смертельный выстрел. Экспедицию с трудом удалось укомплектовать с опозданием на два дня, но последующие тренировки показали, что шансы на ее успех минимальны.

Под страхом смерти люди были готовы на все, но это никак не компенсировало недостаток опыта и отсутствие профессиональной подготовки. Наскоро обученные специалисты, побывавшие в двух-трех экспедициях в роли грузчиков и разнорабочих, не имели никаких навыков ориентирования и во всем полагались на Порфирьева и его опытную команду. Они изо всех сил пытались вникать в теорию, которую преподавал им спецназ с инженерной командой, но что из этого выйдет, не брался прогнозировать никто. Зато от осведомителей стали поступать тревожные донесения: в толпе начал раздаваться опасный шепоток на тему, мол, почему в экспедицию не отправляется ни один из Инженеров Миронова или спецназовцев Абрека, раз они обучены и опытны. Видать, они знают, что шансов у экспедиции мизер, вот и не хотят умирать. На этой почве стали раздаваться призывы отменить экспедицию вообще, которые тут же нашли благодатную почву среди обитателей первого уровня. Вслух такое заявлять боялись, но доклады осведомителей прямо показывали: уровень лояльности падает.

И он неизбежно упадет, если экспедиция не вернется. А если она не состоится, то полторы тысячи живущих в коридорах второго уровня быстро станут новой оппозицией. Самое плохое заключалось в том, что большинство любовниц сотрудников Центра являлись именно коридорными жительницами. Многие служащие испытывали к своим любовницам симпатии, и отследить каждого потенциального предателя было невозможно. Проще сразу запретить первому уровню всякий контакт со вторым, но тогда о лояльности можно забыть. Самое

отвратительное заключалось в том, что отмена экспедиции ничего не даст. Без стройматериалов невозможно расселение, без расселения все эти проблемы вылезут все равно. Просто произойдет это на несколько месяцев позже.

Спасение пришло откуда Брилёв не ждал. На шестые сутки подготовки Яковлева сообщила, что Порфирьев пришел в сознание, и полковник в окружении двойного состава телохранителей поспешил в медотсек, ожидая еще больших проблем. Но Варяг отреагировал на известия о гибели своих людей угрюмым молчанием. Порфирьев сидел на кровати стационара в одних больничных шортах, партия которых была по требованию медотсека наскоро сшита местным ателье из пришедшего в негодность постельного белья. Смотреть на него было жутковато: из биорегенератора капитан вышел похудевшим на десяток килограмм и полностью лишившимся волос, включая брови и ресницы. Злобное безволосое лицо Порфирьева невольно напомнило Брилёву монстров из популярной компьютерной игры, и он машинально попятился ближе к окружающим его телохранителям.

Агрессии со стороны Варяга не последовало. Он лишь выяснил подробности гибели экспедиции, молча кивнул и лег спать. Самое главное началось на следующий день, когда с Брилёвым экстренно связался начальник Службы Безопасности и доложил, что в медотсеке конфликт. Полковник явился туда со спецназом и половиной ВБР, но оказалось, что начальник СБ не совсем верно оценил ситуацию. Первое, что увидел Брилёв, добравшись до медотсека, была смена сильно потрепанных «снежинок», в полном составе находящихся перед закрытым люком. Две из них оказывали первую помощь старшей смены, накладывая компресс на ухо, превратившееся в опухший красный вареник. Еще одна сидела на полу, прислонившись спиной к стене, и судя по сильной бледности, восстанавливала дыхание после удара в солнечное сплетение. Рядом пятая охранница бинтовала руку шестой.

– Что здесь происходит? – напряженно осведомился Брилёв.

– Варяг выгнал нас наружу, – мрачно доложила Булавка, морщась от прикосновений подчиненных. – Он собрался на поверхность, вести экспедицию. Доктор Снегирёва возмутилась и начала его отговаривать,

но он не соглашался. Она сильно переживала и перешла на повышенные интонации, внезапно он схватил ее рукой за шею и сжал пальцы так, что у нее ноги подкосились. Сказал, что если она еще раз повысит на него голос, то он сломает ей шею, несмотря на всю любовь, потому что есть границы, которые переступать нельзя. «Ничто не отменяет честь» – так он заявил. У него совсем крыша съехала на почве сексизма… Мы пытались ее защитить, применили электрошокеры…

Булавка покосилась на свою подчиненную, которой только что закончили накладывать временную повязку на сломанные пальцы правой руки:

– Теперь мы здесь. Электрошок его не берет. Я читала, что такое возможно, но никогда не видела… Люк не заперт, но мы туда не входим. Он сказал, что второй раз повторять не будет… Видеодатчик показывает, что сейчас они в номере у доктора Снегирёвой.

Брилёв пропустил вперед спецназ и вошел в медотсек. В операционной обнаружилась перепуганная Яковлева, суетящаяся вокруг функционирующих биорегенераторов вместо Снегирёвой.

– Они там! – Она указала на дверь в каморку Снежной Королевы. – Разговаривают! Ингеборга Игоревна убеждает Варяга не выходить на поверхность, потому что это его убьет, но он не желает ее слушать! А она не желает слушать меня! А у меня уже два биорегенератора поставили текущие операции на паузу и требуют вмешательства лечащего врача! Что делать?!

– Не паниковать! – сурово распорядился Брилёв. – Сейчас я все решу. Делайте свою работу, Светлана Абрамовна!

Он подал знак Абреку, и тот вошел в каморку Снегирёвой. Брилёв последовал за ним и увидел Порфирьева, сидящего на диванчике Снежной Королевы. Сама она сидела на полу напротив и вытирала катящиеся по лицу слезы.

– Извиняюсь за вмешательство в личную беседу, но вы всех нас очень сильно напугали, – тактично произнес полковник в ответ на безразличный взгляд Варяга.

– Он собрался на поверхность, – глотающая слезы Снегирёва была воплощением вселенской тоски и печали. – Это его убьет.

– Не убьет, – устало изрек Порфирьев. – Сколько еще повторять?! Схожу крайний раз, чтобы три десятка людей не губить. Я всех их знаю, это наскоро обученные добровольцы, заблудятся на хрен, никто не вернется. От одного раза от меня не убудет.

– Убудет, и еще как… – похоже, Снегирёва давно взяла себя в руки, но слезы катились из глаз против ее воли, и это придавало ей беспомощный вид. – Ты чудом вышел из комы…

– Чудес не бывает, – невозмутимо заявил Варяг. – Раз вышел, значит, силы еще есть.

– Я сейчас сойду с ума… – в голосе Снегирёвой звучала тоска и безысходность.

– На эту тему мы все выяснили еще у тебя дома, – беззаботно отмахнулся Порфирьев. – Невозможно сойти с того, чего нет. Схожу крайний раз, – повторил он. – Вместо бесконечного нытья лучше помоги. Так будет надежнее.

– Хорошо… – Снегирёва обреченно вздохнула: – Я сделаю все, что ты хочешь, любимый, только не умирай. Но обещай, что это будет последний раз.

– Запросто! – буркнул Варяг, и она тоскливо закрыла глаза. – Обещаю.

На этом конфликт был исчерпан, и экспедиция из провальной превратилась в триумфальную. Как только все узнали, что Варяг пришел в себя и лично поведет колонну на раскопки, у всех резко прорезался энтузиазм, и стадо обзавелось глубокой уверенностью в том, что не пройдет и месяца, как в Центре появятся стройматериалы и новое жилье. На всеобщем всплеске позитива визит Снегирёвой в административный подуровень удалось оставить без всеобщего внимания. Всем объявили, что это было рутинное совещание по вопросам подготовки экспедиции. В действительности никакого совещания не было, Снегирёва явилась к нему в кабинет, пока Варяг в очередной раз лежал в биорегенераторе, и с порога заявила, сверкая пылающими ненавистью глазами:

– Если еще раз я услышу слова «Варяг», «антирад» и «экспедиция» в одном контексте, я больше не переступлю порог медотсека никогда! Хоть все передохните, мне все равно!

С этими словами она вышла вон, зло оттолкнув ничего не понимающего Карена, тактично пытающегося покинуть брилёвский кабинет.

На этом проблемы закончились. В целях собственной безопасности Брилёв решил поставить свое лечение на паузу, благо состояние здоровья позволяет, и усилил ведущееся за Снегирёвой наблюдение. Порфирьеву на восстановление работоспособности потребовалось четыре дня, после чего он сам назначил выход экспедиции на следующие сутки. И ни у кого из ее участников не возникло даже малейших опасений за свою судьбу. Все отправлялись на поверхность, как на парад, что окончательно убедило полковника в том, что стадо всегда тупое, вне зависимости от индивидуального уровня интеллекта каждого его участника.

Варяг взял в поисковую экспедицию меньше двух десятков человек и обе машины на воздушной подушке. Ядерный реактор, размещенный на третьей и последней имеющейся в Центре платформе, в силу плохой управляемости к поискам было решено не привлекать. Порфирьев, как обычно, сел за руль вездехода, доложил о готовности и увел экспедицию. Брилёв невольно настроился на худшее, но колонна вернулась через три часа, так быстро ее никто не ждал. Порфирьев вышел в эфир, сообщил, что искомая точка найдена, тут же развернул колонну и увел обратно отрабатывать маршрут. Чем вверг Снегирёву в молчаливый ужас. Вернулась экспедиция через два с половиной часа, и блондинка в окружении «снежинок» явилась встречать его прямо в помещения для снятия скафандров.

– Ему нужно в биорегенератор как можно скорее! – заявила она мрачным голосом. – Дорога каждая секунда! Я буду всем очень признательна, если вы оставите свои совещания и доклады на потом!

Наиболее грамотным решением в данной ситуации было пойти ей навстречу, и Брилёв лично приказал Порфирьеву бросить все и отправляться в медотсек, едва тот снял с себя скафандр. Варяг удалился, и на разбор экспедиции был вызван Овечкин, назначенный полковником его заместителем.

Овен доложил, что с погодой экспедиции повезло, ураганов не было, бураны приходили всего дважды, и оба раза были достаточно умеренными для того, чтобы иметь возможность не останавливаться. Во время второго бурана экспедиция наткнулась на роботов-убийц, но успела обнаружить их прежде, чем была обнаружена сама. Порфирьев увел колонну в сторону, там снова обнаружились роботы, но из-за бурана видимость была практически ноль, и обеим машинам удалось пройти незамеченными прямо между двумя пылающими лазерным светом парами глаз. Сразу после этого роботы затерялись в буране, и колонна ушла дальше. Потом установился штиль, Варяг увеличил скорость и вскоре остановил экспедицию, заявив, что обозначенное на карте место найдено.

Выгрузившиеся копатели разрыли черный снег и сразу обнаружили под ним слой смерзшихся урбанистических обломков. Это было расценено как положительный признак, и Порфирьев приказал возвращаться. За бортом уже минус шестьдесят пять, скафандры на ветру выстужаются за десять минут до состояния, когда зуб на зуб не попадает, и дальнейшие раскопки возможно проводить только с использованием строительной техники.

Позже выяснилось, что от точки раскопок до Центра поисковая экспедиция вернулась по пологой траектории, близкой к прямой линии. На таком участке недопилот мог развивать высокую скорость, и Порфирьев специально прошел по маршруту еще раз туда-обратно, чтобы быть уверенным в отсутствии препятствий на пути следования. Сам он лежал в биорегенераторе почти двенадцать часов, но это уже было не важно. Склад он нашел, маршрут обеспечил, остальное можно сделать без него. Конфликт со Снегирёвой сейчас никому не нужен, это контрпродуктивно.

Следующую экспедицию подготовили быстро. Гусеничную технику тщательно обслужили, оборудовали недопилотом и колонной отправили к цели. Головной машиной шел путепрокладчик, за ним тягач с отвалом и стрелой, потом землеройка и трактор с ковшом. Путепрокладчик ожидаемо двигался со скоростью пять километров в час, но дорогу пробивал уверенно, и спустя семнадцать часов колонна достигла конца

маршрута. Там ее уже встречала экспедиция на машинах на воздушной подушке, включая передвижную АЭС. На раскопки удалось бросить почти шестьдесят человек, и поначалу все шло очень обещающе. На месте разрыли снежную толщу и слой обломков, глубоко в почву прорыться не удалось, земля смерзлась до состояния сплошного куска льда. Поэтому базу развернули прямо там, оградившись от буранов мощными отвалами из выкорчеванных обломков, и это дало эффект.

Для ускорения процесса была реализован предложенный Брилёвым принцип подвоза смен к месту раскопок, передвижной реактор, которую для краткости назвали АЭС, обеспечивал непрерывное электропитание, системы обогрева были выведены на полную мощность, и работы не прекращались почти круглосуточно. Первая же попытка раскопок увенчалась успехом. Спустя сутки рытья смерзшихся завалов ковш трактора зацепился за штабель с листовым металлом и лопнул, не выдержав сложившихся воедино перегрузки и мороза в минус шестьдесят пять. Отремонтировать его в полевых условиях оказалось невозможно, трактор пришлось отогнать в сторону и бросить. Зато остальная техника сумела расчистить находку, и еще через сутки единственный оставшийся грузовик на воздушной подушке доставил в Центр первую партию листового металла. С места раскопок сообщали о серьезных проблемах с погрузкой, погрузочные тросы лопались на морозе, но Инженеры лишь разводили руками, мол, дальше будет только хуже. Поэтому Брилёв приказал продолжать погрузку любой ценой и направил к месту раскопок еще людей и даже специальную команду, составленную из солдат ВБР в экзокорсетах.

К исходу недели склад листового металла опорожнили наполовину, потом на поверхности внезапно разразился мощнейший ураган, и на девять часов место раскопок оказалось отрезано от Центра. В момент начала урагана вездеход и грузовик на воздушной подушке стояли в ангаре под разгрузкой, и едва ветер на поверхности стал стихать, Порфирьев бросился организовывать спасательную экспедицию. Снегирёва пришла в ужас, примчалась к входному блоку и чуть ли не в ноги ему вцепилась, пытаясь не пустить. Но он лишь хмуро посмотрел на нее исподлобья сверху вниз своим жутким безволосым взглядом, и она

молча вернулась в медотсек. Варяг взял с собой пятерых и увел обе машины к месту раскопок.

Через три с половиной часа они вернулись вместе с передвижной АЭС и тремя десятками человек, находящихся в состоянии передозировки. Порфирьева в лифт заносили на руках вшестером, он потерял сознание еще на полпути обратно. Явиться в медотсек Брилёв не рискнул и отправил туда Абрека. Но тот вернулся почти сразу и лишь сделал шокированные глаза:

– Там конкретный ад! У людей начинается передоз, всех корчит, кого где, как нас когда-то! Снегирёва с Яковлевой и практикантками носятся от одного к другому как угорелые, повсюду разбросана всякая медицинская фигня, воняет блевотиной и в ушах гудит от хрипов и стонов. Служба Безопасности вывозит трупы, уже четверо двухсотых из-за обморожения и интоксикации. «Снежинки» говорят, что Варяг в БР-е, вроде пока не умер, это все, что они знают. Сейчас туда лучше не соваться.

Восстановить картину случившегося удалось только через сутки, когда из медотсека вышли самые везучие и те, кто был с Варягом в составе спасателей. Сам Порфирьев все еще находился без сознания, но на этот раз обошлось без комы, и итоговое совещание проводили без него.

– Ураган ударил внезапно, – рассказывал бригадир копателей. – Двоих человек, которые в этот момент находились на открытой местности, унесло в пустошь сразу же. Остальным повезло: мы ждали возвращения грузовика, все были внутри базы. Еще двое находились в кабинах тягача и землеройки, им было легче всех, хотя они считали наоборот. Под ураганом температура упала ниже минус семидесяти, ветер сумасшедший, с отвалов начало срывать обломки и засыпать базу. Пятеро получили травмы, они находились ближе всех, когда базу перекосило и одна стена лопнула, не выдержала удара куском железобетонного перекрытия. Мы орали в эфир, пытались докричаться до тягача с землеройкой, чтобы они закрыли нас собой от урагана. Землеройка была слишком далеко, а тягач нас услышал.

– Я попытался поставить тягач поперек ветра, – водитель говорил более-менее спокойно, но в его глазах царил пережитый ужас. – Но там

ничего не видно… прожектор выхватывает из темноты два-три метра кипящего черным снегом месива, из которого прямо в лицо летят обломки кирпича и бетона! Хвала Аллаху, что кабину обшили решеткой, камни били в нее так, что прутья лопались, словно ветки! Я повел тягач за базу, но зацепился отвалом за что-то в темноте. Прибавил мощности, думал, пройду, но отвал лопнул! Я слышал хруст даже сквозь рев урагана! Заехал за базу, как смог, и лег на пол, поближе к радиаторам системы обогрева! Пролежал так, пока цикл антирада не закончился, потом принял еще капсулу. Жить хотелось… Потом решетку снесло камнями, и стекло лопнуло, как разбитый стакан! Стало очень холодно, если бы ураган не закончился вскоре, точно бы насмерть замерз!

– Базу сильно порвало, – продолжил вместо него бригадир. – Фильтровентиляционную установку разбило обломком. Температура резко упала, мы лежали вокруг печки, но ее тепло мгновенно выдувало ветром, хватало только тем, кто был с нею рядом. После того как приняли антирад для передозировки, несколько человек отключились. Когда ураган закончился, мы затащили их в десантное отделение путепрокладчика, остальные отогревались там по очереди. Топливо закончилось за десять минут до появления Варяга, думали, нам конец, согреваться больше негде, в кабинах всем не поместиться… Варяг на себе таскал неходячих, один за двоих успевал. Он выживет?

– Сложно сказать, – уклончиво ответил Брилёв, – доктор Снегирёва пока не дала комментариев. В каком состоянии находится техника, брошенная на месте раскопок?

– Тягач остался без кабины, отвал лопнул, грузовая стрела вроде работает, но ураганом разорвало погрузочные тросы и унесло в пустошь вместе с крюком, – бригадир бессильно махнул рукой: – Это теперь металлолом! Вездеход после поломки стоял на открытом месте, ему тоже кабину разнесло, внутри все забито черным снегом, даже двери не открываются. Землеройка вроде целая, но она внизу стояла, на месте раскопок, ее засыпало почти полностью, водителя откапывать пришлось. Путепрокладчик не пострадал, он бронированный, но топлива больше нет, он заглох. АЭС стояла сразу за ним, у нее нет повреждений. Поэтому

Варяг приказал забрать ее с собой. Он сам ее вел, пока сознание не потерял, после этого мы на недопилот перешли.

Брилёв еще несколько минут опрашивал выживших, задавая вопросы, потом объявил всем благодарность и отпустил. В кабинете остались лишь доверенные люди, и он задал вопрос инженерной команде:

– Землеройка уцелела. Насколько реально продолжить раскопки и вывезти оттуда хотя бы весь металл?

– Я бы не рекомендовал, – хмуро заявил Миронов, и его люди негромко подтвердили мнение своего лидера. – Насколько она работоспособна после такого урагана – это еще вопрос. Если сталь лопается под ураганом, рискуем потерять оставшийся транспорт! Надо все прекращать, срочно закупориваться всеми доступными способами и делать ангар безопасным. Металл у нас есть, токарно-фрезерный комплекс тоже, этого хватит! Больше наружу выходить нельзя!

Секунду Брилёв с досадой размышлял об упущенных возможностях, потом печально вздохнул и нехотя согласился:

– Я вас услышал. Если вариантов нет, то решение принято. Закупоривайте Центр!

Эпилог

Восемнадцатый месяц после катастрофы, «Подземстрой-1», год спустя.

– Центр, Центр, здесь Орбита! Прием! – сквозь жестокое шипение помех донесся вызов дежурного радиста МКС.

– Здесь Центр! – Овечкин поправил наушники. – На связи Инженер Овечкин!

– Рады вас слышать, Центр! – английская речь собеседника звучала с акцентом, и Антон узнал голос японского астронавта:

– Мистер Курояма! Как ваша дочь?

– Спасибо, дорогой Антон! – прошипели наушники. – Она перестала отказываться от пищи и пошла на поправку! Мы переправили ее в

Лунный поселок, там есть гравитация, без нее у младенца развивалась атрофия мышц, но теперь ситуация улучшается!

– Рад, что у вас все окей! – Антон посчитал своим долгом добавить позитива в сухой деловой разговор. Выжившие люди должны держаться вместе, даже если злой рок развел их порознь. Для этого и была придумана радиосвязь!

Первые неразборчивые сигналы в эфире узел связи засек пять месяцев назад. Заметили случайно, во время планового техобслуживания аппаратуры. После того как Центр полностью изолировался от внешней среды, дальняя связь не использовалась за ненадобностью, и соответствующее оборудование находилось в спящем режиме. Раз в месяц его запускали для профилактических тестов, проводили стандартное прослушивание эфира и вновь переводили в спящий режим. Занимались этим люди Брилёва, имеющие призрачную квалификацию, и неудивительно, что сигнал МКС был замечен исключительно благодаря счастливому совпадению: очередная профилактика проводилась во время связи Орбиты с одним из китайских бункеров. Дежурный по узлу связи доложил о странных сигналах Брилёву, тот поднял на ноги мегамозги, и те занялись узлом связи вплотную.

Сам Антон к тому времени уже не являлся заместителем Порфирьева, потому что Экспедиционный Корпус расформировали, и продолжал исполнять обязанности начальника ангара. Потому что возиться с этим никто из военной хунты не желал. Но Антон не жаловался, во-первых, потому что давно привык, во-вторых, потому что начавшаяся в его жизни новая страница несла больше позитива, чем предыдущая. Расставшись с Диларой, он смог по-настоящему ощутить всю свою индивидуальность и ценность. Переехал жить в люкс, начал питаться в фешенебельном ресторане ежедневно, а не только по праздникам а-ля «у жены сегодня хорошее настроение» и на второй уровень спускался исключительно ради посещения медотсека.

Работ в ангаре было выше крыши, Порфирьеву принимать антирад было запрещено навсегда, все поручили Овечкину и его положение в Центре повысилось. Конечно, пришлось гробить здоровье с этим

идиотским антирадом, но ангар не экспедиция, медотсек всегда рядом, и об интоксикациях можно забыть. Зато его работа по достоинству оценивалась всеми. Женщины бросали на него многозначительные взгляды, сотрудники Центра уважали, даже военная хунта перестала демонстрировать презрение. За исключением Абрека, который презирает почти всех, и это не лечится.

Сие Антон воспринимал, как неприятную данность, остальное больше радовало, чем огорчало. Он сошелся с Наилей и Викторией, обе они, как ожидалось, оказались очень милыми и комфортными девушками, весьма раскрепощенными в пикантных моментах, и Антон хоть вспомнил, что такое половая жизнь, и что он вообще-то мужчина, а не только источник дохода для ушлой деспотичной бабы. Если бы не частый прием антирада, расстраиваться было бы не от чего. Но работы по утеплению ангара требовали постоянного участия, и выходить на поверхность приходилось довольно часто, хоть и ненадолго.

После того как во время последней экспедиции Центр лишился почти всей техники, свободной площади в ангаре стало больше. Основную ее часть заняли штабеля с листовым металлом и развернутый токарно-фрезерный комплекс, остальное пространство сузили в целях создания в ангаре безопасной микросферы. Смещения подземных грунтов не прекращались, водные скважины регулярно раздавливало с частотой пару раз в неделю, и буровая установка не прекращала работу. Она уже дважды ломалась из-за износа основных узлов, но благодаря токарно-фрезерному комплексу вышедшие из строя детали заменялись аналогами. Пусть не столь долговечными, зато исправно функционирующими. В процессе бурения новых скважин оттуда извлекался грунт, которому мегамозги нашли применение.

Грунтом было решено отсыпать стены ангара изнутри, по два метра с каждой стороны. Это серьезно сузило ширину, зато позволило многократно снизить уровень радиации. Реализовывать идею поручили Овечкину, и он блестяще справился с поставленной задачей. Из остатков стеллажей и контейнеров Росрезерва Антон собрал двойные стены параллельно основным, между ними засыпали грунт, и это послужило не только защитой от радиации, но и дополнительной опорой крыше,

которую он тоже усилил изнутри. При этом данное инженерное решение оценили даже мегамозги. Оно было настолько профессиональным, что найти изъян им не удалось. Так-то! Антон бился над всем этим несколько месяцев, но в итоге достиг впечатляющего результата: в ангаре стало можно находиться без антирада, а температуру удавалось держать на уровне семи градусов выше ноля!

К сожалению, большего в условиях отсутствия высокотехнологичных механизмов и материалов оказалось не сделать. Крыша фонила, хотя ее после усиления залили дополнительным слоем льда, и ворота, ведущие на улицу, закапывать не стали. Если все это заледенеет, потом могут возникнуть проблемы, строительной техники-то больше нет. Поэтому ворота подперли изнутри передвижной АЭС, все равно реактор весит двадцать тонн, и такую махину не сдвинет никаким ураганом. На корпусе АЭС смонтировали постоянно действующие тепловые завесы, створы ворот утеплили, как смогли, в общем, в скафандре высшей защиты в ангаре теперь вполне можно работать.

Но по-настоящему на новый уровень жизнь Антона вышла после обнаружения в эфире сигналов МКС. Мегамозги поковырялись в потрохах узла связи и (ХА-ХА!!!) пришли к выводу, что лучше, чем уже есть, связь они обеспечить не смогут. И порекомендовали поручить это Овечкину, как профильному специалисту. Приказом Брилёва Антон был назначен начальником узла связи и получил задачу обеспечить устойчивую радиосвязь с МКС. И с блеском с этой задачей справился! Для этого пришлось выходить наружу, к РЛС, в условиях смертельной радиации и запредельного холода в минус восемьдесят! Но Антон пошел на этот чудовищный риск, обуреваемый энтузиазмом! Он чуть не обморозился, несмотря на все ухищрения мегамозгов с утеплением скафандров, а один из его сопровождающих вообще потерял сознание от переохлаждения, но дело было сделано! Антон разместил внутри кожуха дополнительные элементы отопления для РЛС и установил самодельный каскад усиления, использующий тот самый кожух в качестве дополнительной антенной площади в закрытом виде. Потому что на таком морозе распахиваться кожух уже не мог, эту функцию даже не пришлось отключать, она к тому времени сгорела сама.

После завершения всех работ Антон лично вышел на связь и установил канал общения с МКС! Это был его триумф! С того момента его социальный статус совершил гигантский прыжок. Он больше не занимается возней с замызганным радиоактивным ангаром и обрел то, что по всем законам справедливости и здравого смысла полагалось ему с самого начала: престижную и высокооплачиваемую интеллектуальную работу в безопасном месте. Как раз незадолго до этого биофермы закончили восстановительный период и были выведены на полную мощность. Антон получил тройные нормы в числе первых, одновременно с самим Брилёвым. И Овечкин завел себе третьи отношения – Зулю, крайне позитивную девушку. Может быть, заведет и четвертые, если пожелает! Порфирьева, кстати, так и оставили на двойных нормах. Все равно он больше не делает ничего важного, и у него остаются излишки. К тому же Снегирёва вылизывает его с головы до ног, ее нормами обделять никто не рискнул, так что им хватит. Нельзя просто так жить в президентском люксе и получать тройные нормы! Даже если ты смертельно болен.

С виду, кстати, не скажешь. Здоровенный жлоб ростом в сто девяносто пять, после того как на первом уровне организовали тренировочную базу для военной хунты, получил должность инструктора по боевой подготовке и чуть ли не живет в спортзале. Стал еще больше увешан мышцами, чем прежде, сразу видно, отъелся в тепле, ничего себе больной! Правда, без волос, бровей и ресниц он стал реально выглядеть маньяком, но лично Антон уверен, что с растительностью на лице Порфирьев выглядел точно так же. Просто на это мало кто обращал внимание, а теперь стало видно лучше. Неудивительно, что женский интерес к нему иссяк. Варяг живет на медикаментозных препаратах, каждый день у него начинается с биорегенератора, и раз в неделю его стабильно привозят в медотсек на носилках, потому что потерял сознание прямо на ходу. Кому нужны такие перспективы? Тем более что все знают, какие «услуги» оказывают ему «снежинки» Снежной Королевы помимо охраны Снегирёвой. Сами они, конечно же, все возмущенно отрицают, но шила в мешке не утаишь! Сеть все знает! Это общественность, а ее не проведешь!

Но теперь жизнь Порфирьева Овечкина интересует от слова «никак», у него полно гораздо более важных дел. Заботы об узле связи требуют времени, но он сознательно не учит ничему важному горе-помощников, которых ему всучила военная хунта. Он не идиот, прекрасно видит, какими перспективами это может обернуться! Нет, господа камуфлированные буратины, не дождетесь! Вам придется смириться с данностью, что Инженер Овечкин уникален и незаменим!

Ради этого Антон проводит на узле связи больше времени, чем требуется, и лично прослушивает эфир, вникая в политическую ситуацию. МКС даже не шифрует свои каналы общения с другими убежищами, потому что больше никто ни с кем не воюет, все выживают. Результаты не заставили себя ждать. На сегодняшний день он лучше, чем кто бы то ни было, разбирается в мировой обстановке. Антон не сомневался, что находится на правильном пути: если когда-нибудь в Центре будет организовано министерство иностранных дел, он будет первым кандидатом на должность министра. А оно наверняка будет организовано, потому что взаимодействие с миром не всегда будет осуществляться исключительно посредством радиосвязи.

Лет через десять ядерная зима закончится, в этом мнении были едины все выжившие специалисты мира. Значит, запредельные холода отступят, начнется обильное выпадение осадков, которые вымоют из атмосферы пыль. И вновь появится возможность авиаперелетов. Сейчас сложно сказать, что к тому времени уцелеет от австралийской авиации, но что-то может сохраниться. И там есть космодром с шаттлами, который до войны использовался в числе прочих для доставки грузов на МКС и в Лунный поселок. Очень даже не исключено, что появится возможность переселиться отсюда в Австралию. По крайней мере, многие на это надеются.

И Брилёв тонко на этом сыграл, продлив свой ПОП на десять лет. Он пообещал людям, что если они не будут плодиться сейчас и перенаселение не убьет биофермы, а вместе с ними всех нас, то как только в мире восстановится авиасообщение, будут предприняты все шаги для эвакуации людей в Австралию. Всем это понравилось, особенно жительницам второго уровня. Их комфорт, кстати, повысился. Благодаря

найденному металлу второй уровень был полностью перепланирован. Да, получившиеся утлые каморки – это не ахти какое жилье, но в коридорах больше никто не живет, и это уже большой плюс. А если кого-то не устраивает жизнь на втором уровне, он может попытаться поступить на работу в Центр, если обладает полезными знаниями или иной практической ценностью. Администрация постоянно проводит обучающие курсы, так что шансы есть у всех. Не говоря уже о старом проверенном способе: если девушка выглядит не как Дилара, то она может сойтись с кем-нибудь из сотрудников Центра. Хоть это не сделает ее обитательницей первого уровня, жизнь ее станет намного более комфортной. Потому что двойные, а тем более тройные нормы позволяют ценным специалистам баловать трех-четырех любовниц, чем не преминули воспользоваться очень многие обитатели обоих жилых уровней!

В целом политика Брилёва оказалась более сбалансированной, чем прогнозировал Антон, и сейчас он не видел причин, из-за которых военная хунта не смогла бы дожить до окончания ядерной зимы. Вот тогда и начнется самое главное: переход к практическим внешним сношениям. Антон, будучи дальновидным интеллектуалом, готовился к этому уже сейчас и справедливо оценивал свои шансы: лучше него на должность министра иностранных дел не подойдет никто. Недаром Брилёв все чаще вызывает его к себе для консультаций, чтобы лучше понимать положение дел в мире.

А оно является очень непростым! Цивилизация сгорела в термоядерном огне, остались лишь жалкие крохи. Обмен ударами продолжался трое суток, пока не погибли последние сражающиеся. Территории, на которых еще недавно находились супердержавы и высокоразвитые государства, ныне представляли собой мертвые радиоактивные свалки, перепаханные тысячами ядерных ударов. Синергизм огромного количества термоядерных взрывов вызвал катастрофические сдвиги тектонических плит, то ли почти все, то ли вообще все острова погрузились в океан. Япония целиком ушла под воду, но одно из ее убежищ не разрушилось при погружении, и с МКС рассказывали, что с ними даже имелась относительно устойчивая связь,

потому что японцы кустарно изготовили радиобуй и сумели выпустить его на поверхность океана. Первые полгода они боролись с медленным затоплением на глубине в полкилометра, потом в эфире слышались лишь бессвязные голоса обезумевших людей. Связь с Японией окончательно пропала за несколько месяцев до первого выхода Овечкина в эфир. В тот день его вообще перепутали с радистом Уральского президентского бункера, потому что других выживших на территории России не было.

А если и были, то возможностей организовать связь с МКС у них не имелось. Тщательно изучив положение дел в мире, Антон пришел к выводу, что в целом на планете выжило довольно много убежищ, но все они являлись неправительственными объектами, поэтому большинство из них не было оснащено оборудованием последнего поколения, таким как ядерные реакторы повышенной автономности и полностью замкнутые системы жизнеобеспечения. Ресурсы подавляющего большинства уцелевших убежищ были ограничены и либо иссякли, либо иссякали, и укрывшиеся в них люди отчаянно боролись за жизнь. Но, если судить по радиоэфиру, на территории России выжил только «Подземстрой-1» и военный бункер Президента под Уральскими горами. Ни Президент, ни иное высшее руководство добраться дотуда не успели, и обитатели подземного города выживают самостоятельно, как и все остальные выжившие во всех остальных убежищах мира.

Потому что надежные, серьезно защищенные правительственные убежища всех стран были хорошо известны разведкам друг друга, и потому воюющие стороны уничтожили их в первую же очередь массированными прицельными ударами. Ни одно правительство не уцелело, не осталось даже администраторов среднего уровня. Неглубокие убежища, шахты, метрополитены и тому подобное погибли либо сразу, либо в течение первого месяца от разгерметизации, заражения и отсутствия энергии. Это Антон знал по себе очень хорошо. Через месяц после последнего термоядерного взрыва миллионы тонн радиоактивной пыли полностью окутали планету, наступила ядерная ночь, и средняя температура воздуха упала на пятьдесят градусов. Биосфера планеты погибла. Африка, по которой не стреляли, в считаные недели превратилась в заснеженное гигантское кладбище размером с

континент. Выжило лишь одно глубокое убежище на территории ЮАР, выстроенное сразу после ядерного конфликта между Индией и Пакистаном местным эксцентричным миллиардером. Который по иронии судьбы сам в него попасть не успел.

На территории обеих Америк уцелело множество убежищ, построенных в Андах и Кордильерах, но полной автономности они не имели и сейчас изо всех сил боролись за выживание, как только могли. Надежных и современных убежищ там оказалось всего три, по одному на территории США, Бразилии и Аргентины, их положение было более-менее стабильным, они жаловались на перенаселение в десять-двадцать процентов. Антон, слушая это, не переставал усмехаться. Вы даже не знаете, что такое перенаселение! Вот в Китае и Индии нас сразу поймут! У них там те же проблемы, народа в убежища набилось втрое-вчетверо больше, чем расчетная вместимость. Сейчас они, как мы, отчаянно бьются над проблемой расширения биоферм.

В Европе проблема другая: из-за сдвигов в земной коре подземные воды ушли из районов обычного залегания, и те убежища, которые не погибли в результате обмена ударами и не были раздавлены в ходе смещения грунтов, остались без воды. Им приходится выходить на поверхность и добывать воду из радиоактивного снега, что несет огромную опасность, потому что полностью вытравить из талой воды радиацию без профессионального оборудования они не в состоянии. В Швейцарии эту проблему вроде бы решили, там не просто убежище, а грандиозная система тоннелей, высеченная в Альпах. Она охватывает всю страну и обеспечена всем необходимым. Неудивительно, что там спаслось почти четыре миллиона человек, вот как надо заботиться о своих гражданах! Там и ученые, и медики, и целые подземные госпиталя с научными институтами! К сожалению, из-за очень большой площади убежищ там начались проблемы с крысами и насекомыми, во многих тоннелях вспыхнули эпидемии, и администрация отчаянно пытается удержать ситуацию под контролем и не допустить распространения заражения.

Меньше всего от войны пострадала Австралия, по ней удары не наносились, но проблем хватало и там. На побережье бушуют

ужасающие по мощности цунами, тайфуны и смерчи, вся береговая полоса не просто разрушена, а раздроблена в мелких хлам, чудовищные цунами заходят вглубь континента на десятки километров, огромное количество людей погибло от этих ударов, не ожидая появления стихии на таком удалении от океана. Ядерная ночь и зима привели к гибели теплолюбивой фауны и флоры, выжившие люди ушли к центру материка, и жизнь сосредоточилась вокруг четырех крупных убежищ, в которые были в срочном порядке превращены космодром, АЭС, фабрика по обогащению урана и крупный правительственный комплекс, построенный за десять лет до войны и имевший хорошую защиту. Но всем туда не вместиться, и люди ведут отчаянную борьбу за выживание, пытаясь сохранить остатки промышленности, животноводства и сельского хозяйства.

В общем, никто не чувствовал себя безбедно, проблем хватало у всех. В условиях смертельной радиации, запредельного холода и полного отсутствия видимости ни о каких полетах и перемещениях по поверхности речь даже не шла. Поэтому основной взаимопомощью среди упорно выживающих очагов погибшей цивилизации был обмен информацией. Все, у кого имелась связь, делились друг с другом известными или разработанными в процессе борьбы за жизнь способами выживать. Роль МКС в этом была неоценима, потому что даже те остатки радиосвязи, которые имеются сейчас, без ее участия были бы невозможны. МКС борется за выживание сама, объединившись с Лунными шахтами, и координирует усилия всех уцелевших. Все вопросы задаются Орбите, она транслирует их остальным, собирает ответы и предоставляет информацию, если сама таковой не обладала.

Неудивительно, что от наличия и качества связи выживание сейчас зависит напрямую. И еще менее удивительно, что Инженер Антон Овечкин стал в Центре самым популярным человеком, заткнув за пояс даже Варяга. Овечкин не просто источник информации, он символ выживания! Потому что все надеются попасть в Австралию или хотя бы в подземный город под Уралом, как только закончится ядерная зима и станут возможны авиаперелеты.

– Вы очень добры, сэр! – В пробивающемся через треск помех голосе астронавта послышались позитивные нотки. – Мы приготовили информацию для вашего врача! Пакет данных собрали в Швейцарии, он частично на английском, частично на немецком и французском, надеемся, для вас это не проблема! Подтвердите готовность к приему!

– Я готов! – сообщил Овечкин, касаясь сенсора записи данных.

– Начинаем трансляцию пакета! – протрещал астронавт.

Прием происходил крайне непросто, и Антон возился с оборудованием, вручную подстраивая тонкие параметры. Несколько раз из-за сильных помех система теряла сигнал, приходилось искать его заново и записывать недостающие участки пакета данных. Добиться стопроцентной записи было не просто, но Антон справился.

– Пакет полностью принят! – сообщил он спустя четверть часа. – Спасибо, Орбита!

– Удачи вам, Центр! – ответил астронавт. – Рады были помочь!

МКС отключилась, и Овечкин принялся разбираться с полученными файлами. Ворох медицинской информации изобиловал терминами и графиками, которые не говорили Антону ни о чем, поэтому он слил информацию в закрытую сеть администрации и послал уведомление Снегирёвой. После того как появилась связь с миром, Снегирёва постоянно требовала от него выяснить те или иные медицинские аспекты, особенно те, что напрямую были связаны с лечением Порфирьева. Она надеялась получить помощь от какого-то маститого академика, медицинского светила мировой величины, возглавлявшего научно-исследовательский Центр в «Подземстрое-2», но тут всех постигло разочарование. «Подземстрой-2» не выжил, несмотря на всю свою суперсовременность. Более того, именно она его и сгубила. По «Подземстрою-2» прицельно нанесли массированный ядерный удар, на острие которого был заряд мощностью в двести мегатонн. МКС четко зафиксировала этот взрыв, не заметить такое было невозможно даже в череде тысяч ядерных вспышек, вздымавшихся в те дни над несчастной планетой. Естественно, после такого выжить было невозможно, и Снегирёва переадресовала вопросы всем, кто только мог чем-то помочь.

Оказалось, что данная область медицины сейчас была актуальной для всех выживших убежищ, но в силу отсутствия широкой практики проверенных и отработанных методик никто не имел. Серьезные медицинские специалисты уцелели только в Швейцарии, но они изо всех сил пытались сдержать разрастающиеся очаги эпидемии в тоннелях и отвечали на ее запросы не всегда и не сразу. Снегирёва говорила, что это лучше, чем ничего, и Антон был с ней полностью согласен. Пусть лучше недо-врач получит хоть какие-то инструкции от настоящих врачей, чем в Центре умрет еще один ребенок!

Овечкин закончил работу, дал указания помощникам и покинул узел связи. Настало обеденное время, пора посетить ресторан. Все уже в курсе, что у него был сеанс связи с Орбитой, и во время обеда он снова будет в центре внимания. Антон вышел в центральный коридор и степенно направился к ресторанному подуровню, отвечая на приветственные фразы встречных сотрудников Центра. В ресторане возле входа его уже встречал управляющий.

– Господин Инженер, рады вас видеть! – Управляющий услужливо проводил Овечкина в комнату для мытья рук. – Ваши коллеги только что пришли, ваше место сервировано и ожидает вашего появления! Желаете аперитив?

– Не откажусь! – Овечкин кивком отпустил управляющего и принялся мыть руки.

За роскошно сервированным ресторанным столом сидел Миронов с двумя своими Инженерами. Остальные двое находились в центре управления бункером, полгода назад перенесенном из административного подуровня в сегмент ВИП-апартаментов. Дежурство там велось круглосуточно, и целиком команда мегамозгов никогда на людях не появлялась. Самого Овечкина туда не пускали, да он и не стремился. Занимаемое им теперешнее положение его устраивало, а дальнейшие перспективы он связывал с много большими высотами, нежели унылое сидение за пультами, пусть даже самыми суперважными.

– Привет, Антон! – Миронов встретил его дружелюбным взглядом. – Как связь? Видел в сети свежий пакет данных для Снежной Королевы. Что новенького?

– Приятного аппетита, господа! – Антон уселся на свое место напротив Миронова. – На поверхности снова буран, пакет пришлось ловить руками по частям.

Краем глаза он увидел, как сидящие за соседними столиками должностные лица Центра заинтересованно прислушиваются к его словам и слегка повысил голос:

– Швейцария прислала ответ на запрос Снегирёвой. Медицинские графики и данные. Надеюсь, ей это поможет, потому что им самим сейчас некогда отвлекаться на второстепенные вопросы. Сегодня утром они сообщили, что закрыли на карантин еще один тоннель. Зато с МКС хорошие новости: двухмесячную дочь японского астронавта переместили в Лунный поселок. Там есть гравитация, и состояние ребенка нормализовывается. Она уже принимает пищу самостоятельно. Специально для нее на Луне изготовили детское питание на основе соевого молока.

– Норм! – оценил Миронов. – Мы как раз спорим на тему соевого…

Он запнулся на полуслове, недоуменно глядя на хлынувшую из носа кровь.

– Что за… – Миронов схватился за тканевую салфетку, пытаясь заткнуть нос, но кровотечение было сильным и тонкая ткань быстро пропиталась кровью.

Миронов выскочил из-за заляпанного кровавыми пятнами стола и поспешил в туалетную комнату, сопровождаемый перепуганными взглядами сидящих вокруг людей. Не добравшись и до середины ресторана, он запнулся, неуклюже забирая в сторону, наткнулся на чей-то столик и рухнул на колени, заходясь в судорожном булькающем кашле. С каждым выдохом из его рта вырывались кровавые сгустки, забрызгивая пол вокруг, наблюдающие за этим люди вскакивали и бросались к нему на помощь. Несколько секунд Миронов давился кровавым кашлем, стоя на четвереньках, потом обессиленно завалился набок и потерял сознание.

– Охрана! – заорал кто-то из его людей, безуспешно пытаясь привести в чувство изредка дергающегося Миронова. – Носилки сюда!!! Скорее!!! Вызовите…

Кричащий Инженер подавился кашлем, из его рта на скучившихся вокруг капитана Миронова людей брызнули кровавые сгустки, носом пошла кровь, и он осел на пол рядом с Овечкиным.

Антон испуганно отпрянул, не понимая, что происходит. Вокруг стоял панический гвалт, кто-то торопился к выходу за охраной, которая уже бежала навстречу, кто-то пытался помочь соседу, схватившемуся за кровоточащий нос, кто-то с паническим ужасом в глазах заходился в кровавом кашле. За какие-то полминуты ресторан оказался заполнен харкающими кровью посетителями, и оставшиеся на ногах люди пытались грузить их на передвижные носилки, которые вкатывали появившиеся охранники.

Носилок сразу же оказалось раз в десять меньше, чем пострадавших, и Овечкин с ужасом понял, что во вспыхнувшем вокруг паническом сумбуре люди продолжают падать. В ресторан вбежал начальник Службы Безопасности с десятком новых охранников и тремя носилками. Он несколько секунд шарил перепуганным взглядом по царящему вокруг хаосу, потом заметил Миронова и его Инженеров.

– За мной! – крикнул он сопровождающим его охранникам и бросился к Миронову, протискиваясь через корчащихся на полу людей. – Инженеров в медотсек, быстро!!!

Его люди отпихнули нескольких попавшихся на пути несчастных, заходящихся в кровавом кашле, и спешно принялись укладывать на носилки Инженеров.

– Он мертв! – Один из охранников склонился над телом только что помещенного на носилки Миронова и прощупывал сонную артерию. – Пульса нет!

– Ты что, врач?!! – заорал на него начальник СБ. – В медотсек их! Бегом марш!!!

Он нервно посторонился, пропуская подчиненных с носилками, и пошатнулся. Из его носа хлынула кровь, начальник СБ попытался зажать ноздри, но зашелся в кашле и упал под ноги своим людям. Двое охранников бросились к нему, но один из них, тот, который проверял пульс у Миронова, вдруг остановился и ошарашенно смотрел на кровавые струйки, текущие из собственного носа.

«Это вирус! – сознание Овечкина обожгло страшной догадкой. – Эпидемия!!!»

В памяти мгновенно всплыли леденящие кровь сообщения о пожирающей подземные тоннели Швейцарии эпидемии, и Антон ринулся прочь, спеша как можно скорее покинуть ресторан, ставший эпицентром заражения. Он выскочил из помещения, расталкивая паникующих людей, и бросился в сторону входного блока. Надо срочно надеть скафандр! Высшей степени защиты, с автономным запасом кислорода! В Швейцарии из зараженных тоннелей спасаются только так! Там вирус оказался способен проникать через дыхательные фильтры, обычный скафандр не спасает!

Овечкин мчался по центральному коридору, навстречу мимо него проносились десятки охранников с передвижными носилками, спешащие к ресторану. Ничего не понимающие прохожие шарахались в стороны, люди недоуменно останавливались, пытались спросить, в чем дело, но он не отвечал и лишь бежал быстрее. Сейчас нельзя ничего говорить! Входной блок находится в противоположном крыле первого уровня, если туда рванется толпа, ему не хватит скафандра! Он уникальный специалист, будущий министр иностранных дел, он не для того пережил все это, он должен спастись! Должен!!!

Безумно длинный центральный коридор казался бесконечным, Антон рвался вперед, что было сил, и с ужасом видел, как прямо на его глазах то один, то другой прохожий хватался за кровоточащий нос или сжимался в комок, заходясь в хлюпающем кровавом кашле. До люка во входной блок Овечкин добрался, задыхаясь от сумасшедшего бега, и не сразу смог попасть в сенсор вызова дежурного.

– Это Инженер Овечкин! – просипел он в дисплей видеозамка. – Откройте! Срочно!

– Что происходит?! – дежурный диспетчер испуганно вглядывался в его воспаленное от бега лицо. – Камеры показывают падающих людей! Это эпидемия?!

– Мне срочно нужен скафандр высшей защиты! – Антон судорожно пытался восстановить дыхание. – Впустите меня!!! И одевайтесь сами!

– Всем надеть скафандры! – диспетчер обернулся к своим людям, испуганно столпившимся за его спиной. – Пока все не оденутся, люк не открывать!

– Впустите меня немедленно!!! – заорал Овечкин. – Вы не имеете права! Вас всех вышвырнут на второй уровень! Наиля! Впусти меня! Они за это ответят!!!

– Сотрудница Гасанкулиева на отдыхе, сейчас не ее смена, – ответил диспетчер, паническим взглядом скользя по мониторам камер наблюдения. – Сохраняйте спокойствие, господин Инженер! Я впущу вас, как только мы наденем скафандры! Я не могу рисковать людьми! – Он бросился в помещение для снятия скафандров.

Люк открыли только через пять минут. К тому времени возле него собралась толпа, и люди постоянно прибывали. Едва люковая плита отворилась, все хлынули внутрь, отталкивая друг друга. Антона затерло мгновенно вспыхнувшей давкой и выдавило куда-то в сторону. Он пытался пробиться к входу, но его грубо отталкивали, потом кто-то ударил его в лицо, и Овечкин упал, не в силах подняться на ноги из-за образовавшегося головокружения.

К скафандрам он попал одним из последних. Его шкафчик уже взломали, и персональный скафандр Антона надевал крупный мужчина с черной курчавой бородой в униформе охранника.

– Это мой персональный скафандр! – Овечкин вцепился в гермошлем, пытаясь вырвать его из руки бородача. – Вы не имеете права! Немедленно отдайте!

– Пошел к шайтановой матери! – Чернобородый с размаха ударил Антона в лицо, и Овечкин потерял сознание.

Очнулся он от удушливого жжения в горле и болезненного гула в голове. В глазах плыло, голова кружилась, и он не сразу смог подняться на ноги. Вокруг было пусто, в распахнутых настежь шкафах не осталось ни одного скафандра, все входные люки и двери оказались открыты. Антон, шатаясь, побрел к выходу. Во входном блоке не было ни души, кругом царил хаос и беспорядок, словно люди выбегали отсюда охваченной паникой дезорганизованной толпой. Кое-как добравшись до выхода, Овечкин вышел в коридор и сразу узнал свой скафандр. Тот

лежал в пяти метрах дальше по коридору среди шести или семи других скафандров разных моделей. Все вокруг было заплевано кровью, всюду лежали мертвые тела, изувеченные мучительной смертью.

От страха в голове прояснилось, но головокружение не прошло. Чтобы не упасть, Антон уперся ладонью в стену, затаил дыхание и поспешно поковылял к скафандру. Но надеть его не смог. Чернобородый оказался внутри, мертвый и обезображенный предсмертными судорогами. Скафандр изнутри был густо заляпан кровавыми сгустками, и стало ясно, что вирус господствует внутри защитного снаряжения. В трупе поодаль Антон узнал дежурного диспетчера по входному блоку, его скафандр, как все остальные, был обильно вымазан в крови изнутри и снаружи. Надежда на защитное снаряжение иссякла, и задыхающийся Антон выдохнул, делая судорожный вдох.

Надо хотя бы закрыть нос и рот тряпкой, мелькнула мысль. Это лучше, чем ничего. Он снял с себя рубашку и соорудил из нее лицевую повязку, оставив открытыми только глаза. Надо идти в административный подуровень, он автономный, там могли запереться выжившие. Вряд ли военная хунта впустит его, но он должен попытаться. Без него не будет связи, они должны это понимать! Овечкин, превозмогая головокружение, двинулся в нужную сторону, держась за стену и спотыкаясь о трупы.

Идти пришлось долго. Управление бункером теперь находится в подуровне ВИП-апартаментов, это очень далеко от входного блока, зато очень близко к ВИП-ресторану. Жжение в горле и головокружение не прекращались, двигаться было тяжело, и безлюдный коридор с множеством трупов еще больше усиливал охвативший Антона ужас.

До ВИП-апартаментов он добирался минут двадцать. Несколько раз по пути ему попадались подрагивающие от редких судорог люди, скрючившиеся в болезненных позах и отхаркивающиеся кровью. Их вымазанные кровавыми разводами лица искажала мучительная гримаса, они тянули к Антону окровавленные руки и что-то бессвязно хрипели сквозь кровотечение, моля о помощи. Приближаться к ним Овечкин не решился. Он старался обойти их как можно дальше, затаивая дыхание, и от недостатка кислорода головокружение усиливалось.

Люк в ВИП-подуровень оказался распахнут настежь, внутри лежали трупы с вымазанными кровью лицами. Но их было гораздо меньше, чем численность военной хунты, и Антон понял, что большая ее часть успела спастись. Искать их сил не было, и Овечкин побрел к лифтам. Надо спуститься на второй уровень и попасть в медотсек. Там теперь пять биорегенераторов, если Снегирёва жива, она обязана ему помочь. Иначе он свяжется с МКС и расскажет всем обо всех преступлениях, совершенных военной хунтой вообще и этой фашистской парочкой в частности. Пусть только попробуют отказать ему в лечении!

Он выбрался из ВИП-подуровня и побрел к лифтам. По мере приближения к лифтовому подуровню количество трупов вокруг росло, и к лифтам Антону пришлось подходить прямо по мертвым телам. Возле лифтовых дверей трупы лежали друг на друге, и из-за головокружения ему казалось, что они шевелятся и тянутся к панелям управления кабинами. Что-то схватило его за щиколотку, и он упал с паническим криком, упираясь лицом прямо в обезображенный труп. Ему удалось отбрыкаться и подняться на колени, лихорадочно отталкиваясь руками от окровавленных мертвецов. Оказалось, что среди трупов действительно есть немертвые люди, но назвать их выжившими было невозможно: несчастные умирали в мучениях, охваченные носовым кровотечением и кровавым кашлем. Кто-то из них пытался дотянуться до кнопок вызова лифта, кто-то пытался уцепиться за Овечкина, остальные лишь дергались и слабо шевелили руками, сипя что-то бессвязное.

Стремясь избежать второго нападения, Антон оттолкнул ногой тянущиеся руки и с трудом встал. В глаза бросился труп охранника со служебным карабином. Снять с шеи мертвеца автоматный ремень удалось не сразу, но с оружием в руках Овечкин почувствовал себя уверенней, и продвигаться к лифтам стало легче. Он отбивался автоматным стволом от тянущихся окровавленных пальцев, опирался на приклад, если нога соскальзывала с очередного мертвого тела, и смог добраться до ближайших дверей лифта.

Лифт оказался обесточен, и Антон взвыл от ужаса. Нервы не выдержали, и он стал долбить в двери прикладом, выкрикивая требования немедленного спасения. Между уровнями двадцатиметровая

земляная толща, его не услышат, но скопившаяся ненависть требовала выплеска. Кто-то из умирающих снова схватил его за ногу, едва не опрокинув, и Овечкин с остервенелой ненавистью ткнул в него ружейным стволом, нажимая на спуск. Карабин оказался пуст и не выстрелил, тогда Антон нанес противнику несколько ударов стволом, словно копьем, отшвырнул бесполезное оружие и поплелся прочь.

Надо добраться до узла связи, связаться с МКС и все рассказать! Он не станет так просто умирать! Он им всем отомстит! Всем!

Головокружение усилилось, идти стало тяжелее, и за стену пришлось держаться уже двумя руками. Но Антон не сдавался и шел по пустынным коридорам, перешагивая попадающиеся на пути трупы. Вход в узел связи оказался закрыт, но биометрический замок работал, и Овечкин беспрепятственно проник внутрь. За дверью его впервые вырвало кровью, и он понял, что обречен. От отчаяния хотелось выть, и он ринулся к передатчику. Сейчас он не просто расскажет всем о преступлениях военной хунты, он их покарает! Он скажет МКС, что в Центре ВСЕ умерли, выживших нет, трагически попрощается со всеми, а потом сломает передатчик! И сделает это так, что никто не сможет починить!

С трудом усевшись в кресло радиста, Антон принялся включать выключенное кем-то оборудование. Он запоздало понял, что трупов в помещениях узла связи нет, значит, брилёвские солдаты, выданные ему в обучение, успели уйти отсюда до смерти. И перед уходом тщательно все закрыли и обесточили. Значит, они хотят скрыть от МКС правду. Что неудивительно. Кому захочется присылать самолет в эпицентр эпидемии, которая убивает людей за секунды? Антон раскусил замысел Брилёва мгновенно: палач в погонах хочет отгородиться от зараженного первого уровня и просто жить там, внизу, до окончания ядерной зимы. Потом сюда поднимется кто-то в скафандре высшей защиты, свяжется с МКС и попросит об эвакуации! За ними прилетят, и военная хунта спасется! Но не выйдет! Антон остановит их прямо сейчас!

Он дрожащими руками активировал исходящую связь и заговорил, пытаясь бороться с усилившимся жжением в горле:

– Орбита, Орбита, здесь Центр! Говорит Инженер Овечкин, ответьте!

Мощный фон помех, забивающий эфир, свидетельствовал об очередном буране на поверхности, и ответа не было слишком долго. Антон вызывал МКС минут двадцать и вконец обессилел, когда в ответ едва слышно донеслась английская речь:

– Центр, здесь Орбита! Мы вас едва слышим! Прямо над вами сильный ураган, вы можете выйти на связь позднее?

– У нас серьезные проблемы, Орбита! – Овечкин повысил голос, как вдруг что-то твердое и расплывчатое заткнуло ему рот.

Антон запоздало заметил рядом с креслом расплывчатый силуэт фотохромного комбинезона, но было уже поздно. Ему зажали рот, выдернули из кресла и потащили в коридор.

– Что ты собрался им рассказать, тупой ишак? – злобно прошипел над ухом голос Абрека, и Овечкин бессильно поник. – Хочешь их запугать?

– Центр, повторите, вас почти не слышно! – трещал помехами передатчик. – У вас проблемы? Что случилось?

– У нас перебои с энергией! – Кто-то из головорезов Абрека заменил Антона в кресле радиста. – Мы принимаем меры, чтобы решить проблему! Нас не будет на связи некоторое время!

– Окей, Центр! – ответили с МКС. – Принято! У вас перебои с энергией! Мы верим, что вы справитесь! Выходите на связь в любое время, мы всегда готовы помочь!

– Орбита, здесь Центр, отбой! – головорез выключил передатчик.

– Нашли? – рядом раздался рык Порфирьева. – В номере Овечкина нет, только труп одной из его баб.

– Нашли, – Абрек поставил Овечкина на ноги. – Он был здесь, как ты думал. Чуть не растрепал все на весь мир, тупой ишак! Еле успели его заткнуть! – Он грубо встряхнул Антона: – У него рожа в крови! Мы не опоздали?

– Какая разница? – прорычал Варяг. – Он единственный Инженер! Тащим его в медотсек, там видно будет!

Расплывчатые фигуры подхватили Антона под мышки и потащили по центральному коридору обратно к лифтам. В лифтовом подуровне его проволокли прямо по телам умерших и умирающих людей в распахнутую лифтовую кабину, и Овечкин заметил, как кто-то из

головорезов ударом ноги отшвырнул доживающего последние минуты человека, изо всех сил пытающегося заползти в открытый лифт. Двери закрылись, и кабина устремилась вниз. Кто-то сунул ему под нос ампулу с нашатырным спиртом, носовые пазухи обожгло болью и оттуда хлынула кровь.

– Шайтан! – выругался Абрек, бросая Антона и тряся рукой в попытке стряхнуть кровь. – Это была плохая идея! Он не зажмурится от этого?

– Посмотрим, – безразлично прорычал Порфирьев. – Зато сейчас очухался.

От нашатыря замутненное головокружением сознание действительно прояснилось, и затыкающий нос Овечкин смог выйти из лифта сам. Прямо на выходе его уложили на носилки и вручили кусок бинта, чтобы закрыть нос. Несколько сотрудников Службы Безопасности повезли его в сторону медотсека, и он попытался разглядеть, что происходит. Трупов вокруг не было, людей тоже. Из боковых коридоров доносились громкие голоса охранников, призывающие людей не выходить из номеров, не вступать в контакты с соседями и использовать лицевые повязки.

У входа в подуровень медотсека дежурил десяток солдат ВБР в скафандрах, экзокорсетах и с оружием. Внутрь никого не пускали, и спустя минуту Антон понял почему. Военная хунта, спасшаяся с первого уровня, переселилась в медицинский подуровень. Носилки катили мимо расположившихся прямо на полу солдат, вдоль стены было уложено оружие и какое-то снаряжение. Несмотря на внезапность заражения, хунта уходила с первого уровня организованно. Скорее всего, после мятежа террористов военные не доверяли никому и держали все необходимое под рукой в своих суперлюксах, как когда-то сделал асоциальный брутал Порфирьев.

Люк в медотсек был закрыт, у охраняющих его «снежинок» появились дыхательные аппараты и служебные карабины. При приближении носилок обесцвеченные маньячки сначала что-то там запросили по рации, лишь только потом открыли вход. Антона вкатили внутрь, и он увидел приемный покой, превратившийся в резиденцию военной хунты. Овечкин не сразу узнал облаченного в скафандр Брилёва. Полковник

скользнул хмурым взглядом по окровавленному бинту в сжимающей нос руке давящегося кровью Овечкина и перевел его на Абрека:

– Он при смерти?

– Вроде нет, – ответил головорез. – Кровотечения не было, Варяг дал ему нашатыря, он вдохнул и потекло. Хрен знает, что это значит! Но на ногах кое-как стоит...

Дальнейшего Антон не слышал. Его доставили в операционную, и над ним склонилась Снегирёва с диагностом в руках.

– В четвертый биорегенератор! – произнесла она через десять секунд, выпрямляясь. – Как только оттуда извлекут умершего! Он заражен, медлить нельзя!

– Инга... – в ужасе прогнусавил Овечкин. – Что со мной?! Я заражен? Я умру?!

– Не знаю, – Снегирёва устремилась к панели управления биорегенератором. – Я не вирусолог, я не понимаю, что это, но попытаюсь тебя спасти! Терминальная стадия еще не началась, у тебя есть шансы!

Антон в ужасе смотрел, как с ложа предназначенного для него биорегенератора охранники снимают синюшно-бледный труп последнего из мегамозгов Миронова. Пока одна из практиканток помогала Овечкину раздеться, другая наскоро обработала освободившееся от покойника ложе, Антона поместили туда прямо с кровотечением из носа, и биорегенератор втянул в себя пациента, погружая в медикаментозный сон.

Очнулся он от знакомого ощущения озноба, неожиданно оказавшегося очень сильным. Тело затрясло от холода, зубы застучали, но открыть глаза удалось не сразу. Опухшие воспаленные веки были словно чугунными, и попытки разлепить их отзывались болью в затылке. Антон с болезненной гримасой коснулся саднящих болью век. Мышцы сокращались с усилием, словно он лежал в каком-нибудь бассейне внутри водной толщи, но глаза наконец-то открылись. Оказалось, что его уже переложили с ложа биорегенератора на носилки и готовятся везти в стационар. Вместо практиканток этим занимались двое солдат ВБР в скафандрах и штурмовых комплектах. Стоящую рядом Снегирёву, тоже

облаченную в скафандр, Овечкин узнал не сразу, лишь после того, как мутное головокружение превратилось в просто головокружение, он разглядел лицо и диагност в ее руках.

– Мне х… хол… лодно, – едва выговорил Антон. – Нужно ж… жароп… понижающее…

– Сбивать температуру нельзя, – голос Снегирёвой через гермошлем звучал глухо и отстраненно, словно врач давно уже поставил крест на смертельно больном пациенте. – Все, кому я сбивала температуру, умерли сразу же. Температура замедляет переход бактерии в терминальную стадию. Придется терпеть. Постарайся уснуть сам. Если не сможешь, я дам тебе снотворное.

Солдаты укрыли Антона одеялом и перевезли в стационар. Носилки завели в проход между рядами больничных коек, подогнали к стене и ушли. Овечкин с трудом повернул пылающую жаром голову, пытаясь осмотреться, и понял, что все кровати заняты мечущимися в горячечном бреду пациентами. Одеяла и постельное белье всех несчастных были испачканы кровью, у некоторых надсадно дышащих людей кровотечение из носа не прекращалось, и наложенные на лица набухшие повязки сочились кровью. Опухшие веки, воспаленные лица, мучительные гримасы и тяжелое, словно под прессом, дыхание – лежащие в стационаре люди ничем не походили на выздоравливающих. Антон с ужасом подумал, что посреди такой заразы выздороветь невозможно, но встать и уйти не рискнул. Здесь есть хотя бы какая-то медицинская помощь. За пределами медотсека не будет и этого. Чтобы не видеть царящих вокруг ужасов, он закрыл глаза и какое-то время лежал, нервно вздрагивая от доносящихся издалека глухих выстрелов.

Резкий приступ удушья разбудил его, заставив согнуться пополам. Овечкин свесил голову за край носилок, и его вырвало кровью. Несколько секунд из носа текли тонкие алые струйки, заливая пол под носилками, потом кровотечение прекратилось, и он почувствовал, как пылает охваченное жаром тело. Пока Антон восстанавливал дыхание, глаза привыкли к медленно плывущей картинке, и он замер, скованный ужасом. Стационар превратился в ужасающее своим видом кладбище. В густо залитых кровью постелях лежали мертвецы с обезображенными

агонией окровавленными лицами. Ни охраны, ни практиканток не было, дверь распахнута настежь, снаружи не доносилось ни звука. Охваченный паникой Овечкин слез с носилок и, как мог, закутался в заляпанное кровью одеяло. Тело по-прежнему пылало, голову жарило, головокружение не проходило, но идти было можно, если придерживаться за что-нибудь.

Стараясь не смотреть на жуткие посмертные гримасы трупов, Антон от одной спинки кровати к другой добрался до стены и двинулся к выходу. В операционной картина оказалась еще ужасней: биорегенераторы распахнуты, обнаженные трупы лежали на ложах и прямо на полу, в лужах крови, усеянных почти черными кровавыми сгустками. В одном из мертвецов он узнал Яковлеву и понял, что ситуация катастрофически фатальна. Двери в кабинет Снегирёвой были распахнуты настежь, внутри никого, лишь заляпанные кровяными каплями пол и диван. Овечкин, едва живой от жара и ужаса, выбрался в забрызганный кровью диагностический кабинет и побрел к выходу. В приемном покое царил хаос, возле дальней стены в ряд были уложены несколько трупов в армейских скафандрах и экзокорсетах, живых людей не было. Зато в распахнутый выходной люк был виден коридор медицинского подуровня. Окровавленные мертвецы лежали в нем настолько густо, что не было видно пола, лишь кровавые брызги и отпечатки ладоней на стенах.

Не зная, что делать, Антон в страхе замер на месте. Неужели он единственный, кто еще не умер?! Позади послышался тихий звон каких-то склянок и шум включившейся центрифуги. Овечкин вздрогнул и спешно поковылял обратно. Звуки доносились из лаборатории, и он заглянул в приоткрытую дверь, кутаясь в одеяло.

– Инга? – Антон позвал Снегирёву, заторможенно возящуюся посреди медицинского оборудования, вокруг которого было расставлено множество пробирок с образцами крови и каких-то препаратов. – Что произошло… где все?

– Ты очнулся… – не то спросила, не то констатировала Снегирёва, медленно оборачиваясь к нему. – Все, кто еще жив, укрылись на третьем

уровне. Там вода и биофермы… – Она болезненно сглотнула. – Но это вряд ли им поможет…

– Заражение проникло и туда? – Овечкин в страхе смотрел на набухшие воспаленные веки и потрескавшиеся губы Снегирёвой.

– Оно никуда не проникало… – Снегирёва так же медленно отвернулась к пробиркам. – Оно было везде и очень давно.

Блондинка продолжила возиться с образцами, и до замутненного жаром и головокружением Антона дошло, что она уже без скафандра, а ее белый медицинский халат забрызган кровью на груди так же, как забрызганы халаты на трупах лежащих в операционной практиканток. Она заражена и умирает! Спасения нет… Овечкин бессильно опустился на пол прямо в дверях и уставился перед собой невидящим взглядом, машинально кутаясь в одеяло. Это конец…

– Хрена ты расселся в дверях? – злобный рык заставил его вздрогнуть.

Возникшее перед плывущим взором здоровенное расплывчатое пятно оказалось облаченным в фотохромный комбинезон Порфирьевым. Капитан схватил его в охапку, втащил в лабораторию и швырнул в кресло, словно мусорный пакет. Реагировать на это у Антона не было сил. Все равно теперь уже все кончено. Какая разница…

– Пей! – расплывчатая рука протянула ему початую бутылку с водой. – У тебя сильная потеря крови, нужно больше жидкости.

Варяг всучил ему бутылку и подошел к Снегирёвой. Он осторожно обнял ее сзади за талию и поцеловал в окровавленную щеку. Судя по плывущей в глазах картинке, боевой шлем он не распахивал, значит, ходит по зараженному бункеру с открытым забралом. Но на его лице нет следов крови, и лишенные ресниц веки не опухли…

– Держи, – капитан вложил ей в руку армейскую флягу. – Станет легче.

Блондинка медленно поднесла флягу ко рту и сделала несколько глотков.

– Что это? – она непонимающе посмотрела на флягу.

– Вода с сахаром, – ответил Порфирьев. – Я был на третьем уровне, только что намешал. – Он ласково подтолкнул флягу к ее рту: – Пей все!

Кровь шла?

Снегирёва с минуту послушно пила, потом отдала Варягу флягу и устало опустила голову ему на грудь.

– Два раза, – она болезненно зажмурила опухшие веки. – Голова сильно кружится, перед глазами плывет. Пробирками в гнезда не попадаю…

– Давай помогу, – капитан погладил ее по волосам и поцеловал в макушку. – Как успехи? Нашла что-нибудь?

– Не получается, – Снегирёва оторвалась от Варяга и сфокусировала мутный взгляд на пробирках. – Для этого нужно быть бактериологом… я пытаюсь изготовить противоядие, но бактерия постоянно мутирует… очень высокая скорость, я не успеваю… Из-за этого все и случилось… из-за высокой скорости мутаций…

– Ты нашла причину эпидемии?

– В общих чертах… – голос Снегирёвой звучал вяло. – Мы кормили биофермы облученным продовольствием из Росрезерва. Оно обрабатывалось, насколько было возможно, но у нас нет серьезного оборудования для такого… Животные поедали радиоактивную пищу, и это вызвало мутации бактерий, составляющих их внутреннюю биосферу. На каком-то этапе новая бактерия переселилась в кровь и проникла в мышечные ткани. Скорее всего, это произошло со свиньями, но точно я сказать не могу. Может, и рыба… Для животных бактерия безвредна. Поначалу она гибла во время термообработки, потом благодаря огромной скорости мутации выработала устойчивость к высокой температуре. Она попала к нам в пищу несколько месяцев назад, точнее сказать невозможно. Из пищи она попала в наш желудочно-кишечный тракт, оттуда проникла в кровь. Она живет в нас уже давно. В какой-то момент бактерия в нашей крови мутировала и стала для нас смертельной. Первый уровень оказался поражен раньше второго потому, что биофермы обслуживают рестораны первого уровня в первую очередь. На второй уровень продукты доставляются с опозданием в несколько часов. Поэтому и болезнь здесь вспыхнула на несколько часов позже. Как-то так… наверное.

Она, морщась от боли, облизала потрескавшиеся губы и потянулась к центрифуге, только что закончившей смешение реагентов. Снегирёва достала оттуда несколько пробирок, переместила их в приемное отделение электронного микроскопа, и с минуту смотрела на появившееся на мониторе изображение.

– Не получилось… – Блондинка болезненно закрыла глаза. – Бактерия устойчива к препарату… – Она медленно повернулась к пробиркам: – Надо искать другое сочетание… Раз люди реагируют на бактерию по-разному, должен быть выход… иначе все были бы уже мертвы… – Она перевела на Варяга виноватый взгляд: – Можно, я еще раз возьму у тебя кровь?

– Бери, – пожал плечищами капитан, – если нужно. Это чем-то поможет?

– Ты единственный, у кого в крови нет бактерии, – Снегирёва побрела к аппаратуре для взятия крови. – Я пытаюсь понять, чем конкретно это вызвано, но это оказалось слишком непросто…

– Почему? – Варяг покосился на съежившегося на кресле Овечкина и уселся на пол.

– Потому что в твоей крови слишком мало крови и слишком много медицинской химии, – на больном лице Снегирёвой появилось тоскливое выражение. – Ты живешь на препаратах. Без ежедневных инъекций ты умрешь.

– Значит, мы умрем в один день! – оптимизм на безволосой физиономии Порфирьева выглядел жутко. – Это так романтично! Может, не будешь брать кровь?

– Я тебя обожаю… – невольно хихикнула Снегирёва, и на ее воспаленном лице возникла улыбка, заставившая Антона вздрогнуть. Они два больных идиота, которые нашли друг друга! Кругом трупы, люди умирают, а им весело!

Охвативший Овечкина жар усилился, затылок начало ломить болью, и он попросил Снегирёву сделать что-нибудь. Но вместо того чтобы облегчить страдания больному, недо-врач сначала взяла кровь у Порфирьева, потом дала ему медицинский чемоданчик и велела принести образцы крови тех, кто еще жив, и Варяг ушел. И только потом

Снегирёва вспомнила, что она как бы врач. Блондинка что-то вколола Антону, ему стало хуже, жар усилился, но головная боль пропала, и через минуту он забылся горячечным сном.

Во сне тело пылало, словно охваченное огнем, голову пекло нещадно, дыхания не хватало. Ощущение времени превратилось в одну непрекращающуюся лихорадку, и Антон надрывно сипел, лежа на разложенном кем-то кресле. Потом у него вновь началось кровотечение, и он отплевывался от заливающей носоглотку терпкой крови. Плывущее зрение с трудом уловило удручающую картину: Снегирёва полулежала на руках у сидящего на полу Порфирьева, и капитан пытался остановить хлещущую из ее носа кровь. Охваченное жаром сознание помутнело, голову резануло острой болью, и Овечкин с тяжелым хрипом потерял сознание.

Но боль преследовала его даже в бессознательном состоянии. Кости выламывало, мозг кипел, одновременно раскалываясь на части, тело перестало слушаться и содрогалось от редких, но сильных спазмов. Очередное кровотечение едва не заставило его захлебнуться в собственной крови, и умирающее сознание в отчаянной попытке выжить вернуло Овечкина в плещущую болью реальность. Он надрывно отплевался от крови, судорожно хватая ртом воздух, и увидел Порфирьева. Тот стоял на коленях возле Снегирёвой, лежащей на полу, на каком-то больничном тряпье. Воспаленное лицо блондинки мало отличалось от трупов в стационаре, и капитан вкалывал ей что-то подряд, вставляя ампулы в инъектор одну за другой. Антон понял, что Снегирёва сейчас умрет, и это последнее, что он видит в своей жизни, и охваченное паникой сознание вновь покинуло его. Безумное пекло вкупе с безумной болью охватили Овечкина, и спустя вечность жестоких страданий его душа наконец-то обрела вечный покой.

* * *

Прохладные капельки воды потекли на его губы, и жесточайшая жажда заставила Антона открыть глаза. Несколько секунд он смотрел

перед собой непонимающим взглядом и глотал текущие капли, потом способность соображать вернулась к нему, и Овечкин увидел над своим лицом расплывчатую ручищу, сжимающую мокрую тряпицу. Водяные капли падали оттуда. Порфирьев убедился, что он пришел в себя и исчез.

– Он очнулся, – Антон услышал знакомый рык. – Жара нет. Ты оказалась права, переливание сработало.

– Правда… – голос Снегирёвой звучал устало. – Нужно взять у него кровь на анализ.

– Лежи! – строго одернул ее Варяг. – Я сам возьму! Куда ее потом деть?

– Туда… в микроскоп… – Овечкин повернул голову и увидел Снегирёву, лежащую на том же месте. Ее лицо было бледным, но никаких признаков заражения уже не несло. Блондинка слабым жестом указывала Порфирьеву на медицинскую технику: – Надо понять, что именно сработало… Ты точно не помнишь, что ты мне вкалывал?

– Я точно помню, – устало вздохнул Варяг. – Я вкалывал тебе все. После того как ты потеряла сознание и начала захлебываться кровью, я вколол тебе все, что было у тебя в центрифуге. Все шесть ампул. Подряд. Через пять минут ты успокоилась, минут через сорок пропал жар, еще через час ты очнулась. Все. Повторить в третий раз?

– Не надо, я поняла, – Снегирёва слабо улыбнулась. – Мне было очень плохо, перед глазами все плыло… не помню, что я делала… У меня закончились какие-то реактивы… не могу вспомнить, какие именно… Три или четыре препарата из центрифуги больше не из чего воспроизводить. Я надеялась, что ты запомнил пометки на ампулах.

– Не было на них никаких пометок, – Порфирьев покачал головой. – Только штрихи маркером, все одного цвета. Некогда было разбираться, чем они отличаются и отличаются ли вообще. Если тебе это поможет, то слева от центрифуги лежали несколько разрезанных капсул антирада.

– Это ничего не даст, – она утомленно закрыла глаза. – Я все препараты делала на основе антирада. Это показалось мне единственным выходом. Потому что бактерия не убила сразу только тех, кто принимал антирад либо много, либо относительно недавно. Все остальные умерли в первые же часы. Принимавшие антирад умирают

дольше. Все очень сильно зависит от индивидуальных особенностей организма и мутаций, вызванных антирадом… от совокупности обоих этих факторов. Бактерия не смогла убить их сразу, но она продолжает мутировать в их крови. Без противоядия все неизбежно погибнут, кто-то раньше, кто-то позже… Но у тебя бактерии нет, я даже пыталась подсадить ее в образцы твоей крови, она там погибает. На этом и были основаны препараты. Но все они разные… – ее голос стал совсем сонным, – как определить, какой из них сработал…

– Спи, – Варяг коснулся губами ее вымазанной в крови щеки. – Потом определишь.

Снегирёва затихла, капитан поискал глазами оборудование для забора крови, взял его в руки и направился к Овечкину. Пока Порфирьев брал у него кровь на анализ, Антон почувствовал ужасную усталость и провалился в сон.

Сон был легким, вязким и тягучим, словно замедленное кино, в котором Антон босиком бежал по черному радиоактивному снегу, не проваливаясь и подпрыгивая, словно астронавт на лунной поверхности. В руке у него был пенал с антирадом, и на каждый прыжок он доставал из него по капсуле, которую тут же съедал. В этот момент бушующий вокруг ураган превращался в легкий ветерок, и Антон без усилий пронзал его своим телом. Но из-за мерзкой химической горечи во рту очень хотелось пить, с каждой съеденной капсулой жажда нарастала в геометрической прогрессии. В конце концов Овечкин не выдержал и проснулся.

Вокруг было тихо и темно, и он не сразу понял, что основное освещение сменилось аварийным. В тусклом свете расплывчатая фигура Варяга была почти не видна, из-за чего в первую секунду Овечкину показалось, что окровавленная подушка сама выползла из-под головы Снегирёвой и отлетела в сторону. Приглядевшись, Антон увидел, как капитан закутывает блондинку в чистое одеяло. Крови на ее лице уже не было, видимо, Порфирьев ее отмыл, и при мысли о воде Антону вновь безумно захотелось пить.

– Олег, дайте воды! – жалобно попросил он.

– Нет больше воды, – расплывчатый силуэт капитана принялся укутывать Снегирёву. Похоже, она была обнажена по пояс, неподалеку на окровавленном медицинском халате валялась ее пропитанная кровью одежда. – Основное питание вырубилось, водоснабжение тоже. Похоже, водные скважины опять раздавило.

– Должен же быть аварийный запас! – возразил Овечкин. – Его хватит на несколько дней! Почему систему не перевели на аварийное?!

– Не знаю, – прорычал Порфирьев. – Я здесь, а система на третьем уровне. Может, потому, что единственный живой Инженер сейчас тоже здесь. Сходи вниз и включи.

– Я? – ужаснулся Антон. – Я не могу, я смертельно болен…

– Ты здоров, – перебил его Варяг. – Она нашла противоядие. Оно работает.

– К сожалению, препаратов было несколько, и непонятно, какой именно оказался действенным, – слабо произнесла Снегирёва, устало прижимаясь щекой к ладони Порфирьева. – Не исключено, что сработала комбинация препаратов. Я плохо помню, что я делала в тот момент. Боли были очень сильные, сознание плыло, я ничего не фиксировала. Пришлось сделать тебе переливание.

– Переливание? – переспросил Овечкин, прислушиваясь к своему организму. За исключением слабости и сильной жажды никаких негативных ощущений не было.

– Восстанавливать рецептуру проблематично, – объяснила блондинка. – Для половины препаратов больше не осталось реагентов, остальные не сделать без воды. Времени не было, и я решила попробовать перелить тебе свою кровь в качестве антидота. Группа крови у нас не совпадает, но другого выхода не было… мы взяли у меня четыреста миллилитров, перевели их в плазму и влили тебе. Я думала, не поможет, потому что плазма не кровь… Но это сработало, не понимаю как. Теперь вопросов еще больше…

– Вода нужна, – подытожил Порфирьев. – Ступай на третий уровень и разберись. Твоя одежда рядом. Спускайся по лестнице, лифты не работают. Я отнесу ее в номер и присоединюсь. – Он посмотрел на

Снегирёву и улыбнулся жуткой безволосой улыбкой: – Поспишь, пока воду включать будем. А то и в тебе крови совсем не останется.

Он подоткнул под Снегирёву одеяло, поднял на руки, словно ребенка, и покинул лабораторию. Оставшись один, Овечкин принялся одеваться. Его одежда действительно оказалась рядом, видимо, Варяг подобрал ее в операционной, и вскоре Антон вышел из медотсека. Зрелище заваленного трупами центрального коридора мгновенно привело его в ужас, он инстинктивно отшатнулся, но взял себя в руки. Ему уже приходилось идти по трупам, там, на первом уровне, умирая от заражения. Сейчас он здоров и оснований для паники нет. Нужно лишь абстрагироваться от того, что это трупы, и сосредоточиться на собственном выживании. Им уже ничем не поможешь, разумнее побеспокоиться о себе, а его мучает жажда. Настолько сильно, что даже вид сотен окровавленных трупов не вызывает рвотных спазмов. Овечкин заставил себя не воспринимать трупы как трупы и пошел в сторону аварийной лестницы, спотыкаясь о мертвые тела.

Возле выхода на лестницу трупов не было. Видимо, Порфирьев растащил их по сторонам, когда минировал дверь. Потому что некогда заваренные металлом в несколько слоев дверные створы сейчас оказались выдраны с корнем и валялись неподалеку, пол вокруг был усеян мелкими обломками стены. Превращенная в склад лестница была загромождена имуществом Центра, из-за чего аварийное освещение почти не рассеивало темноту, и разглядеть ступени под ногами удавалось не всегда. Антон долго спускался практически на ощупь, часто запинаясь о коробки и ящики, дважды падал, но, к счастью, обошлось без травм.

На третьем уровне трупов было заметно меньше, некоторые коридоры были и вовсе пусты, видимо, здесь успело укрыться совсем немного людей. Овечкин направился в сторону реактора, заглядывая по пути в двери многочисленных биоферм. Судя по внешнему виду, на животных и растениях эпидемия никак не отразилась. Живность флегматично бродила по загонам, рыба плавала, растения стояли на корню. Даже оставшаяся без воды гидропоника не пострадала, времени без воды прошло недостаточно много.

– Стоять! – в спину Овечкину уперся автоматный ствол. – Руки поднял! Медленно!

– Это я! – Антон узнал голос Абрека и похолодел от страха. – Инженер Овечкин!

– Овен? – автоматный ствол исчез, и Антона грубо развернули рывком за плечо. – Ты же подыхал от заражения! Как ты оклемался?! Она все-таки изготовила антидот?! Он у тебя?! Давай скорее!

– У меня ничего нет! – Овечкин в ужасе смотрел на воспаленное лицо Абрека с опухшими веками, набухшими кровью. – Мне ничего не дали, антидот еще предстоит изготовить! Варяг послал меня включить воду, они не могут изготавливать антидот без воды!

– Пошли! – Абрек схватил его за руку и потащил за собой. – Техническую полость снова трясло, водные скважины завалило! Мы пытались запустить чертову буровую, но она вырубилась прямо во время бурения и сообщает о какой-то неисправности. Инженеров больше нет, никто не знает, как ее чинить! Без воды автоматика перевела реактор в аварийный режим, но почему не включилось аварийное водоснабжение – я хрен его знаю!

Абрек протащил Антона до технического узла управления, отпинывая попадающиеся на пути мертвые тела, и чуть ли не втолкнул его внутрь. Там обнаружились остальные выжившие. Человек двадцать, все в армейских скафандрах, половина в штурмовых комплектах и с автоматами, остальные безоружны. Приглядевшись, Овечкин узнал нескольких солдат ВБР, пару людей из команды Брилёва и с десяток женщин из ЭК, сначала входивших в состав вспомогательных команд, встречавших и провожавших экспедиции, а позже достраивавших ангар. Все поголовно имели измученные воспаленные лица с набухшими кровью раздутыми веками, и двигались неуверенно, явно преодолевая головокружение. Сам Брилёв находился здесь же и выглядел хуже всех: полковник лежал в углу в скафандре и на матрасе, рядом с ним виднелось несколько кровавых лужиц, видимо, результаты недавних кровотечений.

– Овен оклемался! – с порога возвестил Абрек. – Снегирёва изготовила антидот! Сейчас он запустит воду, и она сделает для всех!

– Хвала Аллаху! – облегченно выдохнул кто-то. – Я думал, нам конец!

– Что ты стоишь?! – накинулся на Овечкина Абрек. – Запускай давай!

Антон устремился к рабочим местам операторов технического центра и принялся разбираться, в чем проблема. Очередное землетрясение вызвало сразу несколько отказов, и решить все сразу не получилось. Пока он возился с узлами системы, запуская их в ручном режиме, головорезы Абрека поставили Брилёва на ноги.

– Идем наверх! – заплетающимся языком приказал полковник. – Будем ждать там! Овечкин! Ты без скафандра, значит, повторное заражение исключено? Антидот вырабатывает иммунитет?

– Думаю, да, – подтвердил Антон. – Сама она тоже без скафандра, Варяг понес ее в номер, закутав в одеяло, хотя ее скафандр лежал рядом.

– В номер? – из горла Брилёва вырвалось болезненное сипение. – Зачем в номер? Разве она не должна заняться антидотом, как только ты подключишь воду?

– С изготовлением антидота есть проблемы, – Овечкин невольно съежился, опасаясь вымещения злобы. – Снегирёва изготовила шесть препаратов и потеряла сознание. Порфирьев вколол ей их все подряд. Какой из препаратов подействовал, она не знает, но заново изготовить можно только три из них, для остальных закончились реагенты…

– Как же ты тогда оклемался, если антидота нет? – возле Антона возник Абрек и схватил его за горло. – Врешь, шакал! Что ты задумал, гнида?!

– Я не вру! – отчаянно прохрипел Овечкин. – Они сделали мне переливание! Она сказала, что не могла воспроизвести антидот, а я умирал, поэтому они взяли у нее четыреста миллилитров крови, перевели в плазму и перелили мне! Я выздоровел! Варяг сказал, что она займется антидотом, как только появится вода!

– Отпусти его, – надсадно продышал Абреку Брилёв. – Еще пригодится!

Головорез разжал руку, и Антон упал в ближайшее операторское кресло, откашливаясь и растирая горло.

– Что будет, если те три препарата, которые можно воспроизвести, окажутся бесполезными? – раздался больной женский голос. – Если сработал один из тех, для которых реагентов больше нет?

– Мы умрем, вот что будет! – зло процедил кто-то из головорезов Абрека. – Не ной! Будем надеяться на волю Аллаха! Если повезет, один из тех трех препаратов окажется антидотом!

– Есть способ выжить… – просипел Брилёв, – без расчета на удачу… гарантированно.

– Как?! – Абрек уставился на полковника.

– Она может сделать нам переливание, как ему, – Брилёв вяло мотнул головой в сторону Овечкина.

– Нас двадцать два, – возразил Абрек. – Это нереально!

– В ней минимум пять литров крови, – полковник распахнул гермошлем и схватился за начавший кровоточить нос. – Может, даже больше. Если разделить на всех, то этого наверняка хватит, – вымученно прогнусавил Брилёв. – Подумайте, что с нами будет, если окажется, что антидот изготовить не из чего…

– Но… – просипел в ответ кто-то из головорезов Абрека. – Снегирёва умрет от обескровливания… она единственный врач…

– Мертвым врач не нужен, – Брилёв достал вымазанную в крови тряпицу, зажал ею нос и отхаркнул кровью. – Когда ваше состояние станет, как мое, забирать у нее кровь будет уже некому. Мы все умрем, а единственный врач выживет. Либо умрет единственный врач, но выживут все остальные. Выбирайте.

– Как по мне, так врач дороже, – глубокомысленно прорычал Порфирьев.

Все резко обернулись. Расплывчатая фигура стоящего в дверях амбала едва угадывалась в тусклом аварийном освещении.

– Варяг! – Абрек расплылся в подхалимской улыбке. – Ты не так понял, это всего лишь обсуждение… – Внезапно он схватился за автомат, едва ли не мгновенно оказываясь в боевой стойке, и выпустил в Порфирьева бесшумную очередь.

Антон не понял, попал он или нет, но силуэт капитана исчез, и Абрек рванулся за ним.

– За мной! – рявкнул он. – Взять его!

Его головорезы и солдаты ринулись следом, но Абрек тут же упал на четвереньки, судорожными движениями распахивая боевой шлем. Его вырвало кровавым сгустком.

– Убейте его! – хрипел Абрек, отплевываясь кровью. – У него нет оружия! Вперед!!!

Вооруженная толпа устремилась в погоню, в коридоре загремели выстрелы, и шум начал быстро удаляться. Брилёв вытащил пистолет, направил его на замершего в нерешительности Овечкина и захрипел:

– Включай воду! Попробуешь сбежать, пристрелю!

– Не сбежит! – к Антону подковылял отплевывающийся Абрек. – Если дернется, перебью ему ноги! Будем на руках носить от пульта к пульту, справится без ног! А если не захочет, буду отрезать ему по полпальца. Быстро передумает!

– Не надо насилия! – Овечкин торопливо вернулся в операторское кресло. – Я на вашей стороне! Они ставили надо мной эксперименты, я мог погибнуть! Это просто везение, что антидот сработал именно на мне! Я видел результаты ее поисков: в каждом биорегенераторе лежит труп!

Приведенные аргументы не убедили Абрека с Брилёвым, но тыкать в Антона оружием они перестали. Вскоре ему удалось перезапустить систему и подключить аварийное водоснабжение. Пока он докладывал об этом корчащемуся от боли Брилёву, из коридоров вернулись двое головорезов Абрека. На руках они тащили третьего, и солдат с ними оказалось меньше, чем было.

– Что за хрень?! – Абрек поковылял им навстречу. – Мангуст, что с ним?!

– Двухсотый, – мрачно ответил ему один из головорезов, укладывая на землю труп своего товарища. – Варяг вооружен. Заманил нас в ловушку. Трое двухсотых.

– Откуда у него оружие?! – Абрек грязно выругался. – Его же обыскивали!

– Хрен знает, – зло прошипел Мангуст. – У него два или три ствола, один пистолет-пулемет. По ходу, полицейское оружие. В бункере такого не было.

– Пофиг, потом разберемся! – злобно оскалился Абрек. – Все сюда! Мангуст, вооружи людей! Пойдешь с гражданскими старшим! Остальные со мной! Варяга надо убить, пока он нас не перебил по одиночке! Овен! Идешь со мной! Покажешь, на чьей ты стороне!

Выжившие разбились на две команды, и головорезы повели их на поиски Порфирьева. Пространство до лестницы обшаривали долго и тщательно, по самой лестнице поднимались еще дольше, но сражения не последовало. Варяг не вступал в бой, и Абрек решил, что капитан занял оборону в медотсеке, чтобы шантажировать всех Снегирёвой и антидотом. К медотсеку военные приближались по всем правилам штурма, но кроме трупов внутри никого не оказалось. Антон выразил мнение, что Порфирьев укрылся в своем номере, потому что не успел вынести оттуда Снегирёву, и все устремились на штурм президентского люкса. Дверь взорвали накладным зарядом, но там тоже оказалось пусто. После этого начались активные поиски на всех уровнях, и следы Варяга обнаружились на первом. Мангуст сообщил в эфире о пожаре на узле связи, и Абрек со своей командой бросился туда.

– Он был здесь, – зло сообщил Мангуст, указывая на вырывающиеся из помещения с передатчиком клубы едкого дыма. – Закоротил проводку и вывел из строя передатчик. Автоматика орет в эфир аварийный сигнал пожарной тревоги и не откликается на команды.

– Я могу починить это! – Антон бросился к передатчику. – Помогите потушить огонь! Система пожаротушения не сработала!

– Ее он тоже сломал, – с ненавистью процедил Мангуст. – На фига он сделал это?

– Чтобы оставить нас без передатчика! – воскликнул Овечкин. – Он хочет, чтобы мы не смогли получить помощь от МКС!

– Какая, на хрен, от них помощь?! – выругался Абрек. – Одна болтовня… Твою мать! – Он бросился к выходу: – Это отвлекающий маневр! Ему нужно было выиграть время! Он поднимается на поверхность!

Все рванулись следом, и вскоре предположение Абрека подтвердилось. Автоматика диспетчера входного блока сообщала о движении обоих лифтов вверх. Антон пытался застопорить кабины

прямо в шахте, но не успел, кабины уже достигли поверхности. Пришлось ждать, когда они спустятся обратно. Едва лифты распахнулись, вооруженная толпа бросилась внутрь и устремилась наверх. Абрек начал размещать людей так, чтобы они не попали под плотный огонь в момент открытия дверей, и забившийся в угол Овечкин не понимал, зачем Порфирьеву прятаться в ангаре, откуда бежать некуда. Он что, надеялся на то, что никто не полезет за ним в радиацию? Так теперь в ангаре в скафандре почти безопасно.

Лифтовые створы разошлись в стороны, но стрельбы не последовало. Абрек ринулся в шлюз, увлекая за собой людей, и вскоре все выбежали в ангар.

– Твою мать! – головорез резко остановился. – Не успели! Ушел, мразь!

– Но… куда он… – Антон с ужасом смотрел на распахнутые искривленные ворота, через которые в ангар врывалась смертельная радиация. Передвижной АЭС на месте не было, Варяг выбил ею ворота и умчался в пустоши.

– В бункер Снегирёвой, куда же еще! – Абрек разразился витиеватым матом. – Брилёв был прав! Они агенты! Я думал, полковник загоняет!

– Какие агенты?.. – непонимающе переспросил Овечкин. – Какой бункер… он же пришел в негодность… там обрушение и разгерметизация…

– Ты там был?! – зарычал на него Абрек. – Сам видел?!

– Порфирьев же рассказывал…

– Поэтому и рассказывал! – Абрек зло ткнул автоматным стволом в выдавленные ворота. – Надо ехать за ними и взять их там! Иначе все сдохнем!

Но организовать погоню сразу оказалось невозможно. Порфирьев расстрелял блоки недопилота в оставшихся машинах, и Антона заставили их чинить, угрожая расправой. Овечкин провозился с этим полдня, но восстановить разбитое оборудование не смог. Удалось лишь выудить оттуда информацию, которую закачали в шлемы спецназа, и Абрек сказал, что видит историю поездок Варяга и шансы добраться до бункера Снегирёвой есть. К этому моменту Брилёв уже не стоял на ногах,

и головорезы решили взять для него кровь на переливание у Овечкина. Антона схватили, откачали пол-литра крови, и по горящим глазам остальных он понял, что его ждет участь, запланированная для Снегирёвой. Он молил о пощаде, стоя на коленях, но все жаждали выжить, и его пристегнули к ложу биорегенератора, не обращая внимания на мольбу. Из взятой крови изготовили плазму, сделали Брилёву переливание, и спустя пять минут полковника скрутило жестокими судорогами. Изо рта и носа хлынула кровь, остановить которую не удалось, и полковник умер, сотрясаясь в душераздирающих конвульсиях.

Это спасло Антону жизнь. Остальные пришли к выводу, что помочь может только плазма из крови Снегирёвой, Овечкина развязали и отправили готовить к погоне оставшийся транспорт. Еще через три часа все приняли антирад, и, шатаясь от головокружения, набились в лифт. В вездеход и грузовик погрузили оставшиеся базы, взяли несколько ящиков с минами и боеприпасами, после чего Абрек сел за руль и сам повел погоню к цели.

До бункера добирались почти пять часов, раз десять проезжая мимо. Абрек злобно матерился в эфире, в очередной раз закладывая разворот и ложась на обратный курс. Несколько раз он выгонял людей рыть снег в поисках входа, но под черной радиоактивной толщей не было ничего, кроме обугленных обломков леса, и движение продолжалось. У преследователей все чаще открывалось кровотечение, и металлический пол вездехода хлюпал под ногами кровью, то замерзающей при открытии люков, то тающей во время движения.

– Это что за шайтан?! – в очередной раз выругался Абрек.

Овечкин прильнул к иллюминатору и похолодел от ужаса. Прямо по курсу вездехода, в ночной пыли на высоте трех метров горела пара кроваво-красных глаз.

– Роботы! – панически выдохнул Антон. – Это роботы-убийцы! Назад!!! Скорее!!!

Но было уже поздно. Мчащийся вездеход врезался в плохо заметную массивную фигуру и с громким хрустом подпрыгнул. Мотор заглох, вой винтов затих, и машину отшвырнуло назад.

– Бежим!!! – завопил Овечкин. – Они сейчас будут стрелять!!!

Все ринулись наружу, отталкивая друг друга, но на этот раз Антон был готов и оказался на улице вторым. Он рванулся бежать, надеясь скрыться в погруженном во мрак океане пыли, и в следующую секунду чуть не попал под грузовик. Его водитель пытался объехать заглохший вездеход, сбил первого из спасающихся людей, натужно бредущего через доходящий до пояса слой черного снега, и остановился. Люки грузовика распахнулись, и оттуда открыли огонь. Росчерки очередей ударили по затянутой в белую мешковину туше робота и бесследно растворились в чем-то невидимом, не долетев до цели нескольких метров. Кроваво-красный взор полыхнул, на краткий миг усиливая свою светимость на порядок, и на месте грузовика с гулким грохотом вспух мощный всплеск бурлящего пламени. Овечкина сшибло взрывной волной и отшвырнуло в черный снег. Скафандр и снежная толща смягчили падение, и Антон в панике вскочил, пытаясь понять, куда бежать.

В этот миг теряющаяся в пыльном мраке фигура робота развернулась в сторону вездехода, и кроваво-красный взор полыхнул вновь. Вездеход вспучило облаком кипящего огня, и Антон сжался, ожидая второго удара. Но взрывной волны на этот раз не было, и в свете двух ярких пожаров он отчетливо увидел вход в бункер Снегирёвой. Распахнутая крышка люка находилась в десятке метров от пылающего, словно факел, вездехода. Рядом с ней из-под снега сиротливо торчала труба перископа, чуть дальше в океане ночной пыли вырисовывался силуэт передвижной АЭС. Прямо возле входа в бункер возвышалась пятерка жутких роботов. Один из них, тот, что уничтожил транспорт, разглядывал копошащихся в снегу людей, и его кроваво-красные глаза густым потоком источали презрение. Антон был уверен, что если сделать хотя бы шаг, то этот поток прожжет его насквозь.

Остальные роботы неторопливо удалялись во мрак, и между ними, по поверхности черного снега, не проваливаясь, шли две человеческие фигуры: высокий сильный человек в фотохромном комбинезоне спецназа и высокая худенькая девушка в женском скафандре высшей защиты индивидуального пошива. Они что-то спрашивали у роботов, и те отвечали, но общение шло не вслух, Антон ощутил это сразу. Внезапно в

его голове сложился пазл, и он все понял: Порфирьев был агентом НАТО! Вот почему роботы не трогают его! Это он впустил их на станцию метро, он же выпустил, он натравил их на Росрезерв и на ФСБ-шников, и наверняка натравил бы на «Подземстрой-1», если бы не эпидемия! Вот что имел в виду Абрек, когда упомянул о словах Брилёва! Вражеский агент сделал свое дело, и теперь роботы уводят его и его подручную в безопасное место! Которое существует, Овечкин, как инженер-механик, знает об этом точно – там расположена база роботов, которые без этого давно бы уже вышли из строя!

Но Антон не должен умереть посреди радиоактивного мрака или в утлом бункере! Они должны взять его с собой, он сможет чинить роботов в случае необходимости! Порфирьев спасал его много раз, пусть спасет и сейчас! Снегирёва хорошо к нему относится, она должна убедить капитана!

– Олег! Инга! – Овечкин бросился за ними, утопая в грязном снегу. – Возьмите меня с собой! Я же свой!!! Я инженер-механик, я могу пригодиться!!!

Он рванулся изо всех сил и внезапно налетел на взгляд робота, словно на стальную стену. От удара его отшвырнуло в черный снег, из легких выбило воздух, и он хватал ртом кислород, словно выброшенная на берег рыба. Источающий брезгливость кроваво-красный взор робота вдруг вспыхнул ослепительно-звездным светом, и в сознании Овечкина прозвучал могучий тяжелый голос:

– Это твой мир. Ты здесь свой среди чужих и доволен этим. Тебе в нем всегда было хорошо. Презревший Расу да будет презрен ею. Ты остаешься здесь, ибо каждому – свое.

Пылающий звездным огнем взор исчез вместе с роботами и человеческими фигурками, и лежащий на снегу Антон молча смотрел, как вдали поднимается ввысь и исчезает в черных пыльных небесах огромная, пылающая ослепительным белым огнем сфера чистой энергии.